

Ежемесячный
литературно-художественный журнал



ПОДЪЁМ

Издается
с января 1931 года

Главный редактор
Иван ЩЁЛОКОВ

Редколлегия:

АВРУТИН А.Ю. (Минск, Беларусь)
АГЕЕВ Б.П. (Курск)
АКАТКИН В.М.
АРШАНСКИЙ В.С. (Мичуринск)
БОНДАРЕВ Ю.В. (Москва)
ЖИХАРЕВ В.И.
ИВАНОВ Г.В. (Москва)
КАН Д.Е. (Новокуйбышевск)
КОНДРАТЕНКО А.И. (Орел)
ЛАПИН А.А.
ЛЮТЫЙ В.Д. — заместитель главного редактора
МЕЩЕРЯКОВ Ю.А. (Тамбов)
МИЗГУЛИН Д.А. (Ханты-Мансийск)
МОЛЧАНОВ В.Е. (Белгород)
НЕСТРУГИН А.Г.
НИКИТИН В.Н.
НОВИЧИХИН Е.Г.
НОВОХАТСКИЙ В.Е. — ответственный секретарь
ПАВЛОВ Ю.М. (Армавир)
ПЕРМИНОВ Ю.П. (Омск)
ПОНОМАРЁВ А.А. (Липецк)
РОМАНОВСКИЙ А.Г. (Харьков, Украина)
СКИФ В.П. (Иркутск)
СУХАЧЕВА Э.А.
СЫРНЕВА С.А. (Киров)
СЫЧЁВА Л.А. (Москва)
ШАЦКОВ А.В. (Москва)
ШЕМШУЧЕНКО В.И. (Санкт-Петербург)
ЯКУНИНА Г.П. (Владивосток)

Воронеж

4 ■ 2017

**ОТ ПЕРВОГО
ЛИЦА**

Николай БЫКОВ, глава администрации
Верхнемамонского муниципального района.
На Малой излучине Среднего Дона 5

ПРОЗА

Василий БЕЛОКРЫЛОВ. **Земля держит всех.**
Главы из неоконченного романа 8
Простые истории. Рассказы верхнемамонских
авторов 114
Александр БАГРИНЦЕВ. **Петькина любовь.**
Иван КУРАКОВ. **«Все мы здесь агрономы!»**
Иван ПАХОМОВ. **Волки.**
Михаил РЕДЬКИН. **Аэровоз Ивана Головнина.**

ПОЭЗИЯ

Анастасия ДОНСКИХ. **Полевые цветы.** Стихи 112
Алексей БАГРИНЦЕВ. **Синева над вербами.** Стихи.
(Предисловие Александра НЕСТРУГИНА) 124
Николай МАШКИН. **На пути великом.** Стихи 138
Николай ЧЕРНЫХ. **Алая заря.** Стихи 147
Камила МУРАТОВА. **Облако похоже на ягненка...**
Стихи 170
Иван ПАХОМОВ. **Отпусти...** Стихи 193

**КРУГ
ЖИЗНИ**

Татьяна БАГРИНЦЕВА. **«Обернитесь — я здесь...»**
Документальное повествование в письмах
и воспоминаниях о жизненном и творческом пути
Василия Белокрылова 49
Писатель из страны голубых снегов.
Сокровенные строки 99
Виктор БУДАКОВ. **И нет покоя...**
Евгений НОВИЧИХИН. **Писатель из страны
голубых снегов.**
Раиса КОЗАЕВА. **«Не гуляют кони без уздечки...»**
Василий ЖИЛЯЕВ. **На дерезовском острове,
под вербой.**

**СТРАНИЦЫ
ВЕЛИКОЙ
ПОБЕДЫ**

Виктор ШАМРАЙ. **Операция «Малый Сатурн».**
К 75-летию освобождения Воронежской области
от немецко-фашистских захватчиков 132
Атака не захлебнулась. Верхнемамонцы свято чтут
подвиг Василия Прокатова. (Публикация Эмиля
АБРОСИМОВА) 142

ИМЕНА	Игорь ВАСИЛЕВСКИЙ. Полководец. Рассказ о моем отце, маршале Советского Союза Александре Михайловиче Василевском 149 Николай КОЛТАКОВ. Не меняет Дон-батюшка свои берега. Почетный гражданин района, ветеран-«альфовец» Николай Берлев 161
ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС	Дмитрий ШЕНШИН. Откуда есть пошел Мамон! Записки краеведа 172 Валерий БЕРЕЗУЦКИЙ. Глиняные грузики у озера Круглое. Археологические тайны Придонья 178
СУДЬБЫ	Виталий ЖИХАРЕВ. За два шага до Вселенной. Александр Матинченко готовился к полету в космос 196 Владимир НОВОХАТСКИЙ. Жизнь обожгла... Но не сломила. Высота человеческих поступков 210
ИСТОКИ	Галина СЫСОЕВА. «Не бушуй ты, буен ветер...» Традиционная культура Верхнемамонского района .. 214
ДАЛЕКОЕ- БЛИЗКОЕ	Эмиль АБРОСИМОВ. Чайник Пушкина. Легенда от директора музея крестьянского быта Николая Кутепова 237

*На 1 стр. обложки:
новый мост через Дон в Верхнем Мамоне*

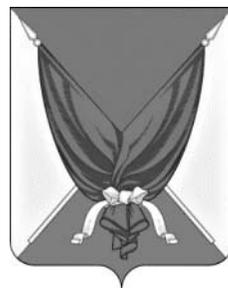
Подписные индексы: агентство «Роспечать» 73312; МАП 51228

Сайт журнала: <http://www.podiemvrn.ru>



***«Без таких городов
не представить Россию» —
специальный проект
журнала «Подъём»:
Верхний Мамон
Воронежской области***

Выпуск подготовлен
при содействии администрации
Верхнемамонского
муниципального района
с целью поддержки творчества
местных авторов.



*На снимке: открытие стелы «Верхний Мамон —
населенный пункт воинской доблести»*



Николай Быков,
*глава администрации
Верхнемамонского
муниципального района*



НА МАЛОЙ ИЗЛУЧИНЕ СРЕДНЕГО ДОНА

Верхнемамонский район — излучина Среднего Дона. Место, изумляющее своей красотой, неповторимым очарованием. В этом удивительном уголке природы есть все: заливные луга, покрытые душистым разнотравьем, голубые реки и озера, крутые меловые горы, хрустальные родники, богатые недра земли.

Многие путешественники издавна отмечали природные богатства Среднего Придонья. Еще в 1769 году российский академик Самуэль Гмелин посетил Павловский уезд, побывал в Гороховке и Мамоне. Он описал растительный и животный мир местных степей, лесов и водоемов. Не случайно в начале XVII века в наших местах возник Белозатонский уожей. Промысловиков-арендаторов привлекали сюда возможности хорошей добычи. Ведь само слово «мамон» означает «достаток». Только не могли люди в то время оседло поселиться в благодатном краю — этому постоянно мешали набеги крымских татар. Пройдет целое столетие, когда в 1702 году у Малой излучины Дона, в устье реки Мамонки, будет основано первое поселение нашего района с названием Мамон. Это была застава Острогужского черкасского полка, охранявшего южные рубежи России. Переведенные сюда однодворцы следили за правобережной степью и в случае опасности доносили об этом в ближние города-крепости или даже в Москву. Охраняя Россию от крымских татар, наши отважные предки-первопоселенцы основали здесь форпост государства.

Так и повелось с тех давних пор, что самым главным богатством края во все времена были и остаются люди, которые на протяжении трех столетий творили добро, осваивая и прославляя родную землю: кто-то первым срубил дом и выкопал колодец, построил храм, провел первую борозду, стал героем, защищая свою Родину, написал рассказ и стихотворение, издал книгу... И сегодня люди здесь живут полноценной жизнью, бережно хранят традиции, упорно трудятся на благо нынешнего и завтрашнего поколений, уверенно смотрят в будущее.

Верхнемамонский район расположен в юго-западной части России, на юге Воронежской области, на просторах Калачской возвышенности, занимает территорию 1345 квадратных километров. В настоящее время в составе района 10 сельских поселений, численность населения — около 20 тысяч человек. Район как административная единица образован 30 июля 1928 года. Затем был упразднен 7 декабря 1962 года. Восстановлен в современных границах 9 декабря 1970 года.

В декабре 1942 года Верхний Мамон был в эпицентре боевой операции «Малый Сатурн», ставшей составной частью Сталинградской битвы. В сентябре 2014 года указом губернатора Воронежской области А.В. Гордеева за мужество, стойкость и героизм, проявленные в борьбе за свободу и независимость Отечества, селу Верхний Мамон присвоено почетное звание «Населенный пункт воинской доблести».

Верхнемамонский район — родина десяти Героев Советского Союза, шести Героев Социалистического Труда. Уже в мирное время семеро верхнемамонцев за ратную службу награждены орденом Мужества. 45 жителей удостоены высокого звания «Почетный гражданин Верхнемамонского района».

Наш район сельскохозяйственный, поэтому основой экономики является сельскохозяйственное производство, где работают 10 сельхозпредприятий, 52 крестьянско-фермерских хозяйства, специализированное хозяйство по производству товарной рыбы. На территории района функционируют два предприятия перерабатывающей промышленности — ОАО завод молочный «Верхнемамонский» и ООО «Мамонхлеб», цех по добыче и розливу питьевой воды ООО «Меркурий», хлебоприемное предприятие, лесхоз, два предприятия ЖКХ, организация дорожного строительства, автотранспортное предприятие.

В районе 59 предприятий малого и среднего бизнеса, 484 индивидуальных предпринимателя, действует 206 объектов торговли.

Сферу образования представляют 13 школ, 13 детских садов, 2 учреждения дополнительного образования, кадетский корпус, филиал сельскохозяйственного техникума, коррекционная школа-интернат. В 2011 году в селе Гороховка построен современный спортивный зал, а в 2014 году — физкультурно-оздоровительный комплекс «Дон» в селе Верхний Мамон.

Медицинские услуги населению района оказывают БУЗ ВО «Верхнемамонская районная больница», 4 врачебных амбулатории, 6 фельдшерско-акушерских пунктов, 3 офиса врача общей практики.

В районе 12 клубных учреждений, 14 библиотек, музеев крестьянского быта, детская школа искусств с филиалами в сельских поселениях, ансамбль песни и танца «Придонье», народный вокальный ансамбль «Голоса России» и народный хореографический ансамбль «Солнышко». В каждом селе действуют православные храмы. Все эти, и производственные, и социальные, сферы направлены на одно — сделать жизнь людей удобной для созидательной работы, создать среду для комфортного проживания.

Верхнемамонский район один из тех, где бережно сохраняют самобытную местную культуру, народные традиции, где поддерживают таланты. Это великое наследие отражено в книгах наших земляков: В. Белокрылова, В. Лустина, И. Пахомова, Н. Машкина, А. Донских, А. Яньшина, краеведа Н. Сыроватского, историка-краеведа Д. Шеншина. Читаешь страницы этих книг, всматриваешься в открытые и добрые лица и веришь в великое будущее России.

Как из малых рек и ключевых ручейков набирает свою могучую силу Дон, так и из повседневных людских дел растет и развивается Верхнемамонский район. Нынешний край — это творение рук человеческих. Новые поколения верхнемамонцев, сохраняя все лучшее, что было сделано их предками, приумножают богатства и славу района.

Годы проходят, и мы оставляем потомкам свои дела, книги и воспоминания о творениях и свершениях наших земляках. Надеюсь, что слово наших талантливых поэтов, прозаиков и краеведов найдет свою тропу к сердцам читателей в этом выпуске специального номера журнала «Подъём», посвященного литературе, культуре, истории и краеведению Верхнемамонского района.





Василий Алексеевич Белокрылов (1938–1996). Родился в селе Дерезовка Верхнемамонского района Воронежской области. Работал журналистом в воронежских районных газетах, учился на факультете журналистики Московского государственного университета. Окончил Высшие литературные курсы. Автор многих книг прозы, изданных в Москве и Воронеже, в том числе «Под солнцем покоя нет», «Страна голубых снегов», «Жизнь как жизнь», «Долгая неделя» и др. Последние два года жил в родном селе. С 1999 года администрацией Верхнемамонского района учреждена литературная премия им. В. Белокрылова.

Василий Белокрылов

ЗЕМЛЯ ДЕРЖИТ ВСЕХ

Главы из неоконченного романа

Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их.

Евангелие от Матфея, 7, 13–14

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

По обе стороны дороги лежала израненная войною земля. Пять дней назад по ней тяжело громыхали танки, катились машины и орудия, в ее морщинах прятались люди, а потом шли дальше, вперед, или уже не поднимались и навечно оставались с нею один на один. Пять дней назад на этой земле полыхала битва, а теперь жуткая тишина прижилась в заснеженной степи, и в густых бурьянах хозяйничал знобкий низовой ветер.

Запряженные в сани коровы в местах сдувов раздирались на крепком ноздреватом льду, и Матвей вывел их на обочину. Он понимал, что измученным животным надо дать отдых, но не хотел останавливаться в степи, где было заброшенно, пусто и сине от тяжелых снегов. И Матвей подгонял и подгонял коров, хотя женщины, гнавшие позади овец, уже много раз кричали ему, чтобы он сделал передышку.

В плетеном кошеле, прикрученном к саням колючей проволокой, зябли двое Матвеевых внучат: смугловатый, вылитый в отца Мишка, и четырехлетний Борька — сынишка неродной Матвеем дочери Софьи. Софью несколько дней назад свалил тиф, и ее оставили пока в хуторе, где семья Донцовых, как и многие семьи из Данковки, отбыла шесть месяцев эвакуации.

Сноха Матвеева Ольга часто нагоняла сани, укутывала ребят одеялом, приказывала:

— Смирно сидите! Чего по сторонам-то глазеть?

Но как только мать Мишки отставала от саней, мальчишки опять пытались выпутаться из-под одеяла, между ними начиналась возня, кончавшаяся хныканьем Борьки.

— Эй, вы! — криком останавливал их теперь уже дед и грозил старшему внуку. — А ты мне, оголтух, гляди!

— А я и гляжу, — обиженно отзывался Мишка.

— Цыц! — выходил из себя дед. — Умный какой, чтоб тебя дождь намочил!..

Впереди показался, наконец, хутор Грушовый. Коровы пошли шибче — чуялся им запах жилья, да и сани накатистей скользили под уклоном.

Подъезжали уже к первым хатенкам хутора, когда откуда-то вынырнули немецкие самолеты.

Матвеем показалось, что один из них падает прямо на него. Он оглох от наплывающего сверху рева. Ноющий звук жал его к земле, и Матвей почувствовал тошноту. Видел, как бежала к саням сноха, слышал ее крик:

— Батя! Детей... детей возьми!

Она споткнулась об ошметок смерзшегося снега, упала и, вытянув вперед руки, ползла к саням. Поднялась и плашмя свалилась на детей, придавив их своим телом.

Самолеты скрылись, Матвей поднялся, а Ольга так и лежала, вцепившись руками в грядущку кошеля.

— Стреляли они, что ль? — недоумевал Матвей, пугаясь за распротертое в санях тело снохи.

— Ольга...

Холодея, боясь дотронуться до ее плеча, Матвей онемелыми пальцами царапнул ее шубу и, когда Ольга зашевелилась, никак не мог унять нервную дрожь губ.

— Дурья твоя голова! — накинулся он на сноху. — Куда бежала-то? Не знаешь, что ль, что он по цели бьет?

А Ольга, словно не слыша свекра, нараспев повторила несколько раз:

— Жи-вы, жи-вы...

Матвей, глянув в лицо снохи, увидел ее до крови прикушенные губы, а потом вдруг негнушимися пальцами потянулся к ее лбу.

— Ты чего, батя, а? — испуганно отстранилась Ольга.

— У тебя... Волос вон у тебя... седой... — И Матвей, с натугой проглотив спекшийся в горле комок, отвернулся.

Ольга поднялась, сказала с укором:

— Поседеешь тут! Кто к детям, а кто от них... — Упрек снохи всколыхнул в Матвее злость.

— Я что, спас бы их?! — выкрикнул он. — Спас бы, да? А ты бы спасла, если бы он очередью полыхнул? Так бы и прошил всех насквозь! И-их, дуры!..

Овец нашли в ближнем овраге. Ошалев, они сгрудились в кучу, и старику пришлось по одной вытаскивать их из оврага.

— О, господи, — вздохнула жена Матвея Трофимовна. — Да когда ж эти страсти кончатся? Что ж она за война за проклятая! С земли бьют, с неба бьют, бегай вот на старости лет...

— Они, батя говорит, по цели только бьют, — подковырнула свекра Ольга, которая все еще не могла унять обиды на старика за то, что он кинулся не к детям, а от них.

Матвей, сердито сопнув, промолчал.

Соседка Донцовых, простоватая Варвара Ускова, жившая с Донцовыми с первых дней эвакуации, стала рассказывать:

— Как налетели они, у меня сразу живот заболел, к грудям поднялся и дыхнуть нечем. Гляжу, тетка Трофимовна к яру залилась, только подол мелькает...

— Уж из меня бегак, — обиделась та. — И че ты языком ляпаешь!

— Хватит вам! — прикрикнул Матвей. — Трогаться надо.

— А чего он не пальнул, дядь, а? Спустился, а не пальнул?

— Нужна ты ему — по тебе пулять. Ему объект нужен, а-а... не дуры в юбках! — уже без сердца ответил Матвей. — Это он когда дуриком пер, так почем зря пулял.

Разбросанный в степной низине, хутор Грунтовый издавна славился садами. Теперь они были вырублены и лишь кое-где на задворках топорщились жиденькие деревца вишенника.

Матвей заглянул в несколько изб, но попытка разжиться сенцом кончилась неудачей. Только в одном дворе хмурая на вид хозяйка разрешила набрать охапку ячменной соломы и на вопрос о плате с горькой усмешкой покачала головой:

— Какая тут плата. Ехать-то далеко?

— Да вот едем, — развел руками Матвей. — В Данковку правимся, а там, может, пустое место...

Коровы, почти двенадцать верст тащившие громоздкие сани, в пару минут управились с охапкой соломы и жалобно замычали, когда Донцов дернул за налыгач.

— Гляну на них и сердце кровью обливается, — не сводила Варвара Ускова глаз со своей пегой коровенки. — Кожа да кости...

— Ты, Варьк, к бабам иди, — повернулся к ней Матвей. — А коль уж у тебя жалость такая, сама вместо коровы становись! У меня, может, и у самого нутро болит. И гузынятся, и гузынятся, черт бы вас взял!

В центре хутора, у разбитой снарядами церквушки, высились два вороха трофейных ботинок.

Матвей потянул книзу налыгач и коровы стали. Растерянно усмехаясь, Донцов поочередно показал свои сапоги, просившие каши, и кивнул на кучи сваленного добра.

— Подходи, отец, ближе, — разрешил боец. Он оглядел сапоги Донцова, улыбнулся. — А тебе какой же, папаша, размер? Сорок пятый растоптанный?

— Безразмерные носим.

— Ну, выбирай. Фрицам ботинки теперь не нужны. На том свете босиком, говорят, ходят.

— От вас они и на этом свете босиком бегут, — ответил на шутку Матвей.

Он подержал в руках до десятка пар. Качал головой, губами недовольно причмокивал, потом махнул рукой.

— Что, не по ноге? — усмехнулся боец.
— Не по ноге.
— Итальянцы, отец, носили.
— Народы, кость им в горло! — ругнулся Матвей. — Нешто у них у всех ноги бабьи?
— Какая баба, — засмеялся боец. — Той вон тете, к примеру, — кивнул он на Трофимовну, — не со всякого мужика снимешь.
— По мужу и жена! — не моргнув, отозвалась старуха.
— Для мальцов-то можно взять? — осмелел Матвей. — Тут ботинок этих пропасть целая.
— Бери, бери. Пары по две бери. И молодухи пусть возьмут.
Для ребят ботинки были найдены быстро. Донцов прокуренным ногтистым пальцем постукал в подошвы, сказал:
— Кожа не дюже добрая, ломаться будет. Или дареной кобыле в зубы не глядят? — покосился он на бойца.
— Да вроде так...
— А курнуть у тебя, случаем, нету?
— Чего нет, того нет. Некурящий. А вот шинелкой могу снабдить.
— Лишнего не беру, спасибо, — раздосадованный отсутствием курева, отказался от шинели Матвей. — Ты скажи лучше, не проезжал ли кто в эту сторону?
— А куда?
— Да нам-то в Данковку.
— В Данковку? Вот этого не скажу. Там, отец, трубы одни. Три дня за нее дрались.
— Ты-то прям там был? — насторожился Матвей.
— Был, отец... Полегло там нашего брата, — нахмурился боец. — Наша рота первую вверх по Дону улицу отбивала.
— Вот это да! Это же... Там же и моя хата! — встревожился Матвей. Бабы подступили ближе.
— Значит... трубы одни? — от волнения Матвей чуть не задохнулся на последнем слове.
— На этой улице, помню, два дома осталось. Один под железом...
— Кума Сереги дом!
— В доме этом офицера ихнего живьем взяли. До последнего, гад, из пулемета резал. Вы смотрите, осторожней там. Заминировано все. Столбиков держитесь. Там, где ходить можно, саперы столбики ставили...
К вечеру прибились к Ежовой балке. Отсюда до Данковки дойти легче, чем плюнуть, но коровы все тяжелее переставляли на зернистом снегу короткие клешнятые ноги.
Матвей прихлопывал свою корову Дуньку по ребристому боку, просил:
— Ну, чуть-чуть же осталось, чуть-чуть... Не становись, милушка, а?
Но коровы остановились. Дунька со всхлипом замычала и шершавым языком потянулась к земле. На оттаявшем днем клочке глинистого склона балки покачивался оставшийся в зиму перестарок-пырей.
Ярмо, врезавшись в морщинистую шею, перехватило горло. Дунька с хрипом гнула морду книзу и с ее розовато-бледных губ ветром срывало нити тягучей слюны.
Матвей проворно вытащил занозы, обмотал вокруг единственного рога Дуньки налыгач, сбросил с коров ярмо, и пока они плямкали жесткие ленточки пырея, разгреб ногами неподатливый декабрьский снег.

Давно не гуляли в Ежовой балке звонкие косы. По перестоявшемуся разнотравью табунами ходили ветры, ложились по утрам тяжелые седые росы, били травы затяжные осенние дожди, заносило их снегом. И все же под корявой коркой наста трава была мягче, а кое-где среди отжившего пырея, овсюга, медуницы ютились бледно-зеленые листочки земляники.

— Бабы! — позвал Матвей. — Нехай и овцы полижут. А за балкой, кажись, подсолнухи остались. Давайте мы шляпки ломать.

Он подошел к саням.

— А ну-ка, мальцы, слазьте!

Мишка из саней выбрался мигом, а Борьку деду пришлось ссаживать.

— Ох же и бабка! — притворно сердился Матвей, глядя на внука. — Нарядила она тебя, хоть пугалом на огороде выставляй. Замерз?

— Не-е-е, чудок...

— Ну, побегайте, пока мы управимся.

Подсолнечные шляпки к вечеру покрылись наледью и отламывались с хрустом, словно стеклянные. Бабы то и дело дышали на руки.

А Матвей не ощущал пощипывающего холода. В мыслях он был уже на своем подворье.

— Батя! — окликнула Матвея сноха. — Темнеет, поедем, что ль?

— Поедем-то мы поедем, только кто нас там ждет, — сам себе тихо сказал Донцов.

Чем ближе было село, тем Матвей больше тревожился. Ответственность за всех была сейчас сильнее страха. Как там? Есть хоть одна живая душа или, в самом деле, трубы одни? Вспомнился боец. По колышкам, говорит, правься. Днем-то колышки, а вот ночью... В темноте и сам черт не разберет, а он, Матвей, не дуже с этими минами разными знался. Был, считай, на двух войнах, с той германской и по сей день в правом бедре пулю носит, но те войны с этой равнять нельзя. Чего только не придумал человек, чтобы себя же и убить...

— Дедушк! — позвал Мишка. — А там кто-нибудь есть?

Матвей не отозвался.

— Дедунь!

Голос у Мишки тихий. Не видя видит старый Донцов, как у внука запыргали губы — вот-вот из-под ресниц слезы брызнут.

— Дедунь! А если немцы там?

— Цыц про них! — не сдержался Матвей. — Откуда им тут взяться? Под Кантемировку шугнули их, а ты... не-е-мцы, — передразнил старик внука, немного стыдясь этого своего мальчишества и все же испытывая какое-то облегчение.

В загустелой сумеречи, когда перевалили овражек, Донцов вдруг увидел вербу. Ту самую вербу, что стояла у мостка в конце их улицы. Он остановил коров, сдернул с головы шапку.

— Бабы! — крикнул он. — Верба-то, а... Вон она, жива! — и Матвей мял в руках шапку.

— До-ма, до-ма... — говорила, как причитала Варвара, а Трофимовна вторила ей:

— Да слава же тебе, господи! И не думала, и не чаяла на родную сторушку попасть. Как ты там теперь, дочушка, у чужих людей?..

Ольга, подбежав к саням, тормошила ребят, спрашивала Мишку:

— Помнишь, отец тебе весной кашку с вербы приносил?

— Ага, помню, — закивал Мишка и крикнул: — А вон огонь!

Впереди, в стылой серости подступавшей ночи, дрожала неяркая кап-

ля огня. Старому Донцову стало трудно дышать, когда в оконце черневшего на снегу дома увидел он пятно света. Слабое пламя коптилки было для него больше солнца и ярче солнца, потому что этот огонь, он знал, светил в тьме ночи людям...

Их встретили отставшие от своей части солдаты, которым утром предстояло ехать дальше на фронт.

Натосковавшиеся по детям мужские руки сграбастали с саней ребят, в доме люди в гимнастерках окружили Матвея и женщин.

Донцов не знал, что делать, растерялся, когда на его вопрос — «Нет ли, случаем, курнуть?» — к нему протянулись десятки рук с кисетами.

В хату ввалились гамузом. Расселись кто где мог.

— Ну, рассказывайте, рассказывайте, как вам тут под немцем жилось! — торопили приехавших бойцы. — Первые вы, кого мы за Доном видим...

И пошло. Рассказывали и по очереди, и перебивая друг друга. Рассказывали так, что у бойцов показывались слезы — вызванные и болью, и смехом.

Чернявый солдат, усадив Борьку на колени, спрашивал:

— Ну-ка, пузырь, скажи, чего немцы у бабки просили?

Борька косился на Трофимовну, отвечал:

— Яйки, млек...

— А еще?

— Нет, не так! — Мишка терся о колено бойца, заглядывал в его усащенное лицо. Ему тоже хотелось говорить с солдатом и, осмелев, он потянул чернявого за рукав.

— Яйки, молоко мы хоронили далеко! — выкрикнул он.

— Хоронить, сынок, было нечего, — вмешалась Ольга и пояснила: — Это мы, бабы, частушку такую сочинили, вот он и...

— Дяденька, — тыкал Мишка кулачком бойца в колено. — А ты хоть одного немца убил?

— Не знаю, убил, наверно...

Всю эту ночь Матвей Донцов то стоял у окна, то выходил во двор. В небе натужно гудели самолеты, мертвенный свет спускаемых на парашютах ракет обливал пустоту вылизанных ветрами огородов; у Дона, то у самого спуска с их улицы, то выше, где, как Матвей понял, наведен был свайный мост, изредка бухали взрывы, темноту рвали всплески огня. За оврагом, на полого сходящую к Дону низину, от берега выплывали машины, выползали обозы, в сутеми ночи колыхались колонны идущих людей.

Фронт был совсем близко, в пятидесяти шести километрах от Данковки, и через Дон, на подмогу прорвавшим немецкую оборону, шли и шли в эти ночи войска...

2

Бойцы уехали на рассвете. Оставили две вязки прессованного сена, буханку ржаного хлеба, несколько кусков сахара, а Матвею — три пачки махорки.

Внуки еще спали, бабы взялись за уборку хаты, а Матвей решил оглядеть двор.

В траншее, уползающей под стену разбитого соседнего сарая, увидел труп и долго стоял в раздумье.

Немец лежал на спине. Пуля, тюкнув в затылок, раздробила кость и вышла чуть ниже уха. Левая рука немца была вывернута на спину, и на судорожно растопыренных пальцах, как отполированные, синели давно не стриженные ногти.

Матвей смотрел на смерзшийся труп и думал о тех, кого пули этого вот в зеленоватой шинели точно так же распластали на земле. А он за каждую смерть получал добавочный паек и вне очереди отправлял посылку. Да, такой порядок был заведен у них, пока с победами шли они вперед...

Труп надо было куда-то оттащить, чтобы его не увидели дети. Но куда его оттащить?

На огороде была протоптана узкая стежка. Следы были давние, и Матвей решил, что по этой тропке ходили еще немцы. Видно, сад рубили, сволочи! Может быть, и этот вот, что лежит теперь книзу лицом, отогревал у огня руки в свою последнюю ночь, чтобы палец не дрожал на спусковом крючке винтовки. Успел он или не успел убить, но там, откуда он пришел, от него уже не получают посылку...

В сарайчике, тоже каким-то чудом уцелевшем на ермаковском дворе, замычали коровы.

Матвей подошел к саям, набрал в полы длинной шубы подсолнечных шляпок, понес в сарай. Сено, оставленное бойцами, решил пока не трогать, держать про запас.

Постояв около коров, он опять направился к траншее, но взял чуть левее, намереваясь обглядеть траншею по всей длине во дворе, и наступил на что-то твердое. Носком подшитого валенка разворошил лежалый снег и увидел сорванную с петель дверь.

— На кой черт было ее отдирать? — вслух возмущился он и даже задумался, пытаясь представить того немца, который топтался в сенцах, стаскивая с петель дверь. Вздохнул и передернул плечами, не в силах понять воображаемого немца.

— Тьфу, вояки сопливые! — сплюнул Матвей.

Когда он вернулся в хату, Трофимовна уже хлопотала у печки, а сноха и Варвара возились у окон: мяли в руках комки смоченной горячей водой глины и забивали щели.

— Что, тяги нет? — спросил он, почуяв запах дыма.

— Тянуть скоро будет нечего, — кивнула Трофимовна на кучку сырых чурок под загнеткой.

— Надо, бабы, после завтрака траншею разным хламом закидать, — сказал Матвей. — А то в оттепель мертвяк отойдет, вони на весь двор будет.

— Какой мертвяк? — удивилась сноха.

— Обыкновенный. В траншее вон лежит.

— Это, дядь, не тот, что солдаты прикололи? — спросила Варвара.

Вопрос показался Матвею столь по-бабьи пустячным, что он разозлился, сказал:

— Иди да погляди, может, признаешь, тот или не тот!

Варвара замахала руками, потом, с силой разминая не по-женски широкими ладонями глину, заговорила:

— Я на покойников, грешная, и то глядеть не могла. Как ночь, он меня тогда везде караулит. В свою хату зайти боюсь. Так и глается, что в углу он за дверью стоит и ждет...

Завтракали прямо на полу. После питейного кулеша, сдобренного толчеными сухарями, Мишка спросил бабку:

— А больше ничего?
— Гвоздей тебе сейчас жареных дам! — сердито отозвалась Трофимовна.
— Да ты, мам, хоть на детей-то не сердчай, — обиженно проговорила Ольга.
Трофимовна и от нее отмахнулась:
— Молчи уж! Тебе чего ж сердчать? Твой вот он, сидит, а моя у чужих людей при смерти!
— Так что ж нам, не сидеть?
— Да если не мешаю, сиди.
— Ну-ну? — Матвей задержал у рта ложку, скосил на жену глаза, спросил: — Дальше-то что?
Трофимовна промолчала.
— Чтоб не слышал больше! — Матвей кинул ложку на пол, шумно задышал, сдерживаясь, и поднялся. — Чтоб не слышал! Пока я жив, в семье порядок мой будет!
Ребята притихли, старательно цедили кипяток, то и дело дуя на край кружек.
В трудной для взрослых тишине обиженный голос Борьки обрадовал всех.
— Мамань, — потянул Ольгу за рукав кофты крестник Борька. — У Мишки кусок больше. Дай мне еще, а то не сладко...
— Он, мам, обманывает! — растерялся Мишка. — Я понемножку откусываю, а он вон видишь...
Ольга вздохнула, принялась умирять ребят.
— Сладкого помногу и есть нельзя, — сказала она, — иначе зубы выпялятся. Спросите вон хоть у деда.
Матвей закивал головой и для убедительности открыл даже рот, в котором и в самом деле почти не было зубов.
— Маленьким когда был и тоже мать не слушал, а теперь вот и жевать нечем, — объяснил он внукам.

3

В молодые годы Матвей Донцов жил с такой беззаботной удалью, что отец не раз пророчил ему невеселый конец. Пугал он сына тюрьмой, грозился согнать со двора, сулил заслать сватов к глухой и рябоватой Маврутке Глазковой, но как только начинало пахнуть весной и на Дону темнел и вспучивался лед, Яков Савельевич, отец Матвея, доставал припрятанный кровельный инструмент и поджидал отходчиков.

Уходить на заработки в хлебные районы юга охотников отыскивалось немало, но не каждому был доступ в малочисленную артель. Вожак, не раз торивший тропы по станицам и хуторам Донщины и Ставрополя, подбирали к себе в ватагу ребятков огневых, смекалистых и надежных.

Матвей Донцов артельщиком слыл отменным. Тайны кровельного дела познал он в неполных пятнадцать лет, а, кроме того, обладал и другими качествами, которые ставили его в особый ряд.

Был он смугл, черноволос; удлиненность лица скрадывалась круто очерченным подбородком с еле приметной продолговатой вмятинкой и выдававшимися скулами. Прямой нос с трепетно тонкими ноздрями вмиг выказывал настрой его души. Бывал Матвей весел, нос как бы чуть утолщался внизу, в линиях рта выделась какая-то улыбчивая мягкость, но при

малейшем гневе ноздри вздрагивали, белели по краям, и на носу тогда проглядывала горбинка.

На мир и на людей смотрел Матвей весело, смело, и трудно было понять, чего больше копилось в его карих с горячим отливом глазах — то ли доверчивости и любопытства, то ли ненаказанной уверенности в своих силах. А сила держалась в нем немалая. На спор рвал он с корнями вербовую поросль на берегу Дона, на ссыпке богача Хваткова, когда нагружали баржи, носил в зубах чувалы с зерном, на кулачках один выходил против двух заматеревших мужиков и редко когда бывал сбит ими с ног. Выше среднего роста, был Матвей сух и тонок в поясе, но его грудь и плечи казались налитыми какой-то упругой тяжестью.

В селе знали Матвея и как заядлого песенника, который, будучи на веселе в праздничные дни, обязательно завернет на любое подворье, если услышит слаженные голоса.

— Нам без твоего сынка, Савельич, ну-у... никак нельзя уходить, — распивая ради встречи бутылку водки, доказывали отцу Матвея отходчики. — Уж больно удачлив он, сукин кот! Ты уж нашу дружбу не ломай.

Яков Савельевич, розовея от выпитого и еще сильнее от похвал в адрес сына, для порядка хмурился, кричал и принимался выговаривать Матвею за его выходки в чужих краях.

Отходчики, дружно наваливаясь на стол, густо дышали в лицо хозяйина водочным духом, уверяли:

— На сей раз, Савельич, у нас ни-ни... в догляде будет. А тут сказать, и греха большого нет, ежели он чуб кому поборвет. За девок, чай, и мы в молодости друг друга трясли. Не, пушай идет!

Могло быть, что и не пустил бы Донцов сына, но бедность все туже давила на плечи, и Якову Савельичу волей-неволей приходилось провожать Матвея в хлебные места. Давненько вынашивал он думку поднакопить деньжат, обзавестись лошадью и мало-мальски обрасти хозяйством, чтобы женить сына и уходить с земли в землю, оставив его не на пустом дворе.

Три весны подряд прощался Матвей с отцом-матерью, с селом, и до самых глубоких холодов пропадала их маленькая артель в хуторах и станицах Войска Донского. Крыли железом крыши, чинили посуду, нанимались в грузали, а как только начинался сенокос и вызревали хлеба, спрос на пришлых людей становился и вовсе высок.

Домой они возвращались шумно, после дележа до рассвета пили горькую. И опять начиналось прежнее — тоскливая хмарь осенних и зимних вечеров с посиделками до петухов и дни, заполненные толкотней по хозяйству.

— Ни дьявола от твоих заработков! — говорил в сердцах Донцов сыну. — Мнится мне, не лежит у тебя к своему двору душа. Улица, охота да сети. А рыбка да зайчики и приводят в старчики. Гляди, сынок! Мы с матерью свое отжили, на нас надежда, как на худые тенета. Так вот: еще раз попытаешь счастья, и будя! Надел прикупим, может, оно ловчей пойдет. Женить тебя, и живи...

Но женить сына старому Донцову не пришлось. В тот год Матвей с артелью добрался до Кубани. Когда подоспело время косовицы, подрядились в одном богатом хуторе свалить на пяти десятинах пшеницу. И в первый же день, после того, как молодая казачка принесла им цибарку сытного кулеша,хватила Матвея тоска, никогда еще не смотрели на него такие девичьи глаза! Из-под тяжелых тенистых ресниц полыхнуло на

Матвея чем-то темным и жарким, и он, чего еще не бывало с ним, улыбнулся растерянно и в сторону отвел свой взгляд.

Она стала расстилать на траве широкий цветастый рушник, а он глядел на ее босые, до самых щиколоток в пыли ноги и желал одного — наклониться и сдуть с этих маленьких ног густо насевшую пыль.

Невысокого роста, еще хрупкая в плечах, она доставала из подвернутого фартука деревянные в рисунках ложки и, чувствуя на себе долгий взгляд парня, сначала задышала неровно, потом вздохнула с какой-то отчаянной безнадежностью и торопливо ушла...

Он видел ее, когда она пришла убирать посуду, видел во время ужина и смотрел на нее, смотрел...

На третий день, уже под вечер, Матвей встретил казачку у колодца. Она подсовывала крючок коромысла под дужку ведра и, увидев его, испуганно покосилась на окна мазанки.

— Погоди! — попросил он тихо.

Она попятилась, но Матвей перехватил пальцами запястье ее руки.

— Та побачуть же мэнэ! Ну, який же ты...

— Слухай, Глаша! Попозже нынче выйди за хутор, к овсам...

Овсы в ту ночь залиты были густым лунным светом. Матвей лежал, курил, пряча сигарку в рукав, до боли в висках вглядывался в ночь и, когда увидел ее, ему почудилось, что вслед за нею тянулся светящийся след — так переливалась под месяцем ковыльно-сизая бахрома овсов.

Близко к рассвету решили: чтобы не вспугнуть хозяина, у которого Глаша, оставшись сиротой, жила в работницах, Матвей и виду не подаст, что она глянулась ему, но ровно через две недели в такой же час явится на это место на обратном пути.

А через два дня случилась беда.

Докашивая пшеницу, артельщики послали Матвея в хутор потолковать с хозяином, чтобы тот при расчете угостил их, не скупясь.

То ли прознал как-то хозяин сам про встречу своей работницы с пришедшим парнем, то ли кто из хуторян, увидев их, шепнул ему, но Матвей сразу почувствовал недоброе. Хозяин был загадочно весел, на Матвея поглядывал так, точно расценивал, что от него можно ожидать и, покашливая, нервно щипал обкуренные вислые усы.

— Почастую я вас. Так почастью, шо... Пидэмо до хаты...

Когда вошли в прихожую, Глаша испуганно метнулась в горницу. Уже в дверях хозяин поймал ее за плечо, толкнул к печке. Лицо его налилось кровью, он рванул Матвея за подол рубахи.

— Кажы, спортыв дивчину?

Матвей, сдерживаясь, посоветовал:

— Слухай, не заводи канитель! Ничего я ей не сделал, зря ты это.

— Кому вона потрібна з пузом? — взвизгнул хозяин и наотмашь хрястнул Глашу по лицу.

— Не трогай! Я увезу, если не нужна!

— Ага, отак? Ось ей, ось... — хозяин ухватил Глашу за косы, дернул книзу, но Матвей, не помня себя, сграбастал его поперек и отшвырнул к двери. Хозяин на карачках выполз в сени, что-то закричал, и Матвей видел сквозь стекло оконца, как перемахнули через плетень с соседнего двора два рослых парубка.

Он выскочил из хаты, коротко взмахивая рукой, двумя ударами снизу сбил с ног подскочивших к нему парней, пошел к воротам и тут слух его резанул Глашин крик:

— Матвийко!..

Матвей повернулся, и в тот же миг что-то горячее и острое вошло ему в бок. Ахнув от боли, он левой рукой поймал держак вил, рванул к себе хозяина и, зажав в горсти клок его чуба, два раза стукнул головой о толстую жердину изгороди. Потом отпустил и сверху вниз ударил по голове уже кулаком, чувствуя, как кулак вошел во что-то вязкое и теплое...

Ему дали год каторги. Попал он на одну из сибирских рек, валил лес, сплавлял плоты и считал день за днем.

Ровно через пятнадцать месяцев оказался Матвей в Ростове, несколько ночей посидел за картежным столом в подвале какого-то кабака и, выиграв тридцать шесть рублей серебром, через три недели заявился в знакомый хутор.

От станицы к станице шли они с Глашей сначала пешком, потом на одном людном базаре Матвей выторговал за двадцать восемь рублей каурю резвую кобыленку, тут же купил сбрую, легкую повозку и вскоре запыхтели под копытами лошади наезженные дороги до боли знакомой Донщины...

Домой попали как раз под Спасовки. Матвей под уздцы завел на тесный двор лошадь, открыв коленом дверь, кинулся в хату. Постаревшего отца поднял с кровати. Увидев на его лице слезы, замер среди хаты, обвел глазами запаутившиеся углы и шагнул к печке.

— Нету ее, сынок, — угадал беспокойство сына отец. — Как раз на Троицу... схоронили... — И отвернулся, стесняясь слез.

Глаша пришла старику по душе. После того как была выпита бутылка водки и молодича, прихватив пустые ведра, вышла во двор, Яков Савельевич, размачивая в кружке с водой мятный пряник, признал:

— А ничего Глашка-то! И лицом, и так... — повертел он рукой в воздухе. И наказал: — Жалей! Считаю, она тебе на весь век богом дадена. Только скажи ей, не в обиду, конечно, нехай она по-нашенски, не по-хохлачьи балакает...

Через год появился у молодых Донцовых первенец Андрей. Только-только начал он ходить, призвали Матвея на сборный пункт и повезли вместе с другими защищать от германцев царя и отечество.

Вернулся в восемнадцатом году. Не успела Глаша вволю выплакаться от счастья, не успел маленький Андрюшка привыкнуть к отцу, как карусель размежевавшейся на лагеря России опять закружила Матвея по дорогам отступлений и рывков вперед.

Уход сына сражаться за землю и волю совсем оглушил подряхлевшего Якова Савельевича, а Глаша несколько дней кряду, как потерянная, натыкалась на стулья в хате и не спала по ночам...

Всю гражданскую отбыл Матвей в частях 40-й Богучарской дивизии, потом попал в отряд, колесивший по следам многочисленных банд, и лишь в двадцать первом году попал, наконец, в родное село.

Нерадостным было возвращенье. На месте своей хаты увидел он лишь обгоревшие стены, о смерти отца и гибели жены, забитой шомполами и плетью калмыками из карательного отряда, узнал от соседки. Долго сидел в ее хате под образами в углу, не в силах оторвать от пола налившихся чугунной тяжестью ног.

Соседка положила гостя на кровать, сама легла на полу, постелив рядом Андрюшке и своей семилетней Софье.

А утром, отсидев за столом невеселый завтрак, сказала Матвею:

— Оставайся ты, а? Куда тебе идти? Моего ведь тоже нет...

Глянул Матвей на сына, таращившего на него похжие на Глашины глазенки, поколупал пальцем источенный червою подоконник и, ни слова не говоря, сбросил с плеч шинель.

Всю зиму вязал он сеги, ходил на охоту со старенькой берданкой, а когда ушел лед, днями пропадал на Дону.

Шел год за годом, старое не забывалось, но помнилось уже не так отчетливо и остро, жизнь стала выравниваться, вызывать у Матвея интерес. Сын рос парнем смышленным, крепким, начинал помогать, и Донцов все веселей смотрел на мир.

Потом началась коллективизация. В колхоз Матвей пошел с охотою: работа сообща напоминала ему те годы, когда ходил он с артельщиками на заработки в Донщину и Ставрополье... Где людей густо, там не будет пусто — мыслилось ему. Как-то на сходе он поднялся и путано высказал все это. А через несколько дней его пригласили в сельский Совет, и вскоре Матвей на целых полгода был послан в соседнюю область агитировать за колхозную жизнь. Два раза чудом ушел от кулацкой пули, там же заболел тифом. Поездом его отправили до станции Кантемировка, до районного центра везли на попутных, а в Данковку на рысистых колхозных конях примчал уже родной сын.

Оправившись от болезни, Матвей облюбывал себе новое подворье — не хотелось травить старых ран, и Дон под боком был — поставил рубленый дом, женил Андрея. В урожайном тридцать седьмом году сноха Ольга порадовала его внуком, похожим на отца, когда тот таким же пухлым и крохотным баюкался на руках Глаши.

Вскоре Матвей выдал замуж и неродную дочь. Молодые после свадьбы уехали в Харьков, где муж Софьи служил офицером.

Уже в тридцать восьмом в народе втихую стали поговаривать о войне. С боязнью брал Матвей в руки газеты, но они успокаивали, сулили мир и хорошую жизнь. Но война началась. Сначала там, где ее будто бы и не могло быть, а потом полыхнуло и оттуда, откуда беду ждали.

Немцы пришли в Данковку в июне сорок второго и сразу же всех спешно эвакуировали в тыл, в степные хутора, лежавшие за несколько верст от фронтовой полосы.

Шесть месяцев эвакуации показали Матвею шестью годами каторги. И как только войска седьмой итальянской армии, оборонявшей берега Дона вместе с приданными ей немецкими и румынскими частями, покатались назад, как только хутор, где жили Донцовы, опять стал своим, советским, Матвей тронулся к Дону, домой.

4

Дом, который заняли Донцовы с Варварой Усковой, принадлежал Сергею Федотовичу Ермакову — двоюродному брату Матвеевой жены.

До войны Ермаков работал ветеринаром, ходил в активистах и считал, что ему, если немцы придут, пуля достанется первому. И как только фронт приблизился, и через Данковку хлынули беженцы, он стал готовиться к уходу за Дон.

Жена Сергея Федотовича Лукерья — баба языкастая, жадная до всего, о чем можно посудачить, ехать с мужем отказалась. Судившая о войне по-своему («Ни за что никто не убьет!»), она осталась в селе.

Где теперь был Ермаков, по каким хуторам колесила Лукерья, никому из Донцовых ведомо не было.

На улице Заярной, если подворья брать от Дона, дом Ермакова семнадцатый и последний по счету. Дальше — изрезанные оврагами клочки полей, увалы с нетронутой плугом залежью да островки лесов с кривым дубняком, вязом и крепким, как железо, ясенем. На подступах к лесу колючие терны, боярышник, дереза, на суглинистых местах султанится ковыль.

Те, кто улицу Заярную зачинал, место выбрали удачно. К Дону спуск не обрывист и не крут, берега то песчаные, то выстланные мелом-плитняком. Земли под огороды вдоволь, и земля заливная, жирная. Сразу за верхними огородами — выгона.

Когда-то Дон изгибом уходил от села в сторону. В самом узком месте его перегородили плотинами из камня, и вода пошла по новому руслу, как раз вдоль села, подмывая обрубистые меловые кручи.

Запруды через десяток лет все прорвало, но давний путь реки обмелел, берега сдвинулись, и этот речной рукав люди стали называть Стародоньем...

В петле образовался большой остров. Старики говорили, что был он почти гол, но прошли годы, и на песках Заречья, как нарекли остров, поднялось чернолесье: прямые в необхват дубы, карагач, вязы, а на сырых местах — раскидистые вербы, осокори, осинник и белоствольные тополя.

Напротив улицы, где жили Донцовы, Дон широк и чист. На левой стороне — десятиметровой глубины ямы, на правом боку, чуть ниже лодочной пристани — маленький заливчик с твердым дном. Вода тут черна и напитана тинным запахом. Выше пристани, за горловиной яра, — каменная узкая коса. Вокруг нее буруны в любой день гонят со дна родниковые ледяной крепости струи.

Весь левый берег в зарослях куги, осоки, в затончиках засилье кувшинок и длинных липучих трав. Кудрявая поросль вербы, краснотала, тополей наползает к самой воде. Уступчатый берег переходит в поляны. Трава на них после паводка поднимается чуть ли не выше пояса и, скошенная, опять густо идет в рост.

Лента пойменного леса широка и кончается там, где сыпучие пески холмами надвинулись на луговую пойму. Перед самой войной на песках стали высаживать сосну. Зеленые пояса и квадраты посадок протянулись по желтоватому разливу песков на добрый десяток верст.

На улице Заярной уцелело два дома — ермаковский и саманная хатенка Фетисовых. На других дворах — кучи глины, битых кирпичей, обугленные куски дерева. Кое-где не устояли даже стены.

На верхних и нижних огородах снег то черен, то сер. По темным пятнам угадываются воронки от снарядов и мин. На десятки метров вокруг них белизну снега густо покрыла грязная осыпь выброшенной взрывами земли.

По огородам и улице ветер с сухим шорохом гонит из степи к Дону поземку и, кроме гула пролетающих к линии фронта самолетов да машин, изредка идущих туда же, к фронту, никаких больше звуков на земле...

За два дня, кроме Матвея, никто не ступал дальше ермаковского двора да и сам Матвей отважился пройти лишь до сада. Чуть не споткнувшись о присыпанный снегом труп, он попятился и повернул назад. Своим ничего не сказал.

— Убей меня гром, чтоб я за порог шагнула! — крестилась Трофимовна. — Проволока да ямы. Чисто кроты нарыли, проклятые!

Ольга с Варварой тоже без надобности не показывались во дворе. Вар-

вара затевала какой-нибудь разговор или вполголоса выводила мотивы старых песен, а Ольга больше молчала. Она осунулась, к углам губ сбегалось все больше морщин, а от слез, точивших ее по ночам, вокруг глаз залегли подпухшие с просинью круги.

В семье Донцовых Ольга с первых же лет замужества заметила крепко устоявшийся разлад. Виной всему были сведенные дети. Еще в девках Ольга догадывалась, что Андрей и Софья были у Трофимовны не в одинаковой чести. Софья ходила сытой, приглаженной, на вечеринках приметна была нарядами и беззаботным громким хохотком.

Андрей на посиделки ходил редко. Если видел Софью, сразу мрачнел, в круг танцующих не лез, словно стеснялся своих много раз стиранных брюк и разношенных ботинок.

Когда Софья вышла замуж и уехала с мужем в Харьков, Трофимовна к хозяйству стала остывать, не раз собиралась к дочери и не уехала только потому, что старый Донцов ее не удерживал.

— Что ж, езжай, — говорил он. — Дети на ногах, для них мы с тобой сошлись, для них же и разойтись можем. Ты со своей, я со своим доживать будем. Гляди, мать, вольному — воля...

Трофимовна мрачнела, пустив слезу, выговаривала:

— Жила-жила и дожилась. Как какую-нибудь приживалку выпихиваешь. А тут ить и мое есть, все годы кукобила...

— Свое, мать, возьмешь, — спокойно отвечал Матвей. — Пойдем в Совет, там и раздел дадут, и хоромы наши оценят. Хату ты навряд ли повежешь, а скотину — ее недолго на базар свести. А слез я, грешник, не люблю! Гнать тебя никто не гонит, сама на свой Харьков лыжи востришь. Чего ж нюни распускать, ежели ехать хочешь? А не ехать, так не егози, веди в доме порядок, как и положено!

Несколько дней Трофимовна ходила обиженной, но ее никто и словом не цеплял, и она опять на ненадолго становилась хозяйкой толковой и строгой.

Из Харькова часто приходили посылки — с сушеными фруктами, с отрезами сукна и шелка, с тюлем и сатином. Все присланное Трофимовна всякий раз раскладывала на столе. Тут же дарила Ольге на кофту, козынку, Андрею — на рубаху, и никогда не забывала сказать, что подарок от Софьи привяжет языки всем, кто торочит, что она не одинаково растила неродного сына и родную дочь.

Андрей и Ольга краснели, Матвей кричал, но отмалчивался. И лишь по ночам Ольга слышала, как он костерит жену.

Как-то Ольге пришлось нести свекру обед на Красный мыс, куда он в жаркие дни пригонял на стойло колхозных овец. Перекладывая из плетенки в сумку вареную картошку, яйца и малосольные огурцы, он вдруг ошарашил ее откровенностью.

— Гляжу я, и баба ты, Ольга, вроде бы умная, а там, где тряпки, и ты разум теряешь! — с обидой проговорил он. — Зачем берешь? Гляди, ей недолго тебя и совсем купить, бараклом этим весь сундук набит. Не бери! А то как бы за ее подарок тебе расплачиваться не пришлось...

Свекор был строг, в недовольстве гневен, разговорами сына и сноху не баловал, и Ольга, услышав его совет, шла домой, не чуя ног от радости. «Славу богу, за свою признал, — колотилось у нее сердце. — А то все молчком, не поймешь, что так, что не так. Андрюша только к вечеру явится, сказать бы...»

Когда началась война, Софья вернулась в Данковку с сыном, и сразу

же в семье Донцовых стало как бы две семьи. А когда призвали Андрея, Ольга и вовсе почувствовала себя совсем чужой.

Софья считала себя горожанкой, гордилась званием мужа и держала себя гостьей. На работу в колхоз не пошла. Она приехала переждать войну, которая, по ее словам, к осени обязательно закончится. Если немцы не запросят мира, то к холодам их разобьют.

— Вы не знаете нашей армии, — говорила она.

Трофимовна оберегала дочь от всех забот, Ольгу пристегивала к любому делу.

Матвей работал чабаном, дома почти не бывал, а, если и урывал денек, сидеть в хате было ему некогда: или рыбачил, или готовил на зиму сено и дрова. Он видел, что сноха перервалась в работе, но, сам придавленный множеством хлопот, просто-напросто не хотел заводить в доме склоку.

Пока фронт был далеко, пока оттуда шли письма, работа Ольге не была в тягость. И на свекровь она не держала зла, благодарная ей уже за то, что Трофимовна не отказывается приглядывать за сыном. Но как только немцы взяли Воронеж и поползли слухи, что наши разбиты на всех фронтах, все стало валиться у нее из рук.

Баб стали брать на окопы. В Данковку прислали две военные машины и на них увозили под самую Кантемировку. Срок отбывки — три дня, а через неделю опять подпадала очередь.

Свекровь взбунтовалась.

— Ты что ж это, опять едешь? — услышав за воротами урчанье мотора и короткие сигналы, сложила Трофимовна под грудями крупные руки.

— Но, мам, я же не сама по себе...

Ольга положила на стул узелок с харчами, растерянно глядела на Софью, ожидая поддержки, но та молча примеряла на Борьке только что скроенную рубашку.

— А не сама, так скажи им, что я за чужим дитем не нанималась неделями ходить. Ишь, разгуделся! — повернулась Трофимовна к окну. — Что ж мне, разрываться теперь? Хозяйство на моих руках, дочь хвора да еще за твоим гляди. Нет уж, дома сиди!

— Так я же... Надо же, не одна ведь я. Стыд-то, а, — захолонуло у Ольги в груди. — Господи, и бати нет...

— А что батя? Он пришел, переспал и опять к овцам. И батя то же скажет.

Софья молчала, а когда Ольга заплакала, вышла во двор. На рытье окопов в этот день Ольга не поехала. А вечером пришел свекор, увидел ее, удивился, спросил:

— А ты чего это дома?

— Ей что, больше всех надо? — отозвалась из кухни Трофимовна. — Не пустила я ее! У меня уже силов нет — за всем глядеть!

— Так, так... — закивал головой Матвей и вдруг вскочил со стула. — А она что, Софья твоя? Приехала войну в холодке переждать?!..

— Вы на меня не орите! — у Софьи порозовели щеки. — Я офицерская жена!

Матвей кхакнул, закружился по хате и, повалив ногой стул, закричал:

— Молчи-и-и! Жена она! Офицерская! Так какого ты черта в хате сидишь, ежели ты офицерская? Почему окопы не роешь, кость тебе в горло! Гибнут же они там, офицеры-то, кровь льют. И твой там, офицерская ты жена!

Софья заплакала, взяла на руки заоравшего от испуга Борьку и кинулась к двери.

Трофимовна рванулась было вслед, но остановилась, крикнула мужу:

— Больная она, дурак!

— Это чем же она больная? Леню, что ль?

— У нее вон, у сношеньки своей, спроси, какая хворь у баб каждый месяц. Головушка моя горькая, да куда ж нам теперь с ней? — закрыла Трофимовна руками лицо.

— А вас кто гонит, а? — Матвей потряс жену за плечи. — Молчишь? Что ж ты мне никогда на хворобу свою не жалилась? А у Ольги что, такой хворобы нет? Затяжная, выходит, хвороба у Софьи твоей!

— Пусти... — Трофимовна заплакала. — Зверь проклятый! Хоть из дому беги!

— Ну, и беги. — Матвей как-то сразу остыл. — Бабье чертовое! Что стоишь? — шагнул он к жене. — Иди к больной своей срочную помощь оказывай!

— Господи, уйми его, утихомирь, — перекрестилась на икону Трофимовна.

Спать в эту ночь Ольга с сыном легла в сарае. Заснула уже на заре, но и сон не принес покоя. Снилось ей пыльная дорога и она сама. С сыном на руках она убегает от машины, на которой ее только что привезли под Кантемировку. Она знает, что не убежит, что вот-вот упадет, и тяжелые колеса разомнут ее в густой пыли...

Ольга проснулась, слышала, как за стеной в курятнике завозился и захлопал крыльями петух, удерживая себя на жердине. Потом он кукарекал раз за разом, и она уже не закрыла глаз. А утром за завтраком сказала свекру:

— Надумала я, батя, уходить. Андрюши нет, я тут чужая. Переживу как-нибудь у своих...

— Все? — строго глянул на нее свекор.

Она беспомощно приподняла острые от худобы плечи.

— Так вот, никуда ты не пойдешь! — Матвей стукнул кулаком по столу. — Мне такой срам ни к чему. Все мы как раз тут и вот мои последние слова: чтоб никаких скандалов! А тебе, мать, особый сказ. — Матвей встал, кинул на пол расклеившуюся сигарку. — Ежели ты будешь Ольгой помыкать, иди со своей дочерью куда хочешь. Ольга сыну моему законная жена и живет дома. Не нравится, можете с Софьей все забирать, и как сумеете. А ты, Софьюшка, тоже воду не мутит! Офицершей ты не родилась, а тридцать два годика на нашей с матерью шее сидела. И будь твой Петро тут, он бы, ежели он мужик, накрутил тебе хвоста. Уже пол-России под немцем, а вы, черт бы вас взял, мышиную возню затеяли!

Вскоре Данковка забурлила беженцами. Потом с беженцами смешались и войска. Огороды стаптывались гуртами скота и овцами, исхудалые свиньи, вместе с хозяевами проделавшие долгий путь от Днепра до Дона, забегали во дворы...

Данковцы спешно рыли потайные ямы, прятали нужное и ненужное добро.

Матвея Донцова вызвали в сельский Совет и назначили паромщиком. Помногу раз на дню прибегал он домой, хватался за голову и, как маленький, упрашивал Ольгу спрятать его куда-нибудь хоть на час. За ним тут же приходили. Уговаривали, приказывали, хватали за рукава, ругались охрипшими голосами, и Матвей опять шел на паром.

В одну из ночей разбудил сноху и велел собираться.

— Куда, батя?

— Люди пасеку растаскивают! А мы что?

— Господи, и ты... — схватилась Ольга руками за голову. — Что хочешь делай, а не пойду! — отказалась она.

Увидев на окнах всплески огня, вскочила, не стыдясь свекора, в одной рубашке выскочила во двор.

— Что это? — прислонилась Ольга к стене.

— Хлеб... хлеб горит...

И после этих слов Матвей заплакал. Смороенный усталостью, много раз за день обруганный и оскорбленный отчаявшимися людьми, которым не терпелось быстрее перебраться на левый берег, он не испытывал страха, когда какой-нибудь военный грозил ему пистолетом, топал, как на мальчишку, ногами и требовал найти место на перегруженном пароме. Теперь раздавленный слабостью, оглушенный за день криками, плачем, просьбами охваченных горем беженцев, Матвей не удержал слез.

— Не пойду я туда больше! Пускай этот паром в щепки разнесут! Хлеб вон горит, а они бегут...

Напуганная слезами свекра, Ольга окаменела и даже не чувствовала, как немеет ее плечо, сдавленное его твердой рукой.

— Пошли, батя. Как-нибудь будет...

Матвей, точно слепой, шагнул вслед за снохой в сенцы, в хате попросил у нее воды. С жадностью выпил литровую кружку, не раздеваясь, лег прямо на полу. Во сне он всхлипывал и скрипел зубами...

С той ночи Донцов ревниво охранял Ольгу от мелких придилок жены, норовил почаще побыть с ней наедине, а Мишку сажал на колени, говорил ему тихо:

— Эх, внук! Была у тебя бабка да не привелось ей пожить...

В такие минуты сердце Ольги переполнялось какой-то расслабляющей телю жалостью к свекру. Ей хотелось поплакать рядом с ним, чтобы услышать слова утешения и увериться, что он понимает, как ей тяжело в постоянных тревогах за мужа.

За час до прихода немцев Данковку залила неземная тишина. Такой тишины не было даже в тот день, когда в небе на глазах людей стало вдруг чернеть солнце и от двора к двору пополз слух о конце света. А в тот час мертво было все — огороды, улицы, дворы... Дон, и тот, казалось, застекленел от берега до берега. Все звуки поглотила тишина. Ударь палкой по пустому ведру, — не отзовется ведро звоном...

И они пришли. Спустились с бугра, который мешал заярновцам видеть заход солнца, разбились на две группы. Одна — повернула на Заярную.

— Мать! — шагнул от окна Матвей. — Быстро обед на стол!

— Ой, Господи, помоги, — покачнулась на стуле Трофимовна. Слабость вошла ей в ноги, и она не могла встать.

— Живо, ну! — торопил Матвей. — Приклеилась, что ль? Пускай видят, что мы... сидим, обедаем...

Мысль всей семьей сесть за стол пришла к Матвею неожиданно. Время и в самом деле было обеденное и, нагрянь к ним ненавистная чужая солдатня, им, всем вместе, легче будет встретить неожиданных гостей. Было в этом и что-то еще, утверждающее незыблемость, размеренность, твердый ход жизни, которую кому бы то ни было не так просто порушить и сломать.

Сначала услышали Донцовы кудахтанье курицы во дворе, потом грохот в сенцах, треск филенчатой двери, открытой ударом сапога, и хохот — непривычный и страшный хохот человека, которого словно бы опоили до беспамятства и сказали, что на земле он остался один. И вот он увидел себе подобных и захохотал от удивления и злой радости, уверенный, что может как угодно поступить.

Молодой, белобрысый немец стоял в дверях, запрокинув голову в долгом хохоте.

— Партизан? — Он указал на Донцова дулом короткого автомата и подошел к столу.

В ноздри Ольги ударил резкий запах чужого пота и ремней.

— Партизан? — строго спросил немец.

— Батя это, — втянув голову в плечи, проговорила Ольга. Она посмотрела на свекра, потом похлопала себя по руке. — Мой батя...

— Нихт батя! — сердито лопотнул немец и ткнул себя большим пальцем в грудь. — Моя батя, о! — прицокнул он языком. — Дамен гут и моя гут, пацтэль карашо... — и опять захохотал, показывая зубы — крупные и желтые, как кукурузные зерна.

Ольгу охватило жаром. Она глянула на свекра, но тот, стянув к переносью брови, не поднимал глаз от тарелки с рыбным холодцом.

В хату вошел еще один немец. Взмахом руки он приказал вылезти из-за стола.

— Юде! — обрадованно уставился он на Матвея и крикнул: — Шнель!

— Да шнель, шнель... Знаем мы вас, чертей! — Донцов поднялся.

Белобрысый насторожился, медлившую Трофимовну ударил коленом в зад, со смехом бормотнув:

— Дамен...

Трофимовна, поняв так, что ей велено остаться в хате, остановилась, пытаясь улыбнуться побелевшим от страха лицом, но немец топнул ногой, крикнул:

— Пше-о-ль вон, свин!

Трофимовну вынесло во двор как на крыльях.

— Юде? — остановил второй немец Донцова в дверях.

— Никс, пан! — покачал головой Матвей, назвав немца паном не из желания угодить ему, а по оставшейся со времени дореволюционной службы в Польше привычке так обращаться к чужим. И пояснил: — Полсела у нас черных...

Он вышел, спиной чувствуя настороженный оценивающий взгляд немца.

— Не щипай мамку! — услышал Матвей голос Мишки, и у него перехватило дух. Он задержал шаг, но дуло автомата уперлось ему между лопаток.

— Молчи, батя, ради бога молчи... — успокоил Матвея умоляющий шепот снохи, и он размашисто зашагал по двору.

Немцы подвели его к сараю, велели открыть дверь и войти.

— А-а, — понял Донцов, распахивая дверь с видом человека, который расценил подозрительность как смешную слабость.

— Заходите, никого тут нет, — вскидом рук пригласил он немцев.

Переглянувшись, они нахмурились, оттолкнув Матвея, вошли в сенной сарай.

Точно так же осмотрены были овечий катух, курятник, погребница.

Потом немцы приказали Донцову лезть на чердак. Один из них поднялся вслед за Матвеем, но тут же и слез, заглянув в проем только с лестницы.

Проделав все это, немцы закурили и, повалив шаткий плетень, пошли в соседний двор.

За оврагом, на Глинной улице, защелкали вдруг выстрелы, послышался собачий визг, и Донцовы убрались в хату.

— Ну, вот и началось...

Донцов сказал это с какой-то спокойной отрешенностью. Услышав взрывы на той стороне, пояснил:

— Это они паром и лодки разбивают. Сначала, значит, на Глинной собак побили, теперь за паром и лодки взялись. Во, во... — приговаривал он, кивком головы отмечая взрывы.

Когда тревога улеглась, Софью вырвало, Трофимовна после пережитого стала маяться животом, Ольгу потянуло вдруг ко сну, а Матвей сел за стол и приналег на еду, как после трудной работы.

Через неделю по приказу заступивших в село итальянцев данковцы стронулись с насиженных мест и наводнили ближние степные хутора.

Донцовы ушли из села, как и многие: не взяв почти ничего из еды и одежды. И тут припомнила Трофимовна Ольге все те подарки, которые выгадывала ей из присланных дочерью посылок.

Мужчин из хутора не выпускали, да и не было их, мужчин, а пожилые, как Матвей, подростки и калеки. Женщинам два раза в неделю в комендатуре выдавали пропуска. Четыре раза пришлось Ольге ходить в Данковку, носить на своих плечах то Софьино барахло, то зерно в мешках. Десятки постов надо было миновать, и всякий раз она холодела от липких, ощупывающих взглядов солдат, мертвела и тряслась, когда иные из пришедшего воинства со смехом пытались запустить ладонь ей под кофтенку.

В пятый раз Ольга с такими же горемычными женщинами пошла в Данковку за коровой. Однорогую Дуньку пришлось выручать. Молодых сытых коров итальянцы отобрали на зарез и держали в конюшне.

Там стоял гвалт — крики, ругань, плач. Чем уж она тронула переводчика, Ольга не знает, но тот, услышав, что у нее пять «бомбин» — детей мал мала меньше, закивал, сказал что-то караульным солдатам, и те пропустили ее в конюшню, где привязанными стояли коровы и телки.

Однорогая Дунька до слез растрогала ее своей коровьей понятливостью. Как вышла из сарая, так и не отстала больше ни на шаг. Витой шелковый шнур итальянцы отобрали, но Дунька и без веревки шла за нею след.

Зато с овцами хлебнули горя. Дрожа от страха, две ночи ночевала с ними в поле, попала под дождь с градом и в хутор притащилась еле живой, с огнем по всему телу...

За шесть месяцев эвакуации Ольга так ослабела от недоедания и душевных мук, что не думала ни о чем, кроме как о муже, от которого больше полугода не было, да и не могло быть никаких вестей. И обида болью сводила ей сердце, когда свекровь начинала разговор о зарытом в огороде сундуке — цел ли сундук, не погнило ли в нем самое ценное добро дочери?

По ночам она подолгу плакала и к утру гложла от слез. Видела — свекор мрачнеет день ото дня, догадывалась, что ее слезы точат и ему сердце, но ничем не могла унять неодолимую тоску...

Матвей в это утро проснулся поздно. Обулся, накинул на плечи шубу и хотел свернуть сигарку. Подумав, закуривать не стал: табак кончался, и его надо было прижеливать.

— Отец! — окликнула его от печки жена. — Дровец еле-еле на растопку. Бабы к Ежовой балке за шляпками ушли, а сама я тут чурбак не расколю, вот печь досе и нетоплена...

Матвей, услышав о бабах, подивился их смелости, спросил:

— Как же это они... отчаялись? То дальше двора ни шагу, а то сразу вон куда.

— Нужда, она заставит! Что ж нам, подолами коров да овец кормить?

— Чего ж меня не разбудили?

— Ольга не велела. Он, говорит, и так ночи не спит.

— Тьфу, дура...

Матвей оделся, вышел во двор. Скрип снега под ногами отвлек его от мыслей о снохе, он огляделся и сразу приметил у сарая следы. Ночью была легкая пороша, и отпечатки волчьих лап отчетливо синели у самой двери сарая.

— Вот тебе и на!

Матвей постоял, опять подумал о снохе, вспомнил, что и этой ночью Ольга плакала, и не выдержал, закурил. Дым потянуло к земле, и Матвей почувствовал облегчение: по приметам идущий низом дым означал перелом к теплу. И сразу появились иные думы — о весне, о нитках, чтоб подлатать вентери и сети, о лесе, который по паводку надо будет запасать, о лодке, о смоле. И он стал припоминать, в каком месте закапывал вентери и сети, куда запрятал смолу, цела ли лодка, которую он перед уходом из Данковки запрятал в рогозе за Красным мысом.

— К Дону надо пройти. Шесть дней прошло, а я сижу, как сурок, — вслух укорил он себя и поднял голову на скрип двери.

— Стоишь! — с досадой крикнула Трофимовна.

— Да будут тебе дрова! — недовольный, что ему помешали, Матвей сердито сплюнул и стал разглядывать запаренный дубовый обпилок, прикидывая, в каком месте легче будет вогнать в дерево клин.

Пока он управился с дровами, вернулись Ольга с Варварой.

— Ну, что вы, как? — кинулся к ним Матвей.

— Страху набрались, что ж, — как человек, которого вынудили проделать что-то невысказанно трудное, ответила Варвара. — Во дворе одного мертвяка боялись, а там их...

— Это где ж, где?

— Да за ярком прямо, в лощинке, бать, — высыпая в кошель из мешка подсолнечные шляпки, сказала Ольга.

— Наши?

— А мы подходили к ним? — опередила Ольгу Варвара.

— Они, бать, снегом присыпаны...

Бабы пошли в хату. Матвей вслед за ними внес дрова. Бросив на пол, ногой подсунул их ближе к загнетке, спросил:

— А следов... санных или... не видели? Не может же быть, чтоб не приехал никто!

— Дурей нас, видно, не нашлось, — укорливо проговорила Трофимовна. — Недельку бы какую переждать, гляди, и дочка бы поправилась.

— По-всякому можно думать. А ежели бы еще кто тифу подцепил,

тогда что? Лучше? Нет, мать, в той тесноте долго бы ей лежать. А уехали мы, в хате попросторнело, уход за ней. Дней десять пройдет и очапается.

— Дай бог...

Матвей подошел к окну, глянув на протоптанную крутовину снега вокруг обпилка, вспомнил об волчьих следах. Вышел во двор, побыл в сарае и вынес винтовку. Два дня назад он натолкнулся на итальянский карабин в соседнем дворе и припрятал.

Варвара как раз несла воду поить скотину. Увидев в руках Матвея винтовку, насторожилась.

— Ты чего это, дядь Матвей?

Старик концом ствола показал на следы у сарая.

— То-то ночью коровы и мычали, — вспомнилось Варваре. — Да как-то жалобно так. Мне прямо жутко сделалось. Встала я, Ольгу толкнула, а она тоже не спит, кивает: слышу, мол. Неужто голод их к жилью погнал?

— Не думаю. Разве что на свежатинку потянуло.

— А может, и зверью без людей не сладко? Надо же, пришли и не тронули...

Варваре не терпелось поделиться с бабами новостью. Оставив у порожка сарая ведра, она заскочила в хату и вздрогнула от выстрела за окном.

Детишки мигом соскочили с печки и прижались к ногам Ольги, а Трофимовна, заметавшая под загнетку мусор, присела и ладонями заслонила уши.

— Это дядя стрельнул! — сказала Варвара Ольге. Потом глянула на Трофимовну и рассмеялась.

— Смех тебе, — обиженно поджала губы старуха. Услышала шаги в сенцах и подошла к двери. — У-у, кобель старый! — И замахнулась веником.

— Ты чего? — ставя карабин в угол, посмотрел Матвей на жену.

— А того, что перепугал насмерть. Дьяволу бы под хвост эту твою пукалку! И какая надобность — стрелять?

— Проверить надо?

— Проверишь на свою голову! Недоброго гостя, его недолго ждать!

— Были уже гости. У самых вон дверей волки ночью толкались...

Мишка с Борькой подскочили к деду, стали упрасивать показать следы.

— Да тише вы, оголтухи горластые! Будут вам следы, если коров да овец порежут.

После завтрака Матвей сходил на соседний двор, вытащил со дна траншеи плетень, приволок к сараю, потом позвал сноху с Варварой.

— Давайте мы его к стене притулим. Рыть волки не станут, а тут вот могут пролезть.

С южной стороны глина местами обвалилась, жиденьякая деревянная заборка сыпалась трухой.

Обломком оси Матвей принялся долбить лунки для кольев. Мерзлая земля была неподатлива, конец легкой оси отскакивал от крепкой наледи, и Матвей попросил сноху принести топор. Топор лежал у порога, старик видел его от сарая и не сдержался, когда Ольга, чуть не наступив на топорнице, спросила, где его искать.

— Ты найди, а я скажу! — со злостью ответил он и его прорвало. — Ты это что ж, ядрена корень? Думаешь, тебе он только и болен, Андрюха твой? Мне он и вовсе сын! Это ты как, можешь понять? Я ему отец, а,

вишь, держусь! А на твой вид гляжу, и ножом меня этот твой вид режет! Чего ты как при покойнике ходишь?

Ольга подошла, подала топор.

— У меня от него дите, батя, — виновато сказала она.

— А-а, дите! А мне он кто, не дите?! — в бешенстве затряс перед лицом снохи Матвей руками. — Он что ж, Андрюха твой, за тыщу верст видит, а? Двух недель не прошло, как тут немцев нет, а он, значит, должен тебе письмо прислать, так что ли? Нет, погоди трошки! И Христом-богом прошу тебя, брось ты это — живого оплакивать!

— Правда что, зря ты, Ольга, тоску на себя наводишь, — раздумчиво сказала Варвара. — От моего Васи вон сколько ничего нет. Как немцы Киев взяли, ни строчки, как отрезало. А плохо-таки не думаю! Хоть он и мал, а проворен. Не быть ему убитому, и все! А твой вон какой мужичака...

— Пуля, она любого свалит, — проговорила Ольга, но в ее голосе уже не было той безнадежности, которая бесцветила ее слова.

Плетень поставили быстро.

Матвей вытер о полы шубы руки, закурил, жадно глотая дым.

Из степи низом шел теплый влажный ветер. В затишках, куда погуще ложились солнечные лучи, снег у стены сарая подтаивал, оседал, и Варвара заметила:

— Во! По-старому еще и января нет, а, кажись, прямо как к весне повернуло.

— А! — отмахнулся Матвей. — Декабрь, он всегда такой: днем мокрым снегом лепит, а к вечеру так морозина хряпнет, что вместо соплей сосульки под носом висят. Однако пойду я, пока следы совсем не согнало, — спохватился старик. — Повезет, так и зайчишку спугну.

— Да, мясца бы теперь, — вздохнула Варвара. — Мой Вася, если, дядь, помнишь, за огородами прямо убивал. Не успею, бывало, дров в печь накидать, а он уже вот он, несет. Или вернутся те денечки?

6

Наверное, не прошло и часу, как Варвара, стоявшая у окна, оповестила:

— А вон и дядя Матвей идет!

— Небось забыл что-нибудь, — отходя от нагретой печки, сказала Трофимовна. — Память и у него стала что решето. Пошел нынче дров нарубить, да и запропал. Жду, печь нетопленная, а его нет и нет. Вышла, а он стоит столбом посеред двора...

Матвей вошел, не раздеваясь, сел на перевернутый вверх дном немецкий ящик из-под мин. Лицо его было задумчиво хмурым, он шумно дышал через нос, будто приметил непорядок в хате.

— Чего насупился-то? — затаиваясь, спросила Трофимовна. Матвей поднялся, но тут же снова сел.

— Да, дела-а-а... — протянул он и, сняв шапку, заскреб в затылке. — Поглядел я, что на выгоне нашем понаделано...

— А что, дядь, а? — вытянулось у Варвары лицо.

Ольга, готовясь слушать, отложила полузаштопанный чулок, воткнула в него, чтоб не потерялась, цыганскую иглу.

— Ну, ладно, — вскинул Матвей голову, стал рассказывать: — Следы, значит, меня на выгон вывели. Глянул я... кругом яма на яме, уби-

тые и там, и там, от овчарни одна стена осталась, у кручи траншея глубокой в человеческий рост... Постоял я, бабы, постоял и все ж себя переупрямил. Пойду, думаю, Про волков, признаться, уже и забыл, охота уже поглядеть, дальше что, а тут лодка из ума не идет.

— Какая лодка? — перебила Варвара.

— Да помолчи ты, господи! — осадила ее Трофимовна.

— Ну, значит, иду, — продолжал Матвей, оставив вопрос Варвары без ответа. — Иду и только это из падинки, что над Красным яром, выперся, мимо уха — ть-ю-ю... И выстрел слышу.

— Господи, — вскинула руки Трофимовна.

— Что, думаю, за черт? — не сбил Матвей рассказа. — Откуда и кто? А над головой опять — ть-ю-ю...

Мишка с Борькой, свесив с печки головы, слушали деда, открыв рты, бабы тоже не спускали с него глаз.

— Не иначе, решил, по мне палат, — не обращая ни на кого внимания, рассказывал Матвей. — Я тогда что? Пошатался для видимости, взял да и упал поудобней. Гляжу, из окопов на Черной горе вылазят трое. Постояли и прямо ко мне прут. Ага, думаю. Изловчился я и бабахнул. Как ветром их сдуло! Стрелял-то лежа, ну, и не попал, видать. Пропадите, думаю, пропадом и лодка, и волки, чтоб из-за вас пулю получил. Ползком я, ползком да своим же следом и назад...

— Во, окаянные, что делают! — еле перевела Варвара дух. Трофимовна с сердцем выговорила мужу:

— Тебе, коблу старому, шляться где зря нечего, вот что!

— Ишь ты, где зря, — покосился Матвей на жену. — По своей земле хожу!

— И на своей можно смерть получить!

— А какие ж они, дядь Матвей, не приметил?

Матвей хмыкнул:

— На таком расстоянии лицо, что ль, разглядишь? По виду вроде немцы, а там кто ж их знает. Для обмана могут и наши немецкое нацепить.

— Наши-то зачем?

— А за тем, что с фронта, сволочи, могли убежать, а теперь по окопам хоронятся.

— Ньюжи ж наши, данковские, могут быть? — не унималась любопытная Варвара.

— Ты, Варьк, право слово, как лист банный: прилипнет — не отдерешь, — завозился на ящике Матвей. — Я что, документы ихние глядел? Говорю, и немцы могли каким-то путем остаться, но могут и наши быть, а данковские они там или липчанские — это уже другая статья. Хоть в Данковке, хоть в Липчанке людишки всякие есть!

— А стреляли зачем, по человеку-то?

— Тьфу! — Матвей, как обессиленный, кинул на колени руки. — Откуда же мне знать, что у них на уме, голова твоя еловая! Может, решили, что заметил я их, может, думали у меня едой разжиться, мало ли...

— И из-за еды человека убивать?

— Говорю же, всякие людишки есть! — не стал втягивать себя Матвей в разговор с Варварой.

Ольга посмотрела на детей, спросила строго:

— Слыхали? А вы в одну душу — пусти на двор да пусти...

— Это ты, Ольга, зря! — сказал Матвей и поднялся, подошел к печ-

ке, нашарил рукой в выемке окурки и, вышелушив на ладонь табак, свернул сигарку. — Не надо хоть детей пужать! Сами до того уже пужаные, что целую неделю снеговую воду пьем, к Дону сойти боимся.

— Ой, гляньте! — прилипла вдруг в стеклу оконца Варвара. — Кажись, Глотовы едут. Ей-богу, они! И Нюрка вин, и Денисовна. К двору заворачивают...

Донцовы сгрудились у окна.

— Вот чертов жук! — дернул себя за бороду Матвей. — Говорю же, всякие людишки есть. Мы на коровах, а он на лошади едет. Вот тебе и война...

В хату вошел сначала сам Глотов, но радости не высказал, увидев сельчан. Стащил шубные рукавицы, хмыкнул, будто расстался с Донцовым не больше, чем час назад.

— Опредил ты меня, стало быть. Ну, ладно, здорово, что ль...

Пожимая Матвею руку, Глотов отвесил поклоны всем остальным. Жмурясь, оглядел хату, спросил:

— Присесть-то можно?

— Ты, Крысаныч, иди своих сначала позови, а потом сядешь! — осекла его Трофимовна.

— Да ить кто ж его знал, — смутился Глотов. — Теперь позову, как же!

Жена Глотова, Денисовна, переступив порог, закрестилась, отдала поклон всем четырем углам жилья.

— Слава богу, здоровы, вижу, все. А Софьюшка-то, дай Бог ей сил, в какой отлучке?

— Ох, Денисовна, — вмиг опечалилась Трофимовна, — в тифу она.

— Помоги ей, Господи, — перекрестилась Глотова. Просторный тулуп путал ей ноги, лицо до самых глаз было укутано теплым, домашней вязки платком.

— Нюрка! — позвала она сноху. — Да помоги ж ты мне эту овчину снять. Задохнусь скоро...

Сноха Глотовых, Нюрка, высокая, с конопатинами по всему лицу, подсадила сына Кольку на печь и кинулась развязывать концы платка, завязанные в узел на спине свекрови.

— Стало быть, разместился? — обращаясь к Матвею, подал голос Глотов. — А кум-то твой, Серега, как? Али он разрешение дал?

— Какое ж тут разрешение? Вселились и живем.

— Так-так... Стало быть, что чужая хата — ничего?

— Поживем пока и в чужой. А к тому сказать, чужого теперь и нет.

— Может, и так, — усмехнулся Глотов. — Гляжу я, Фетисовых хата цела. Стало быть, и мне занять ее можно? Али с меня другой спрос?

— Ты, Крысаныч, без закавык, — поморщился Матвей. Денисовна поспешила сгладить оплошность мужа — заговорила о людском горе, о бесхлебье по хуторам.

— Да, с хлебом беда будет, — поцокал языком Глотов и поинтересовался: — Жить-то, Матвей Яклич, как думаешь?

— Как все, так и я.

— Это так, а все ж токи... К примеру, ежели вернуться они, ты как?

— Ты думаешь, вернуться они?

— Да ить как сказать... Что ни говори, а, считай, пол-России они проперли. Может, и у них промашка какая вышла.

— Чего ж ты сюда в таком разе ехал?

— Да мне-то что-о... — протянул Глотов. — Меня что старая власть манной кашей не кормила, что новая. Сам по себе живу, с меня и спрос короткий.

— Это верно, — кивнул Матвей. — Гляжу, тебе и с немцем жилось. Мерина вон достал.

— Сумел — достал. Тут на любого доведись, не откажется. Мерин, Матвей Яклич, мерин он и есть, — вязал слова Глотов. — Кто в оглобли его поставил, того он и везет, потому как без понятия. А вот человеку и разум даден, а в оглобли и его ставят. К тому и клоню, что кому как, ежели они вернутся...

Донцов, хотевший было закурить, сунул в карман пустой кисет, досадливо покрякал и, посмеиваясь одними глазами, в тон Глотову спокойно высказал:

— В оглобли, Крысаныч, больше здоровых запрягают. Норовистых лошадок бьют, порченных и вовсе прирезают. Так что куда ни кинь, а в оглоблях все ж лучше ходить, чем падалью вонять. Не с того ты разговор начал! Твой ведь тоже там. Вот ты и обмозгуй, как других припугивать, чтоб самому непуганым стать!

Глотов, подрагивая веками, скосил на Матвея глаза, покашлял.

— Я к тому, Матвей Яклич, что все может быть, а ты и усурьез. Ругаться нам вроде бы не за что. Правильно, и мои воют. Не один, а два, вон оно как! — Он похлопал по колену сложенными рукавицами, предложил: — Может, одолжить табачку-то? Гляжу, твой вышел.

— Спасибо, Крысаныч, обойдусь. Табак теперь дороже денег, а у меня и денег, признаться, нет.

В это время в сенцах хлопнула дверь и в кухню, к удивлению Матвея, вошли Варвара с Нюркой. Их ухода, видно, не заметил и Глотов.

— Чего шляешься-то? — спросил он сноху.

— Что ж нам, Крысаныч, в хате нужду справлять? — отозвалась вместо Нюрки Варвара.

— Простынет она, боюсь. Шлындает без платка, — беспокойством за сноху гася неловкость, сказал Глотов и, поднявшись, протянул Донцову руку. — Что ж, Матвей Яклич, спасибо за приют, но устраиваться и нам надо. — И пропустив Денисовну и сноху с внуком, Глотов вышел.

— Как обмылок склизкий, чертов жук! — Матвей сплюнул и вытер о полу шубы руку.

— Дядь, — подошла к нему Варвара. — Возьми вот, — протянула она чем-то наполненную варежку. И, видя удивленье Матвея, пояснила: — Табак тут...

— Табак?

Варвара засмеялась, стала рассказывать:

— Когда пустой кисет ты вытащил, Нюрка меня толк — выйдем, мол. Вышли, она меня к саням и потянула. Табачку, говорит, дяде Матвею надо дать. О-о, у Крысаныча табака этого полсумки аж! Развязала Нюрка сумку-то, а во что его брать? Вот она в варежку и нагребла.

— Так это и варежка ее? Да-а... — Матвей в задумчивости пожевал губами, удивился: — Молодец, выходит, Нюрка, а! Увидишь ее, Варьк, спасибо от меня скажи. Спасибо, да! А то ведь и опухнуть недолго, без курева-то, — бережно пересыпая из варежки в кисет табак, радостно шутил Донцов.

До войны Антон Хрисанфович Глотов жил единоличником, и жил справно. Дом его, рубленный из дуба, стоял на круче у самого Дона. Крыша — железная, труба — с завитушками, а искусно вырезанный из белой жести конь, на удивление всем мальчишкам улицы, всегда показывал, откуда дует ветер.

Хозяин дома был мужик не промах. Он получше коня на трубе чуял, откуда тянет прибыльным ветром. Веснами, когда в лесных ериках начинала играть полая вода, Антон укладывал в мешки вентери, сети, и на зорьке его лодка скрывалась в затопленной лозе. Свежую рыбу нарасхват брали в степных хуторах. Дери втридорога, никто и «ох» не скажет. И младший сын Глотова Петюня чуть ли не каждый день выгоном выбирался на шлях с прилаженным к рулю велосипеда мешком и держал путь к какому-нибудь хутору.

В дни жатвы Антон подавался в совхозы, где не хватало рабочих рук. Косил, веял на токах зерно, а как только кончалась молотьба, крыл соломой и железом крыши, клал печи.

Заморозки гнали его домой. И опять его лодка тыкалась носом в песчаный берег пристани, по края оседая в воду под тяжестью ворованного леса, который шел на продажу туда же — в степные хутора...

Дом Антона сгорел до прихода немцев. В те ночи сильно бомбили переправу. Глозовы отсиживались в мушнике на огороде, и хозяин видел, как ослепительный шар зажигательной бомбы грохнулся на железную крышу.

Утром погорелец ходил по улице, заглядывал во дворы; встречая сочувственные взгляды, кивал в сторону Дона:

— Тоже мне, армия! Хуть бы уж ночью-то не переправлялись. Немец, гляди, этих бомбов бы и не кидал. А теперь... Домина какой сгорел, мать твою так!

Если кто-нибудь намекал, что наши солдаты совсем ни при чем, лицо Глотова корчилось ядовитой ухмылкой.

— Твоя-то халупа стоит, а ить ей первой сгореть надо. — И пояснял: — Немец, он ить против кого идет? Против колхозов он идет! А я, слава богу, одиноличником живу...

Эвакуацию Глотов пережил у родственников жены в хуторе Атамановке. Перебился неплохо. Избранный новыми властями староста был Антону давний дружок, и семью Глотова не трогали. Зарезали, правда, телушку, но хозяин по ней не сокрушался.

В обратную дорогу Глотов собирался толково. В поисках саней избегал всю Атамановку и у одной бабы выторговал за полпуда ячменя совсем еще новые сани. Вскоре представился случай обзавестись и меринком. Проезжие через хутор бойцы оставили две пары тощих лошадок. За конями приглядывал брат Денисовны. Антон охаживал его недолго. Посулил за мерина три пуда пшеницы, а когда женин брат засомневался, Глотов закрестился и зашептал ему в ухо:

— Вот крест святой, не брешу! Пашаничка, слава богу, припрятана. Так уж и быть... А с тебя спрос какой? Забрали, мол, какие-то. Мало ли войск тут перебивало...

Жена Антона наотрез отказалась ехать в село, сноха тоже не прочь была переждать до весны. Антон разозлился:

— Вон чего захотели! На готовое место им хочется, а мне, стало быть, грыжу наживай! Собирайтесь!

В родное село Глотов въезжал со страхом. Села и не было. От него только и осталось, что название. Кое-где торчали стены да голые трубы, а больше — навалы бревен, глины и кирпича. Улица, до войны широкая и прямая, — вся в лохмотьях колючей проволоки.

— А-а-а, мать вашу так! Всех сравняло!

— Не то ты, Антоша, радуешься? — спросила Денисовна.

— А ты, стало быть, горюешь? — повернулся Антон к жене. — Они, небось, радовались, когда мой дом сгорел. Вот и я рад, не мне одному строиться!

— Грех ты большой на душу берешь!

— А ты меня, дура хвора, грехом не пугай. Для других его береги! Грех... Злой я на них!

Глотова часто охватывала злоба на всех, с кем он долго прожил рядом. Эта злость появилась давно, еще в тридцатые годы.

В первый год коллективизации люди с неохотой шли в колхоз, и вместе со всеми был он, Антон Глотов. Он верил, что так и будет всегда, потому что не понимал, как можно свое добро отдать всем. Его душило бешенство, когда он думал о том, что на его быках будут пахать другие.

Но в колхоз все-таки шли — стиснув зубы, придавив в себе жалость к собственной худобе и собственным хомутам. А Глотов мертвой хваткой вцепился в свои ворота, и оторвать его уже не смогли. Вот тогда-то и зашевелилась в нем сжигающая сердце злоба. Как застарелая хвороба, привязалась к Антону злость. Он вместе со всеми и больше всех проклинал колхоз, а люди, словно сговорились, и бросили его одного. Он за ними не пошел да так и остался один, как обгорелый пенек на лесной поляне.

Жил справно. На здоровье не жаловался, ворочал, как бугай, у него денежки водились, а за них можно было купить все. И хотя доволен был жизнью Антон, но обида на людей непонятной болячкой так и осталась внутри...

8

В хате Фетисовых Глотов селиться не стал. Была она загажена так, что на уборку не хватило бы и трех суток. Рамы из окон были вытащены, двери сорваны, прямо посередине горницы чернела яма. В ней немцы разжигали костер, и на стенах висели клочья копоти.

— Принесла нас сюда нелегкая! Пропадать тут, а не жить! — И Денисовна с таким видом уселась на грядущку саней, словно намеревалась просидеть так не один день.

— Ты помолчала бы! — посоветовал Антон жене.

— Ну, загоняй меня в гроб, загоняй! Мы что, цыгане, чтоб на снегу жить?

Нюрка зло пошутила:

— Погоди, он сейчас шатер поставит...

Глотов переломил о колено кнутовище, выругался, и бросил обломок кнута снохе в лицо.

— И ты туда же, дрянь конопатая! — И пошел по огороду к саду.

Через полчаса Денисовна и Нюрка с сыном сидели около железной печки. Обвыкнув в темноте, начали разглядывать стены блиндажа.

— Тьфу, прости меня господи! — сплюнула Денисовна. — Вот, гады, сраму какого повешивали! — И она стала срывать со стен аккуратно наклеенные снимки улыбающихся раздетых догола девиц.

Блиндаж был вырыт немцами старательно. Вовнутрь вели ступеньки, стены обшиты досками, три деревянные кровати, железная печка в углу и даже алюминиевый бачок для воды. Вверху — два окна. Одно оказалось разбитым, и Глотов заткнул проем периной. Перин на кроватях было до десятка, их, видно, снесли сюда со всей улицы.

— Прибрать надо, — распорядился Антон и несколько штук засунул под кровать. Постукал валенком по печке, потрогав трубу, конец которой был выведен наружу, удивленно качнул головой. — Ловко устроились немцы. Вишь, что значит дошлый народ. Не нам чета, хоть и воюем с ними. Ить тут жить, как у бога за пазухой можно. И дровишки есть, — показал он на поленья в углу. — Ты, Нюрка, растопляй, а я пойду лошадь в хату поставлю.

— Неловко вроде в хату. А ну как Фетисовы нагрянут...

— С ними не ты балакать будешь! И чтой-то ты все поперек, а? — остановился Антон напротив снохи. — Ты гляди мне!

Глотов вышел, а Денисовна сказала:

— Ох, Нюрка, Нюрка, дождешь ты беду! Он пожил, повидал, чего ж его учить? Да и не тебе его учить, прав слово!

— Ладно уж...

— Не засну я тут, — немного погодя, вздохнула Денисовна. — Всю ночь так и будешь ждать, что какой-нибудь из них влезет...

— На фронте и вовсе небось страшно, — подсовывая под дрова тряпку, проговорила Нюрка.

— И-и-и-х, жизнь проклятая! — запричитала Денисовна. — Вот так-то Петюшка с Ваней где-нибудь сидят, а в них пулями целятся. Сохрани их, господь, и помилуй!

Нюрка подошла к сыну, погладила по голове.

— Ложись, Коленька, полежи.

— Не хочу, там немец спал! — сморщил лицо Колька.

— И немец, дед говорит, человек. Ложись, ложись, чего будешь колготиться?

Как только Глотов вернулся, Денисовна сказала с укором:

— И чего ты, Антоша, так сюда сорвался? И я тут боюсь, и дите вон спать не ложится!

— Дитю укорот дать недолго, а ты бы язык прищемила, чтоб он попусту чего зря не трепал! Ты думаешь, Донцов зря приехал?

— Ему ехать, они у чужих людей жили.

Глотов осуждающе вздохнул.

— Об твою голову только орехи колотить! Матвей, небось, не зря спешил. Знает, коль теперь не поживишься, так голым будешь. Он не дурей нас...

— Вот и беда, что не дурей! А ты уже и поцапаться с ним успел!

— Нехай бы не цеплял! А то ишь, за мерина его взяло. И с какого это рожна мне советской власти в ноги кланяться? Мне, стало быть, на глотку становились, а я должен поклоны класть? Нет уж! Жил сам по себе и жить буду!

— Сам ты, Антоша, на глотку себе и наступил, не к ночи будет сказано. Тебе что, не давали в колхоз записаться?

— А-а-а, вон ты как! — понизил голос Глотов. — Ты рази хуже других со мной жила? На кой он мне, твой колхоз?

— А на кой, так при людях об этом молчи! — не унималась Денисовна. — Зачем ты Матвею ляпнул? Его эта власть тоже не дюже манной

кашей кормила, но он эту власть делал, и твои слова могут ему не по душе быть! А то умный ты дюже, а язык, когда надо, не догадаешься прикусить!

— Теперь и я с ним равный. Мои там, где и его!

— Сыны и будут равные, — встряла в разговор Нюрка. Она сидела на корточках перед печкой и слушала, пока не затекли ноги.

— Ты-то, ты-то что? — вскипел Глов, но сдержался, решив при случае напомнить снохе все ее попытки суперечить ему.

Нюрка жила в этой семье шестой год. Свыклась со всеми порядками в гловском доме, но тоска по прежней жизни не прошла и с появлением сына.

Росла она в бедности. Детей у ее родителей было шесть душ — за большой стол, который занимал чуть ли не всю прихожую, и то усаживались с трудом.

Жили впроголодь, но весело. Отец здоровьем был слаб, попивал, и надеяться на его помощь матери не приходилось. Придавленная работой, она не отдыхала и по вечерам. Детей забавлял отец: учил их петь, плясать, смешил рассказами.

В дом Гловых Нюрку отдали девятнадцати лет. Жених не нравился, но против родителей она не пошла — видела, как радуется их родство с Гловым...

Первый год замужества был для нее адом. Вся женская работа перешла к ней. Топить печь, готовить еду, несколько раз в день выносить корове и овцам лохань с поюями было хоть и тяжело, но не в первинку. Мучило другое. За каждым ее шагом следила свекровь. Денисовна подмечала всякую оплошность и потом за обедом или ужином с ласковостью упрекала сноху в неумении делать работу.

«Этак ты, милая, нахозяйствуешь», — трясла свекровь головой. Не зная порядков в семье, Нюрка однажды не снесла упрека и что-то сказала в свою защиту. Тут же свекор так ударил ее деревянной ложкой по лбу, что у ложки переломилось цефье.

Все в доме было подчинено характеру хозяина. Прижимистый, Антон мог ударить и жену, и любого сына за каждую горсть нечаянно рассыпанных зерен. Был он жаден до того, что сам отсыпал из мешка подсолнечные семечки, если Денисовна разрешала молодым нажарить их ради какого-нибудь праздника.

Молчаливость свекора поначалу лишь удивляла Нюрку, а потом стала сводить с ума. В доме почти не говорили, и она каждый день с радостью ждала того часа, когда надо было носить воду или идти встречать к околице овец. За водой ходили к Дону, и Нюрка считала для себя счастьем, если встречала на пристани кого-нибудь из баб.

На людях Антон был говорлив, но речь его дальше жалоб не шла. Обозленный, он впрямую высказывал свое недовольство властью, о доме же и о своих делах говорил так петлисто и заковыристо, что понять его мог не всякий.

Денисовна была по-лисьи хитра и сразу расценивала, как могут отнестись люди к словам ее мужа. Она сейчас же начинала на него наседать и сглаживала резкость. Дома, таясь снохи и даже сына, шепотком втолковывала Антону, что с его языком недолго попасть и в Сибирь.

Нюрка в доме ходила тенью. Деваться ей было некуда, и она решила, что лишний раз не лезть свекру и свекрови на глаза для нее выгодней.

Когда началась война, Глов притих, почуяв, что в это крутое вре-

мя с ним могут обойтись жестко. К снохе он стал относиться мягче и даже разрешил ходить на работу в колхоз, чему Нюрка, за пять лет отвыкшая от людей, была рада.

Проводив на фронт мужа и четырех родных братьев, она осмелела, дома уже без боязни вмешивалась в разговор свекрови со свекром и замечала — хоть и не нравится им эта перемена в ней, но свое недовольство они прячут старательно.

В эвакуации жилось несладко. Отношение к ней свекра не изменилось. Нюрка догадывалась, что он в растерянности и никак не может уяснить, какой поворот надо ждать от войны...

9

Баня стояла в глубине огорода, на том самом месте, где когда-то еще дед Евдокии Роговой утрамбовывал землю под ток. После новины беле-ый суглинок ежегодно внакат устилала снопами, и с утра до вечера по золотистой соломе с веселым вжиканьем гуляли цепа.

Года за два до коллективизации тут поставили саманный овин. Летом в нем было прохладно, пахло сухой глиной и срезанным для сушки табаком. В жаркие дни отец Евдокии, Семен, любил побаловаться в овине сном после обеда, латал здесь порванные сети.

Осенью в овин от непогоды сносили необмолоченные снопы, а зимами — хранили всякую всячину: рыболовные снасти, необделанные овчины, старые хомуты.

Потом овин пустовал. Свою лошадь и годовалого бычка Семен отвел на общий колхозный баз, снопы тоже не надо было прятать от дождя: теперь их обмолачивали машиной и опять же на общем колхозном току. И хозяйственный Семен переделал овин в баню. Был по-стариковски рад, когда в субботние вечера в его хате толпились люди. Одни остывали, похваливая пар и березовый веник, другие ожидали своей очереди.

Умер Семен перед самой войной. Жена его дожила до прихода немцев и скончалась от тифа в хуторе Атамановке.

Похоронила ее Евдокия не по-людски — не было досок, некому было делать гроб. Кое-как выдолбив неглубокую яму, завернула мать в чистую простыню и засыпала могилу тяжелыми комьями мерзлой земли. И даже не плакала, потому что выплакалась раньше и namного дней вперед. Постояла, слушая, как среди заросших полынью старых и новых могил шуршит поземкой ветер, и ушла...

Хозяева, приютившие ее, были простые люди. Не требовали платы, не обижали детей и не торопили с отъездом, когда Данковы потянулись домой. Но оставаться ей не хотелось, за другими тронулась и она.

Когда дальний родственник остановил на околице запряженную в повозку-одинарку корову и начал ссаживать детишек, Евдокию как-то сразу сдавило страхом. Пока она шла вместе с людьми, голова хоть и разламывалась от мыслей, но мысли эти были привычные — о муже, о детях, которых нужно чем-то кормить, о мукé, которую пришлось оставить в Атамановке и за которой теперь надо было идти, о прохудившихся ботинках... несколько раз подумывала о хате, какая наверняка сгорела, и тут же успокаивала себя тем, что хаты не уцелели у многих. Эти многие идут сейчас рядом с ней и, кажется, всегда будут рядом, и поэтому даже большая беда достанется всем, а не ей одной. Но увидев озябших высаженных из повозки детей, увидев сброшенный на грязный снег узел, Ев-

докия поняла, что люди сейчас уйдут дальше, а она останется одна. Ей дальше идти незачем — на этой улице она жила, на этой улице стояла ее хата, и хотя хаты этой теперь нет, есть место, где надо будет начинать жизнь сызнова.

Был полдень. Осевшее книзу небо сулило снег. Из-за леса на том берегу Дона насовывались белесые лохмы туч, отяжелевший ветер ник к земле, будто торопился залечь перед метелью.

Евдокия постояла, вглядываясь в пустоту непохожей на прежнюю улицы, перебросив через плечо тяжелый неловкий узел, подтолкнула детей.

Коза, которая всю дорогу толкалась в овечьем гурте, плелась позади. В том, что она никуда не ушла, пока Евдокия стояла в раздумье, и теперь покорно шла следом, было что-то необъяснимо тревожное. Казалось, она понимала, как много бед свалилось на людей, и старалась избавить их от лишних хлопот.

Поселилась Евдокия в бане. В предбаннике поместила козу. Туда же выкатила и бочонок — в нем в банные дни держали холодную воду.

Массивная печь с вмазанным железным котлом была годной. Евдокия уложила детей, даже не раздев их, накрыла кое-какой одежкой и вышла наломать бурьяна. Вымахал он на унавоженном огороде почти в человеческий рост. Евдокия справилась за какие-нибудь десять минут и с трудом втащила в баню беремя сушняка. И как только в зеве печи загудел огонь, она ослабла и, кинув на колени руки, закрыла глаза.

Ей хотелось лечь. Хоть на полу, только бы лечь и заснуть, чтобы забыть и сморщенное лицо мертвой матери, и растерянно оробевшие лица детей, когда мужские руки поставили их на землю.

Вечером в бане стало темно, и Петька спросил, почему она не засветит огня.

Евдокия молчала, и тогда Петька заплакал, и ему никак нельзя было объяснить, что в коробке осталось всего-навсего три спички, что керосину нет, а как светит лампа — она и сама забыла, потому что лампы давно заменили каптушки из пузырьков. Сейчас не было и пузырька.

Петька поплакал, притих и сразу подала голос семилетняя Танька:
— Мам, дай хлебушка...

Она приподнялась, протянула в темноту худую ручонку и, отыскав голову матери, повторила:

— Ма-а-а-м...

— Сейчас, Танюш, погоди.

Евдокия подошла к двери, ощупью нашла на гвозде сумку, долго развязывала узелок зубами.

— Ты, сынок, будешь?

— Буду...

Полбуханки зачерствелого хлеба Евдокия думала растянуть дня на три и теперь боязливо отщипнула сначала один, потом второй кусок. Крошки собрала в ладонь и осторожно сыпала в рот. Прижав их языком к небу, почувствовала, как пьянеет от голода.

— С луком будете или так? Лучше с лучком, правда? А вот соли нет...

В просторной печи жар уже давно померк. С пола потягивало холодом.

Вдруг коза стукнула рогом в дверь и заметалась в предбаннике. Дети перестали жевать, и Петька всхлипнул:

— Мам, я боюсь...

— Я тут, сынок, тут! — она наклонилась, обняла детей, а у самой ошалело застучало в висках и мелкой дрожью ударило в ноги.

За огородом, на выгоне, выли волки. Жуткий плач волчьей стаи вяз в ушах и леденил тело.

Евдокия, поборов в себе страх, начала тихо рассказывать давнюю сказку, слышанную еще от бабки:

«Долго-долго ходят волки в степи и собираются в стаю. И ведет их самый старый волк к селу, где воздух пахнет овечьим духом. Только дойдут они до села, месяц на небе вспыхивает. И мерещится тогда волкам, что за ними собаки гонятся. Шарахаются волки от своих теней и никак не могут уйти. И тогда собьются они в кучу, поднимут морды кверху и начинают молить месяц, чтобы он за тучи спрятался. И долго-долго воют, пока не сделается на земле темно...»

Первым заснул Петька. Уже сонный, он подсунул под голову маленький кулачок и затих.

— Спи, дочка, и ты. На дворе месяшно, вот они и воют. А к бане они не подойдут. Увидят наши следы и уйдут.

Нескончаемой показалась Евдокии эта ночь. Сна не было. Дремная слабость охватывала тело, она закрывала глаза, но стоило шелохнуться кому-нибудь из детей, Евдокия пугливо вскидывала голову и подолгу сидела, вглядываясь в светлое пятно оконца в стене. У нее поламывало в висках и болели веки. Много раз она пыталась лечь, но начинала зябнуть спина, и Евдокия поднималась снова.

Ближе к утру к ней стал подбираться страх. Он появлялся всякий раз, когда уходила ночь и неумолимо надвигался новый день.

Война лишила ее привычного и всегдашнего — необходимости делать все то, чему ее научили в жизни: стирать белье и полоть картошку, отгонять в стадо корову и замешивать тесто в деже, ругаться с бригадиром за неучтенный трудодень и измерять ладонью, глубоко ли промочил дождь землю. Все это осталось за далью довоенных дней и казалось почти что сном.

К рассвету в бане совсем выстыло. Она прислушалась к дыханию детей и с высоты полка нащупала валенком неровные доски пола. Ноги так застыли и затекли, что первый шаг отозвался в коленях горячей болью — будто большую раскаленную иглу вогнали под кожу.

— О, господи! Если ты есть, скажи мне, за что такие муки на людей?

Евдокия сказала эти слова, с трудом разжимая непослушные от холода губы, и по привычке глянула в угол, где должна была висеть икона. Но угол темнел пустотой и только клоч паутины свисал с потолка...

Евдокия вышла во двор, и ей показалось, что на дворе теплее, чем в бане.

Ночью сыпал снежок. Комья земли вокруг воронки на соседнем огороде уже не темнели, рваные края ямы тоже едва угадывались, и на душе Евдокии сразу посветлело. Воронка, пугавшая ее вчера своей бездонной чернотой, больше не будет мозолить глаза, напоминающая о страшных бедах.

С огорода хорошо были видны почти все подворья улицы. Она легко оглядывала разбитые стены, обугленные крестовины стропил, засыпанные снегом кучи глины на месте хат.

— Стены уцелели и то, слава богу, а нашу халупу как языком слизнуло...

Она уже привыкла думать вслух, за полгода эвакуации говорить приходилось мало. Все, что ей хотелось сказать, сказать было некому, и мыслей

день ото дня скапливалось все больше. В иные минуты Евдокия боялась, что от них развалится голова. И оставаясь одна, она говорила сама с собою.

Ей вдруг захотелось пить.

— А где ж воду-то взять? Снегу разве натопить? Снеговую и в рот не возьмешь...

Она посмотрела на Дон. Виден был левый берег — разводья на льду, серая лента брошенной дороги и оттененные свежей белизной снега тополя и вербы Заречья.

Будто жидко разведенной синькой был прирызган на острове лес.

Сколько раз до войны глядела Евдокия с крыльца своей хаты на излучину Стародонья, и никогда не подкатывал к сердцу горячий комок. Не думалось тогда, что придут сюда откуда-то чужие, с непонятным говором люди, и годами налаженная жизнь в считанные дни станет в яви сущим адом. За какие-то полгода бурьянами позарастут поля, сгорят деревни дотла и многое множество сирот до конца своих дней так и не узнают теплоты отцовских рук...

До кустика знакомый берег Стародонья всколыхнул в ней столько подробностей давней жизни, что Евдокия могла бы долго еще стоять, оцепенев, если бы не горьковатый запах дыма. Вьедливый душок сажки на какой-то миг щекотнул ноздри, и она насторожилась, бросилась в баню, упала на колени, заглянула в печь, подумав, что в печи могли уцелеть дрова, которых она не заметила в темноте, когда разжигала бурьян. Пахло пригорелым кирпичом и чуть-чуть кислотатым потягивало от свежей золы. Печь была пуста, и угаром в бане не воняло.

Евдокия подошла к детям, постояла, хотела снять паутину и протереть оконце, но тревога уже угнездилась в душе, и она опять вышла из бани. И сразу увидела дым...

Это не был дым пожара или костра на снегу. Белесые космы пластались в воздухе, ненадолго застывали, но снизу давило новым наплывом, и дым, равномерно поднимаясь ввысь, вытаивал незаметно для глаз.

— Из трубы дым! Слава богу, живые люди нашлись...

Прямо огородами Евдокия зашпешила в противоположный от Дона конец улицы. Подшитые резиной валенки соскальзывали с притрушенных снегом глыб мерзлой земли, и она шла рывками.

Когда показался сарай Ермаковых, новая мысль толчком отозвалась во всем теле, и Евдокия остановилась.

«Дым-то дым... Мало ли дурных людей шляется. Могут и немцы хорониться», — подумала она, не решаясь сказать эти слова вслух, и попятилась назад. Ей тут же почудилось, что и дым стал вдруг черен, словно не дрова горели в печи, а что-то такое, чем могут топить только люди, от которых ей не надо ждать добра.

Подобрав полы шубы, Евдокия бегом кинулась в ермаковский сад. Цепкий и петлистый терновник спутал ей ноги, она упала, кое-как выбралась ползком из гущины и спряталась за толстый ствол яблони. Посидела, дожидаясь, пока перестанет шуметь в голове, поднялась и начала оглядывать подворье. Увидела сани посреди двора и отметила про себя, что для тех, кто прячется, сани не нужны. Но не вышла из-за яблони, а попыталась отыскать санные следы. Следов не было, и она опять прижалась к дереву. Взгляд скользнул дальше. У самого порога стояло ведро, в ведре совсем недавно выносили теплую воду.

«Да что же это я, господи! — упрекнула себя Евдокия. — Почти две недели, как в селе немцев нет, а я боюсь...»

Она поправила платок, вздохнула, набираясь решимости, и увидела, как из сеней вышел человек. Евдокия впилась взглядом в лицо, но от жгучего желанья угадать человека в воздухе зарябило от красных и желтых точек.

Человек был высок ростом, бородат, в овчинном полушубке и валенках.

«На Донцова похож... А борода? Отпустил, может? Да он же, он!» — и крикнула:

— Матвей Яклич! Дядя Матвей!

Спотыкаясь от волнения на ровном, Евдокия сделала несколько нерешительных шагов, но Донцов сам уже шел к ней навстречу, и она побежала.

— Ошиблась, чи нет?

Остановилась в двух шагах, глянула в его бородатое лицо. Слабея от радости, по-бабьи торопливо и сбивчиво заговорила:

— О, господи, чуть со страху не умерла. Гляжу, дым! Приехали-то давно? А я бегу и думаю: а ну как немцы? Тетка-то Трофимовна тут?

Матвей, выслушав нескладицу, легонько потянул Евдокию за рукав.

— Пошли в хату.

— Да у меня ж детишки там остались!

— Где это?

— Да в бане. Баня-то уцелела! Вышла я, гляжу — дым! Я — сюда, а Танька с Петькой там. Мы же только вчера явились. Проснутся, с крику опухнут...

— Так забирай их сюда!

— А можно?

— Ну а чего ж будете мерзнуть!

— А у меня ж и коза...

— К овцам в сарай пустим, подумаешь.

— А можно? Тетка-то Трофимовна как, ничего не скажет?

— Да что тебе тетка? За шляпками она с бабами ушла. Ты иди. Хата для всех стоит, а ты не хуже нас...

10

С ужином в этот вечер Донцовы припозднились. За разговорами не заметили, что давно стемнело, что в хате успело нахолодать.

Матвей, зная, что бабы умолкнут не скоро, принес из сарая беремя подсолнечных будыльев, стал ломать их через колено, захватывая в горсть по десятку штук.

Дети перебрались с печи к грубке, ждали, когда заплещет по будыльям золото огня.

Ватный трут за день отсырел в кармане шубы. Матвей бил кресалом о кремень, руки его обсыпало искрами, но трут не схватывался огнем.

— Я из пиджака вату выдерну, — шепнул Гришка деду.

— А ходить в чем?

— Да я чудок.

— Ну, давай...

Принесенные с холода, будылья в хате отошли и разгорались плохо. Матвей дул на тлевший краешек сухой вербовой щепки до тех пор, пока в ушах не затенькало от натуги.

— Ну-ка по очереди, — приказал он.

Первым дул Гришка. В глаза и рот ему полыхнуло золой, Гришка закашлялся и уступил место Петьке... До Борьки очередь не дошла.

— Вижу, духу у вас нет, — сказал дед. — Совсем вон затухло. — И снова принялся раздувать слабое пятнышко огня.

Ужин был жидок.

Трофимовна дала каждому по ломтю черствого хлеба, высыпала из фартука на стол десятка два картофелин.

Картошку день назад Матвей обнаружил под снегом на огороде Ермаковых и обломком оси наковырял ее полведра. Картошка оказалась мерзлой, но Трофимовна все же сварила несколько штук. Попробовала, распорядилась:

— Пройдет и такая. Чего-нибудь есть надо, а печеная она и вовсе хорошая будет. Ты, отец, еще покопайся...

Гришка на этот раз картошку есть не стал, попросил кипятку.

— Сахару, сынок, нет, — сказала Наталья.

— А я так, с хлебом. А с картох у меня днем живот болел...

Евдокия, смахивая в ладонь кожуру со стола, вздохнула:

— Боже мой, сколько зла в мире. Подумать если, то умней человека на земле и нет никого. Прокормить и зверь и птица себя прокормит, тут уж без нас все устроено. А человек до всего дошел. И говорить научился, и машин разных настроил, и чего-чего не выдумал. По мне, ничего больше и не надо. Живи да радуйся. А делается что? Ведь если собрать их всех, сколько их полегло, полземли трупами услать можно. Да сколько еще смертей будет, пока замиряется!

— Войну, Семеновна, не люди, а Гитлер начал, — проговорила Варвара.

— А Гитлер не человек разве?

— С рогами его рисуют, какой же он человек?

— Нарисовать что хошь можно. Что ж у него, у Гитлера-то, ума нет? По-твоему, люди безмозглых руководить собой выбирают?

— Ум на ум не приходится, — вмешалась Ольга. — Один умом добро делает, а иной и с умом да зло творит... по нашей жизни хоть взять. Бесовестный человек все лучше совестливого живет...

— Я вот о чем, бабоньки, все думаю, — перебила Ольгу Варвара. — Было б можно, собрала бы я всех правителей и сказала им: не поладили — народ не трогайте, не стравливайте его. Сойдитесь где-нибудь и... кто кого!

— Было время, сходились, — вставил Матвей. Трофимовна даже с ящика поднялась.

— Наш бы Гитлера уложил. Я его, попадись он мне, и то бы отутюжила. А потом бы, проклятому, такую казнь придумала, что и мертвым бы меня не забыл!

— Мертвые, тета, ничего не помнят...

— А меня бы помнил! — подождли Трофимовну слова Варвары. — Я б ему... Шкворень накалила бы докрасна да в то место, откуда ноги растут, и сунула бы, окаянному, холодным концом!

Варвара плечами дернула, не понимая:

— Холодным-то зачем?

— Затем, что за горячий конец не дюже скоро ухватишься!

Матвей все время слушал, молчал, но разговор, видно, задел и его.

Он пододвинулся вместе с ящиком ближе к столу, и когда бабы замолкли, сказал:

— Все умные, а Гашка умней всех.

— А что ж, кум, плохо, что ли, было бы? — скосила Варвара на Матвея глаза.

— Плохо! Кулаком не всегда правду докажешь!

— А чем же ее доказывают?

— Ты погоди! — помогал Матвей рукой. — Помнишь, твой Василь с моим сыном ходил для лесничества сено косить?

— Ну, помню...

— Наш при дележе взял бы твоего и обжулил. Что было бы? Скандал! Так или нет?

— Ну, так.

— А по твоему рассуждению никакого скандала не может быть. Сошлись бы они...

— И кто кого!

— Андрей бы мой, не в обиду тебе, Василя твоего смял. А правда? Правда-то где? Э-э-эх! Сошлись бы! — передразнил Донцов Варвару. — Ольга верно говорит. Между умами ба-а-льшая разница! У них ум на одно работает — как бы Россию в землю втоптать, чтобы Гашка Ускова да, к примеру, сноха моя на них бы хрип гнули. Вот об чем речь, а ты — кто кого...

Нюрка растерянно поморгала глазами и призналась:

— Вася мой вгорячах меня тоже частенько поругивал. Твой, мол, ум на ворота повесь, его и за так никто не снимет. Спроста, кум, живешь, по-простому и рассуждаешь...

— Давайте, бабы, укладываться, — поднялась Трофимовна. — И жиру в коптушке всего ничего осталось, и дети вон уже спать хотят.

— Нет, мы слушаем, — отозвался с печки Мишка.

— Хватит, хватит уже!

Трофимовна зевнула и, перекрестив рот, стала выгребать из-под топчана, на котором спал Матвей, перебитую в труху солому. Бабы стали укладываться на полу.

11

Хутор Крутой, где Донцовы оставили больную Софью, лежал в стороне от больших дорог. До войны данковцы хаживали туда редко. Только раз в году, ближе к осени, те, кто был посвободней от дел, шли в хутор и занимались трясти сады. Платили им щедро: на тележках везли данковские бабы мешки с яблоками и плетенки с терном.

Считалось, что до хутора двадцать шесть верст. Дороги никакой. Летом, сокращая путь, топтали стежки по теклинам яров и непаханым залежам почти до самой Атамановки, а оттуда шел сверток — узкая, в две колеи, лента проселка. Ходить в хутор зимой никому нужды не было и дельного совета — как спрямить до Крутого путь — никто из данковцев дать бы не смог.

Поездку в хутор Донцовы откладывали со дня на день. Поначалу Трофимовна намеревалась просто навестить дочь, потом заявила, что в Крутой надо ехать на коровах, чтобы забрать оттуда Софью совсем. На этом и порешили, но к вечеру в тот день запуржило, и к утру снег лег вершка на три. Ветер с ночи не утих, и из сада гнало ко двору колючую поземную пыль. Мучнистой наметью залепило в сенцах стены, до самой щеколды обсыпало входную дверь.

— Что, мать, делать будем? — спросил Матвей жену.

Еще до рассвета он оглядел сани, подложил коровам сенца и теперь

внес в хату ярмо. Край ярма скололся. Вертеть дырку для занозы было нечем, прожигать слишком долго, и Донцов решил проволокой притянуть отколовшийся кусок.

— Чего ж молчишь? Ехать, так ехать...

— Тебе, отец, видней, — уклончиво ответила Трофимовна.

— Легко сказать, видней... По мне, по такой погоде угробить человека, да и только!

— Да не ездят, я не гоню... — и Трофимовна, обиженная, вышла на кухню.

— Чего ж тут, тета, сердчать? — не сдержалась Нюрка. — В поле такая теперя завихура, что и света белого не видать. Я за корову свою и слова не сказала, но ты глянь, ветер на дворе какой!

— Я и говорю! — Матвей поддержал Нюрку. — Шутка, снега сколько вывалило. Денек-другой подождать...

— Да сколько ждать-то можно? — остановилась Трофимовна в проеме двери. — Что о нас люди подумают? Нет, отец! Тогда ладь мне саночки маленькие да и тронусь я утречком, если некому больше...

Ольга в разговор не вмешивалась. Разумом она понимала, что правы и свекор, и Нюрка, но в душе была на стороне свекрови. Ее слова Ольгу обидели.

— Мам! — с укором глянула она на Трофимовну. — Зачем ты так говоришь? Я что, или ехать отказывалась?

— Ох, Ольга! Как хочь суди, но душа у меня уже изболелась! Поедешь — спасибо, не поедешь, гневаться на тебя грех, чужая ты ей...

— Не будем, мам, считаться, кто тут кому чужой. У самой дите есть, знаю, как сердце сушит.

— То-то, что дите, — покачала головой Трофимовна. — У кого их нет, тому не понять!

Варвару больно ударили эти слова, и она сказала с дрожью в голосе:

— Я, тета, детей из себя не вытравливала! Нечего меня в бездетности упрекать!

Матвей приподнял конец ярма, стукнул им в земляной пол.

— Это уж вы не туда, бабы, поехали! Думай, мать, что говоришь!

— Мне, тета, как корову ни жалко, а я и словом не перечила. За что ж ты женскую мою беду трогаешь?

— Да я разве в укор? — перегнулась в сторону Варвары Трофимовна. — Эх, Варвара, Варвара! Знала бы ты, как они больны, дети эти. Без всякого я, и ты на меня сердца не имей! Тяжело мне, вот и...

Трофимовна прислонилась к притолоке двери, закрыла фартуком лицо.

Нюрка прикусила нижнюю губу, отвернулась и глядела в окно. Потом сказала тихо:

— Прости, тета. Сдуру обиделась! Если что, так и я поеду. Что будет, а доедем как-нибудь...

— И мне ехать надо, — вздохнула Евдокия. — У меня мука в Атамановке, вот по пути и заберу. Гуртом-то все веселей будет. Пускай дядя Матвей ярмо наlichtает да и тронемся.

— Бать! А может, ты к Глотову сходишь?

— Зачем? — глянул в лицо Ольги свекор.

— Мерин-то у него стоит. Неужели хватит совести отказать?

— Правда что, отец! — повеселела Трофимовна. — Скажи, заплатим, из одежи, мол, чего-нибудь дадим...

Матвей завозился пальцами в бороде, и в хате стало тихо. Знали бабы, как идти к Глотову с просьбой, и затаились, ожидая, что скажет Матвей.

— Или уж мне самой, мать, сходить? — не выдержала молчания свекра Ольга.

— Да нет, пойду сам, раз надоумила...

Донцов бросил в угол моток проволоки, встал с ящика и поднял ярмо. Когда он вышел, Трофимовна со вздохом перекрестилась.

— Слава богу, пошел, кажись. Ох, бабы! Я, может, нехорошая бываю, а к нему, если не призукаться, так хоть пропадай. Для чужих что хошь сделает, последнее отдаст, а для своего дома все с сердцем да с нервами. Без всякой зависти человечина! Иной, глядишь, как жук, на дворе возит-ся, все, что под руку попало, домой волокет, а наш зиму на охоту про-шляется, лето на Дону киснет...

— Рыбальство, Трофимовна, дело доброе. Глотовы вон деньгами огреблись.

— Семеновна-а! — с какой-то горечью протянула Трофимовна. — За-муж ты вышла, так недалеко от нас жила. Видела небось, сколько людей у нас бывало. Гужом прямо шли. Как вечер, так гости. Хохлы из хуторов едут, из города едут и свои, данковские, из дому не выводились. Дирек-тор школы — у нас, фершал — тоже, предсовета и ночевал, случалось. Рыбой этой стол завалишь. И жареная, и вяленая, и моченая, а он, знай, подмигивает — носи, мать, носи! Сколько людей разных перебивало, а пользы от них и на столько вот не было! — показала Трофимовна мизи-нец.

— Уважали, вот и шли, — сказала Нюрка.

— Уважали... Поставил бы раз да другой с огурцами, куда бы и ува-жение ихнее делось!

— Вот и батя мой, царство ему небесное, такой же был. Вечно люди у нас. Кому, может, не по душе такое, а мне нравилось. А потом замуж вышла...

Евдокия не договорила. В сенцах послышалось топанье, и все дога-дались, что вернулся Матвей. Донцов вошел в хату, разделся.

— Чего прижукли? — И кивнул на окно. — Как бы на дождь не пе-ребило. Снег мокрый срывается, и ветер южный подул.

— К Глотову-то ходил? — сложила руки на груди Трофимовна.

— Нет, мать.

— Ну вот...

— Схожу, мать, схожу! Чего человека спозаранку тревожить?

— А-а-а, ну ладно. А я уж думала...

— Можно и думать, и печь растопить. Холодина какой в хате!

— Ой, отец! Разум за разум зашел! — засуетилась Трофимовна. — Надо же, говорим и говорим, а про печь никому и в голову не стукнуло.

Варвара вызвалась помочь. Поднялась с топчана, спустила ниже на лоб платок.

— А то забуду, как и печь топится...

— Гляди, Варька, жар не загуби! — предупредила ее Трофимовна.

Спички кончились несколько дней назад и теперь приходилось дер-жать в печи кучку немеркнущих углей. Возни с ними было много. Как только в печи перетухало, Трофимовна сгребала яркие комочки тлевше-го дерева, добавляла к ним мелко нарубанных щепок и присыпала золой. На ночь опять подкладывала высушенные на загнетке чурки.

К Глотову Донцов пошел с неохотой. Всю жизнь прожил с ним Матвей на одной улице, но, сколько помнит себя, ни разу не говорил с Антоном от всего сердца и без утайки, как принято между людьми, у которых и овцы ходили в одном гурте, и лодки, случалось, примыкались на пристани к одному колу. Даже в молодости, когда Матвей не особенно-то и задумывался, стоит ли всякого пускать к себе в душу, с опаской вступал он с Антоном в разговор. Глотов, если не сразу переиначит слова, то припомнит их через время, растолкуя их на свой лад.

Погода круто сломалась. Снег отмяк, сеялся дождь — мелкий, нудный и колкий под сырым ветром.

Глотовы уже поднялись. Нюрка, стоя на коленях, выгребала из железной печки золу, а сам Антон сидел на краю койки и силился натянуть на обернутую толстой портянкой ногу кирзовый сапог. Белые валенки хозяина лежали тут же, на полу, и Матвей догадался, что Глотов уже был во дворе и вернулся в окоп переобуться.

— А я тоже не по погоде, — поздоровавшись, сказал Матвей и стукнул валенком о валенок, будто сбивая снег.

Глотов с натуженным кряканьем обулся, проговорил:

— Всякая погода свою обувь любит. Садись вот, — пододвинул он Матвею узкую скамейку.

— Да мне и рассиживаться, Крысаныч, некогда...

— Ну вот! — с укором качнула Денисовна головой. — В кои веки зашел и сразу назад. Поглядел бы хоть, как живем...

— Глядеть нечего! — оборвал Антон жену. — По этой жизни и такая дыра — хоромы. Хвалиться нечем, но и беды большой нету!

Глотов привык жить, вызывая в людях зависть, а слова жены в чем-то принижали его.

— Какая же беда? — оглядывая окоп, отозвался Матвей. — С потолка не капает, с полу не дует, значит, жить можно.

— Кой-кому пятистенку подай, чтоб комнат в шесть! В одной, стало быть, чтоб чихнуть, а в другой нос вытереть. Жизнь, Матвей Яклич, такая — одному сало не в сало, а другому, к примеру, в валенках по дождю ходи...

— Про валенки ты, Крысаныч, зря, — понял Матвей намек Глотова.

— Да, к примеру, ить говорю!

— Слишком уж пример твой, Крысаныч, не в строку! Ну да ладно, уязвил и уязвил ... — чувствуя, что Глотов намеревается что-то ответить, махнул Матвей рукой. — Я тебя, Крысаныч, об одном уважении хочу попросить...

— Уважить по-всякому можно, — перебил Антон. — Одно дело, человека из воды вытянуть и другое — помочь ему на тот свет попасть, ежели человек сам смерти просит...

— Ну-ну? — насторожился Матвей.

— Что ж «ну»... И там уважение, и там, а судить неодинаково будут.

— Черт его знает, что ты, Крысаныч, за человек! — разозлился Матвей. — То ли попусту языком мелешь, то ли и в самом деле рад бы прибить. Только не так просто меня прибить, учти это! И битый, и мятый, и видал поболее твоего! Или ты опять — к примеру? Зла же в тебе, Крысаныч, кость тебе в горло!

— Какая кость, а то и вдвоем подавиться можно...

— Ну да ладно, считай, что твоя берет, — опять не стал ввязываться Донцов в перепалку, не догадываясь, что его уступчивость еще сильнее тревожит и злит Антона.

Помолчав, Матвей признался:

— Мне, Крысаныч, легче по болоту пройти, чем с тобой говорить. Хватит нам! Я к тебе по делу, насчет мерина...

— Забрать, что ль? — прижмурился Глотов.

В голосе Антона Матвей уловил непритворную тревогу, и это настроило его на веселый лад.

— Забирать будут, так власти! — усмехнулся он.

— А мы еще поглядим!

— Да вслед, Крысаныч, поглядишь, на это запрета не будет.

— Вон как...

— Да уж так!

Денисовна нагнулась, чтобы взять что-то с низкого столика, поставленного в угол окопа, да так и застыла, словно в полупоклоне. Потом медленно распрямилась, высказала с обидой:

— Быстер ты Яклич, распоряжение чужому добру давать! А я-то думала, по-людски ты пришел...

— По-людски, Денисовна, и пришел! — не стал слушать Матвей жену Антона. — Я-то по-людски, а вот муж твой по-людски не умеет. У меня дочь в Крутом в тифу лежит, привезти не на чем, а у вас лошадь чужую хату загаживает, без дела стоит. Я по-хорошему и хотел мерина просить. На кой же черт намеками разными голову мне морочить?

Поняв, что разговор добром может не кончиться, Антон растерялся. Он знал — придет время и мерина у него заберут, а затей сейчас скандал, Матвей может припомнить многое. И он не стал упираться.

— Ты бы, Матвей Яклич, сразу и сказал ... — вытирая о колени всповевшие вдруг ладони, сказал Глотов.

— А ты меня выслушал?

— Так ить разговор шел...

— Помню я, как он шел! Тебе слово, ты — десять. Ты ведь побрехеньками своими любого из терпения выведешь. И злишь-то человека с одной целью — отказать проще. Всю жизнь ты, Крысаныч, темнишь, выгоду ищешь, а подыхать один черт, как все, будешь!

Матвей распалился и неизвестно, что бы они еще наговорили друг другу, но проснулся сын Нюрки Колька. Он завозился под одеялом у Антона за спиной, позвал мать, и в окопе стало тихо.

— И поспать дитю не дали! — буркнула Денисовна.

— Да выспался он. Правда, сынок? — торопливо проговорила Нюрка, радуясь, что мешает разгореться скандалу. Сдернув с грядушки деревянной кровати Колькины штаны, она другой рукой щекотнула сына под мышкой, и когда тот, засмеявшись, стал барахтаться под одеялом, Нюрка шутливо попросила:

— Дед, а дед! Встань, а то внуку твоему кровать мала...

Глотов крякнул, поднялся и как-то сразу обмяк. Сидя, он чувствовал себя уверенней. Низкий, как раз Матвею по плечо, Антон неловко потоптался, мысленно кляня себя, что ни к чему затянул разговор, и спросил:

— Стало быть, в Крутой ехать?

— Приперло, хоть кричи! Потому, Крысаныч, и пришел, что надо.

— Надо-то надо ... — Глотов вздохнул, поскреб за ухом. — Дать мерина, Матвей Яклич, дело одно, а с прокормом-то как быть?

— Я беру, я и кормлю, тут уж какой разговор!

— Так-то оно так, но у меня, к примеру, иная думка. Мерина ты возьмешь, день у меня, стало быть, пропал. А день, он, Матвей Яклич, дли-и-и-нный! — пропел Гловов.

— Ты о плате, что ль?

— Плата само собой, ее по-разному наложить можно. Тут о другом речь, — прокряхтел Гловов. — К примеру, за день бы худо-бедно, а кошель тех же шляпок я бы привез. Корм? Корм...

Донцова подмывало плюнуть и уйти, но знал он, с какой надеждой ждет его жена.

— Да, Кырысаньч, нудный ты человек все же! — с досадой хлопнул он ладонью о полу шубы.

— Так ить ты сам посуди! — развел руками Гловов. — Приедешь ты, мерина приведешь, а его кормить чем-то надо. Стало быть, не иначе, как на горбу на своем шляпки мне таскать, к твоему приезду кормок готовить. Есть резон?

— Слухай! — потерял Матвей терпение. — Ты мне толком скажи, что ты хочешь? Полкошеля шляпок с тебя хватит? Ну и все!

— Ты, папаш, и в самом деле!

Нюрка ссадила на пол окопа сына и с такой поспешностью стала перестилать постель, что сдвинула кровать с места.

— Остынь, остынь! — повернулся к ней Гловов. — Мудра за чужой спиной...

На дворе Матвей глотнул сырого воздуха и, зажмурив глаза, потряс головой. Было похоже, что он вышел из угарной бани.

— Будь ты неладен, кость тебе в горло!..

От редакции. Роман «Земля держит всех» Василий Алексеевич Белокрылов задумал и начал писать еще в 60-х годах прошлого века. Работа над ним, судя по всему, продвигалась очень трудно. Писатель постоянно правил и дополнял написанное. Данный вариант, как утверждают очевидцы, только на машинке был перепечатан трижды. Сохранились еще несколько листков с разного рода заметками В. Белокрылова к написанному, набросками к отдельным главам, штрихами к сюжетным линиям и судьбам героев. Например, «Таня Рогова выйдет за Григория Черных (В. Лесных), станет своего рода мученицей (он бабник, охотник, книжник, умный, но не хозяйственный).

Петька возьмет в жены секретаршу с/совета (В. Смагин), станет шофером пред. колхоза, запьет.

Отец первый год шофером, больной желудком, безвольный и мать тоже, сестру, когда муж убьется, не будут пускать в дом. А были с мужем сестры друзьями...»

Однако закончить это произведение, которое могло бы стать главным в творчестве, Василию Алексеевичу не было суждено: до обидного рано он ушел из жизни. Но даже эти незавершенные строки обладают несомненным литературным потенциалом и ярко характеризуют недюжинный писательский талант Василия Белокрылова.

Рукопись романа, который сегодня представляется читателям, сохранил сын писателя — Александр Васильевич Белокрылов.



Татьяна Николаевна Багринцева родилась в селе Русская Журавка Верхнемамонского района Воронежской области. Окончила Воронежский технологический институт. Работает главным специалистом отдела экономического развития администрации Верхнемамонского муниципального района. Публиковалась в журнале «Акценты», на интернет-сайте «Русское Воскресение». В журнале «Подъём» публикуется впервые. Живет в селе Верхний Мамон Воронежской области.

Татьяна Багринцева

«ОБЕРНИТЕСЬ — Я ЗДЕСЬ...»

(Документальное повествование
в письмах и воспоминаниях
о жизненном и творческом пути
Василия Белокрылова)

РОДИНА. ДЕТСТВО. ШКОЛА

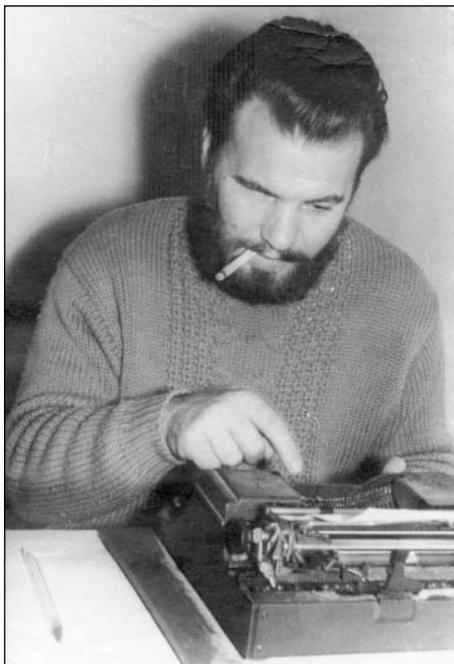
Н а меловых отрогах правого берега Дона лежит старинное русское село Дерезовка. Здесь родился, жил и похоронен Василий Белокрылов. Писатель всю свою недолгую жизнь был крепко связан с малой родиной; если и уезжал, то вскоре возвращался: писать, работать, отдыхать, общаться с земляками, родной землей, Доном, лесом. Вернулся он сюда и умереть...

В предпоследний день морозного января 1937 года в семье колхозников Алексея Ивановича и Прасковьи Андреевны Белокрыловых родился сын Вася. Кто мог тогда знать судьбы этих рожденных перед войной детишек? Но мама, Прасковья Андреевна, позже рассказывала: «Когда Василька крестили, священник предрек ему известное будущее».

К концу 1939-го началась финская война, и в 1940-м году отец ушел на фронт. Потом были трудные дороги Великой Отечественной. Домой он больше не вернулся.

Спустя много лет в одном из писем Белокрылов вспоминал: «...жил я без отца. Помню миг, когда прыгнул с печки в его руки — он уходил на войну с финнами...» И еще одна запись из архива: «...Эх, посмотреть бы мне письмо с фронта моего погибшего отца!»

Журнальный вариант



Василий Алексеевич Белокрылов
за работой. Середина 1960-х годов

Когда закончилась война, в сельсовете, при восстановлении утраченных при эвакуации документов, Васе убавили один год — чтобы матери на год дольше платили пособие по потере кормильца. Так официальным годом его рождения стал 1938-й.

«После ухода отца на фронт все мужские заботы семьи Белокрыловых взял на себя дед, Иван Яковлевич», — вспоминает друг писателя, Василий Звягин. Прасковья Андреевна работала от зари до зари. Воспитание Васи легло на плечи деда и бабушки. Дед, донской казак, стал самым важным человеком в жизни внука — его слово, пример, дело были непререкаемы. Сам Белокрылов был уверен, что без деда он стал бы другим.

Годы спустя в переписке с дочерью Василий Алексеевич рассказывал: «...Зато деда и бабуку — этих родных мне до каждой кровинки моего тела людей, помню до беспомыслия. Бабка Малашка (Меланья) по крови мне была чужой (вторая жена моего деда), но любила она меня, Господи, сильнее, нежели своего родного внука Толика. А уж дед... «Унук, —

говорил он, когда я что-нибудь вытворял. — Унук, запомни: на твою шашку всегда другая шашка найдется...» Как в воду глядел дед мой Иван... О деде своем я уже много написал, а он как персонаж неисчерпаем, ибо был сложный, трудный и, в конечном счете, очень добрый и сердцем к другим слабый человек, который при вспышке гнева мог в доме все окна погвоздить, потом день-два мучиться, никому не показываясь на глаза, и, наконец, достав стекла, начинал вставлять «глазки».

Бабка, как сейчас вижу, выходила и лупцевала его по спине или рогачом, или кочергой и приговаривала: «Вот тебе, кобел! Вот тебе, мука ты моя вечная!», а дед гнул перед ней в дугу (метр 87 см рост у него был) и просил: «Бей меня, Малаш, бей больней дурака безмозглого!» А гончая сучка Пальма (рыжая, с красной была) на животе подползала к бабке и, уловив миг, лизала ей руки. «И ты за него, окаянная!» — обессиливала бабка и шла к крыльцу, откуда грозила: «Я вот вам сейчас...», — и выносила или два блинца, или два пирожка из муки на жмыху... То были люди чисто русские...»

Начав писать, Василий Алексеевич практически в каждом своем произведении показывал черты деда в ком-то из героев. Вот Белокрылов-внук делится откровением в рассказе «Лощина» (не вошедшем ни в одну из его книг): «Не будь деда, Лощина, может быть, и не стала бы для меня тем самым местом, без которого не во всем полноценной воспринималась бы мною собственная жизнь...»

Прасковья Андреевна, потеряв мужа, одна поднимала сына. Васятке своему единственному отдавала любовь и свет, и жизни смысл, и тепло, и понимание... А он потом рассказывал: «...А мать... Бедная моя мать трижды, если не больше, отказывалась от замужества только ради того, чтобы я остался на родовом дворе...»

Когда в 1942-м фашисты заняли село, они выгнали всех из домов, сначала за бугор в овраги, а затем в дальние села и хутора. После освобождения Дерезовки в декабре этого же года люди потянулись домой. Жить приходилось и в землянках, и в сараях — домов почти не осталось. Питались лепешками с примесью жмыха, лебеды и желудей. Скучных продуктов до нового тепла не хватало. Бабы тогда шли в глубинные хутора и меняли какое-то барахло на кукурузу, овес или пшеницу. Потом это зерно делили на ежедневные маленькие части, чтобы растянуть до нового урожая. В ступе зерно толкли, потом мололи на самодельных мельницах, варили каши на воде, а из зерновой шелухи — кисель. Получался он кислым до сведения скул, но выбора не было. Выручали тогда рыболовные и охотничьи трофеи деда Ивана. И голодная соседская детвора сбегалась к ужину, зная, что если дед что-то поймал на Дону, то миску ухи им всегда нальют.

Топить избы и землянки было нечем, в ход шли в основном мерзлые былки подсолнечника с полей да сушеный навоз. Заготовливали топливо чаще всего дети.

Позже эти пережитые голодные годы стали основой для незавершенного романа «Земля держит всех». А в 1974 году в статье-поздравлении работников сельского хозяйства с их профессиональным праздником Белокрылов писал: «...*Всякое было на нашей земле... Была и самая страшная из всех войн война, а вместе с нею пришли на нашу землю разруха, нужда и голод. В развалинах лежали города, сожжены были села. Нечем и не на чем было пахать, нечего было сеять. Реденьким, жидким всходило на полях и огородах жито. Когда поспевало, на огородах был на учете чуть ли не каждый колосок, и каким же вкусным казалось щупленькое зерно, все-таки уворованное со своего же огорода. Такое было каких-то тридцать лет назад, и об этом тоже надо помнить!..*»¹

Дерезовка была линией бомбежек — в этой земле до сих пор еще лежат снаряды и мины Великой Отечественной. А тогда подростки и дети помогали военным разминировать поля и луга. Находили снаряды и разбирали сами. Гранаты не вызывали страха — пацаны их обменивали меж собой на другие подобные «игрушки». В одной из таких «операций» — на раскопках немецких блиндажей — Вася сильно повредил глаз. «Увидел вымытую половодьем маленькую красную итальянскую гранату, решил бросить. Разорвалась недалеко, осколок зацепил правый глаз...»² Глаза подросток лишился навсегда, зрение сохранилось только в другом. Но — выжил.

Родившийся на Дону и воспитанный дедом, промышлявшим на жизнь большой семьи рыбой и охот-



Василий Белокрылов
с матерью Прасковьей Андреевной

ничьими трофеями, Василий стал заядлым рыбаком, позже — увлеченным охотником. Заслуга деда в этом полная: первая удочка и рыбалка, первое ружье и охота... А внуком с друзьями были исхожены все тропы охотничьи по лугам, полям и лесам. Ягоды, травы, грибы собирали. Василек природе знал и понимал, любил и напитывался силой от нее в течение всей жизни.

Учился Вася сначала в Дерезовке, а потом — в Новой Калитве, где была средняя школа. Математику и точные науки не понимал и не принимал, а вот литература стала его любимым предметом. Учитель литературы и истории Иван Иванович Ткаченко рассказывал: «Бывало, Белокрылов писал сочинения в стихах».

Из воспоминаний Михаила Михайловича Редькина, уроженца Новой Калитвы: *«Василий Белокрылов учился в школе на два года старше меня. В школе тогда было очень много детей из окрестных сел, обучение шло в две смены. Но Белокрылов выделяется. Все его знают. Сверстники к нему льнут, стремятся приблизиться — от него исходит притягательная сила. Он и артист, и поэт, и интересный собеседник. Помню концерты в районном Доме культуры. Зал забит до отказа — зрители даже вдоль стен стоят. Вот на сцене — ученик местной школы Василий Белокрылов. Держится свободно, уверенно. У него приятный голос. Поет песню из кинофильма: сильный, густой, мелодичный голос его завораживает... Пел Василий тогда под аккомпанемент баяна.*

Круг ближайших его друзей — Василий Жиляев, Виктор Семелюк, Борис Таранцов, Олег Лещенко. Все увлечены гиревым спортом, их часто можно было увидеть на школьном турнике. Белокрылов еще в школе мог держать стойку на одной руке».

Потом, переезжая с места на место, Василий возил с собой гирию-двухпудовку. Постоянно занимался, выжимал одной рукой две гири — 32 и 16 кг. Умел делать «казацкий крест» — правой пяткой осеял себя крестным знаменем. Знал навыки рукопашного боя. Его сильная, крепкая, мужицкая фигура выделялась на фоне любой компании.

В Новой Калитве случилось еще одно судьбоносное явление в его жизни — именно там Василий научился играть на гитаре. Его друг, Виктор Семелюк, позже любил повторять, что он стал учителем по гитаре для Белокрылова. А школьный приятель писателя, позже заслуженный работник культуры, директор Новокалитвенского Дома культуры Николай Басов вспоминал: *«В нем чувствовалась уверенность, бодрость, казачья хватка. Я не скажу, что мы считались друзьями (сказывалась разница в возрасте), хотя такого друга неплохо было бы иметь. Но совместные записи на радио, концертные выступления на фермах, на полевых станах, в клубах соседних сел и деревень, естественно, сблизили нас. А он был постоянно со своей спутницей-гитарой. Веселый, жизнерадостный, короче — заводной. Всегда найдет возможность кого-то поддержать, вовремя вернуть шутку.*

Никогда не забыть, как он с чувством пел: «...В небесах мы летали одних. / Мы теряли друзей боевых. / Ну, а тем, кому выпало жить, / надо помнить о них и дружить!»

Да, о таком самородке надо помнить, надо рассказывать молодым, чтобы знали, чтобы вечно помнили.

А как он искренне относился к народной мелодии! Возьмет гитару, прокатитесь по струнам, по ладам и вдруг с трепетным волнением запоеет: «Ой, то не вечер, то не вечер...»³

Из воспоминаний М.М. Редькина: *«Даже физический недостаток Василия (он смотрел на мир одним глазом) видится окружающим не как порок, а как особенность внешности. Будущий писатель нравится девушкам. Позже моя*

одноклассница Нина Пономарева, одна из лучших учениц, красавица и умница, выходит замуж за Василия.

Тогда было время кино. Когда привозили новые фильмы, мы убегали в клуб с уроков (учились во вторую смену). Однажды в 8 классе мы с друзьями ушли на фильм «Максим Перепелица». Вернулись, а в школе стенгазета висит:

*Какая спешка с полудня!
Боюсь, что с ног собьют меня.
Из «Б» восьмого эти лица,
На фильм «Максим Перепелица»
Они бегут, сорвав урок.
Пойдет ли им ученье впрок?*

И подпись: Василий Белокрылов.

Мы тогда думали — он станет поэтом. Помню начало его стихотворения тех лет:

*Зари полоска узкая
Зажглась средь облаков.
Шумит березка русская,
Не досмотрела снов...*

Белокрылов был знаменит в школе не только стихосложением, он много читал, знал наизусть стихи, пересказывал содержание книг. Ему светило необычное будущее».

В Новой Калитве выходила районная газета «Красное знамя», где печатался школьник Белокрылов. В октябре 1951 года на ее страницах в рубрике «Уголок школьника» появился маленький рассказ Васи Белокрылова «Говори правду!» Для ученика шестого класса и тема, и мораль рассказа прозвучали достаточно зрело. Рассказ привлек читателей, которые запомнили имя юного автора. В сохранившемся номере газеты за 1954 год есть два его детских стишка: «Доярка» и «Ночь». Василий Алексеевич спустя много-много лет вспоминал, как редактор газеты Иван Михайлович Середин и ответственный секретарь Алексей Иосифович Багринцев учили его писать. И наизусть читал эти свои первые наивные сочинения, напечатанные тогда в районке. Сохранилась в архиве и записка Василия о школьных друзьях и одноклассниках «Полезный вечер в школе» (1955). Публикации его в районке были постоянными.

Из рассказа друга Бориса Таранцова: «Его сочинения (В.Белокрылова. — Т.Б.) по литературе тянули на две пятерки сразу, а знания точных наук норовили «замереть» на отметке два. Он смело и умно говорил с учителями, выходя на уровень дискуссии и зачастую «сажая в лужу» своими ответами. Потому большинство педагогов предпочитали не связываться с умником. Лишь директор школы Павел Иванович Жиляев, отец поэта Василия Жиляева, пытался найти подход к ученику, предложив избрать его секретарем комсомольской организации школы(!) и старостой хора.

Свободолюбивые манеры Белокрылова притягивали к себе внимание одноклассников. Говорил он на дерезовском диалекте, и язык его был необыкновенно сочен и заборист. А юмор в нем так и искрился. К примеру, Белокрылову как победителю смотра самодеятельности выдали как-то со сцены премию в сотню рублей. А сумма почему-то нашлась только рублями. Получив премию, Василий деловито осведомился: «Усе?» И, поплеывая по-стариковски, пересчитал: «Усе». А товарищам пояснил потом: «Что ж они так, чуть не медяками... Неуважительно как-то к народу...»

...С девушками был церемониален. Помнится, собирались мы на встречу с

понравившимися девочками и решили предупредить их запиской. Продиктованная Василием, она начиналась так: «Многоуважаемые сеньориты...» О, это был первый эрудит в школе... Мой одноклассник и друг мечтал стать писателем. «Да куда тебе... — говорили учителя на выпускном. — Не станешь». А он, сын доярки, с плебейской гордостью, с очень уязвленным самолюбием все же пошел писательской тропой...»⁴

...На пожелтевшем листочке из дневниковых воспоминаний писателя, обнаруженном среди кипы бумаг разбросанного по разным адресам архива, неожиданно нашла: «Где-то развита мысль, что случайное появление в жизни (мое, например, рождение) определяет в основном всю ее будущую суть. <...> Отец и мать меня не «планировали», а дед запрещал рожать, потому что был голод. Мать ела много желудей — отсюда «дубовость», «желудевость» в характере, как пророчили...»

Верно пророчили: от задуманного — стать писателем — он не отступил! А впереди была жизнь, обозначенная головокружительными взлетами и оглушительными провалами...

Но творческая судьба — его предназначение — только начиналась...

ЖУРНАЛИСТИКА — МЛАДШАЯ СЕСТРА ЛИТЕРАТУРЫ

Один из рассказов юного сочинителя был о молодом герое-кавалеристе, спящем с деда-соседа, Сергея Яковлевича Фролова, участника Гражданской войны. Автор отослал свое сочинение в Воронежскую писательскую организацию на имя Михаила Яковлевича Булавина, рассчитывая на публикацию в областной прессе. Через несколько дней ему пришло пухлое письмо. В нем — пять листов машинописного текста, подписанные М. Булавиным. «По содержанию произведение очень слабое, — отмечал писатель. — Почему так получилось? Потому что ты стал писать о времени, для тебя далеко и незнакомом, о событиях, тебе незнакомых и непонятных. Ты не знаешь ни деревни того времени, ни людей, ни их языка, ни нравов, ни обычаев, ни уклада семьи и быта, понятий и воззрений, поэтому произведение получилось наивным, не отображающим той действительности».

Но рецензент и обнадежил: «Что же касается литературного слога, изложения, языка, литературной грамотности, то нужно просто сказать, что для ученика 7 класса это больше чем похвально. Это превосходно. Если ты и впредь будешь изучать русский язык, изучать и наблюдать жизнь, записывать свои наблюдения, читать художественную литературу и писать о том, что тебя влечет, что тебе более знакомо и близко, из тебя выйдет литератор, и ты будешь писать».

Интересно, что на оборотной стороне этого письма Василий Белокрылов написал: «Психоидеология моего героя, в основном одного, совершенно неправильна с точки зрения советской морали, хотя в действительности это было так...»

В этом большом письме рецензент напрочь разбивал авторскую подачу личности главного героя: показывал ошибки в его портрете, поведении, чертах характера, которыми его наделил юный автор; критиковал за отсутствие реализма. Булавин писал: «Может быть, у Фролова сложилась жизнь очень интересно, но этой жизни мы пока не видим в твоём произведении, а то, что написано, нас не может интересовать. Это сугубо личная жизнь Фролова. В ней нет ничего героического, возвышенного...»

История этого рассказа имела забавное и — одновременно — поучительное продолжение. Сергей Яковлевич, главный герой произведения, прослушав чтение булавинского письма, крепко обиделся: «Вежливый! Реализма ему нету!..» Обида

была на то, что писатель не признал в молодом кавалеристе его, Фролова. Он пригласил Васю с собой на рыбалку, и на лодке добрались они к дальним озерам за Доном. Там дед вытащил из мешка три свертка, в которых оказались... пистолет, казачья шашка и турецкая сабля. Доказательства! Взяв шашку в руки, дед одним сильным взмахом снес ветку ракитника. Потом — еще и еще... И вдруг Василек «услышал резкий, леденящий свист выше ушей. Взглянул вверх, увидел еще раз занесенную над головой саблю и опустил голову. «Испужался?» — спросил дед. «Ага». — «Вот это и есть реализм...»⁵

Это была первая в жизни рецензия и первые литературные университеты будущего прозаика. Годы спустя, став писателем, Белокрылов познакомился и подружился с М.Я. Булавиным. А известный прозаик, автор романа «Богучарцы» и других популярных произведений, был рад, что не ошибся в своем подопечном.

Неудивительно, что после окончания десятилетки Василия сразу пригласили работать в районную газету. Но сначала, чтобы вырваться из колхоза (а тогда молодежь была накрепко «привязана» к родному хозяйству), Василию пришлось идти работать в каменно-щебеночный карьер каменоломом. Работа была тяжелая и опасная, не обошлось без травм — отлетевшим осколком камня Василию пробило голову. Но, к счастью, обошлось. И лишь в следующем, 1958 году, Василий был принят на работу в новокалитвенскую районную газету. Темы его первых профессиональных материалов были разными: вот статья с говорящим названием «Слесарь М.В. Красноруцкий», вот — критический обзор работы сельской культуры «От праздника до праздника»...

В марте 1959 года Василий Белокрылов становится членом Союза журналистов СССР.

Через год прошло территориальное реформирование районов — Новокалитвенский был упразднен. Следующие три года у Белокрылова была работа в верхнеамонской «Колхозной жизни» (1959–1962), позже в калачеевском «Сельском труженике» (затем переименованном в «Ленинский путь») — до мая 1968 года.

В газетах Василий Белокрылов вел авторские рубрики «Уголок охотника» («Колхозная жизнь»), «Природа, охота, рыболовство» («Сельский труженик»). Также литсотрудник пробовал себя в роли фельетониста и сатирика в рубрике «Сатирическая броня» («Имя ему — мецанин», «Ох, эти зубы», «Комаров уехал в гости», 1962), а также сочинял сказки («Барбос и Жучка», 1962).

Кроме ежедневной рутинной газетной корреспонденции, Белокрылов писал стихи и рассказы. В библиографических данных писателя в разных изданиях значится, что первый его рассказ, «Ночные звуки», был написан и опубликован в 1962 году в калачеевской районной газете «Сельский труженик». Однако сохранились номера газеты «Колхозная жизнь» за 1961 год, где вышло несколько белокрыловских рассказов, среди которых: «Как дед Егор в больницу попал», «Напарница», «Манька-Красавка» (этот рассказ, позже отправленный Константину Симонову, был им высоко оценен), «Трое в пути», «Авдеев «пулемет»», годом позже — «Бушуй», «Яшка и Мария Николаевна». А уже потом, перейдя на работу в калачеевскую газету (опять после расформирования районов), Белокрылов опубликовал рассказ «Ночные звуки». В 1963 году написан рассказ «Покупка», встречаются в газетах его стихи: «Будьте бдительны», «Невнимательная мать» («Сельский труженик», 1962) и другие.

В годы своей газетной деятельности Василий Алексеевич публиковался не только в районках, но и отсылал свои материалы в другие издания: «Комсомольскую правду», «Советскую культуру», «Советский спорт», областные газеты «Комму-

на», «Молодой коммунар». В Калаче он организовал и вел работу литературной группы.

Любую свободную минутку Василий отдавал своему призванию. И в рабочем блокноте или на отдельных листочках характерным белокрыловским почерком появлялись записи-размышления, путевые заметки.

Из записной книжки журналиста В. Белокрылова:

«Степной порыв вдруг обдаст меня прохладцей пруда, затаившегося в низине, или просто охолонит лицо. Что-то похужее на ядреную каплю дождя. И думается, как думалось когда-то в деревне — да откуда ему взяться, дождю? Не иначе — птичьи слезы. И верится, что видишь, как носятся птицы над сухменью суглинистых полей, кричат, и как падают сверху вниз, с высоты неба, на молодые зеленые хлеба.

Дымина в эти дни идет, и трудно понять — пылят ли гарью сжигаемые складки оставшейся в полях с зимы соломы или это мельчайшие крохи пыли. Едешь по вилючей полевой дороге, глядишь на хлебные остатки, скирды на обочинах, на серых нахохлившись степных ястребков, которые караулят добычу, и чувствуешь вдруг, как среди травы и зелени выбрасывают зачатки листьев дубы, идет над ясной землей жара, и в это время приходят ветры.

Ветер идет сюда с Приазовья, а может, и с самых Апшеронских лиманов. Он сух, порывист, гулок и пуст. Он дует неделями, казнит землю, мнет молодую зелень трав, расшатывает бурьян и кражестойкие стволы приземистых степных вязов. Суховой... Над степными увалами и суглинистыми боками яров, над лесными посадками и травянистыми залежами бросовых земель целыми часами дуют ветры. Схватывают пыль с пашен, с полевых проселков, кособоко гонят грачей с проступивших лесных(?) массивов. На моей родине этот ветер зовут весняк. Честнее(?) же ему — другое имя — запекуха...»

В 1962 году Белокрылов начинает переписку с Константином Михайловичем Симоновым, которому решает послать свои рассказы с просьбой прочесть их и оценить. Вот как об этом вспоминал калачеевский журналист Иван Кузьмич Болдырев: «...Белокрылов по этому поводу рассказал следующее. Его тянуло дома по ночам сочинять рассказы. И самому они казались нормальными, тем более что их охотно публиковали в районных газетах. Но районные журналисты не ахти какие оценщики его способностей. Они-то похваляют. А какова ему цена на самом деле? Вот и осмелился однажды послать свои рассказы на суд самому Симонову. Надежда была малая. И если бы большой мастер прозы ничего не ответил, Белокрылов этому нисколько бы не удивился. Мало ему каких писем приходит? Но, к удивлению Василия Алексеевича, ответ пришел. И достаточно быстро. И ответ такой, что он очень обрадовал автора. Константин Симонов рассказы похвалил. Заметил, что у их автора есть литературная одаренность. Ему надо пробиваться в большую литературу. Но, как писал знаменитый автор эпопеи «Живые и мертвые», в наше время заявлять о себе лучше вещью покрупнее. Это настолько вдохновило Василия Алексеевича, что он тут же засел за повесть...»

Заочное знакомство Симонова и будущего прозаика длилось вплоть до встречи в Москве, куда Василий Алексеевич в 1963 году отправился на учебу в Московском госуниверситете. В старой записной книжке Белокрылова осталась короткая запись: «19 окт. 1963 года. В три часа говорил с Конст. Симоновым. Разговор изложен в письме к жене...»

«4 сентября 1962 года.

Дорогой товарищ Белокрылов! Ну что ж, договорились, присылайте мне один-два рассказа. Только когда будете посылать — черкните где-нибудь сбоку, что рассказы мне Вы посылаете по нашей с Вами договоренности. Прочту — напишу. Если рассказы плохие, то коротко, а если интересные, то подлиннее.

С товарищеским приветом, К.Симонов».

Дорогой товарищ Белокрылов!

Прочел Ваши рассказы после возвращения из долгой отлучки. Сразу скажу: убежден, что Вы человек со способностями к литературе и что Вам не надо этих способностей закапывать в землю, а надо писать, и дело пойдет.

Могу ошибиться, все мы не застрахованы от ошибок, но думаю, что я прав в своем хорошем ощущении от Ваших рассказов.

Лучший из них — «Манька-Красавка», но хорошее есть во всех четырех рассказах. Слабее всех тот, который был для Вас самым трудным — «Утерянные деньги». А труден он у Вас был потому, что он не просто картинка, не просто момент, не просто наблюдение, а попытка рассказать целую историю, и в этой истории, когда Вы ее рассказываете, есть и удачи, а есть и совершенно ученические провалы. А удачи есть — хочу добавить — в каждом рассказе. Есть подробности, которые неопровержимо доказывают, что автор — человек, способный писать прозу.

Рассказы пока не возвращаю. Присылайте еще, напишите поподробнее о себе. Когда получу — прочту, постараюсь показать еще другим товарищам, посмотрим, как быть.

Желаю успеха. Жму руку. Константин Симонов.

Москва, 26.XII.62 г.»

Стоит ли объяснять, что значила для журналиста симоновская оценка? Это стало его направлением в Литературу. Начиналась новая эпоха в жизни — творческая. Но впереди были еще годы журналистики.

В 1963 году, основательно подготовившись, Белокрылов поступил на факультет журналистики Московского госуниверситета — на заочное обучение. Первокурсник жадно ловил все, что читали на лекциях. Доказательство тому — сохранившиеся фрагменты конспектов того времени. В блокноте с тисненым обращением на обложке «Участнику областного семинара журналистов — сентябрь 1963 г., г. Воронеж» следуют записи с занятий в МГУ — по русскому языку, литературе, истории, немецкому, экономике... Затем разбор стихотворных форм. Там же — о поэме В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин»...

Окончить университет Василию не удалось — на третьем курсе он был вынужден оставить учебу по семейным обстоятельствам: у него уже была семья — жена и шестилетний сын. Но основа для дальнейшего образования была заложена.

В далеком теперь 1968 году (5 октября) Белокрылов пишет другу, художнику Ивану Лопатину в Калач: «...Недавно, разбирая свою библиотеку, я обнаружил пропажу 4 тома Стендаля и вдруг вспомнил, что однажды у меня был с тобой разговор как раз об этой теме. В нем рассказано об искусстве Италии, даны иллюстрации. Посмотри — не у тебя ли том? Если у тебя — вышли...»

По рассказам второй жены писателя, Веры Ивановны, всю свою жизнь он занимался самообразованием — его невозможно было увидеть без книги или газеты. Писал он, имея под рукой сначала школьные учебники русского языка, позже — словари и справочники. В одном из писем И.Абросимскому (28.01.1983) нахожу: «... Какой-то дурак утянул у меня 7 (седьмой) том на «Н» 17-томного словаря современного литературного языка. К этому словарю мне частенько

для сверки приходится обращаться, и вот... Короче, слезно прошу пощупать книжных людишек в Богучаре, не помогут ли они добыть 7 том словаря...»

В 1962-м Василий начинает работу над своей первой повестью «Под солнцем покоя нет». Ей суждено стать началом большого литературного пути. В 1963-м здесь же, в Калаче, Василий Алексеевич замышляет крупное произведение — роман. Газетная работа и помогала, и мешала творчеству: она давала возможность публикаций и заработка, но нещадно краля время.

Из воспоминаний верхнемамонского журналиста Александра Багринцева, знавшего Василия Алексеевича, друга его отца-поэта, с самого раннего своего детства: *«Я помню его с начала 60-х. <...> Он, литсотрудник районной газеты «Ленинский путь», несколько месяцев по приезде в Калач жил в редакции. Вечером, когда в опустевших кабинетах воцарялась тишина, он брал в руки перо и до рассвета уходил от реальной жизни в мир литературной фантазии. Под утро, не раздеваясь, падал в изнеможении на хрусткий диван, обитый дерматином, чтобы после двух-трех часов забытья начать новый день в бесконечном круговороте газетных будней. <...> Дядя Вася зачитывал рукописи глав из первой своей книги «Под солнцем покоя нет», которая позже была напечатана в издательстве «Советская Россия» с добрым напутствием Константина Симонова, разглядевшего в молодом прозаике искру божью»⁶.*

«Прежде всего, с себя, с жизни в Новой Калитве, где учился в средней школе, а затем и начал работать в редакции, Василий Белокрылов писал свою первую повесть «Под солнцем покоя нет», — вспоминал годы спустя Э. Абросимов⁷.

В 1968 году, когда Василий Белокрылов работал уже над романом «Земля держит всех», поэт Алексей Прасолов, друживший с писателем, писал ему: *«...Роман твой в какой стадии? Трудно пишется? Как сочетаешь газетную поденщину со своим делом? Я не сочетаю, а порой беру у газеты время для своего дела. Оно ведь тоже не такое уж личное. Пиши, всегда можем поговорить о сущем...» (11.04.1968, Россосшь)⁸.*

Можно спорить (ведь в этом процессе всегда как минимум две точки зрения, и каждая сторона уверена в своей правоте), однако все-таки повезло Белокрылову, что попал он в газету. Районкам того времени была близка литература, они привлекали таланты. Ведь не только надои и привесы, не только битва за урожай отражались в них, но и очерки, рассказы, фельетоны, стихи печатались... В коллективах газетчиков это обсуждалось (часто затем и с читателями), были яркие споры, своего рода состязание — кто талантливее... И слава газете, что не убила его как писателя. В этом его судьба схожа с судьбой Прасолова.

Были и другие отношения — неуважительные и неодобрительные, что могло быть исключением, которое, как известно, только подтверждает общее правило. Но «исключений» таких было (и есть) много, и они травили жизнь творческих людей, понижали самооценку, порождали сомнения. В обращении к другу, журналисту Ивану Михайловичу Абросимскому Белокрылов писал (01.02.1984): *«...Знаю я эту районную начальственную элиту. У них не отнимешь способность видеть тех, кто умнее их, а ум во все времена был страшнее всего для власть имущих — эка, нашелся! И умеют они, сволочи, бить по самому в чело- веке больному — по достоинству и по душе одновременно. Сколько раз я это на себе испытал! Особенно в Калаче, когда я, имея две книжки, был еще официально никто. Не считается же им с работником газеты, имеющим какой-то там билет Союза журналистов. <...> И вообще жуткое я замечаю — никакого уважения даже к творящим культуру, истинным делателям и создателям, а что уж говорить о рядовых тружениках — сеятелях «разумного, доброго, вечного», кои-ми являются газетчики. Они каждый шаг нашего брата-литератора видят, ибо мы ходим пешком, а они всякую «гадость» творят на машинах...»*

Семья Белокрыловых в Калаче снимала квартиру, жилось нелегко. Времени на литературную деятельность не хватало. И в мае 1968 года Белокрылов завершает свою газетную работу. Это решение он принимает, прислушавшись к совету Константина Михайловича Симонова — чтобы писать, ни на что не отвлекаясь. Семья Белокрыловых переезжает из Калача в родное село.

Годы спустя в письме Ивану Абросимскому Василий Алексеевич (уже профессиональный писатель) напишет: «...«*Борзописцы*» — я не вкладываю в слово это обидного смысла. Да и сам им был, чем горжусь, представь!» (07.04.1983г.)

«СУДЬБА ПИСАТЕЛЯ — СУРОВАЯ СУДЬБА»

В 1963 году Василий Белокрылов отправляется на первую свою сессию в МГУ. Столичный мегаполис его удивляет. Выросший в глубинке, на вольных просторах, новоиспеченный студент попадает в иную жизнь. Огромный город, высокие скорости, другие заботы, иные ценности... Будущий писатель с трудом входит в этот водоворот толпы, суеты и отстраненности каждого от общества. И среди его лекционных записей появляются вкрапления новых рассуждений: «*Университет в первые дни умертвил вдруг все до сих пор сущее в нем. В себе самом он постоянно ощущал теперь какие-то иные понятия и иные мысли, а то, что окружало его там, откуда он приехал сюда, затухало, стало незримым.*

Когда автобус шел вечером по университетскому проспекту, а он глядел сквозь стекло на высокую коробку здания со светящимися окнами-сотами, ему все время казалось, что это не электрический огонь, а ярко дымящийся мозг всех тех, кто запрятал себя в железобетонные клетки, сочится и вытекает, как угарный дух».

Или еще (с пометкой Белокрылова — «*строки из одного письма — для романа*»): «*Однажды с 14-го этажа высотного здания Московского университета я смотрел вниз и вдруг... с каким-то животным страхом смахнул с подоконника. Что-то такое шевельнулось у меня внутри, и какая-то неведомая сила толкала меня перегнуться и прыгнуть. Тут было и немного любопытства (долго ли буду лететь и как?), и страх высоты, который хотелось побороть — и побороть, именно кувыркнувшись в пропасть, и даже еле уловимая, сосущая сердце тоска по зеленой земле, которая в тот миг была далеко внизу и манила к себе, звала настойчиво, требовательно и неумолимо. А вообще-то все эти (и даже не все!) ощущения можно назвать иначе — тягой к ничему, жаждой изведать гибель, извечное стремление завершить круг, когда-то и кем-то начатый...»*

Потом Василий Алексеевич привыкает к ощущению города, втягивается в его ритм. Понимая, что город дня него инороден, все же именно здесь он познает другую жизнь — с ее сложностями, пороками, свободой, за которую надо платить, с узнаванием многого нового, ранее ему неведомого. И это новое подталкивает к активному труду, к новым темам и направлениям.

Много лет спустя, в предисловии к книге «Долгая неделя» (1988) автор признавался, рассказывая о первой своей повести: «...*Не прояви К.М. Симонов настойчивости, повесть едва ли увидела бы свет. Я тогда не понимал, почему нельзя писать о коммунисте, который во время войны смалодушничал, струсил и, спасая свою жизнь, совершил предательство по отношению к товарищам. Я многого тогда не понимал и только теперь, задним числом, сознаю, сколь непросто было К.М. Симонову противостоять тому, чтобы от рукописи по мере ее прохождения в печать не остались рожки да ножки.*

И далее продолжал: «...*Знакомство с ним (К.М. Симоновым. — Т.Б.), позволившее в течение десяти лет видеть и ощущать его отношение к тому свято-*



В. Белокрылов (второй слева) с однокурсниками по МГУ. 1964 год

му делу, каким являлось для него все связанное с литературой, помогло мне понять, как необходимо сберечь себя от зряшной суеты вокруг того, что сделал, от погони за мнимыми ценностями, как важно сохранить в себе перво-зданность мира и слова...»

В годы написания повести бодрое настроение автора читалось в письмах друзьям и, прежде всего, Константину Михайловичу. Белокрылов отсылает свои новые рассказы и главы первой повести своему литературному наставнику. И вот долгожданный ответ:

«22 января 1963 года.

Дорогой товарищ Белокрылов, рад был получить Ваше письмо.

Рассказ «Ночные звуки» мне не очень понравился, хотя есть в нем хорошие кусочки, но вообще, на мой лично вкус, он какой-то слишком красивый, а психологически в то же время расплывчатый, неопределенный.

Начало Вашей повести мне понравилось куда больше. По-моему, тут дело может выйти. Советы пока давать Вам рано. Пожалуй, единственный совет — когда будете писать дальше, пишите так же сдержанно, немногословно, как вначале. Не развозите длинных описаний, смело перебрасывайтесь с одного на другое, не заботьтесь о гладких переходах, не бойтесь острого диалога. Все это заложено вначале, вот за это и держитесь. А куда выведете повесть, сейчас, конечно, сказать трудно. От души желаю Вам успеха. Закончите — присылайте!

Вы, судя по началу, сразу пробуете писать без лишней воды, вот так и продолжайте. Пока это мой главный совет.

Жму руку. К. Симонов.

P.S. Рукопись пока оставляю у себя. Если будет нужна, напишите — вышлю».

И еще одно письмо:

«Дорогой товарищ Белокрылов! Получил Ваше письмо и прочел Ваш рассказ. Сейчас занят по горло. Поэтому очень коротко. Рассказ мне не понравился. Потом можем об этом поговорить поподробнее. Мой Вам совет, не отвлекай-

тесть, кончайте повесть, присылайте. Тогда обо всем сразу и поговорим. Рассказ не понравился, а то, что дело будет у Вас получаться — верю по-прежнему и несколько не меньше, чем верил раньше.

Жму руку. Желая успеха.

К. Симонов.

24 февраля 1963 года».

Весной 1965-го Василий Алексеевич завершает работу над повестью и полную ее рукопись пересылает своему учителю и другу. А в ответ получает... добрую рецензию! Ободренный высокой оценкой, Белокрылов пишет:

«Дорогой Константин Михайлович!

Совсем недавно я вышел из больницы (сделали резекцию желудка), и Ваше письмо с рецензией на повесть подействовало на меня лучше всех лекарств. Не знаю, правильно ли, но я написал А.А. Чернову коротенькое письмо, в котором прошу, если о рукописи сложилось какое-то мнение, написать мне. О рецензии я умолчал.

Чувствую себя отлично. Понемногу пишу, готовлюсь к сессии.

Всего Вам доброго.

С уважением — В.Белокрылов.

15.04.65 г., г. Калач».

Чуть позже в Москве он встречается с Симоновым, пригласившим Белокрылова к себе домой.

Из воспоминаний Б.И. Таранцова: *«...Потом Василий не раз вспоминал эту встречу. Приехал по указанному адресу. Нашел дом. Решил постоять у входа в подъезд, дух перевести, обдумать: что сказать, с чего начать. А статью и походкой Белокрылов чем-то напоминал уссурийского тигра, да еще и руки у него как-то в стороны держались, будто приготовленные к драке. И тут из притормозившей в нескольких шагах «Волги» вышел... сам Симонов. Белокрылов — к нему наперерез! Скорее всего, известный поэт в первые мгновения испугался бойцовского вида приближающегося «циклопа». Когда же все выяснилось, произведения писателя из глубинки нашли одобрение корифея литературы...»⁹*

А сам автор вспоминал: *«Симонов, прочитав повесть, сделал немало замечаний, после переработки прочел рукопись еще раз и написал в отзыве, что повесть «...в общем и целом обрадовала, прежде всего, стоящим героем, а кроме того, многим другим — хорошим и хорошо написанным».*

После окончательной готовности произведения Симонов «благодарил» первую книгу молодого писателя. Но повесть надо было куда-то «пристроить». Из воспоминаний калачеевского журналиста И.К. Болдырева: *«...Симонов заранее предупредил Василия Алексеевича, что дело это трудное. Все журналы забиты рукописями, которые ждут своего часа порой годами.*

В журналах Константина Михайловича встречали радушно. Поили чаем. И показывали свои годовые планы. Если они и возьмут повесть Белокрылова, говорили, то она будет дожидаться своего часа, вероятнее всего, годы. Это не устраивало ни Симонова, ни Белокрылова. Василию Алексеевичу хотелось заявить о себе в литературе как можно быстрее.

Наконец Симонов махнул рукой: была — не была. Пойдем, мол, к Борису Полевому в «Юность». Оба фронтовики. Друг не откажет. Друг действительно встретил гостей весьма радушно. Повесть была включена в план журнала. Но Константин Михайлович вдруг плюнул на журналы и повез Белокрылова в издательство «Советская Россия». Там дело решилось быстро. Рукопись взяли, и она безо всяких проволочек была принята к печати».

Белокрылов, улаживая вопросы с изданием книги, несколько раз ездил в столицу. И тогда, и после встречи его с мэтром были частыми, причем неоднократно — в квартире Симонова. А Константин Михайлович, узнав, что Белокрылов курит трубку, подарил ему одну из своей большой коллекции.

Продолжалась и их переписка.

Письмо К.М. Симонова¹⁰:

«Москва, 14 ноября, 1965 г.

Дорогой товарищ Белокрылов, очень жалко, что опять не повидал Вас во время Вашего приезда в Москву.

Со мной говорил Чернов. Я понял из его слов, что речь идет о предисловии к Вашей книжке. Мне кажется, что предисловиями у нас злоупотребляют сейчас, да и, собственно говоря, книжка в предисловии не нуждается, сама за себя говорит. Поэтому я сказал, что не вижу нужды писать предисловие к Вашей книжке («Под солнцем покоя нет». — Т.Б.)

Но если речь идет об использовании для аннотации хоть одного, хоть нескольких абзацев моей рецензии, хоть всей рецензии, — ради бога, я буду только рад оказаться в этом смысле полезным. Так что, пожалуйста, пользуйтесь этой рецензией по Вашему усмотрению. А я буду ждать выхода Вашей книги и буду очень рад за Вас, когда она появится на божий свет.

Жму Вашу руку. К. Симонов».

Ответное письмо В.Белокрылова (из архива писателя):

«Ноябрь 1965 г.

Дорогой Константин Михайлович!

Я понимаю, в какое неудобное положение поставил Вас, написав Вам письмо об аннотации. С одной стороны, Вам трудно вообще сказать что-либо о человеке, написавшем свою первую книжку, и с другой, сложность в том, что тема моей повести далека от тех тем, которые волнуют Вас. И еще. Мне кажется, что книжка с предисловием как-то настораживает. Если она написана толково, достаточно написанного, а книжонку слабенькую никакие аннотации не спасут.

Пользуясь случаем, от всей души поздравляю Вас с приближающимся днем Вашего пятидесятилетия. Почему-то уверен, что сил у Вас — и физических, и духовных — хватит еще на одно столетие. Это, Константин Михайлович, ей-богу, не комплимент, ибо говорить эти самые комплименты я не умею.

Всего Вам доброго и в жизни, и в творчестве.

Ваш В.Белокрылов.

Р.С. Народный университет культуры у нас в Калаче откроется 23 ноября рассказом о Ваших книгах».

Книга «Под солнцем покоя нет» вышла пятидесятитысячным тиражом в издательстве «Советская Россия» в 1966 году. Тогда, вдохновленный первым успехом, венчавшим его большой труд и сломавшим его сомнения, Василий активно пишет вторую свою повесть, рассказы, продолжает работу над романом. И в последующие два года в Воронеже одна за другой выходят его новые книги: в 1967-м — «Весна начинается с гроз», год спустя — «Мороженые яблоки».

Книгу «Весна начинается с гроз» Василий Алексеевич «списывал» с природы молочно-товарной фермы №1 дерезовского колхоза «Заря коммунизма», которой заведовала его двоюродная сестра Нина Николаевна Курдюкова. В том же году на совещании молодых писателей Центрально-Черноземной зоны эта повесть обсуждалась и получила одобрение.

В августе 1967-го Белокрылов писал К.М. Симонову:

«Дорогой Константин Михайлович!

Письму Вашему, как всегда, был рад. Теперь при вступлении в Союз (речь о заявлении Белокрылова о приеме в Союз писателей СССР. — Т.Б.) меня не будет мучить совесть, что я делаю это без ведома человека, которому обязан всем, буду знать, что Вы одобряете этот мой шаг, а это для меня очень и очень дорого.

Месяц отдыхал у себя в селе на Дону и с неохотой уезжал от тишины, трав и запахов. И почему-то не один раз думал, что Вам на моей родине и отдыхалось бы отлично, и писалось бы тоже здорово. Не было бы звонков, совещаний, встреч, просьб и всего того, чем Вы с утра до вечера окружены в Москве.

В селе я написал два рассказа. Один из них — «Митрич и солнце» — вышел, кажется неплохо. Я думал-думал и отослал его в «Лит. Россию». Однажды я посылал туда свой рассказ. Мне ответили, что он понравился, но напечатать рассказ нельзя, ибо он слишком мал. Не знаю, что ответят на этот раз, но хочется, конечно, чтоб напечатали.

В сентябре думаю вырваться в Москву. Хотелось бы повидать Вас, но Вы, судя по адресу, сменили квартиру, а приехать к Вам, предварительно не позвонив, как-то неудобно. Если можно, сообщите мне теперешний номер Вашего телефона. Крепкого здоровья Вам и всех благ!

Всегда Ваш В. Белокрылов. 20.VIII.1967 г.»

Сохранилось и ответное письмо из Москвы.

«Москва, 28.VIII.67.

Уважаемый Василий Алексеевич!

Сегодня пришло Ваше письмо на имя Константина Михайловича. Поскольку Вы предполагаете в сентябре быть в Москве и хотите повидаться с К.М., хочу предупредить Вас, что он сейчас в отъезде и вернется, видимо, не раньше 20-го сентября. Новый телефон Константина Михайловича:

АД-87-15

Желаю Вам всего доброго.

Уважающая Вас Тамара Дубинская — литературный секретарь К.М. Симонова».

Автор признавался в письме Ивану Абрисимскому: *«Вот уже больше года я чувствую какое-то необоримое желание писать рассказы. Может быть, потому, что рассказ — один из трудных жанров прозы и мне хочется попробовать свои силы; может быть, и потому, что многие явления жизни, на основе которых нельзя построить повесть, привлекают внимание своей значительностью, но потребность писать рассказы очень велика. Кое-что сделано. Два лирических рассказа я предложил журналу «Молодая гвардия». Один из них уже опубликован в первом номере журнала за этот (1968 — Т.Б.) год, второй будет напечатан в апрельской или майской книжке журнала. В первом номере «Подъёма» выйдет еще один мой рассказ. Сейчас работаю над другими. <...> Не отказался я и от жанра повести. Летом этого года должна выйти в свет небольшая книжка под названием «Мороженые яблоки». В ней я попытался рассказать о тяжелом детстве мальчишек, которые в конце войны начинают познавать и первые трудности букваря, и мудрость жизни...»*

Повесть «Мороженые яблоки» во многом автобиографична — она о поколении родившихся перед войной, их трудном детстве, воспитании, о ценностях жизни. В книге фигурирует дед главного героя книги, характер и черты которого списаны с дедушки самого автора.

Белокрылов считал «Мороженые яблоки» лучшей своей вещью.

Подтверждалось это мнение и многочисленными отзывами читателей. Из письма Алексея Прасолова: «...Вкратце о «Мороженых яблоках». <...> Вася, наше милое детство — и сила, и беда наша. Я тоже в своей постылой и чем-то неотвязно-милой прозе моей, — на кою боюсь сейчас взглянуть, — сквозь детство или — о детстве сквозь зрелость. И жутко, когда в последнее время там и тут натыкаюсь на то же у других. Чувствуешь себя страшно скованным этим детством. У тебя — свободно, увлекательно и, наверное, интересней для взрослого, чем для того, для кого предназначена книжка. <...> Дай бог, чтобы твои те рассказы прошли под притолокой, не задев темечком оную. И все же хорошо, что повесть продолжает тебя мучить...» (10.02.1970, Хохол).

Белокрылов начинает работу над новым большим произведением, пишет рассказы. Вот строки из его письма художнику Ивану Лопатину (3 мая 1969 г.):

«...Сейчас готовлю книжку рассказов для издательства «Советская Россия». Если успею, <...> книжка будет сдана в производство уже в июле. Значит, (при условии, что все пойдет нормально) к концу года книжка рассказов выйдет. Усложняется дело тем, что к маю я должен был дописать два-три рассказа, в общей сложности 40 страниц на машинке. Я этого пока не сделал. Ну а потом, после того, как разделяюсь с рассказами, буду кончать для журнала «Молодая гвардия» ту повесть о начинающем художнике, над которой начал работать еще в Калаче. Она наполовину готова...»

Позже писатель напоминает И. Лопатину: «...Помнишь, я читал тебе начало повести о художнике? Повесть эта развернулась в роман...»

Речь в письмах идет о повести, позже переросшей в роман «Жизнь как жизнь». Однако работа над ним оказалась самой сложной в творчестве и, пожалуй, самой долгой — до выхода первой части было еще десять лет...

30 марта 1971 года рождается первый номер верхнемамонской районной газеты под новым названием — «Донская новь». В нем публикуются главы из повести «Весна начинается с гроз». А 3 апреля автор повести пишет редактору газеты тех лет Эмилию Алексеевичу Абросимову письмо: «...Выхода первого номера газеты я с нетерпением ждал, ибо газета эта в какой-то мере — родная мне газета. В ней по сути дела начинал я работать в 1959 году, расставшись с иллюзиями и со всем тем, чем может тешить себя человек, у которого за плечами десятилетка и уйма планов в горячей голове. Впрочем, какую-то часть задуманного осуществить все же удалось. Итак, позвольте <...> поздравить с началом работы на верхнемамонской земле и Вас, и всех работников «Донской нови», пожелав вам всем и остроты пера, и добрых отношений друг с другом. Спасибо, что публикацией отрывков из повести коллектив деликатно осведомил меня, что обо мне кто-то вспомнил. Это хорошо, ибо в наши дни, по словам Федина, любить работу ближнего становится утраченным искусством. Рад, что сказанное Фединым не распространяется на всех. Сразу скажу, что по мере сил буду способствовать процветанию «Донской нови»...»

Забегая вперед, скажу, что дружба писателя с районкой длилась до последнего его вдоха. Продолжается она и теперь, когда память о земляке-писателе живет и на страницах газеты, и в сердцах читателей.

А тогда, в 1971 году, в московском издательстве «Советская Россия» выходит сборник рассказов писателя «Страна голубых снегов». Так называлась в книге страна его детства.

В это время Василий Алексеевич недолго работает учителем в Дерезовской школе. И вновь работа, позволяющая не быть нахлебником, отнимает время у творчества, которое не терпит измен. В конце 1971-го писатель уходит из школы.

Поиски себя, размышления и рассуждения о месте художника в жизни волно-



В. Белокрылов с сыном Сашей, г. Калач. 1960-е годы

вали писателя постоянно: он мучился, часто не находя ответа на возникающие вопросы... Речь о том шла и в переписке с друзьями. Вот К.М. Симонов отвечает на полное сомнений письмо своего подопечного.

«Дорогой Василий Алексеевич!»¹¹

Вернувшись после отъезда на довольно долгий срок, получил Ваше письмо, и в самом деле, не знаю, что и ответить Вам. Бывает так в жизни — письмо требует ответа, потому что касается важных вещей в жизни человека, а что отвечать — не знаешь, потому что не знаешь сам, как быть с этими важными в жизни человека вещами, как поступать, как сделать так, чтобы людям стало легче. Ведь, в общем-то, за вычетом наших личных житейских писательских огорчений, если ты человек, который собирается сделать в литературе что-то важное для людей, то главная причина твоих огорчений состоит в том, что ты не знаешь — как все-таки сделать так, чтобы людям было лучше жить, чтобы они сами были лучше.

В сущности, к этому сводится и Ваше письмо, за которым стоят Ваши огорчения и мои собственные мысли, которые не позволяют мне внятно ответить на Ваше письмо, потому что я сам не очень-то знаю, что делать, чтобы людям было лучше.

Вот собственно это и есть то главное, что мне хотелось Вам ответить.

Сажу над романом, никак его не закончу. Но, видимо, все-таки закончу, а дальше пока не знаю, как оно будет.

Я всегда рад получать Ваши письма и прошу Вас помнить это.

Крепко жму Вашу руку. Ваш Константин Симонов. 10.04.1970 г.»

А в этом письме Василий Алексеевич обращается к И.Е. Лопатину (07.06.1970):

«...Ты — художник, не сумевший пока преодолеть барьера притяжения к чьим-то темам. Найди свою! Ты можешь годы и годы писать лица людей, писать отлично, талантливо даже, но так и останешься художником в тех понятиях, о которых я говорил. До тех пор, пока не напишешь что-то, в чем будет сконцентрировано общезначимое. Тебе легче, нежели другим, потому как в жизни ты оригинален, личность уже в каком-то смысле, пусть и с маленькими, но чудаче-

ствами, а не тот <...> во всем правильный человек, которого я, как N<...> называл передовым членом... толпы. От толпы надо уходить, для ее же пользы, между прочим. Игра в простоту, в близость к брату своему крестьянину закончится несложной простецкой игрой; обозлишься на весь мир, который тебя не признал, будешь страдать манией величия, чуточку всех поучать и носить тогу великомученика. Избавь тебя, боже, (да и меня тоже!) от всего этого!»

Наполненная творчеством жизнь, достижения, признание читателями, взлеты ни на миг не могли приостановить внутренней борьбы и сомнений.

В октябре 1971 года Союз писателей России и Центральный Комитет комсомола проводят в Туле Всероссийское совещание молодых литераторов, куда от Воронежской писательской организации отправляются молодые литераторы Василий Белокрылов и Евгений Новичихин, руководитель делегации — писатель Игорь Чемяков. Об этой поездке Евгений Григорьевич Новичихин написал позже в своей книге «Штрихи. Воронежские писатели второй половины XX века» (Воронеж, 2015).

Сам Белокрылов в то время сообщает в письме другу И.Ф. Веревкину: «...В конце сентября ездил в Тулу, на межзональный семинар-совещание молодых писателей, где встретился с очень интересными людьми, где, наконец, услышал о своем творчестве верные слова, и в числе трех товарищей из приглашенных 32-х (присутствовали из 10 областей) первым был рекомендован в члены Союза писателей. Такие вот, кажется, хорошие дела. Рекомендации для вступления в Союз дают мне Евг. Носов (Курск), Н. Почивалин (Пенза), Е. Люфанов (Воронеж) и рекомендация совещания, подписанная С. Орловым и Н. Евдокимовым — руководителем нашего прозаического семинара. Кстати, по его последней книжке поставлен фильм «Любовь Серафима Фролова». Если ты следишь за литературными газетами, то можешь прочитать о твоём покорном слуге и в «Литгазете», и в «Лит.России», и в наших областных, наконец...» (24.12.1971).

Позже Евгений Иванович Носов в одном из писем Белокрылову признавался: «Я по-прежнему тебя люблю и буду любить всегда, так ты мне пришелся по душе. Конечно же, я рад, что ты теперь в Союзе, потому что ты настоящий русский писатель не по строчкам только, а по всему складу своей души. Есть писатели от нечего делать, что ли... Ты — от природы!»

В письме Ивану Абросимскому (30.11.1972) Белокрылов делится радостью: «Недавно вернулся из Воронежа. Повесть моя, кажется, подписана в набор, приняли меня и в Союз писателей. Кажется, все хорошо».

Еще в 1971 году на встрече со школьниками Белокрылов рассказал: «...Новая книга будет о школьнике. Нет, не об отличнике пойдет в ней речь. Герой моей книги — Иван Вислов. Он хороший паренек. Но жизнь — штука сложная, а особенно в годы становления, формирования характера. Тут важно, что в паренёчке победит: завязь добра или зерна зла. — И тут же добавил: — А книгу так и назову — «Завязь»...»¹²

Из переписки с другом, журналистом и поэтом, Алексеем Иосифовичем Багринцевым: «...Нового, конечно, ничего нет, иначе известил бы как-нибудь. Роман (вероятно, «Жизнь как жизнь». — Т.Б.) отложил пока, доделываю когда-то начатые рассказы, ибо надо определить их до конца года по разным изданиям. Жду выхода книжки («Завязь». — Т.Б.), жду ответа из «Нового мира» и вообще жду, жду...»¹³

Повесть «Завязь» сам писатель считал удачной. В ней автор затрагивает проблему становления подростка, бросившего школу. Один шаг оставался ему до зла и падения... И все-таки тлел в нем росток сопротивления злу, завязь чистой веры в разумность и доброту... Прототипом главного героя стал племянник Белокры-

лова — Иван. В другого героя книги воплотился друг автора, неизменный спутник охотничьих троп, также умевший и любивший играть на гитаре и петь, Иван Колядин.

Продолжалась переписка и общение с Симоновым. Василию Алексеевичу, как и раньше, были важны его советы и рекомендации.

Два письма В. Белокрылова (из архива прозаика):

«Дорогой Константин Михайлович!

Отсылаю Вам свою наконец-то вышедшую книжку («Завязь», Воронеж, 1973. — Т.Б.), которую более двух лет томили в издательстве. Книжка эта, как мне кажется, завершает тему, начатую мной в первой повести и продолженную во второй.

Это и натолкнуло меня на мысль переиздать эти три вещи в одной книге, под одной крышей. Сведенные вместе, они, мне думается, прозвучали бы неплохо, к тому ж это дало бы мне возможность закончить, наконец, столько раз откладываемый в сторону роман («Жизнь как жизнь». — Т.Б.), и хотя надежды на это мало, намереваюсь поехать в Москву.

Хотелось бы увидеть Вас. В жизни моей намечаются, кажется, существенные перемены, и мне очень нужно с Вами поговорить. Не могли бы Вы написать, когда мне удобнее в Москву приехать и как предупредить Вас о своем приезде.

Рассказ «Половодье» с Вашим письмом после долгих раздумий отослал на имя главного редактора «Нового мира» в конце декабря прошлого года. Через три месяца, беспokoясь, нашло ли мое послание адресата (почта в связи с небывалой распутицей отправлялась всяким попутным транспортом), напомнил о себе. Еще через три месяца, не получив ответа, по-настоящему забеспокоился и написал еще раз, но уже в отдел прозы, попросив извинить меня, если мое беспокойство молчанием журнала необоснованно. Ответа пока нет. Не знаю, но мне кажется, что решить судьбу рассказа за полгода все-таки можно. Пишу Вам об этом к тому, что боюсь, не было бы у Вас каких-нибудь неприятностей в связи с тем, что я ваше письмо использовал как письмо рекомендательное.

Сейчас, несмотря ни на что, настроение у меня бодрое.

Здоровья Вам и всего доброго.

Любящий Вас В.Белокрылов. Июнь 1973 г.»

«20 января 1975 г.

Дорогой Константин Михайлович!

Дела, ради которых я приезжал в Москву, в общем-то, не столь уж важны, для меня же они и значительны и неотложны. Дела эти — прикидка с целью попасть на Высшие литературные курсы, выяснение обстоятельств, связанных с переизданием сведенных под общую обложку молодежных повестей и, наконец, попытка узнать о судьбе своих рассказов, которые вот уже больше двух лет без всякого движения лежат в «Новом мире».

Если с курсами и с изданием книжки хоть в какой-то мере что-то наметилось или проснилось, то ничего этого я не могу сказать по поводу рассказов.

Один из них — «Половодье» — по многим причинам очень дорог мне. Если Вы помните, он был прочитан Вами, и я, по Вашему совету, вместе с Вашим письмом отправил его в «Новый мир»! Через полгода я получил письмо за подписью ст. ред. прозы И.Борисовой, которая сообщала, что рассказ понравился, что они его намерены опубликовать и просила прислать еще один-два рассказа, чтобы составить цикл. Я в это время сидел над романом и послал только один

рассказ. Вскоре я сам поехал в Москву и, естественно, зашел в «Новый мир». Борисовой не оказалось, и я говорил с членом редколлегии Ф.Тауриным, который заверил, что рассказы пойдут. Наконец, уже совсем недавно, я получил, опять же от Борисовой, письмо, смысл которого был для меня не совсем ясен, хотя я и догадывался, что эта неясность связана с приходом в журнал нового редактора.

В этот свой приезд я опять был в «Новом мире». И.Борисовой опять не оказалось — ушла в декретный отпуск, разговор же с Тауриным шел в том плане, что все пока неопределенно и поэтому, хотя рассказы нравятся, он как редактор отдела прозы ничего не может обещать. Более того, он осторожно дал мне понять, что может уйти из журнала, а поскольку Борисова, как мне кажется, уже ушла, то рассказы мои, надо думать, так и останутся лежать, как ненужное наследство ушедших из журнала людей.

Не знаю, сможете ли Вы как-то помочь мне — то ли обратить внимание Наровчатова на эти мои рассказы, то ли... В общем, не знаю даже, что тут можно сделать. Мне трудно просить Вас об этом, но другого выхода у меня нет. Так сложилось, что я застрял над романом, долгое молчание насторожило многих, и только публикация в столичном журнале, публикация именно сейчас, когда я на перепутье, благотворно сказалась бы на всем: облегчило бы возможность попасть на литературные курсы, ускорило бы издание книжки, помогло бы небесцельно предлагать что-то в другие журналы, изменило бы, наконец, отношение ко мне товарищей из Воронежа, куда я безуспешно пытаюсь перебраться вот уже второй год.

Вот, пожалуй, то главное, о чем мне нужно было поговорить с Вами после нашей короткой встречи в ЦДЛ.

Всего Вам доброго, всегда Ваш В. Белокрылов».

В ответ на письмо от 20.01.75 г. от Симонова пришла телеграмма:

«09.02.1975 г. Дерезовка Белокрылову Послал письмо Наровчатову тчк Будем ждать тчк Константин Симонов».

К сожалению, никаких свидетельств дальнейшей судьбы белокрыловских рассказов в журнале «Новый мир» найти не удалось.

А в 1975-м по направлению Воронежского отделения Союза писателей СССР Василий Алексеевич уезжает в Москву, на Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А.М. Горького. Годы учебы дарят молодому писателю новые знания и умения, новые знакомства.

В конце ноября 1975 года он пишет Э. Абросимову: «...У меня вроде бы все хорошо. И на курсах, и... Сейчас делаю одну книжицу для «Современника». Войдет, видимо, в нее какая-то старая повесть (может быть, та же «Завязь») и несколько новых рассказов, часть которых еще надо написать. В понедельник, т.е. завтра, еду в издательство для разговора. Будет, кстати, Е.И. Носов. Об этом узнал только что — минут пять назад позвонил мне писатель А. Ткаченко, который сейчас в Москве и который вот-вот должен нагрянуть в гости...»

А позже вновь о книге: «...В Москве готовится большая книжка, куда войдет и рассказ, который прошел в 6-м номере «Подъёма» за прошлый год» (1976-й, речь о рассказе «Половодье». — Т.Б.).

Занятия на курсах, знакомство с известными и начинающими писателями, жизнь в студенческом общежитии, встреча со старыми друзьями, среди которых были и ростовчанин Анатолий Гриценко, и алтайский поэт Николай Черкасов, обсуждение литературных произведений, дружеские застолья с неизменной гитарой и песнями и многое-многое другое, интересное и захватывающее, заполняя

ли все время. Эти два года расширили мировоззрение писателя. Но, пожалуй, главной оказалась дружба. Плотное единение мыслей, целей, стремлений и мечтаний, поддержка друг друга в самых разных жизненных коллизиях (и не только моральная), тесное общение и обмен книгами, в которых часто случались посвящения друзьям, — пожалуй, самый важный итог той поры. Среди однокашников по институту, сохранивших теплые дружеские чувства на долгие годы, были, кроме уже упомянутых поэтов А. Гриценко и Н. Черкасова, прозаики Александр Плетнев из Омска, Борис Бондаренко, Владимир Личутин и поэт Юрий Денисов из Москвы.

В 1977 году, завершив обучение на курсах, Василий Алексеевич возвращается домой, а затем переезжает жить в Воронеж. Обосновавшись в полученной от Союза писателей трехкомнатной квартире на улице Лизюкова, он продолжает творить.

В 1978 году в Москве был подписан договор с издательством «Современник» на издание новой книги — «Половодье». Книга вышла в следующем году стотысячным тиражом. Автор писал Э. Абросимову (4 июня 1979 г.):

«...Странно, что книжки пришли в Мамонию с таким запозданием. Но все-таки пришли, а мне вот авторские до сих пор не шлют. И купить негде, ибо в центральном магазине Воронежа их вообще не показали, а в других магазинах они разошлись к тому времени, когда я о выходе своей книжки узнал. Такие вот дела в России!»

И ниже: *«О романе («Жизнь как жизнь». — Т.Б.) затрудняюсь ответить с полной определенностью. По плану он должен выйти в конце года, но я всеми силами пытаюсь сделать так, чтобы его перенесли на год 80-й. Для этого есть очень много причин, о которых в письме не буду говорить. Надеюсь, что в июне в Мамоне побываю, в редакцию непременно загляну и в тесном кругу (2-3 человека) попробую внятно объяснить положение дел. Условились?..»*

В 1979 году во время встречи с друзьями-журналистами из родного района писатель рассказал о своем произведении: *«Роман многоплановый, в нем срезы жизни небольшого сельскохозяйственного района, типа Верхнемамонского, внешне вроде бы неприметные, но, в общем-то, конфликтные ситуации, герои — люди со сложными судьбами и крутыми характерами. Истина и ложь, добро и зло находятся в извечном своем противоборстве. Одним словом, жизнь как жизнь».*

В процессе работы автор обращается к журналисту Ивану Веревкину:

«Воронеж, 17 мая, 80 г.

Дорогой Федотыч!

Прости, что беспокою. Нужна твоя информационная помощь. Я очень застрял со второй частью, ибо плохо знаю внутреннюю жизнь райкома партии, атмосферу, микромир... но не это от тебя надо. Мою героиню, второго секретаря райкома комсомола, я хочу определить по месту ее сущности — в тихую гавань: чтоб ни ответственности, ни командировок, но... должность райкомовская. Зав. общим отделом и зав. орготделом — это не одно и то же? Запутался я, потому что в последние годы, черт знает, как только должности не именовались!

Короче, без всяких проволочек напиши, чем занимается та же Ольга Федотовна. Может быть, Вале моей (героине романа) как раз и место Ольги Федотовны? Что там, в основном? Каково к ней отношение? (Не к реальной Ольге Федотовне, а к должностному лицу!)

На этом ограничусь. <...>

Обнимаю, твой В. Белокрылов».

Летом 1980 года, живя в Дерезовке и работая над романом, Белокрылов признается в письме жене Вере: *«...Работа движется, но весьма туго, что меня в общем-то не удивляет и не настораживает: большой перерыв и осточертевший, много раз переваренный материал, который уже не вызывает ни воодушевления, ни радостного напряжения...»*

Но, вопреки всему, писатель продолжает эту работу и готовит рассказы, которые выходят в журналах и газетах.

Из письма Ивану Абросимскому (октябрь 1980-го): *«...отдал (в «Подъём») два своих рассказа: «Субботний вечер» и «В ожидании тишины». <...> Первый я вам читал в саду. Рассказ уже отправлен в набор. Пойдет он во втором, февральском, номере (вышел в первом номере за 1981 г. — Т.Б.) Рассказ «В ожидании тишины» будет напечатан чуть позже. <...> Рассказ этот мне дорог, он когда-то (в другом варианте и усекновенный) печатался в «Молодом коммунаре», но я его, повторяю, сильно почистил...»*

Именно этот рассказ стал последним прижизненным художественным произведением писателя, повторно напечатанным в коллективном сборнике «Березовая роща» (Воронеж, 1995).

А роман продолжал волновать, мучить писателя. В феврале 1981 года Белокрылов сообщал И. Абросимскому: *«...Вторая часть продвигается с трудом, но теперь уже, чую, скоро кончу и — опять же чую — придется мне за нее повоевать. Но это дело привычное».*

В последующих письмах читаем: *«К середине ноября думаю разделаться со второй частью романа. Признаться, осточертел он мне по многим и многим причинам. В силу этого роман не выйдет таким, каким он задумывался, хотя многим страницам в нем рад».*

К концу 1981 года (02.11.1981) Белокрылов вновь делился с И. Абросимским: *«...Издательство наконец-то решилось выпустить первую часть романа отдельной книгой, и сейчас рукопись, очевидно, уже в наборе. Я сейчас занят над давно задуманным циклом рассказов для детей...»*

Наконец, в 1982 году в Воронеже отдельной книжкой вышла первая часть романа «Жизнь как жизнь». Читатели и критики восприняли роман по-разному — отзывы были от восхищенно-положительных до откровенно негативных. Сохранился ответ Белокрылова на письмо читательницы Людмилы Малахиной из Обояни, которую произведение взволновало.

«Уважаемая Людмила Дмитриевна!

Спасибо за доброжелательный отзыв о моей книжке.

Да, это только первая часть романа. Что же касается второй его части, то мне придется Вас огорчить. Вы, как я догадываюсь, человек, любящий литературу, и это очень хорошо. Но Вы, очевидно, не совсем ясно представляете себе литературно-производственный процесс, т.е. не знаете о том, что книга, уже написанная, не сразу попадает к читателю в готовом виде. Сначала она рецензируется, потом читается работниками издательства, ее обсуждают члены редколлегии, и, в конечном счете, между написанием книжки и выходом ее в свет проходит в лучшем случае два года, а бывает, что и больше.

Дело в том, что желания читателя и писателя не всегда совпадают. Читателю хочется прочесть повесть или роман целиком, а писатель может в чем-то сомневаться, он хочет знать, примет читатель или не примет его вещь. В таком случае и возникает необходимость издать лишь половину книги, дабы услышать мнение читателей, те отзывы, которые помогут избежать ошибок при работе над следующей книгой. Бывают и другие причины, побуждающие писателя издавать книгу не целиком, но это уже другой разговор.

Что я могу сказать? По договоренности с издательством, мой роман «Жизнь как жизнь» в целом, завершеном объеме должен выйти в 1985 году. Понимаю Ваше нетерпение, но бесилен что-либо изменить. О героях романа мне и вовсе говорить трудно. Сейчас я работаю над второй частью романа и пока еще и сам не знаю, как сложится судьба героев. Разве Вы знаете, что может случиться с Вами хотя бы через неделю? Так и герои книги. Они живут, и писатель живет вместе с ними, и часто бывает так, что он, писатель, не может распорядиться их судьбой по своему усмотрению и, тем более, сделать их такими, какими бы хотел их видеть читатель.

Вот, пожалуй, и все, что мне хотелось Вам сказать. Еще раз спасибо за письмо. С уважением, В. Белокрылов. 17.03.1983 г.»

Одновременно автор с болью сообщает в письме И. Абросимскому (16.03.1983 г.): «...А житуха не мед у меня. Не отвлекаясь на другое, скажу, что в закрытом письме из Госкомиздата отругали редакторшу моего романа за главу, в которой описан разговор Оли с матерью, когда мать рассказывает о причине измены мужу, Олиному отцу. Прицепились за фразу: «Не для тела, а для дела жила...», усмотрев в ней пошлость и прочее. Редакторша в отчаянии, и просит она меня сделать что-то, чтобы в Москве на роман появилась рецензия. Никогда я такими делами не занимался, но, видно, придется. Ведь человек из-за меня может пострадать. <...> Рецензия эта нужна и для того, чтобы вторая часть на свет появилась. Короче, понимаешь ты меня».

Высокопоставленные чиновники, узрев в романе отрицательные стороны из жизни Верхнемамонского района, не могли простить этого автору.

Сложная судьба романа, в основе которого лежала горькая правда о несправедливостях жизни — непозволительная «роскошь» тех лет, во многом надломила и судьбу автора. Ведь он возлагал на роман большие надежды, считая его написание и издание новой ступенью в творчестве, новой вехой. Василий Алексеевич признавался жене: «...Я оказался на том творческом перевале, когда должна была решиться моя художническая судьба, когда в первую очередь стоял передо мной очень жесткий в нашем деле вопрос — ползть ли мне по тому гребню, до которого добрался, или подняться еще выше, туда, откуда уже недалек путь до вершин, где лишь немногие не задыхаются от разряженности воздуха. Решить это должен был мой роман «Жизнь как жизнь»...»

Хотя четкое понимание зыбкости писательской доли жило в нем всегда: «В моей работе может быть затор, она может (рассказ ли, повесть ли, роман) не состояться вообще или выйти плохо. Она может, наконец, не понравиться кому-то, кто работу нашу держит на прицеле...»

Все же, подводя итоги уходящего года, Белокрылов пишет И. Абросимскому (30.12.1983 г.): «...Второе по срочности дело — вторая часть романа «Жизнь как жизнь» и доведение до конца 5-6 начатых рассказов. Это, так сказать, программа-минимум, и дай мне бог сделать все это в новом году».

Спустя почти три месяца (12.03.1984 г.): «...Пора бы мне продолжить вторую часть...»

К сожалению, второй части романа так и не дано было прийти к читателю. В архиве писателя, разбросанном по разным адресам, незаконченная вторая часть не обнаружена. Возможно, где-то и сохранилась. Но где? А может, автор ее уничтожил? Что вполне можно допустить, знакомясь с горьким признанием писателя о том отрезке своего творческого пути:

«...Кто три раза переделывал первую часть романа? Уже не по воле рока, а по деянию людей я был жестоко поцарапан неумолимостью исполнителей земных

законов. Вот что происходило. Первая часть (в том виде, в каком я ее представил) исполнителей сначала напугала, второй вариант поставил их в тупик, третий кое в чем заставил усомниться. Итак, три варианта! Не знаю, чем бы успокаивала себя женщина, если бы (избавь от этого, боже!) перед ней стояла дилемма: оставить ребенка в живых, но по требованию тех, кто распоряжается судьбами людей, проделать над ребенком вивисекцию — изъять то или другое, что-то убрать, что-то видоизменить. К счастью, я проделывал это не на чьем-то живом теле, а на бумаге, но на сердце моем оставались такие шрамы и рубцы, что живая кровь собственного тела не всегда была способна заживить нанесенные чьей-то холодной рукой порезы и рубцы. Нужна была передышка, и тогда я пил.

Это главный козырь в руках современных фарисеев — пил! Я уже говорил о трех вариантах первой части романа. Подчеркиваю еще: три! <...>

Будь проклят тот, кто родился художником! Никто не видит пишущего за столом, никто не знает, что конечный результат его трудов — книга — создается годами, достигается изнеможением сердца, мозговых клеток, износом нервов, тканей и клеток...»

К сожалению, судьба романов Белокрылова оказалась незавидной. Не был дописан и не увидел свет и роман «Земля держит всех».

Из письма Э.Абросимову: «...Предлагаемая глава из романа «Земля держит всех». Роман — крупный, многоплановый, о трех поколениях; события, описанные в романе, охватывают двадцать лет — с 42 по 65 годы. О наших местах — в основном о селе, как поднималось, как жили; будет и город — Москва, областной центр. В главе рассказывается о приезде из эвакуации Евдокии Роговой, дети которой будут центральными (вместе с главными) героями...»

И все же в память о прозаике друзья-земляки нашли и издали отдельные главы незаконченного романа «Земля держит всех», рукописи которого сохранил сын писателя, Александр Белокрылов. Книга эта была напечатана в домашней типографии малым тиражом (всего десять экземпляров) на родине писателя, в селе Дерезовка, в 2006 году. Эта библиографическая редкость представлена в Дерезовской библиотеке, носящей имя Василия Алексеевича Белокрылова.

А «порезы и рубцы» лечились творчеством — новыми произведениями — таков замкнутый круг жизни у художника. И другие замыслы звали вперед.

В письмах Белокрылова не единожды упоминалась книга для детей старшего школьного возраста «Русалочий смех». Из писем И. Абросимовскому:

«...В нашем издательстве по редакции литературы для детей старшего возраста запланирована моя книжка «Русалочий смех» (по названию одного рассказа). В книжку эту должна войти и старая повесть...» (13.01.1982 г.)

«Недавно встретил детского писателя Женю Титаренко. Он пожаловался: «Не знаю, что делать. Не могу писать. Гляжу на детей и не чувствую их...» Я тоже их не чувствую. Знаю, что конкретно они есть — но художественно их не ощущаю. Более того, я их боюсь, остерегаюсь: дети ли? Физически — да, но сущность своей они во многом копию... своих пап и мам, в основном подвергнутых буму вещизма...» (07.06.1982 г.)

«...У меня все по-старому. На днях кончу, наконец, рассказ для детской книги. Получился он большим...» (28.01.1983 г.)

«Так вот, дел мне предстоит много. Во-первых, надо быстро-быстро написать небольшую повесть для детей, а она у меня пока не клеится, потому как должна она быть по тону похожей на «Мороженые яблоки». Я же этот «тон» в себе не найду, никак не настроюсь на него, и поэтому дело не движется...» (30.12.1983 г.)

Судя по всему, и этой книги не случилось в судьбе автора. Однако с большой долей вероятности можно предположить, что вышедшая в 1985 году книга «У себя дома» для детей среднего и старшего школьного возраста как раз и стала воплощением той, ранее планируемой, только под другим названием.

В год 50-летия писателя в Воронеже планируется выпуск его юбилейной книги. Новую повесть для этой книги автор начал в 1986 году, давалась она нелегко. Белокрылов делился с женой: «...Ничего триумфального в моей деятельности сейчас нет. Более того, в ожидании душевного сдвига, что сразу явится прорывом в никому не видимой работе, всякие отвлечения мешают.

Перечитал я еще раз доклады, содоклады и выступления и пришел к мысли, что мое затянувшееся молчание — ей-богу, результат моральной усталости от всего, что являла моя личная жизнь и жизнь общества в целом. Закончить бы эту свою повесть и браться за новую вещь с новым ощущением, с пониманием того, что это кому-то нужно. Как же (знала бы ты) сушили душу явления людской жизни, до тошноты оматериализованной...»

О выпуске юбилейной книги сам автор рассказал в письмах своему дерезовскому другу Василию Ивановичу Лустину:

«г. Воронеж, 30 июня 1987 г.

Василий, привет!

Собирался выбраться 5-го, потом 25-го и... ничего не вышло. Выстроилась целая цепочка обстоятельств, которые не позволяют мне выбраться из Воронежа. Дело в том, что по заключенному с издательством договору в моей рукописи должно быть 15 авторских листов. В книжку, сданную мной в конце марта (я ее должен был сдать к этому сроку год назад!), вошла повесть «Долгая неделя» (ранее называвшаяся «Меловатские мальчишки») объемом в 12 листов и пять рассказов в 5,5 листа. Учитывалось также предисловие, которое должен был написать Юрий Гончаров или Евгений Носов. С тем и другим была договоренность. Принимая во внимание листаж, указанный в договоре, представленный мной выходил за рамки. И директор и гл. редактор издательства пошли мне навстречу, два листа изыскали. Прочитавшая рукопись Давыденко (редактор книжки) в силу того, что ей очень понравилась «Долгая неделя», предложила подверстать к ней какую-нибудь другую повесть вместо рассказов, которые, как я и сам понимал, не состыковывались с повестью. Остановилась на первой моей книжке. Это меня очень даже устраивало — «Под солнцем покоя нет» мне давно хотелось переиздать. Но... книжки у меня не было. Поиски ограничивались сроком. Один экземпляр удалось достать, а для расклейки нужна еще одна. Пришлось искать возможность переснять на РСМ, что тоже не просто. Когда, наконец, все это было сделано, мне захотелось дать и три рассказа, на что Давыденко пошла, но объем уже превышал 19 листов. Тут выяснилось, что Носов на лечении, а Гончаров укатил в Дом творчества, так как тоже затянул сдачу рукописи. Что было делать? Думали-гадали и решили, что вместо предисловия напишу я «от автора». Написанное мной вызвало разногласия, возник вопрос и об оформлении книжки. Главный художник (Р. Ратмирова), ратуя за хорошую книжку, дала понять художнику-исполнителю, чтобы он оформил обложку под седьмой переплет. Тот так и сделал (оформление обложки я видел — понравилось). А 7-й переплет — это ледерин. В ледериновых обложках (количество ледерина в издательствах лимитировано) выпускались книжки лауреатов (как у Носова, Троепольского, Гончарова и к 65-летию Кораблинова). Издательское начальство зачесало в затылках. Тут еще — обложка оформлена с учетом помещения фотографии, что тоже не предусматривалось. И последний по мне удар — заболела серьезно Давыденко. Вчера я был

в издательстве. Решено: дать книжку в твердом переплете. С включением «от автора», написанным так, как я написал, а вот вопрос с листажом — 5,5 лишних листов — пока не решен, ибо в Москве А.Свиридов, главный редактор. Рукопись моя у Тамары дома или в больнице с ней (сегодня должны узнать, а я узнаю завтра).

Сам понимаешь, уехать, оставив какие-то вопросы для себя открытыми, я не могу, и здесь сидеть надоело.

Как видишь, дал тебе полный отчет. <...>

Такие вот дела. Думаю, что через пять-шесть дней выберусь отсюда с Катюхой, а Вера берет отпуск с 25-го июля. Все! До встречи! В.Белокрылов».

А спустя некоторое время — следующее письмо:

«Дорогой друг, полковник Лустуано!

...Ты уже по обращению к тебе сразу смикитишь, что настроение у есаула Белокрылова игривое, а стало быть, архитотличное. Иначе и не может быть, так как положение на главнейшем из участков фронта не только стабилизировалось, но явно наметилось к перевесу в нашу сторону. Это тем более отрадно, что во время моего отсутствия произошла скрытая перегруппировка сил противника, что грозило отторжением от общей прозаической территории трех рассказов и двух с половиной листов повестей, которые я должен был сократить. Опоздай я прибыть в губернию буквально на два дня, так бы и случилось. Иными словами, рассказы были затребованы из наборного цеха и к моему приходу в издательство лежали уже на столе моего редактора. Текст повестей я должен был сократить в верстке, то есть меня ожидало самое мучительное — кромсасть живой текст.

Не стану передавать подробности (о них при встрече), скажу только, что террористический акт был предупрежден и ликвидирован, хотя и не без потерь. Однако потеря не столь уж значительная по сравнению с тем, что ожидалось...

Мне помешали: пришли гости... Закончу письмо с уверенностью, что... через пять дней явлюсь в Дерезовку.

До встречи. Твой Белокрылов».

Этой книге было суждено стать последним прижизненным изданием писателя.

В том же, 1988 году (18 марта), в письме И.Ф. Веревкину Василий Алексеевич откровенничает: «...Ваня, Ваня! Поверь, я никогда не жил только для себя. Да, так случилось, что я начал писать книжки. Но когда я начинаю какую-то вещь, я никак не думаю о себе, о каких-то для себя выгодах. Передо мной стоят люди со своими горями, маленькими радостями, своими проблемами... — и обо всем этом я должен (нет, не то), чувствую потребность высказаться. Литература — настоящая — всегда была и будет тоской по чему-то такому, чего для каждого в повседневной жизни нет. Если в произведении не осуществляется тоски автора по чему-то, чего для каждого не хватает, — это не литература, а номенклатура. Прочти с этой точки видения все мои вещи, и ты почувствуешь, ощутишь, ухватишь эту тоску...»

После неудачи со второй частью романа «Жизнь как жизнь» у автора «начались мучительные поиски других тем. Несколько раз всплывала мысль начать работу под общим названием «Пятый угол». Будут ли это рассказы, повесть, роман, он еще не знал, но идеей делился, чтобы принять окончательное решение. Ясно, в жизни пятого угла нет, но есть люди, которые пытаются его найти. Сомнения, мучившие его вначале, так и не были развеяны. Начатый

рассказ «Чики-чики» в процессе работы перерос в повесть. А повесть так и осталась незаконченной...»¹⁴

В мае 1987-го в одном из писем автор признавался: «Почти всю ночь не спал: обдумывал в деталях сюжет повести. Сюжет нащупывается, и помог мне в этом вчерашний «последний звонок» в дерезовской школе, где я присутствовал...»

В 1989 году на вопрос о творческих планах Белокрылов отвечает: «...Сейчас заканчиваю небольшую, листа в четыре, повесть «И ждет нас день...»¹⁵ Она о журналисте, о врачах, о том периоде в жизни людей, когда легко нивелировалось все личностное, индивидуальное, когда нравственные ценности стали подменяться ценностями преходящими — страстью приобретать, налаживать связи, когда вопросы совести, чести, уважения к ближнему и другие нравственные категории подавлялись стремлением к престижному и тому обманчиво иллюзорному, что привлекает лишь своей внешней стороной...»¹⁶

В августе того же, 1989-го Белокрылов сообщал в письме жене:

«...Что же касается моих планов и дел, я решил кое-что переиграть, и переигрывать еще придется много. Ах, время! Все пошатнулось, и неизвестно еще, в какую сторону повалится. Горбачев начинает напоминать мне девочку, которая желает и невинность соблюсти и капитал приобрести. Заигрывает с границей, — ладно, но с кем здесь, в стране? Не может ведь быть полного порядка в государстве при двоевластии, он же... при вселенских криках «Вся власть — Советам!» прочно сохраняет партийную власть, а она, власть партийная, и особенно на местах, — первый тормоз этой самой перестройке. Какой-то замкнутый круг. Но ладно, поживем — увидим...»

Как можно было соединить в себе и принять две взаимоисключающие жизненные правды? В 1973 году в беседе с друзьями о цели литературы Белокрылов говорил: «Она помогает человеку понять себя и развить стремление к истине, бороться с пошлостью в людях, уметь найти в них хорошее». И добавил тогда, что это святой наказ Горького писателям. Тому и следовал наш именитый земляк...

Но время перемен — перестройка — не разбирая, кто прав, кто виноват, выбросила за борт общественной жизни и литературу, и писателей. И в 1989-м он пишет о текущем литературном процессе, об озабоченности писателей его поколения: «...Русская литература всегда была совестью народа, своего рода барометром, показывающим в каком состоянии находится общество. Ведь литература, утверждая общечеловеческие ценности, несет в себе и разрушительный, но, в конечном счете, очистительный заряд — срывает покровы с лицемерия и ханжества, обнажая пагубную сущность закостенелых канонов, созданных стереотипов, отживших представлений. Критическая направленность литературы как бы тревожила совесть, не давала покоя мысли, побуждала к каким-то действиям, вскрывала те «болевы точки», которые поражали наш общественный организм.

Что же касается текущего литературного момента, то он очень сложен. Во-первых, произошел как бы возврат в прошлое, в основном, в двадцатые-тридцатые годы, когда произведения многих писателей и поэтов, даже опубликованные, были изъяты из библиотек, подвергнуты осуждению и запрещены. И только с началом оздоровительных во всех сферах жизни перемен настал черед вернуть людям насильственно отторгнутые от культуры произведения... Читатель получил возможность прочитать прозу А. Платонова, М. Булгакова, Е. Замятина, В. Пильняка, стихи поэтов О. Мандельштама, Н. Клюева,

М. Волошина, И. Северянина, Н. Гумилева, не напечатанные стихотворения М. Цветаевой, А. Ахматовой, Б. Пастернака <...> Книги, ставшие достоянием широкого круга читателей (так называемая возвращенная литература), отличаются не только художественным совершенством, широтой остро поставленных вопросов, затрагивающих нравственные, социальные и идейные стороны бытия. Они притягательны и своей соотнесенностью со временем, о котором на протяжении многих лет если и говорили, то придерживаясь официальной точки зрения: ликвидировано кулачество, а не нанесен удар в целом по крестьянству; общество очищено от вредных элементов, под видом которых пошли по этапам сотни и сотни лучших представителей интеллигенции, освободившей место для всякого рода карьеристов, выскочек и прихлебателей, на все лады певших осанну «вождю народов». Так вот, произведения тех лет, кроме своих художественных достоинств, несут еще и печать таинственного, запретного, а запретный плод, как известно, сладок.

Вместе с произведениями запрещенной литературы на страницы наших журналов хлынул и поток литературы русского зарубежья — той прозы и поэзии, которая создавалась русскими эмигрантами трех поколений. От этой литературы не отмахнуться, ибо она неотъемлемая часть общей русской культуры. <...> Это и произведения эмигрантов первой волны — В. Набокова, И. Шмелева, Б. Зайцева, и произведения представителей поздней эмиграции, таких как В. Некрасов, известный советскому читателю своим романом «В окопах Сталинграда», Г. Владимов, автор напечатанного в свое время А. Твардовским романа «Три минуты молчания», проза В. Войновича, стихи И. Бродского и многих других.

Эти два потока литературы, как и произведения советских писателей, книги которых подверглись жесткой критике уже в 50–60-е годы и не дошедшие до читателя (романы В. Гроссмана, В. Дудинцева, А. Рыбакова, проза В. Амлинского и других) естественно потеснили со страниц периодических изданий сегодняшнюю прозу и поэзию. Более того, написанные без оглядки на внутреннего цензора, избежавшие, в конечном счете, давления цензуры официальной, книги эти как бы предъявили к писателям разных поколений более жесткий счет, вызвав необходимость подняться на качественно новую ступень мастерства как в смысле формы, так и в смысле раскованности стиля, насыщенности содержания фактами, которые до недавнего времени из рукописей вычеркивались как нежелательные, очерняющие нашу действительность.

Нельзя не учесть и еще одного обстоятельства — широкоохватного прорыва разведывательного отряда, как называют художественную публицистику, к тем негативным явлениям, которые считались порождением капитализма, ни в коем случае не присущим социалистическому обществу. Конечно, люди кое-что знали, кое-что слышали, но когда на страницах журналов и газет начали печататься статьи о проституции, наркомании, гомосексуализме, когда открыто заговорили о существовании в стране мафии, коррупции, рэкета, когда произошли столкновения на почве национализма — тысячи и тысячи людей оказались в шоковом состоянии. Интерес сместился в сторону факта, читателя стало привлекать все острое, горячее, щекочущее нервы, все то, что доньше было тайной за семью печатями. Художественная литература в силу своей специфичности не может, да и не должна, конкурировать с мобильными жанрами — быстро откликающейся на события журнальной и газетной публицистикой. Поэтому для литературы, задача которой постигать и осмысливать сущность человека, всего, что происходит с ним и вокруг него, видимо, еще не наступил свой звездный час»¹⁷.

И хоть тогда и запрещенные и «возвращенные» издания на несколько лет вытеснили реальную современную литературу со страниц толстых журналов и альманахов, все же жизнь продолжалась — продолжалось и творчество. Белокрылов работал над рассказами, публицистическими статьями, сотрудничал с журналами и газетами. И вновь он «лечился» соками своей малой родины.

Из письма Э. Абросимову (28.01.1993 г.): «...За напечатание «Лильки» большое спасибо. Есть у меня еще предложение. В сентябрьском номере (№9–10 за 1992 г.) «Подгёма» напечатали мой рассказ «Лощина». Попытался я дать его целиком в «Коммуне», но не вышло, и дали они лишь кусочек. «Подгём» же, как ни жаль, издание не массовое и в розницу не идет. Веришь ли, себе не смог нигде добыть книжки журнала. А рассказ (если точнее, то новелла) писался мной с прицелом на дерезовских жителей, которые не вмешались в свое время и тем самым дали перегадить и лощину, и поля, по которым протянулись канавы для трубопровода. Кстати, все так и вышло, как я писал в «Лощине». И вот... Не рискнете ли вы перепечатать рассказ в газете? <...> В желании моем <...> нет ничего корыстного. То есть, гонорар вы мне можете не платить. Перепечатка желательна с морально-этической точки зрения».

«Лихие 90-е», поставившие в стране все с ног на голову, несли душевную смуту творческим личностям. Они, как и весь озабоченный и измученный народ, были вынуждены искать работу ради куска хлеба для семьи, а сердце разрывалось от боли за судьбу Родины — России.

Василий Алексеевич с горечью писал: «...Видно, надо мириться с тем, что в жизнь сейчас, на первых порах, просто прут, вламываются люди, о которых раньше говорили, что они без Бога в душе и без креста на шее, хотя многие из этих так называемых деловых, предприимчивых, с коммерческим подходом ко всему, даже святому для людей, и в церкви, перед Богом, всяк по-своему уже успели отметиться. Им это легко: «дутые» крестики на шее они носили, не помня о Боге, носили для украшения, ну, а теперь, когда общество повернулось лицом к забытым святыням, они тоже спешат выглядеть детьми Христа в глазах мирян. Но видимость эта «дутая», как и крестики на их шеях, ибо так называемое тварное в них на первом месте, и молятся они не «дutomу» кресту, а раздутому кошельку!..

...Да, я всего лишь русский писатель. В силу происходящих в стране ломок я, как сотни и сотни из числа творческих работников России, оказался в незавидном положении, поскольку люди от коммерции, дабы быть в выигрыше, пустили в оборот ценности прошлого, наработанные трудом тех, кто в свое время, так же как и сотни мне подобных, еле-еле сводили концы с концами. Бунин, Платонов, Булгаков, Набоков и несть им числа. Называю только писателей, а если взять философов, деятелей искусства, культуры, то имя им — легион. Процесс этот — восстановление порушенного, бывшего в забвении — закономерен, но источники уже иссякают, да и людям хочется читать о людях наших дней...»

Извечный вопрос русского человека «Как жить?» не уйдет из общества, пока есть люди на этой земле. Пока человечество мыслит. Смысл жизни, ее цель, приоритеты человеческих ценностей, духовные богатства, которые не падают в цене при любых условиях — эти темы всегда были, наверное, самыми важными для настоящих писателей. Последняя публицистическая работа Белокрылова «Возрождение России... или Человека?» была написана за год до его преждевременного и неожиданного ухода в мир иной. Боль за Россию пронизывает всю статью писателя и входит в сердце. Статья эта актуальна до сих пор, и только отдельные

детали относят ее к 1995 году. В том же, 1995-м, она вышла в журнале «Подъём» (№№ 9–10).

Вера Ивановна Белокрылова, жена прозаика, рассказывала спустя годы: «Василий не смог перестроиться, приспособиться к новым реалиям той жизни. В нем была такая мощная опора на ценности и принципы, переданные ему дедом, впитанные им с материнским молоком. Он, к сожалению, оказался одним из тех многих, кто меняться не хотел и не мог, кто ломался с болью и хрустом... Говорил мне: «Я не знаю, о чем писать? Что нужно нынешним молодым? Как можно все в стране перевернуть с ног на голову...» Вася разуверился в этой жизни: зачем писать, если не печатают и не читают?»

...И все же, разбирая архив писателя-земляка, нахожу неоднократные свидетельства его творческой работы последних лет жизни («дерезовского периода»). В письмах упоминается цикл рассказов «Последняя женщина». Передо мной — наброски к рассказу об Андрее Ларгине («о незнакомом, тревожном звонке»), мысли к рассказу о Петре Болтове. Еще — первая страница рассказа «Испорченный день». Но, к сожалению, полностью самих произведений найти не удалось.

В переписке с женой во время его отъездов в Дерезовку, где ему всегда плодотворнее работалось, откровенное до боли признание писателя:

«Слова, которые ты сейчас прочтешь — не мои слова. Их написал в письме одной своей знакомой большой американский писатель Джон Стейнбек, автор романа «Гроздь гнева» и других очень хороших книг. Вот эти слова: «Писатель в силу своего одиночества пытается установить связь подобно посылающей сигналы далекой звезде. Он не уверяет, не поучает, не прикалывает. Скорее, он пытается установить отношения, основанные на смысле, чувстве, наблюдении. Мы одинокие животные. И всю жизнь мы стремимся не быть такими одинокими. Один из наших древнейших способов — это рассказать историю в надежде, что слушатель скажет или почувствует: «Да, так оно и есть, или, по крайней мере, так чувствую и я...»

Это очень правдивые слова.

Тебе редко приходится говорить о себе. Думаю, что ты не испытываешь в этом нужды, и еще думаю, что ты в чем-то главном давно и навсегда уверена. Я не уверен почти ни в чем. Состояние это мучительно.

Так вышло, что я лишился двух миров: сначала жены, а, следовательно, семьи, потом того мира, который питал мое творчество. Один из этих миров я приобрел вновь — тебя и дочь. Второй мир я лишь могу вспоминать, не осязая во всей живой совокупности. Это тоже и мучительно, и больно. На этих утратах сломались или не сделали отпущенного им многие: Шукшин, Рубцов, Прасолов... Назвал лишь ушедших от нас, а сколько мучатся, душевно корчатся живых, думающих, пытающихся обрести свое второе дыхание в этом почти чуждом им НТР-овском мире. Родившиеся почти на сломе двух эпох, они должны расстаться с ценностями корневого, устойчивого, чем была Россия по сути до 60-х годов, и плутать в свете реклам, в реве дискотек, в беготне машин и чаще всего деловых лишь встреч и разговоров...»

...А девяностые продолжали ломать судьбы и открывать людям глаза: страна катилась в пропасть. «Самый читающий в мире» народ забыл о литературе. Провинциальным писателям было, наверное, сложнее. Подавляющее большинство художников слова восприняло разрушение великой державы и «реформы» 90-х годов как общественную и свою личную беду. Но найти свое место в хаосе жизни, где не было направляющей силы в поддержке литературы, где не нужны были люди мыслящие, смогли далеко не все...

В это время Белокрылов признается жене в крахе своей литературной жизни: «Вот что, Вера! По возможности буду краток и скажу о главном. Скажу в основном о себе, вернее, о тех своих неурядицах и болях, которые не одной и не двумя занозами кровоточат в сердце.

<...> Успешная работа моя подменилась разговорами о ней или судорожными наскоками на чистый лист бумаги. Исписанные кипы, в конечном счете, не становились законченным романом, повестью, рассказом. Метания мои в твоих глазах превратились в суету, дерганье человечка, который, чувствуя свое неблагополучие, находил успокоение в одном — в пьянстве. Как я тебя понимал! Понимал и, поверь, ничего не мог поделать, ибо знал, что любая моя попытка объяснить сложность, сложившуюся в литературе в связи с перестройкой, не только меня, но многих и многих выбила из колеи, лишила уверенности в том, что сделанное тобой сделано хорошо и не подлежит оплеванию, как стало подлежать оплевыванию и осуждению все то, что было до появления Горбачева. И все же начатые вещи требовали какого-то иного подхода к себе, требовали искать иных решений, а это... Это для меня лично значило почти то же, что ни с того ни с сего начать переделывать уже построенный дом, в котором успел обжиться. К счастью, в последнее время наплыв отверженной литературы, как и литературы русского зарубежья, включая сюда и все, связанное со сталинщиной, стало надоедать, и в печати начали говорить открыто о том, что наш откат назад, поиски «клубнички» — книги о чем-то, что только разоблачает, фильмы о проституции и наркоманах с их притонами — все это глушит настоящую жизнь, не дает выхода книгам о нынешней жизни. Мешает движению текущего литературного процесса, в котором, вышло, нет места обычному человеку с его мытарствами, беготней по магазинам; порождает хаос, на волне которого новые имена модных ныне писателей, поддержанных в свою очередь нашими авангардистами в лице многих занявших в редакциях журналов и издательств ключевые посты, стали давить поистине все, что отличается от их художественной направленности. Другими словами, чисто русскую литературу подмяла под себя западная ветвь. Им отданы были на откуп страницы журналов и газет, их интервьюировали радио и телевидение, им были посвящены всевозможные встречи и вечера. Все это не могло не подавлять, и это подавляло, лишало сил. Понять состояние писателя, сбитого с толку «новой волной», вынужденного разобратся в полемике, чтобы понять, кто же ты и где, среди кого твое место — понять это может только тот, кто хорошо знает невыносимую тягость рождения слова, твоего слова. А поскольку жизнь (и наша с тобой в том числе) шла своим чередом, требуя наличия денег, уверенности в успехе, возможности бывать там-то и там, ты меж тем не видела с моей стороны никакой отдачи — ни постоянной работы, ни уверенности в успехе, ни нужного количества денег. И день за днем разочаровываясь в человеке, которого когда-то считала удачным писателем, стала склоняться к мысли и почти убедилась в том, что ошиблась и вместо писателя обрела пьяницу, который запоями своими твои выводы отлично подтверждал. А я и в самом деле нуждался в успехе, моральной поддержке, но писательский успех не рождается так быстро, как он появляется при удачно спетой песне на эстраде; моральная же поддержка редко и очень немногими оказывается тем, кто временного успеха лишен. Короче, тебе в это время нужна была синица в руках, хотя бы синица, а не журавль в небе. И пусть синица иногда в руки попадала, ты уже не всегда довольствовалась ей. Я же со своей стороны, чувствуя, что ты от меня уходишь (не в прямом пока смысле), то терялся, то лютел, но не в силах чего-то изменить в течение недели, месяца, издерганный, опять ударялся в загул. Эти круги ада систематически прокручивались, как

ролики заснятой киноленты с одними и теми же персонажами, корчащимися пьяными рожками...»

Жизнь писателя в сложившихся условиях катилась под гору, а он уже не пытался что-то исправить...

В одном из писем Белокрылов итожит: *«Судьба писателя — суровая судьба...»*

ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ: «ЖИЗНЬ ЖЕСТКО ОГРАНИЧЕНА РАБОТОЙ И СЕМЬЕЙ...»

Василий Белокрылов вступил в литературную жизнь счастливым человеком: любимая жена Нина, сын Саша. Кочевой образ жизни не мешал семье: Новая Калитва — Верхний Мамон — Калач — Дерезовка.

Первую книгу автор адресовал «Нине Белокрыловой — жене моей и другу моему — посвящаю». Уезжая на семинары журналистов, писательские совещания, учебные сессии в МГУ, Василий Алексеевич скучал, рвался домой, к семье. Там — тепло, понимание, любовь. Это помогало ему творить.

Трещина в семейной жизни случилась позже. Со временем она все разрасталась. Правоту каждой стороны рассудит Всевышний. Известно лишь, что Белокрылова сильно угнетало возникшее непонимание, нетерпение, несовместимость. Душевные переживания и терзания прорывались в письмах самым близким друзьям. Эти сохранившиеся упоминания и сквозь годы несут его сердечную боль.

С тяжелым чувством неотвратимости разрыва Василий Алексеевич уезжал в Москву, на Высшие литературные курсы. Вернувшись в Дерезовку после учебы, он узнал, что жена оставила его. Развод стал страшным ударом, хоть и не был неожиданностью. Видимо, надежда все еще жила...

Шок как будто погрузил его мир в туман, отголоски не покидали душу все годы жизни. Даже в 90-х, вспоминая тот период, он писал: *«...Я же, грешный, оставлен первой своей женой в тот самый момент, когда получил в этом проклятом Воронеже эту разнесчастную квартиру и приехал свою жену в эту квартиру увозить. И <...> ею было брошено: «Я с вами не поеду, я выхожу замуж!»*

Подножка судьбы вылилась в написанную Белокрыловым песню (на слова давнего друга, однокурсника по Литинституту, ростовского поэта Анатолия Гриценко) «Переломлено надвое рулевое весло».

Из воспоминаний журналиста И. Абросимского¹⁸: *«...Особенно вынимала душу песня на стихи его друга, ростовского поэта Анатолия Гриценко о сломанном весле, которая стала постоянной в его репертуаре после того, как от него ушла красавица жена Нина, родившая ему сына Сашу. Гитара плакала, стонала, рыдала. <...> Каждый раз с невыносимой болью он посылал эту песню ей — Нине. На его и наших глазах наворачивались слезы».*

Из письма И. Абросимскому: *«А не перебраться в Воронеж я, Ваня, не мог. В Дерезовке все изжито, разрублено одним безжалостным ударом человека, с которым была там связана вся моя жизнь. Не испытавшему это, это трудно понять...»* (18.01.1980 г.)

В Воронеже со временем происходят изменения и в личной жизни — Василий Алексеевич знакомится с милой и доброй женщиной Верой, создается новая семья. Белокрылов признает: *«...По воле ли провидения, по знаку ли судьбы, по велению ли Всевышнего, но мы должны были встретиться. <...> Ты пришла ко мне в самый трудный для меня момент...»*

А в 1980-м родилась дочь Катя. Писателю шел 43-й год, радость была непредсказуема еще три-пять лет назад, гордость теперь зашкаливала! В этом же году сын вернулся из армии. Большая семья в то время жила вместе.

Перипетии семейной жизни — в письмах другу И. Абросимскому:

«...У нас появилась дочь Катя, и поскольку ты сам отец, то отлично знаешь, что значит появление нового человека». (06.05.80 г.)

«...У меня все по-старому: понемногу работаю, хожу на всякие заседания, обсуждения, чествования и прочее, и это начинает надоедать, но деться от этого тоже некуда. Такие вот дела. Жена, сын и дочь не болеют, занятый каждый своим, я тоже — своим и каждым — так и идет жизнь...» (15.02.1981 г.)

Одновременно журналисту Э. Абросимову Белокрылов пишет:

«...На жизнь свою, друг мой, не сетуй: она у всех жестко ограничена работой и семьей.

...И под каждую крышей,
Как она ни слаба,
Свое счастье,
Свои мыши,
Своя судьба...»

(13.05.1981 г.)

И продолжает в письмах И. Абросимскому.

«...В семье нормально. Вот только предстоящая свадьба сына портит нервы и надолго, чую, выбьет меня из колеи. Но тут уж, как говорится, ничего не попишешь. <...> Вера с матушкой всем вам кланяются...»

«В семье у меня нормально, никто, слава богу, не болеет. Свадьбу сына «свалил». Надеюсь, и в твоей семье никакой «фори» нет. Это — главное!» (08.02.1982 г.)

«Сейчас я в роли сиделки: пребываю в раздрганном состоянии, занимаясь дочерью. Привезли ее две недели назад, надеясь, так как это обещали, что детясли начнут работать после 20-го октября. Увы, вчера узнали, что ясельные группы начнут набирать аж после 20-го ноября. Работать не могу — Катюха — помощница при мытье полов, посуды, при приготовлении пищи, но стоит мне взять в руки книжку или сесть за стол — и она становится разрушителем — будто бес в нее вселяется. Надежды работать по ночам — заблуждение: к вечеру, к приходу с работы Веры, я ни к чему не способен — так устаю». (29.10.1982 г.)

«...Вот уже больше двух месяцев совмещаю обязанности отца и няньки. Открытие детского комбината... откладывалось с недели на неделю. Но наконец-то он... открылся, и мы туда свою Катюху отвели. Однако не успел я поверить в то, что теперь-то днями свободен, как дочь пришлось забирать обратно. Она простыла сильно. И вот я снова сиделка. <...> Рассказ поэтому лежит недоделанный... Поездка за материалом откладывается, а это... Это грозит мне тем, что договор на детскую книжку со мной могут не заключить, если уже не вычеркнули из плана, редактор «Подгёма», заявивший по телевидению, что писатель Белокрылов пишет для журнала большой, художественно-публицистический материал, на меня смотрит как на болтуна; рецензию на роман «Доницина» задержал и мне теперь в Союзе вряд ли дадут подзаработать, а это пока единственная для меня возможность хоть как-то проваляться. В таком вот я положении существую изо дня в день. Перед всеми виноват, всем должен и никто не хочет понять, что вот уже более восьми лет я никак, ну, никак не могу хотя бы на месяц полностью — подчеркиваю, полностью! — отдаться тому, что хочу выразить на бумаге. Выдадутся три-четыре дня, только приготовлю себя к работе, как что-нибудь (чаще всего долги или отсутствие денег) выбивает меня из колеи. И тогда я действительно запиваю. Ибо чую (поверь мне!), что это единственная возможность не сойти с ума или

что-нибудь с собой не сделать. Это не поза, нет! Впрочем, хватит. <...> На мое отчаяние не обращай серьезного внимания. Уверен, что выкарабкаюсь». (26.11.1982 г.)

«Намеревался я отчалить в Дерезовку. В плане — сбор материала для «Подъёма» и одной детской повести. Теперь поездка откладывается. Да и ехать нельзя: у сына жена и дочка сильно болеют, а я боюсь оставлять его тут совсем одного. А от меня помощь какая? Только моральная, но и это много, когда человеку тяжело». (07.04.1983 г.)

«...Личные, то есть семейные, дела мои в нормальном русле: дочь у тещи, но скоро перевезет ее в Дерезовку. Вера не болеет, я, в общем-то, тоже, хотя со зрением неважно. Но этого и стоило ожидать, и принимаю я эту напасть безболезненно...» (25.07.1983 г.)

«...Приехал (из Дерезовки. — Т.Б.), а дома дочь еще болеет. Вера на работу ходить уже не может, и я с Катюхой за няньку. Работать она мне не дает. Стоит сесть за машинку или взять ручку, она тут как тут: с разговорами своими все «памороки» забьет, как у нас в Дерезовке говорят. А мне к 1-му июля надо сдать рукопись повести. <...> Катюха моя смотрит мультик, но он уже кончился, и она уже топает ко мне...» (23.04.1985 г.)

...А во дворе катились перестроечные 80-е, грубо разбивающие стабильность «застоя» и несущие в жизнь пустые прилавки магазинов, продукты по талонам, дефицит, километровые очереди...

Из письма И. Абросимскому: «...Жизнь сейчас в Воронеже такова, что впору сбегать. Мне же и сбегать некуда. И моя собственная жизнь трудна. Она вот-вот должна круто измениться. Мне осталось немного, чтобы доделать конец романа. Нужна спокойная обстановка, которой просто не может быть, когда знаешь, что письменный стол не заменит кухонный...

Был на днях в издательстве... ходил к Крутских для разговора о выплате мне 60% гонорара за роман, ибо дожил, что называется, до ручки». (18.11.1980 г.)

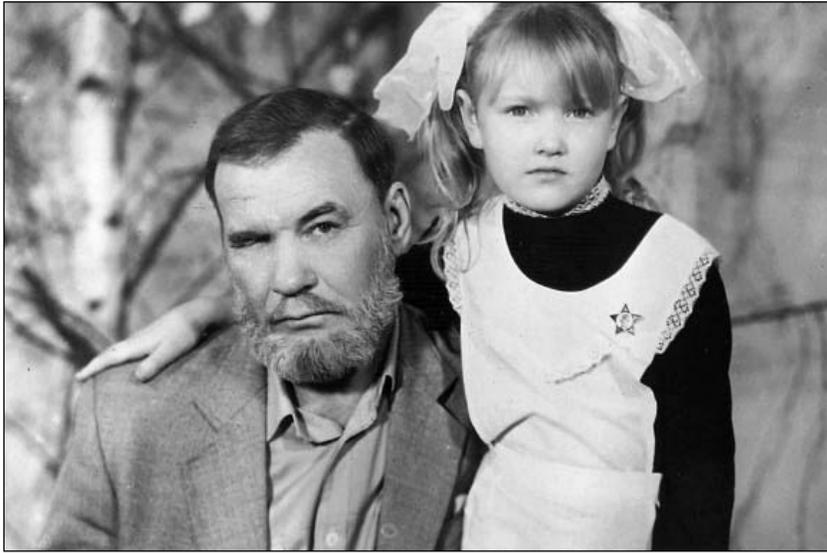
Характеристику жизни той поры В. Белокрылов дает и в письме другу И.Ф. Веревкину (15.02.1987 г.):

«Иван Федотыч, привет!

<...> Всякие дела подоспели: два партсобрания подряд, вечер памяти А. Прасолова, двухдневное совещание авторского актива журнала «Подъём» — съездились прозаики из пяти областей... короче, встречи, впечатления и, естественно, разговоры. А в связи с этим и дома натянутость, что совсем выбивает из колеи. Не странно ли: что считалось порядочностью (встретить и пропустить с человеком по чарке) — стало хуже, чем преступление. Воровство, обман, хамство, приписки — все мерзости стали вроде нормы жизни. А тут на последние кровные угостишь кого-то или угостят тебя, и все, ты ничтожество, ибо под Указ попадаешь, каждый может тыкать в тебя пальцем, хоть тыкающие, как правило, гаже в десять раз.

И вот в связи с этим. Идем мы с Володей Гордейчевым с совещания, он и говорит: «Живем, как волки. Хочется позвать тебя в гости, выпить по рюмке, тут сразу мысль: <...> повода выпить нет, и вообще, по Указу, страшнее этого нет ничего. И бежим друг от друга...»

Ну, а, в общем и целом, жизнь идет, и пусть она у кого-то идет нормально, а вовсе не у тебя лично, все равно — продолжается она, жизнь, и от этого никому не деться...» (15.02.1987 г.)



В. Белокрылов с дочкой Катей. 1988 год

Проблемы внешние порождали проблемы семейные, о них писатель тоже высказывался в письмах: *«...О деньгах — этом омерзительном мериле человеческих отношений. Связанный, подобно лошади в путах, романом, я крутился, как мог, пробиваясь рецензиями, выступлениями, чтобы хоть как-то, но внести свою долю в семейный бюджет».*

«...В силу своих задатков способный на вещи с эпическим уклоном (роман, повесть), я и работать могу только в том случае, если знаю, что хотя бы в течение десяти дней меня ничто не оторвет от стола. Но необходимость хоть что-то заработать гнала меня за рецензией в издательство, в Союз, я, не показывая своего временного неблагополучия, включался в содружество временно благополучных и... срывался, разрываясь от сознания двойственности своего положения».

«...Вот ведь жизнь! В Воронеже хоть не выходи и сюда (в Дерезовку. — Т.Б.) хоть не приезжай. Все от тебя чего-то хотят, все чем-то озабочены, у всех какая-то, хоть и малая беда, и только ты должен скрывать, что самому не сладко».

В 1988 году Василий Алексеевич провидчески пишет жене:

«...Буду краток. Если судить по выступлениям, в повышение цен на продукты питания поверить трудно. Но паче чаяния... Не надо, Верунь, отчаиваться. Мы будем, и все будет. Короче, поддаваться психозу пессимистичности — дело человека недостойное, тем более, для нас с тобой, знающих, что человечество вообще где-то на грани... страшно сказать чего... если не гибели, то колоссальных по напряженности испытаний...»

Испытания не заставили себя ждать. Выживать городу тогда помогало село. Это правило работало и в семье Белокрыловых. Выручали картошка и другие домашние продукты, ими и жили. В селах у родителей Василия и Веры были огороды, которые спасали, и куры, и поросята...

При любой возможности, а с наступлением тепла — обязательно, Василий Алексеевич, обычно с дочкой, отправлялся в Дерезовку.

Писатель был связан с родиной не перерезанной при рождении пуповиной — питался от этой земли, лечился ею, воскресал здесь, набирался сил и вдохновения. Здесь были люди, рядом с которыми прошло детство, юность, молодость; их дружба и поддержка; память о деде и бабушке. А главное — любовь, тепло, понимание и всепрощение мамы...

Вера Ивановна Белокрылова рассказывала о свекрови: *«Прасковья Андреевна была очень, очень мудрой женщиной, что поразительно для неграмотной крестьянки! И мудрость эта была видна во всем: в рассудительности, твердости слова, упорстве, бесконечном трудолюбии. Только любовь к сыну была слепа, что абсолютно понятно для матери. Она гордилась его достижениями, радовалась его счастью, очень любила внуков, но жалела сына безоглядно в любой ситуации, даже там, где он был виноват сам... Простить и понять тех, кто, по ее мнению, был обидчиком Васи, не смогла до последнего дня».*

О матери Василий Алексеевич писал всегда уважительно и с любовью.

«...И мать болеет, не спит ночи от головных болей и от болей в желудке. Мои уговоры съездить в больницу на нее никак не действуют, слушать же ее стоны (как она их ни скрывает) до невыносимости тяжело. <...>»

«...Вчера получил от матушки письмо с жалобой на здоровье и что в больницу ездила. А коль уж матушка, уверенная, что врачам велено всех пенсионеров на тот свет спроваживать, в больницу обратилась, коль уж она создалась в письме, что еле ноги волочит, значит, дело действительно плохо».

Белокрылов, не раз упоминая в своем творчестве и переписке родные края, постоянно говорит о своем желании «прикоснуться к родникам, именуемым родиной, отчим краем, местом, где я впервые открыл глаза и увидел небо, где начал познавать жизнь».

Из писем Ивану Абросимскому:

«...Через недельку, видимо, вырвусь в Дерезовку. Хочется походить по осеннему лесу, уток пострелять, думаю, опять насобирать, если они появятся». (10.09.1981 г.)

«Так загрустил по родным местам, что то и дело впадаю в какое-то нервное недомогание. Беспричинно, казалось бы, злюсь или испытываю полнейшее равнодушие ко всему, что можно назвать моей воронежской жизнью. Вроде бы внешне все хорошо: в шесть встаю, делаю зарядку, завтракаю с женой и, прослушав известия, сажусь за стол. И тут начинаются мучения, уже душевные. То, о чем хочется писать, где-то очень далеко; звуки, долетающие до меня с улицы, глушат ощущение первозданности и неповторимости того, о чем должны быть строки; они не поддерживаются ничем, что должно быть за окном». (07.06.1982 г.)

«Был в Дерезовке четыре дня — помогал матери с огородами. Никуда (имею в виду село) не ходил. Однако о моем приезде узнал Василий Лустин и прикатил немедленно. Мы как раз картошку сажали, и я попросил его отложить встречу до вечера. А вечером хорошо посидели на круче у Дона. Если не принимать в расчет, что я простыл немного, то все было отлично: пополневший Дон внизу, наплывающая оттуда прохлада, парочка уток (он и она), копошившиеся в затопленных кустах ольховника, доходившая горечь дымка от чего-то сжигаемого на огородах, неторопливый разговор. Редко такое удается, к сожалению. Обычно сбивается разношерстная компания, каждый лезет тебе в душу со своим, чаще всего мелочным, шкурным, и все сводится к обыкновенной выпивке, после которой не знаешь, куда себя деть. А вот на этот раз мы были вдвоем, и разговор шел обоим нужный». (23.04.1985 г.)

«Итак, я дома, наконец! По приезду сразу же искупался в Дону, подышал запахами выгона, и так проторно на душе стало. На второй день приехал Лустин. Втроем — я, жена и он — съездили в сад, потом часа четыре посидели на «Бабьей ...опе» — так называется у нас два придонских бугра с кустиком посередине. Эти два холмика с Дона, если плывешь на лодке, природа позаботилась так расположить, что они, в самом деле, своей конфигурацией похожи на женскую задницу. Название это давным-давно придумано людьми, а я всего лишь называю вещи своими именами.

Вчера сумел отпечатать три страницы повести, сегодня <...> сяду писать главу». (20.08.1985 г.)

«<...> А мне надо было ехать в Дерезовку, где и пробыл три дня. Рад, что два из них ушли на охоту. Полазил по придонским кручам, где мне всегда хорошо и можно одуматься; где я воздух могу специально глотать, стоя на каком-нибудь меловом шпале, — оттуда и Дон виден, и пойма, и сосны, их зеленый разлив в седоватом тумане». (04.12.1985 г.)

«Весну почувствовал? Я — да. И по-всегдашнему потянуло меня к Дону. Хотел в конце марта вместе с Катюшкой махнуть на недельку в Дерезовку, но не сложилось. А так мечталось поглядеть на ледоход, что несколько раз во сне скрежет крыг слышал...» (26.03.1987 г.)

Дерезовцы ответно любили своего земляка, гордились им. На сельских сборах, которые зачастую проводили «люди из района», обязательно возникала тема белокрыловского творчества. И из зала кричали: «Вот когда Шолохова не станет, его заменит наш Вася. Талант немереный!..»

Родной Дерезовка стала и для сына писателя, и для дочери.

Из Дерезовки Белокрылов писал жене:

«с. Дерезовка, 13 июня 86 г.

...Приехали (с дочерью. — Т.Б.) в самую жару и сразу (после чая) пошли с Катюхой на Дон. Купались на прошлогоднем месте. Этой весной, правда, тут еще больше нагнало песка и чуть глубже стало. Но песок исключительной чистоты, и глубина не опасная.

Безлюдье в селе угнетающее. Дон тоже пуст, если не считать прибегающих искупаться ребятишек. Чаек нет, но коршуны имеются, цапли на той стороне по траве расхаживают. Рыбы нет — месяц, говорят, на ущербе. Но чепуха это!

Только что я мог за эти два дня сделать? И сделаю ли? Катюха от меня ни на шаг. Как только проснется, сразу: «Пап, купаться пойдём?» Она, вполне понятно, согласна (и выдержит!) быть на Дону с утра до захода солнца, но мне-то... Эти два дня, вернее, полтора, и отбывал с нею наряд на Дону. Хорошо, хоть читал. Но все войдет в колею.

Знаешь, жутковато как-то вживаться в глушь, тишь и пустынность дерезовскую...»

«...За дочь свою не беспокойся. Она — не в пример своим сестричкам — целыми днями на воздухе, отсутствие шо-ко-ла-дов ее не тревожит, зато аппетит, с каким она лопает борщи, супы, мясо, помидоры, дыни, мед (мать купила, и Катюха может съесть его по вечерам по баночке) — аппетит ее может только радовать. За устными вечерними беседами прошли мы с нею части речи, главные члены предложения, вспомнили еще кое-что, дважды писали упражнения. Навязываю и чи-те-ние, статейки даже из газет. Морочливо, конечно, с нею, не без этого, но...

«Папа, папа, ты был сам такой же», — поет она из какой-то песенки...»

«Вера!

Не волнуйся ты бога ради! Доня твоя в пригляде: накормлена, напоена, обеспечена активным отдыхом — купаньем, беготней, качелями. Кроме обычной еды — борщей, супов, блинцов, вареников, мяса — употребляет молоко и различного вида витамины, в кои входят лук, черемша, укроп, цвет тыква, молоденькие листья свеклы, малина, смородина и даже изредка рыба, которая к витаминам хотя и не принадлежит, однако же является не менее ценным продуктом. Вечером засыпает мгновенно. Просыпаясь, идет ко мне, и, если позволяет погода, мы отправляемся купаться, бывает это до завтрака или после, смотря по обстоятельствам.

Короче, если ты можешь думать, что я не могу быть хорошим (по твоим понятиям) мужем, то Катя — ни сейчас, ни позже — никогда не скажет, что я для нее плохой отец...»

Стоило хоть ненадолго оторваться от семьи, Белокрылов тотчас писал им. В письмах звучало душевное откровение, забота и волнения, тоска и отчаяние, вызванные окружающей действительностью.

«Милая Вера! Катюшенька!

...Здесь хорошо. Кругом просто прет зелень, соловьиный бой в садах не смолкает и днем, травостой на выгоне густой, высокий, и к круче я хожу босой.

С делами по сбору материала дело обстоит хуже. Не подумал я, выезжая, о «свекольном буме», и в результате дни проходят почти впустую. Райкомы, правления колхозов почти что закрыты — все разогнаны по полям и «отловить» нужного человека весьма трудно. <...>

Эх, Вера! Не по душе мне теперешняя жизнь в селе. Люди в смысле обогащения окончательно опаскудились, речь у них только о рублях и о дополнительных надбавках натурой. Село просто вымирает в отношении духовности. Ну да об этом поговорим.

Болят у меня душа — как вы там? Ходит ли Катюха в садик или сидишь ты с ней дома? Я же постараюсь на той неделе приехать: не могу я без вас, тоска гложет. Соскучился я по вам, девчатки, так, что посадил бы вас сейчас обеих на колени и сидел бы целый час. Ей-богу! А поскольку сделать этого не могу, то кладу Катюхе веточку укропа с огорода — пусть понюхает, как пахнет негородской укроп.

Целую вас! Ваш В. Белокрылов». (24.05.1987 г.)

Однажды, когда жена уехала на курсы в Москву, Белокрылов писал ей:

«...Потом был у И. Развелся он с женой... Пришел я к убеждению, что надо быть большим изнутри человеком и делать свое главное дело (говорю о нашем брате-писателе), а остальное... Но до невыносимости ведь тяжело, когда тебя не понимает дорогой для тебя человек и, тем более, женщина. <...>

...Смотрел на наш «небоскреб» с каким-то недоумением: зачем он, если в нем Верки нет? Правда-правда! Ведь любое здание ценно не своим роскошеством или наличием в нем вещей, а присутствием в нем Че-ло-ве-ка! А уж дом тем более, имею в виду семейный дом.

Цветы поливаю, пустой чайник на плиту не ставлю... Дверь тоже запираю. Хороших тебе дней и приятных снов! Обнимаю и целую, твой Василий».

Но в жизни повседневной, в быту, в преодолении проблем и трудностей, в том числе и материальных, было ох как непросто. Прозаик признавался жене: *«...Если б поняла ты, почувствовала как-нибудь на себе, как важно для творчества*

душевное равновесие! Я же, болван, особенно чуток ко всему, за что себя несуетно клянусь, сделать же, однако, ничего с собой не могу...»

Выбивало из колеи многое — и растерянность в литературном мире, и безденежье в семье, и неспособность перестроиться и найти себя в другой области занятий. Все чаще случались срывы, потом — покаяния. А семейная лодка раскачивалась все больше и больше...

Из письма жене:

«...Пойми, поверь: я всеми силами души и интеллекта пытаюсь покончить с этой хворью, но часто, очень часто болезнь настигает меня именно в тот момент, когда я этого не хочу. Причин тому не так уж много, но она не одна, и кроются они и в нашем с тобой доме. Как быть человеку, на которого смотрят как на ничто, если говорить мягко. Отлично сознаю, что мы с тобой во многом разные люди, но есть и много общего (вспомни хотя бы свои записи в тетради, подумай об одинаковости восприятий фильмов, музыки и об отношении к ханжеству, к ловкачеству). Этим общим черт я мог бы перечислить множество, но я чувствую, что это общее в нас утратило ту связующую силу, которая, видимо, нас и свела под одну крышу. Это общее отдано в угоду чему-то другому — скорее всего, непоколебимости в своей правоте и в уверенности, что я лишь способен отравлять твою (и свою!) жизнь и не смогу жить иначе. Но я должен смочь, и я смогу, если ты хоть на йоту откажешь себе в праве верить только себе, не сомневаться в своих суждениях и предположениях и протянешь мне руку, которой почти окончательно от меня отмахнулась.

Не стану говорить о тех бытовых и моральных мелочах, которые портят нам кровь. Быт, заботы с ним связанные, сиюминутные осложнения портят кровь сотням и тысячам.

Я искал и нашел человека. Так не надо же губить человека во мне и в себе тоже. <...>

Да, пьянство — это, как говорил отец медицины Гиппократ, добровольное безумие. В случае со мной добровольного малая толика, но сущности безумия это не меняет, что я сознаю и уверен, что сумею избавиться от этого безумия.

С надеждой на понимание, В. Белокрылов».

В 90-х из-за разногласий и ссор совместная семейная жизнь становилась все более невозможной.

Из письма жене:

«...Кончу просьбой ограничить наши отношения лишь заботами о дочери. Будем делать каждый свое дело пока под одной крышей, поскольку обстоятельства не позволяют мне сейчас сделать тот единственно правильный шаг, который прервет нашу борьбу друг с другом — борьбу за обладание правом на первенство, на правоту, борьбу за тот престиж, отсутствие которого сводит людей с ума. За первенство жизни с тобой я не боролся и бороться не хочу, в неправоте своей сознавался и сознаюсь впредь, если в том появится необходимость. Ну, а пресловутая престижность, в чем бы то ни было, мне всегда была в людях смешна. Хотел всегда быть только самим собой. Не изменю этому правилу и сегодня, и завтра, если даже через какое-то время появится возможность ухватить эту престижность, как хвост жар-птицы.

Успокою тебя уверением, что наше совместное пребывание под одной крышей не затянется надолго. Вот это, пожалуй, единственное, что я твердо могу тебе обещать. Пока же будем людьми, то есть найдем в себе силы ради спокойствия дочери мирно отсиживать за одним столом ужин и спокойно говорить о ее школьных и музыкальных делах.

Без зла и с пожеланием всего самого наилучшего, В. Белокрылов».

Когда-то, еще в 1980-м, прозаик писал о раздвоенности жизни писателя: «...Беда человека с художественным складом души в том, что он живет в постоянной внутренней раздвоенности. <...> Есть такое человеческое качество как любопытство. Но одного любопытство привело к открытию материка, названного Америкой — Колумб, другого любопытство толкает к скважинам чужих дверей, и беда-то в том, что он отделяется, да и то изредка, прищемленным носом. Вот в этом постоянном видении истин с двух, а то и с трех, точек зрения и состоит мучительная внутренняя жизнь того, кто не в силах отказаться от желания сказать об этих истинах словом, кистью, резцом или звуком...»

Читаю белокрыловские произведения, его письма и записки, говорю с его современниками — не могу понять и объяснить себе раздвоенности личности писателя: восторг вызывает литературный стиль и язык, интеллект и широчайший кругозор, доброта и честность, ум, логичность рассуждений и объяснений, и вдруг — необъяснимое, бесконтрольное, внешне беспричинное: хмельные застоля, часто с малознакомыми людьми, пьяные оргии... Это оправданно приводило к обидам на него и жены, и детей, разрастающейся пропасти между ним и семьей. Позже Белокрылов приходил в себя, и цельный сильный писатель вновь вставал в нем в полный рост.

«с. Дерезовка, 9 мая, 1991 г.

Здравствуйте, Вера и Катенька!

Вчера, 8-го, был по-настоящему майский весенний день. С утра (встал в полседьмого) — тишина, чистое солнце, бьющая в глаза зелень и соловьи. До этого щелкнет один-другой в вербах у яра и опять ждешь, а тут вдруг так взъярились, что, кажется, весь овраг, особенно на спаде к Дону, загремел их перекличкой друг с другом. Гладь обихоженных нижних огородов, купы взметнувшихся зеленым дымом верб, пробрызнувшая на обочине дороги мурава, жирные кусты крапивы у заборов и еще более жирующие лопухи — от всего этого веяло умиротворенностью, во всем чуялась наполненность соками жизни и, мнилось, что даже машины, до того гремевшие на дороге, издают ровный, не раздражающий гул...

Ну, а сегодня... Проснулся от сырой тяжести за окном, вспомнил, как гремело ночью в небе, и понял, что прошла гроза. И хорошо, что вчера догадался между делом вынести на солнце все постельное и успел перестирать все вещицы — полотенца, рубашки, носки.

Кажется, прихожу в себя от задерганности людей в транспорте и на улицах города, от радио-телевизионно-газетной суетни и запутанности в предположениях насчет завтрашнего дня и от той душевной угнетенности, коя уж бог знает сколь длительное время стала моим постоянным ощущением. Поверьте, жизнь, почти лишенная смысла, — постылая жизнь. Чувствуешь свою ненужность, никак не избавишься от тягостного осознания того, что ты обманул чьи-то надежды и ожидания. Хорошо понимая, что лучшие умы России и даже практики — делатели жизни — мечутся в поисках выхода из неразберихи, мечутся в поисках новых для страны путей, сознаешь и более страшное — ненужность, несовместимость твоих собственных нравственных исканий с теми потребностями, которые вызваны сегодняшним днем. Ведь все в представлении мыслящих людей о вчерашнем и завтрашнем, будущем смешалось, искривилось, передернулось и внутри почти каждого человека что-то сломалось. Пишущий, будь он поэт или прозаик, в этой ситуации оказывается в безвыходном тупике. Прежние его нравственные и художественные установки в лучшем случае подверглись сомнению, в чем-то потеряли крах и под обвалом

нахлынувших на него фактов того ужасного, что совершалось при его жизни, уже не могут быть той движущей силой, которая была основой, стержнем его творческого бытия. Создать же свою новую в новых условиях концепцию понимания прошлого и настоящего, нащупать связующие нити, которые бы соединили твою душу с ушедшим и наступающим не так-то просто, ибо, будь ты и семи пядей во лбу, трудно отрешиться от самого себя и еще труднее отмахнуться как от навязываемых тебе построений, так и не отзываться на требования нынешнего дня. А бытийная, чисто житейская необходимость быть, оставаться в глазах ближних тем, кем ты им виделся, кем ты для них был, — эта сторона твоего существования и подавно тебя раздавливает, превращает тебя в человека в глазах ближних несостоявшегося. А твои никому невидимые и никем неощущаемые мучительные поиски своего «я» ближними воспринимаются попросту потугами быть тем, кем ты не есть на самом деле. Образуется разрыв, раздвоенность между потребностью быть творцом и необходимостью оставаться просто человеком. И самое жуткое в том, что в силу невозможности что-то в короткий срок сотворить в тебе уже не видят ни творца, ни просто человека, а так, пытающуюся существовать личину, плоть с какими-то непонятными, а то и смешными требованиями ко всему и всем, и в первую очередь, конечно же, к ним, ближним.

Не сочти это, Верунь, за обычное нытье, за оправдание за неоправдываемое. Как бы ни тяжело и угнетенно на душе, найду в себе силы де-ла-ть!

Сейчас вспомнилось, как совсем недавно Катюха вдруг заговорила вечером об ужасе перед смертью. Господи, Боже мой, сколько передумано людьми за все века на эту довлеющую над жизнью человека тему! И вот... точно не помню — когда, но давно пришел к выводу, что если людям удастся разгадать тайну смерти (что стоит за ней?), произойдет страшное, скорее всего, смерть всего сущего. Грешным делом, подумывал, уж не моя ли это мысль? И вдруг потом, когда доступно стало кое-что из русских религиозных философов, и кое-что из Евангелия прочитал, выяснилось, что все религиозные мыслители и самовывод из учения Христа подводят к четкой мысли о заповеданности разгадки феномена смерти. Разгадать тайну земного бытия в земной жизни не дано, ибо это во власти верховного существа. Мучительно задумавшись когда-то (видимо, в восьмом классе) о случайности своего появления на свет, я, конечно же, не знал, что большинство религий и, в первую очередь, индуистская, земную жизнь человека принимает как трагедию, тягостность. Главное — душа, коя множество раз вселяется в другую плоть и через множество превращений (идея метемпсихоза), перевоплощения души достигает, наконец, такого совершенства и чистоты, что вливается в мировую душу. Так что мы (и с этим не спорит наука) не однажды гости на Земле. Все это я к тому, что сейчас, с возвращением к людям многого из того, что от них скрывалось, уже невозможно писать по типу: «Жили-были дед да баба, и была у них курочка Ряба...»

Ну, ладно, о сущем. Как я тебе уже говорил, высадили картошку — до двадцати ведер, много фасоли (ее будут, мать говорит, закупать), кукурузу, конечно, и все прочее. Вот луку, мне кажется, мать рассеяла маловато, но это легко устранить: как только найдем саженцы, посадим.

Абрикосины в этом году счудили: отцвели пустым цветом еще до появления листы; вишенники цветут, но у нас-то сад слишком жидок, чтобы что-то существенное ждать. Смородина и сливники многоцветны, однако плодики надо оберегать от воробьев, а сие не так-то легко.

Разлив Дона в этом году был богаче прошлогоднего, однако гадать сейчас, как залиты были озера, рано, как и рано думать о ежевичниках. В лес сейчас не заглянешь.

Вдосталь на огороδικе зеленого лука, щавеля, петрушки. Проклюнулся редис, а вот твой любимый болгарский перец у матери почему-то не взошел.

Жалею, что не достал в Воронеже перед отъездом несколько саженцев яблонь, груш. Как-то не подумал об этом. Малинник обрезал, и, если все будет хорошо, лакомство Катюхе будет. Высажены и «материны бахчи», как я называю куртинку с арбузами и дынями.

Говорили мы с тобой о пленке, чтобы закрывать саженцы огурцов, да до пленки так дело и не дошло, а надо бы.

Такие вот дела, и на этом, кажется, кончу. На дворе опять дождь, и мое желание побывать у памятника Прокатова, где в день Победы ежевесенне проводится нечто вроде торжественного схода граждан села Дерезовки, видимо, так и останется желанием.

<...>

Всех вам благ! Обнимаю обеих! Ваш В. Белокрылов».

Возвращаясь в Воронеж, он вновь погружался в запутанную мутную атмосферу времени, где каждый пытался выжить сам, где не было возможности на что-то надеяться — перемены не просматривались даже на горизонте.

В 1994 году Василий Алексеевич по взаимной договоренности с женой вернулся жить в Дерезовку — семья осталась в Воронеже.

Когда-то уехавший в «неведомые дали», «блудный сын» Дерезовки возвращался сюда неоднократно: из Новой Калитвы, Калача, Москвы. Этот приезд стал последним — навсегда. Начинаясь новый отрезок его судьбы.

Впереди страну ждали новые испытания и удачи. А жизнь писателя размеренно, неотвратимо и несправедливо быстро двигалась к своему завершению. Но знать об этом не было дано никому...

«СПЕШУ БЕЗДУМНО НАЖИМАТЬ КУРОК...»

О себе Василий Алексеевич рассуждал немного. Как-то признался: *«Говорить о себе и трудно, и неловко»*. Все то, что не давало покоя и удовлетворения, — насущные проблемы бытия копились на кончике его пера и делились с друзьями.

В письме Эмилю Абросимову читаю: *«...Что же касается всероссийской славы, ответить могу одно: и не льщу себя такой надеждой, и, честно говоря, как-то равнодушен к этому. И не только к этому, а и ко многому другому. Царствует кругом застой (переключился бы он на желудки!), полнейшее равнодушие людей к ближнему, пристрастие большинства плевать на все то, за что им платят, — все это в последние годы порядочными дозами лилось в душу и как-то подморозило ее. Не стал я, к счастью, циником, но и честолюбия не приобрел, чему также радуюсь. Дай бог, чтобы книжка («Мороженые яблоки». — Т.Б.) понравилась хотя бы одному читателю из ста, и это уже больше чем утешение»*. (04.06.1979 г.)

Ивану Абросимскому Василий Алексеевич заявлял: *«В искренности твоего доброго отношения ко мне никогда не сомневался, не прислал же что-нибудь сразу (в газету. — Т.Б.) из-за чисто человеческого такта. Самоуверенным болваном никогда не был и не буду никогда!»* (18.01.1980 г.)

В Белокрылове удивительным образом уживались полярные свойства его натуры. Образованность, порядочность, скромность мирно соседствовали с необузданным, горячим, неукротимым нравом.

В жизни прозаик никогда не был замкнутым тихоней. О его бесконечных при-

ключениях ходили легенды. Он своим поведением и рассказами любил подлить масла в огонь таких историй. Борис Таранцов как-то сказал: *«То, что Василий Алексеевич рассказывал вживую, было ярче переложенного потом на бумагу. Его личность была даже ярче его таланта».*

Много воспоминаний о том, что в молодости мимо дерущихся он не мог пройти, если была задета чья-то честь. Тогда — вмешивался.

Тот же Борис Таранцов рассказывал: *«Соединивший в себе полуказацкие-полуцыганские крови, любил Белокрылов подраться, силушкой помериться. Это была его стихия!»*

А журналист Александр Багринцев вспоминал 60-е годы:

«...В Калаче тогда свирепствовала шпана. Силой ножей, кастетов и тяжелых кулаков она властвовала в ночном городе. Припозднившихся обывателей отлавливали, как зайцев, и потрошили карманы, снимали часы, а бывало, что отпускали в трусах и разутыми».

В такое крутое время Василий Белокрылов и Алексей Багринцев зашли вечером в ресторан, чтобы пропустить по рюмке и продолжить свой нескончаемый спор двух «Б». Сели за свободный столик. Разговорились в ожидании официанта. Вдруг подошли четыре плечистых лоботряса во главе с огромным рыжегривым Левкой-королем (это выяснилось позже) и на крутом жаргоне потребовали уступить им столик. Белокрылов был неизменно ироничен:

— А почему бы вам, ребятки, не поужинать на подоконнике?

Ночные властелины города взбесились, а Левка-король вызвал незнакомца на разборку. Вышли в темный скверик. Левка бросился первым, но тут же с хрустом и диким воплем рухнул на землю. Белокрылов снял с его обмякших пальцев кастет и небрежно, будто окурок, швырнул в кусты.

— Вставай, — говорит, — не скули, вторую руку я ломать тебе не буду, а то ведь и ширинку не сможешь расстегнуть.

Так он стал непререкаемым авторитетом калачеевских блатарей...»

Писатель Виктор Беликов (г. Россосшь) считает: *«...Экстравагантное его поведение — это чистой воды фрондерство, присущее также и Прасолову. В жизни и литературе оно было нужно для пробивания «ватных стен», для самоутверждения...»¹⁹*

Наверное, здесь есть зерна истины. Рожденный в довоенной деревне, независимый и гордый мальчишка-безотцовщина привык самолично защищать свои (и не только свои) интересы, отстаивать права, доказывать собственные возможности и умения. Таким он вырос и возмужал, таким его знали и принимали друзья и знакомые. Буйный белокрыловский нрав просыпался не только во хмелю — он был дерзок по натуре, даже в трезвом состоянии. Пресмыкаться не умел.

Сам писатель признавал в конце жизни, что *«беда подобных мне, живущих с душой нараспашку разудало-веселых людей в том, что они, как правило, нужны всем, но, в конечном счете, никому в отдельности. Этим и кончилось».*

Уверена — за эту простоту, доброту, широту натуры, неумение юлить и врать, открытое для всех сердце и любили его друзья. Их поддержка и понимание были для писателя основой самой жизни.

Разъехавшись со своими литинститутскими однокашниками по далеким городам и весям, они не забывали друг друга. И летели из разных концов страны их письма, телеграммы, бандероли, звучали телефонные трели...

Сохранилась большая часть этой неравнодушной переписки, где застыли теперь отлитые в вечной неподвижности их радости и горести, успехи и огорчения... Но пожелтевшие листки, исписанные разными почерками друзей Василия Алексеевича, до сих пор хранят тепло их отношений и сопереживания.

Казалось бы, столь неистовый, шумный, неординарный во всем человек не мог быть внутри очень скромным, тайны и боль свою хранящим так глубоко в душе, что даже близкие люди — семья, друзья — не были посвящены в его переживания. В откровенных разговорах и беседах с друзьями звучало много тем, но отдельные сложные моменты жизни писателя вскрылись лишь после его скоропостижного ухода. Писать об этом теперь у меня права нет, если сам писатель не делил те свои беды на части с другими. Сердечной боли было много, и эта боль была оправдана. Но — не выплеснута из души.

Еще в начале 80-х, отвечая на мучившие душу и сердце вопросы друга Ивана Абросимского, Белокрылов восклицал в письме:

*«...Приди ко мне и научи меня,
Куда идти, как жить на этом свете...
Еще дымит пустая гильза дня,
А новый день — патроном в пистолете.
Спешу бездумно нажимать курок,
И стрелянные гильзы скачут, скачут...
И ест глаза пороховой дымок,
Но эти слезы ничего не значат.*

Это стихи моего друга — Анатолия Гриценко. Не знаю, как быть, чтобы наши дни не дымились «пустыми гильзами», из которых пули не попали в цель». (15.05.1981 г.)

Социально-политические потрясения двух последних десятилетий XX века литераторы чувствовали острее других: оголенной кожей, обнаженными нервами. Оторвать свою судьбу от происходящего в стране было невозможно. О своей жизни в тех условиях Василий Алексеевич писал в письмах:

«...Когда становится совсем уж невозможно, знаю верное, давно испытанное средство: иду к пивному ларьку, заказываю пару кружек пива, потягиваю и слушаю, о чем говорят. Из услышанного делаешь вывод: э, батенька мой, да ведь твои беды по сравнению с другими — тьфу!». (07.04.1983 г.)

«...о своей личной жизни, но я только могу радоваться, что у меня вроде бы не болит ничего; к своим болям я так давно привык, что перестал обращать на них внимание. <...> Меня сейчас мучают головные боли, воспалено глазное дно, но поскольку и читать, и писать могу, стало быть, все хорошо, все в норме». (30.12.1983 г.)

«...Много всяких сложностей скопилось, в создании этих сложностей отчасти виноват я сам. Что, например, говорить о так называемых творческих поисках, если большинство не знает, с чем таковые едят и что это вообще за штукавина. А это блуждание в темноте, натякивание на всякие углы, понимание того, что вроде бы нащупанное тобой — всего лишь мираж, фикция, поскольку уже было... Искать поденщину — отложить главное, не искать приработка — ощущать пустой карман, а он, пустой карман, как ни странно, особенно жжется...» (13.08.1984 г.)

«Пока не до гитарных переборов...» — так определил характер этого периода своей жизни прозаик-земляк...

Крепкий русский мужик с былинной силой и несломленной правдой оказался бессилем перед тем исковерканным временем. Жизнь не давала опомниться. Надо было искать средства к существованию. Ни талант, ни способности, ни преданность литературе, ни чувство патриотизма никого не интересовали. Обстановка растерянности в литературной среде привела к тому, что одни писатели переходили на востребованные тогда темы и жанры: детективы, боевики, любовные рома-

ны; другие искали заработок на стороне... А кто-то и вовсе уходил из литературы. Их, оставивших творчество, тоже оказалось немало. Грустно то, что среди ушедших были таланты, как наш земляк-прозаик.

И вспоминается вдруг известная идея, что «тип «лишнего человека» — это порождение конфликтов, противоречий и социальных пороков определенного этапа развития русского общества». И если это так, то в эпоху перестройки и после «лишними» стали писатели? Наверное, время и история расставит истины той эпохи по своим заслуженным местам...

ВИСОКОСНЫЙ МАЙ ВАСИЛИЯ БЕЛОКРЫЛОВА. ПОКАЯНИЕ МЯТЕЖНОЙ ДУШИ

«Волею Божией тихо скончался и почил на скромном сельском кладбище верный сын России, ревнитель русской словесности, писатель Василий Алексеевич Белокрылов», — так писал в своей книге «У обрыва» писатель Леонид Южанинов²⁰. Случилось это 22 мая 1996 года.

Как и чем жил писатель в свои последние годы? Как уже упоминалось, последняя книга писателя была издана в 1988-м. Белокрылов продолжал писать, а спроса не было — страну шатало, штормило и корежило. Покоя под солнцем не было ни у России, ни у Василия Алексеевича.

Л. Южанинов, вспоминая, продолжает: *«Я встретил его в трудное время, когда его творческая судьба катилась вниз, когда перестроечные вихри безжалостно ломали литературный мир. <...> Последняя встреча с ним оставила у меня тягостное впечатление. Он лежал <...> всеми забытый и покинутый. Большой и убитый горем! Когда прощались, в единственном глазу Василия стояла такая невероятная тоска, что мне показалось, что он увеличился вдвое и кричал...»*

Прожив год в Дерезовке, оторванный от семьи, от литературного окружения, от привычного писательского ритма, он заскучал, сник. В стихотворении «Так жизнь идет» (1995), написанном «в стол», Василий Алексеевич выливает свою душевную боль:

В родном селе за год все надоело.
Былое хоть зови, хоть не зови...
И пусть в работе накачал я тело,
Огня былого нет уже в крови...

Член Союза писателей России, друг Белокрылова со школьной скамьи, Василий Павлович Жиляев вспоминал: *«Как-то побывал у Василия Алексеевича в гостях. Жил он тогда с матерью в Дерезовке, оставив воронежскую квартиру. И увидел я у него гантели и гирьку пудовую. Перехватив мой взгляд, Белокрылов сказал, что решил привести себя в форму. А рядом на столе в пишущей машинке — листок с начатой статьей для журнала «Подъём». Как оказалось, последней...»*

В декабре 1995 года в Воронеже состоялась презентация коллективного сборника воронежских писателей «Березовая роща». Белокрылов был одним из авторов — его рассказ «В ожидании тишины» дополнил и украсил эту книгу. Из далекой своей Дерезовки Василий Алексеевич — впервые после отъезда из Воронежа — вернулся в город, встретился с коллегами, поделился душевной болью. А вернувшись домой, через несколько дней написал письмо своей знакомой. Теперь зная, что у автора впереди оставалось полгода жизни, письмо это особенно ценно его признаниями. Оно раскрывает то, как жил писатель и чем был наполнен его мир.

«с. Дерезовка, 10 декабря 1995 г.

Лена, здравствуй!

Помню, что обещал тебе сразу написать, но... Понимаешь, сразу по приезду дня три-четыре находился как бы вне Воронежа и Дерезовки, а потом откладывал письмо из-за чувства ожидания чего-то. Безусловно, не перемен в своей судьбе (глупо в моем возрасте надеяться на это), а ждал хотя бы неожиданностей, что ли, чего-то такого чуть-чуть необычного, неординарного в толкучке дней, однако, увы...

Внешняя сторона жизни в деревне (да еще и в зимнюю пору) напоминает засыпанную снегами степь: затаенное в своей неподвижности стылое пространство. Даль сливается с небом, и видишь давно привычное глазу — черноту лесных урочищ, синеватые провалы степных оврагов и балок, откуда и на расстоянии охватывает густым холодом, да режущие взгляд черные строчки лесополос. И тишина... — осязаемо плотная, какая-то вневременная, настораживающая своей невидимостью и потому понуждающая вслушиваться, как ни странно, в самого себя — такую снежную пылинку в этой безмерной тишине, которая, видимо, и ждет Землю после исхода всего живого на ней...

Извини, дай Бог, чтобы жизнь (наша, человеческая) так неостановимо и длилась на земле, но мысли, что мы, люди, уже почти изжили себя во всем главном и сузили свои помыслы и побуждения до потребностей одного лишь тела — такие мысли все чаще и чаще не дают покоя. Жизнью правит Князь тьмы, и уже бегут и бегут по русской земле бесенята со сникерсами в руках. Куда бегут, к чему бегут? Не знаю, но жутковато за детей, заманенных в разлив западной псевдокультуры, где на первом месте опасные игры во все то темное, чего человек стыдился во все времена. Ругаю себя за такие мысли, но они не оставляют. Старость? Одиночество? Едва ли дело только в этом, хотя, конечно же, сказываются и годы. Но, скорее всего, не давность собственного «я» тяготит и тревожит душу, а окружающее, та доминанта политики, которую проводят дорвавшиеся до власти перевертыши и духовные упыри. И еще, конечно, постоянное ощущение пусть и не пустоты впереди, а одинаковости череды дней и ночей, не таящих в себе ничего сокровенно нового. Все уже как будто позади, и не ждет тебя возможность новых проявлений...

Поездка в Воронеж, вопреки ожиданиям, ничуть не всколыхнула. Город красивых женщин и обстоятельно деловых занудливых мужчин, умеющих слушать только себя, увиделся почему-то застылым и омерзительным. Жизнь с улиц и проспектов перелилась в подвалы, подьезды, в трафаретно обставленные квартиры, в которых царствует телевизор — этот механический монстр, убивающий в человеке собственную мысль и навязывающий «красивые» ценности западной цивилизации. И очень печально, что веками выверенное правило — «мера во всем» — забыто.

Невесело я настроен, да? Считай, что свойство моего характера перешло в свою противоположность. В связи с временным выпадом из жизни. Но Воронеж своим внешним ликом меня и в самом деле опечалил.

На Плехановской, 3 опять нет ничего, что могло бы вызвать какой-то душевный всплеск. Такое ощущение, как будто я не отсутствовал полтора года, а был на втором этаже только вчера. Из коротких разговоров с грустью понял, что ничего не изменилось, осталось все то же — групповая суета и отсутствие так нужного нам всем сейчас какого-то объединяющего начала. Вживания в новый экономический организм не произошло. И пусть Дегтева занесло, пусть грубым посягательством на общее выглядит его «якшание» с макаронной фабрикой или с какой там коммерческой структурой, однако попытку обрести финансовую почву под ногами, надо полагать, нельзя расценивать только

с полным осуждением и отрицанием. Я не говорю о Дегтеве как о человеке с его внутренним нравственным ядром, речь о направленности его практического «деяния». Каким иным может быть путь обретения журналом финансовой самостоятельности? Иное дело — как все это Дегтев и яже с ним провернули? Я человек никак не деловой, совсем «не пробивной», таковых, честно говоря, побаиваюсь, но, думаю, без какого бы то ни было грязца на руках при нашем пиратском рынке ничего не добиться. Хотя... черт его знает, и, видимо, мне лучше об этом помолчать, ибо я во всех этих коммерческих выкрутасах и изысках профан.

Скажу, что для меня лично поездка не состоялась. <...>

Своей оказавшейся ненадобностью, ненужностью для самых близких мне людей как бы перечеркивается весь пятнадцатилетний период моей жизни в Воронеже. Отторгнутый этими близкими людьми, я словно бы отторгнут и городом. Трудно и тяжело об этом говорить, поскольку сказанное мной может пониматься или только как жалоба, или как оправдание. «Жалобиться» я не люблю, а оправдание всегда предполагает косвенное признание вины. <...>

Под расписку я взял один экземпляр «Березовой рощи». Девять — за мной. Как и условились, ты их заведи! Две книжки возьми себе, одну как-нибудь при случае вручи Катюхе-горюхе, ну, а остальные останутся мне. Кстати, взятый экземпляр, да еще с автографами, я до Дерезовки так и не довез. Выпросил один хороший товарищ. И всегда так: или у меня выпрашивают, или отдаю сам, полагая, что делаю доброе дело, ибо книга — источник... и т.д. и т.п. <...>

...Не укладываюсь в срок с рассказом из цикла «Последняя женщина» для журнала «Дон», где рассказ уже ждут. Но и с этим справлюсь, где-то в середине января отошлю. Гонорара из «Подъёма» что-то нет. О начислении гонорара за статью меня письмом Стас Никулин извещал еще в июле, и теперь я думаю: какой может случиться гонорар, коль журнал еле-еле копыта тянет? <...>

С благодарностью за все доброе, В. Белокрылов».

Наступил 1996-й. Зима нового года была отмечена морозами и большими снегами. Белокрылов с другом-охотником Иваном Колядиным не пропускал возможностей поохотиться. Об этом и не только он постоянно рассказывал в письмах дочери.

«Катюша-злюша, здравствуй!

Не смотря ни на что, я был, есть и буду. Трудно, но ни-ча-во, как у нас гуторят. <...>

О том, что ты пошла в педагогический, услышал с удивлением. «Сеять разумное, доброе, вечное» очень даже тяжело на нашей многогрешной земле. На этой стезе тебя, взбалмошную, столько всего ждет, что и подумать страшно



Вспоминая писателя

вато, но... лучше упасть на своем пути, нежели идти по навязанному. Поэтому держись, а там посмотрим.

Письмо мое по поводу вот чего. Никогда за 10–12 лет не была ты в Дерезовке зимой. Так вот, приезжай на каникулы, а? Обещаю тебе тепло комнатное, тепло душевное; обещаю интересную охоту на зайцев и... Короче, ни с чем не уедешь. Если мать станет возражать или скажет, что все лишнее, тогда что ж... Тогда, значит, ни меня, ни вас и в самом деле не было.

Остаюсь с памятью о тебе, и большой и маленькой, В. Белокрылов.

P.S. Передала ли тебе тетя Лена антологию «Березовая роща»? Просил ее передать, поскольку тебе как будущей преподавательнице полезно будет знать о живущих в твои дни незначительных современниках.

Не поедешь, черкни. О чем мыслится, поделись. И да пусть будет с тобой соизволение Божье! В.В.»

Волею случая, при сборе материалов к литературному вечеру памяти писателя, прошедшему в Верхнем Мамоне 26 мая 2016 года, у меня оказалось, возможно, последнее в жизни письмо Белокрылова в адрес Владимира Ижугина. Письмо покаянное, в нем признание в потерях. Но здесь и планы на будущее — какие возможны в той его ситуации. Он пишет приятелю: «...Считай, я в подполье, на глубоким дне...» Выплыть не смог, выходит. Письмо приводится полностью, в авторской редакции.

«Дерезовка-на-Дону, 24.3.96.

Володя, здравствуй!

Письму твоему рад. Ответ пишу, предварительно подбрав свои усы и бороду. Вчера таскались по лесным озерам, пробрили в общей сложности семь лунок (толщина льда в отдельных местах до двух метров), умаялись, а вечером, вернувшись, еще вздумали баню истопить, дабы пот выпарить. Пот выпарили, а щетина осталась...

Сейчас, после письма, схожу в лесополосу: яшень хороший на топорнице нужен. Для меня, как чувствуешь...

Уж не звучит рояль, и не звенит гитара,
Не слышится стихов, и песен не слышать...

(Это мой последний романс (и стихи, и музыка), который я спел в Воронеже).

Буду краток. Второй год я в Дерезовке, и это действительно уже прикагайские степи. Потерял квартиру, прописку в Воронеже, ну и, конечно, семью. Такова расплата за страсть к «добровольному безумию» (Л.Н. Толстой). Ну да от судьбы не уйдешь. Благо, что жив остался.

А вот о тебе слышал, что ты «дошел» в больнице после ножевого удара на Клинической. Видишь, как может все трансформироваться.

Ты прав, столько всего скопилось (событий, чувств, понимания), что письмом (если оно будет даже с версту) не отделаешься.

Конечно, встретиться надо, но в Воронеже смогу быть лишь после управки с огородами, после сева, да и то... сомнительно, потому что... Потому что сложно все в моей жизни.

Насчет книг. Вряд ли ты их отыщешь, особенно московские издания, но вот, на всякий случай:

- 1) «Под солнцем покоя нет», повесть; Москва, 1966 г., изд-во «Сов. Россия»;
- 2) «Весна начинается с гроз», повесть; Воронеж, 1967 г.;
- 3) «Мороженые яблоки», повесть; Воронеж, 1969 г.;

4) «Страна голубых снегов», сборник рассказов; Москва, 1971 г., изд-во «Сов. Россия»;

5) «Завязь», повесть; Воронеж, 1973 г.;

6) «Половодье», повесть; Москва, 1978 г., изд-во «Современник»;

7) «Жизнь как жизнь», роман; Воронеж, 1983 г. (роман вышел в 1982 г. — Т.Б.);

8) «У себя дома», повесть, рассказы; Воронеж, ...(?) (1985 г. — Т.Б.);

9) «Долгая неделя», повесть, Воронеж, 1989 г. (повесть вышла в 1988 г. — Т.Б.).

Много было публикаций в периодике, но... Нашел бы «Подъём» за минувший год (июнь или июль) с моей публицистической статьей «Возрождение России или... Человека?» Статью, правда, подсократили, но, думаю, она произвела бы на тебя впечатление и в урезанном виде.

В декабре прошлого года вышла любопытная антология «Березовая роща», выпущенная Воронежским университетом (автор письма ошибается, сборник выпущен журналом «Подъём». — Т.Б.), куда вошел и мой один рассказ. Книжка, повторяю, интересная, но, думаю, она разошлась по «нужным» только людям из-за малого тиража.

Кстати, будут попадаться книжки, имей в виду и меня, грешного, ибо книг у меня ни одной. А они мне будут нужны для оформления на пенсию, если таковой дождусь, и если таковая будет назначаться, ибо наш брат, писатель, ходит во врагах нашего правительства из-за национальных вопросов и геополитических позиций по поводу России.

Пиши, буду рад. Считаю, что я в подполье, на глубоком дне. В декабре прошлого года был в Воронеже, но... лучше бы не ездил! Хорошо, Витька (сиречь Шампанский) отогрел душу.

Всех тебе благ!

Твой искренне В.Белокрылов.

P.S. Чтоб тебе было вкратце понятно, поясню. Из квартиры я ушел с рюкзаком, куда покидал необходимое белье, и с пишущей машинкой, которую дочь хотела оставить себе «печатать научиться». Книжки — там и... все осталось там.

В Дерезовке у меня дом (две половины по две комнаты, разделенные кухней и прихожей), сараи, летняя кухня, 35 соток огорода.

Держу индоуток (мускусная утка, южноамериканской породы), кур. В этом году думаю брать кабана, пару барашков, дабы откормить к осени. Рыбачу, охочусь, пишу, прошлой весной принимал участие на севе (две недели).

В отопительный сезон дом, особенно свою половину, круглосуточно держу в тепле. За верхним огородом — выгон, за которым (в трехстах метрах) круча и Дон. Живем вдвоем с матерью. Будет охота, навести; обижен не будешь.

Привет твоей мамаше, дай ей Бог здоровья. В.Б.»

Двадцать первого мая девяносто шестого года Белокрылов поехал в районный центр, где были дела и ждали друзья. Вернуться тем же днем не получилось — остался ночевать в доме друга, Ивана Федотовича Веревкина. Ночные сидения писателя с друзьями завершились предутренним сном, которому не суждено было прерваться. Мятёжное, бунтарское сердце остановилось на рассвете двадцать второго мая, так и не осилив вихревых бурь, порожденных новым жестоким временем.

«...Нелепая смерть писателя-земляка, похоже, была неизбежной. Он, по воле своей или безволю, приближался к трагическому финалу. Некогда легко баловавшийся двухпудовой гирей, делавший стойку на одной руке, крепкий, как закаленный орех, Белокрылов в какое-то время сильно сдал. Борода его, по молодости черная, цыганская, поредела, поседела, точнее, даже пожелтела, глаза

слезились... Сломало его не только физически. Был надломлен сам дух. А тут еще неостребованность творческого потенциала писателя, неустроенность, ломка всего и вся...» — вспоминал Эмиль Абросимов.

...Земляки содрогнулись, услышав горькую весть о кончине писателя. На похоронах было столько людей, что маленькое сельское кладбище оказалось тесным. Троекратный оружейный залп (по казацкому обычаю) сменился вечной скорбной тишиной.

«Лишь донские ветры да степной ковыль пели ему прощальную песнь» (Л. Южанинов).

...Как-то, рассуждая о крестьянском труде, Василий Алексеевич писал: «Люди и земля... Человек без дела не может. Но и земля без человека зарастает сорной травой. Союз их вечен!»

И в этом вечном союзе в конце жизни человек сливается со своей землей.

...Вместе со своим веком канули в Лету «безбашенные, лихие 90-е». А потенциальное для литературы время все идет. Интерес к книге, к сожалению, не прощнулся. И школьная, и воспитательная работа по приобщению к чтению, разрушенная в последние десятилетия, так и не возрождается практически. И, кажется, звучит сквозь толщу лет писательское: «Обернитесь — я здесь!..»

Когда-то Белокрылов сказал: «Хочу верить, что мои земляки шагнут дальше в своей любви к книге, печатному слову, в духовной культуре, без которой даже хлеб бывает пресен».

Хочу верить и я, что желание писателя исполнится.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ В. Белокрылов. Нерасторжимая связь. — «Донская новь», 12.10.1974 г.

² В. Звягин. Тишины Донской Напевы. — Дерезовка, 2004 г.

³ Н. Басов. Кому выпало жить...: К 70-летию газеты. — «За изобилие», май 1998 г.

⁴ С. Ляшова-Долинская. Россошь помнит писателя Белокрылова. — «За изобилие», 01.06.2007 г.

⁵ Случай описан в книге В. Звягина «Тишины Донской Напевы». — Дерезовка, 2004 г.

⁶ А. Багринцев. Быть добру! — Воронеж, 2015 г.

⁷ Э. Абросимов. Я верую в свое предназначенье... — «Коммуна», № 10, январь 2000 г.

⁸ А. Прасолов. «И душу я несу сквозь годы...» — Воронеж, 2000 г.

⁹ С. Ляшова-Долинская. Россошь помнит писателя Белокрылова. — «За изобилие», 01.06.2007 г.

¹⁰ Письмо опубликовано в книге И. Абросимского «Грани» (Воронеж, 2012 г.).

¹¹ Письмо опубликовано в книге И. Абросимского «Грани». — Воронеж, 2012 г.

¹² И. Пахомов. Встречи в Дерезовке. — «Донская новь», 28.01.1988 г.

¹³ Полностью письмо опубликовано в книге Е. Новичихина «Штрихи. Воронежские писатели второй половины XX века. — Воронеж, 2015 г.

¹⁴ В. Звягин. Тишины Донской Напевы. — Дерезовка, 2004 г.

¹⁵ Отрывки из повести «И ждет нас день...» были напечатаны в газете «Донская новь» №№ 75–78, июнь-июль 1989 г.

¹⁶ И. Вережкин. С мыслью о человеке и его деле на земле. — «Донская новь», май 1989 г.

¹⁷ И. Вережкин. С мыслью о человеке и его деле на земле. — «Донская новь», май 1989 г.

¹⁸ И. Абросимский. Избранное. — Воронеж, 2015 г.

¹⁹ С. Ляшова-Долинская. Россошь помнит писателя Белокрылова. — «За изобилие», № 68, 01.06.2007 г.

²⁰ Л. Южанинов. У обрыва. — Воронеж, 2007 г.





ПИСАТЕЛЬ ИЗ СТРАНЫ ГОЛУБЫХ СНЕГОВ

Сокровенные строки

Виктор Будаков,
член Союза писателей России

И НЕТ ПОКОЯ

Даты, заключенные в скобки, обычно объемлют время земной жизни человека. 1938–1996 — время жизни писателя, нашего земляка Василия Алексеевича Белокрылова. Биография его — и географически, и событийно — вмещается в немногие строки. Родился в селе Дерезовка Верхнемамонского района Воронежской области. После школы долгие годы работал журналистом в районных газетах. Учителем в родном селе. Член союза писателей СССР с 1972 года. Автор книг: «Под солнцем покоя нет», «Весна начинается с гроз», «Мороженые яблоки», «Страна голубых снегов», «Завязь», «Половодье», «Жизнь как жизнь», «Долгая неделя». Двадцать с небольшим лет между выходом первой и последней книг.

Жизнь как жизнь. И неповторимая, и единственная, как у каждого живущего.

Наши с ним дороги сходились, и сходились не раз. Начать с того, что в одной школе в 1957 году заканчивали мы десятый класс. Слобода Новая Калитва, не столь давняя фронтовая черта, кровавая веха Великой Отечественной войны, тогда еще была районным центром, и в главную школу района стремились попасть лучшие выпускники из семилеток окрестных сел. От того ли или по счастливому прочерку судьбы в главной школе подобралось счастливое созвездие молодых дарований. Василий Белокрылов, Борис Таранцов, Егор Посвежинный, Рая Каменева, Таня Сергеева... Перечислять пришлось бы долго, скажу только, что каждый из нас был преисполнен надежд, подчас весьма честолюбивых, но и небезосновательных. Впереди, уже вне школы, шли Василий и Анатолий Жилиевы, старше нас, сыновья директора школы, замечательного педагога и человека — Павла Ивановича Жилиева, оставившего о себе добрую и признательную память.

Стояла весна пятьдесят седьмого года, прекрасная, как всякая весна, молочно-белая цветшими садами и слепяще-белая водами слабееющего половодьем Дона. По вечерам в далекой небесной сини зелеными штрихами пульсировал первый в

мире спутник — наш, отечественный. Мы были молоды, мы ощущали молодость страны, и отмененные палочки на трудодни, и отмененные драконовские налоги давали деревне и ее сыновьям чувство раскрепощенности. Наглядно эта раскрепощенность видна была в Василии.

Широкоплечий, сильный, с кудрявым чубом, весь дышащий какой-то казачьей удалью. В детстве из-за мальчишеской забавы едва не лишился зрения, чудом уцелел один глаз, и взгляд его устремлялся на собеседника настойчиво, пронизательно, а для девочек, наверное, и влекуще-омутно.

Часто его можно было видеть с книгой и гитарой. Книги были только художественные — сборники стихов, русская и мировая классика. Математики решительно не знал, поскольку не учил и не хотел учить. Играл он на гитаре, наверное, и не лучше сонма других любителей звенящей струны, но пел хорошо — сильно, задумчиво. Надо мной (а я в то время много читал и занимался спортом — гириями и перекладиной) подтрунивал: мол, затеи барские, городские, интеллигентские; на что я, смеясь, отвечал, что и гитара тоже — не главное орудие крестьянского труда, не коса в руках кольцовского косаря.

Был выпускной вечер. Окрыленная, аттестованная юность за полночь разбреглась по Калитве — группами, вдвоем, в одиночку. Я выбрал Миронову гору. Он — заречные луга. Оттуда долго была слышна Василиева песня, эту песню словно бы слышу до сих пор, она дышит надеждой, которой никогда не сбыться.

После выпускного встречались мы изредка. Меня, пока не обосновался в Воронеже, кружило по стране, а Василий работал газетчиком в родных местах. Писательской своей мечты он не оставлял, работал упорно над рукописью «деревенской» повести, и в 1966 году повесть, при поддержке знаменитого и тогда влиятельного писателя Константина Симонова, увидела свет в столичной «Советской России».

Несколькими годами спустя Белокрылов, приехав по издательским делам в Воронеж, остановился у меня в гостях. Подарил свою «Завязь» с надписью: «Рад буду, Виктор, если тебя взволнует здесь хоть одна строка». Ну почему же одна? К той поре я с радостью прочитал вышедшую опять-таки в «Советской России» небольшую книгу его хороших рассказов с поэтичным названием «Страна голубых снегов», сказал о ней в печати добрые слова; страницы книги исполнены были лиричности, ясного голубого света, чуткости к родной природе и человеку. Тем же днем приехал из Богучара мой институтских времен друг Эдуард Баранников, человек талантливый, позже долгие годы проработавший редактором Центрально-Черноземного книжного издательства. Все мы друг друга хорошо знали и, начав разговор с книг и писательского дела, повернули, как и следовало ожидать, на родные богучарские, дерезовские, нижекарабутские придонские холмы и кручи, на крестьянский народ нашей малой родины. За хмельной беседой зимней ночи не хватило... А сколько в таких «великих сидениях», чуждых практичным западным людям, тратится не только времени, но и душевных сил, — о том кто из нас думает? Разве что когда сторае человек...

В 1976 году Белокрылов перебрался в Воронеж. Встретясь, мы, прежде чем в издательство, заглянули пообедать в небезызвестную в те времена «Россиянку». Не обошлось без выпивки, правда, грустной. Горевали о трагических судьбах Шукшина, Прасолова. Василий только что вернулся с Высших литературных курсов, и литературные столичные нравы, судя по рассказу, не стали для него благотворными. Сам смысл сугубо литературного дела, отвлеченного от прямого участия в жизни, может быть, впервые, подвергнулся им сомнению. И семейно-устроительный уклад тоже разладился: ушла жена, и Василий рассказывал о том, словно на исповеди, хотя мы уже года три как не виделись; наверное, ему хотелось излить душу человеку, который помнил времена их счастливой семейной молодости.



Виктор Будаков с Прасковьей Андреевной — матерью писателя
В. Белокрылова

В Воронеже Белокрылов прожил несколько лет, написал несколько книг, в издании их ему «зеленый свет» давал директор Центрально-Черноземного издательства Анатолий Свиридов, доброжелательно к талантливому автору относились и редакторы. Книг могло быть больше, но душевные боли не удавалось лечить иначе, как неумолимыми утягами в алкоголь, дальше — больше.

И писатель решился вернуться на малую родину, в Дерезовку, в материнский дом.

Надо думать, он решил вернуться к живой жизни, вернуться к полю и школьному классу, попытаться разомкнуть туго размыкаемый круг. И действительно, он стал писать в жанре публицистики о неустойном и кровоточащем на родной земле, на которой в тяжелой, честной страде жили его прадеды и его земляки-современники. Сколь кстати пришлось здесь, в публицистике, его прямодушие и искренность, умение писать крепко, образно и без лукавой «амбивалентности».

На одном из писательских собраний именно об этом я и сказал, а после собрания Белокрылов подошел ко мне, и, как прежде, мы стали выстраивать планы встречи на нашей донской родине, в его Дерезовке, как однажды в далеком семьдесят первом...

...И хотя бездна лет миновала, мать писателя, Прасковья Андреевна, узнала меня и вспомнила тот летний день семьдесят первого. Но я застал ее уже одну — без сына.

И в тот раз она рассказала такое, отчего яснее, решительно понятнее стал характер ее сына. Она рассказала, как ей однажды по весне пришлось добираться из Верхнего Мамона в Дерезовку. Поверх донского льда вдруг пошла вода, привычный зимний, по реке, путь вмиг стал опасен, но ей надо было поспеть на дойку, и она в худой, на последнем износе обуви, одна-одиошенька поспешила через Дон. Промокла насквозь. И с той поры крутит, выворачивает жилы, ноги болят, почти не стихая. На мой растерянный вопрос «Можно же было как-то иначе, подождать своих?» она только и ответила: «Так коровок кто бы подоил? Надо было поспеть».

То ж моя работа». Маленькая, сухонькая, дробненькая, она в тот миг невольно обрела в моих глазах образ «величавой славянки», по-православному многотерпеливой, душевно сильной и беззаветной, могущей не только коня на скаку остановить, но и ради ею понимаемого долга не побояться ледяной глубины-пропасти.

Так и ее сын. Он сам себе с молодости задал долг и дело и исполнил его честно. А какие глубины каждого подстерегают — в молодости никому не дано знать.

В последние годы каждое лето мы с младшим сыном Олегом и с Василием Жилевым, поэтом и художником, моим другом и другом Прасолова, Белокрылова, Таранцова, приезжаем в Дерезовку. И прежде всего на миротворящем, заросшем березами, кленами и акациями кладбище идем к могиле Василия Алексеевича Белокрылова. Говорим, как с живым. Вспоминаем. Молчим. А затем едем к Матери.

Воронеж

Евгений Новичихин,
член Союза писателей России

ПИСАТЕЛЬ ИЗ СТРАНЫ ГОЛУБЫХ СНЕГОВ

Мое знакомство с Василием Белокрыловым, поначалу «шапочное», произошло в середине 60-х годов. В узком коридоре третьего этажа здания по проспекту Революции, 37, где размещались в ту пору и правление Воронежской писательской организации, и редакция «Подъема», редактор отдела поэзии журнала Владимир Гордейчев остановил меня, чтобы обрадовать: в очередном номере пойдут мои сатирические миниатюры. Пока разговаривали, подошел довольно импозантный молодой мужчина, по виду — мой ровесник.

— Вы, я вижу, не знакомы? — спросил Гордейчев и представил нас друг другу.

Не знаю, было ли известно мое имя Василию, но я его имя уже знал. Литературные страницы в областных газетах появлялись в те годы регулярно, и я успел обратить внимание на его рассказы.

Помню, Белокрылов спросил у Гордейчева, на месте ли Иван Алексеевич Матюшин — тогдашний редактор отдела прозы «Подъема». Матюшина не было, и Василий тут же ушел.

Следующая наша встреча произошла не скоро. Белокрылов работал в те годы в районных газетах области, и его журналистские пути-дороги редко вели в Воронеж. Меня удивило тогда, что он отыскал меня, мало знакомого ему человека, сам.

— У меня к тебе просьба, — сказал он, протягивая мне какую-то тоненькую книжку. — Напиши для «Подъема» рецензию на этот сборник.

Я взглянул на книгу. «Медовый месяц», стихи. Автор — Анатолий Гриценко, и это мне ни о чем не говорило. Сборник вышел в Ростове, что меня несколько смутило: ведь территориально тогдашний «Подъем» был «привязан» к Центральному Черноземью гораздо больше, чем в более поздние годы.

Заметив это мое смущение, Белокрылов уточнил:

— С Анчиполовским я согласовал.

Зиновий Яковлевич Анчиполовский руководил отделом критики журнала, и мне оставалось только пообещать Василию, что рецензию непременно напишу.

— Спасибо, — сказал он.

И добавил:

— Толя Гриценко — мой друг. Хороший поэт. Это его первая книжка, и мне хочется, чтобы читатели «Подъёма» о нем узнали.

До сих пор не знаю, почему Белокрылов обратился именно ко мне. Наше знакомство с ним ограничивалось к тому времени какими-то одной-двумя минутами. О том, что я успел опубликовать в «Подъёме» пару рецензий, из которых лишь одна была посвящена стихам, Василий, разумеется, мог знать. А мог и не знать. К знаменитой воронежской школе критики, выпестованной Анатолием Михайловичем Абрамовым, я не имел ровным счетом никакого отношения. Более того, даже тогда, делая, в общем-то, начальные литературные шаги, находясь в поиске, никаким образом не связывал свое будущее с жанром критики.

Думаю, что Белокрылову посоветовал меня в качестве рецензента Владимир Григорьевич Гордейчев, который относился ко мне вполне дружески — с первых же дней нашего с ним знакомства. Но это лишь моя догадка, не более того.

Словом, книжку я у Белокрылова взял. Когда познакомился с ней, понял: если буду расхваливать автора, то покривлю душой. Первые опыты Анатолия Гриценко в поэзии были талантливыми, но, на мой взгляд, далеко не безупречными, так что рецензия складывалась в моей голове достаточно критичной. Но как отнесется к этому Белокрылов? Он-то, видать, ожидает от меня похвальных слов в адрес друга! Не отказать ли мне от этой рецензии, пока не поздно?

Зашел в писательскую организацию, поинтересовался, как можно позвонить Василию. Теперь уже не помню, в какой районке он в тот период работал (было это, по всей видимости, в начале 1966 года). «Поймал» его с первого же раза: он оказался на месте, в редакции. С первых же слов понял мою тревогу и даже слегка возмутился:

— А разве я просил тебя восхвалять автора? Пиши так, как считаешь нужным. А Толя Гриценко будет рад любому отклику на книжку, тут ты не сомневайся. Даже хорошо, что покритикуешь его. Критика возмущает только недалеких людей. А Гриценко не такой...

Моя рецензия была опубликована в ноябрьско-декабрьском номере журнала за 1966 год (журнал выходил в те времена один раз в два месяца). Конечно (в этом можно не сомневаться), Белокрылов отправил экземпляр этого номера в Ростов. И уж точно помню, что он передавал мне какие-то слова благодарности от Анатолия Гриценко. А когда я уже работал в «Подъёме», мне неоднократно приходилось бывать в Ростове. Как правило, это были поездки по линии Всесоюзного агентства по охране авторских прав (в Ростове до сих пор работает его филиал, в зону которого входит и Воронеж), но я обязательно заходил и в редакцию «Дона». Там и познакомился с Гриценко, так сказать, очно. Приходилось встречаться с ним и в Москве (в нашем Союзе), в каком-то писательском Доме творчества (кажется, в Пицунде). И он всегда заводил разговоры о Белокрылове, высоко оценивая его книги. К слову сказать, друг Василия вырос в очень даже достойного поэта, а к тому же, признаюсь, был и весьма симпатичным мне человеком.

Но вернусь к самому Белокрылову. В сентябре 1971 года он возвратился в родную Дерезовку. Стал учительствовать в местной школе. Как раз той осенью мы познакомились с ним еще ближе. В октябре Союз писателей России и Центральный Комитет комсомола проводили в Туле Всероссийское совещание молодых литераторов. Воронежская писательская организация делегировала на это совещание Василия Белокрылова и меня. Белокрылов был уже автором четырех книг. Повесть «Под солнцем покоя нет» вышла в Москве с предисловием самого Константина Симонова. Две книги — «Весна начинается с гроз» и «Мороженые ябло-



Агитпоезд «Великий Октябрь» в Калаче. В. Белокрылов (второй слева) в кругу воронежских писателей и журналистов. 1968 год

ки» — были изданы в Воронеже. А незадолго до совещания в Москве появилась книга рассказов Белокрылова «Страна голубых снегов». Я же со своей единственной книжкой сатирических и юмористических стихов выглядел на его фоне просто литературным подростком.

В Тулу мы направились втроем: курировать нашу «делегацию» было поручено прозаику Игорю Семеновичу Чемякову, возглавлявшему Воронежское отделение Литфонда и входившему в состав правления организации. В тульской гостинице нас — всех троих — поселили в одном номере. Игоря Семеновича я к тому времени знал довольно хорошо. Знал его и Василий.

До начала работы совещания мы с Белокрыловым без конца потешались над руководителем «делегации». При более близком общении Игорь Семенович оказался человеком наивным, с совершенно детским восприятием окружающего мира. Утром он мог, например, посмотреть на чашку кофе и вдруг спросить:

— А почему кофе такого цвета?

И весь день повторять:

— Ну почему?

Нас с Белокрыловым это очень веселило. Для писателя подобная наивность нередко бывает хорошей помощницей в творчестве, но у Чемякова она была явно избыточной.

Работа совещания проходила в здании тульского Дома политпросвещения. Чемяков, узнав, что творчество Белокрылова будет обсуждаться в первый же день — ближе к вечеру, настойчиво просил руководителей поэтического семинара Сергея Орлова, Марка Соболя и Михаила Львова обсудить мои стихи в первой половине дня: он очень хотел побывать и тут, и там. Ему пошли навстречу. Он подробно записывал все, о чем говорили семинаристы и руководители, обсуждая мою первую книгу и рукопись второй. Книгу оценили неоднозначно, а новая рукопись всем понравилась, и ее рекомендовали к изданию. Чемяков поздравил меня и предложил:

— Может, сходим вместе на обсуждение Белокрылова?

Так и сделали. Прозаическим семинаром руководили известнейшие писатели: Евгений Носов, Николай Евдокимов и Николай Почивалин. Книги Белокрылова, в том числе и новая — «В стране голубых снегов» — были всеми приняты восторженно, оценены высоко. Чемяков и тут записывал каждое слово. Именно в его записи цитирую оценку, которую дал творчеству Белокрылова Евгений Иванович Носов:

«Это человек безусловно одаренный. Он нашел себя в том, что очень цепко держится за увиденное, хорошо пользуется богатым жизненным материалом. В его письме нет ничего надуманного, нет никаких банальных ситуаций. Даже вообще у него не найдешь сухих страниц, его книги наполнены поэзией материальности. Эта поэзия — в скромности, в лаконичности, в знании материала. Его пейзаж, его подача какого-нибудь эпизода — это почти всегда очень точный, сдержанный, скупой рисунок, наполненный глубиной поэзией окружающего мира...»

В итоге совещание молодых литераторов рекомендовало Василия Белокрылова для приема в Союз писателей СССР. Это был его триумф! Кстати, в те годы подобные рекомендации были чрезвычайно весомы, и уже в следующем, 1972-м, году секретариат правления Союза официально оформил членство Белокрылова в СП СССР. Рекомендации для вступления в Союз дали ему Евгений Иванович Носов (Журск), Николай Михайлович Почивалин (Пенза) и Евгений Дмитриевич Люфанов (Воронеж).

У любых совещаний есть официальная, а есть и неофициальная часть. На неофициальной Белокрылов тоже был в центре всеобщего внимания. Никогда не расстававшийся с гитарой, он привез ее и в Тулу. По вечерам то в одном, то в другом гостиничном номере был слышен его бархатный баритон: он исполнял, аккомпанируя себе на гитаре, старинные романсы, песни на стихи Есенина, Лермонтова и других русских поэтов.

Пел Василий великолепно. Однажды наш ужин в тульском гостиничном ресторане несколько затянулся. Василий был навеселе, и когда на сцене появился оркестр, он вышел к оркестрантам и запел: «Гори, гори, моя звезда...» Оркестранты сначала пытались прогнать его со сцены, но из зала раздавались возгласы: «Браво!», подвыпившие посетители ресторана потянулись к сцене с деньгами, и оркестр, успокоившись, стал подыгрывать непрошеному певцу. Он пел «Утро туманное, утро седое...», «Я встретил Вас...», «Не уходи, побудь со мною...», что-то еще и еще. Этот концерт затянулся, и мы с Игорем Семеновичем Чемяковым ушли спать. Василий появился в гостиничном номере во втором часу ночи. В руках он держал довольно толстую пачку денег. Улыбаясь, сказал:

— Оркестр со мной поделился.

Прекрасный прозаик, он был талантлив во всем. Его земляк из Дерезовки Василий Звягин написал о нем: «Василий с таким же успехом мог стать музыкантом, артистом, учителем, поэтом...» Не знаю, мог бы Белокрылов стать поэтом (к слову говоря, стихи у него были), но музыкантом, артистом мог бы определенно. Музыкальным сочинительством он заниматься любил. Я не раз слышал, как Василий исполнял песни собственного творения на стихи уже названного выше Анатолия Гриценко. Эти песни очень даже впечатляли.

Когда он пел, женщины были от него просто без ума. Помню, что в Туле, например, услышав его песни, в него безоглядно влюбилась редактор одного из московских издательств. А технический секретарь редакции «Подъема» Юлия Багринцева не раз признавалась:

— Когда Белокрылов поет, он кажется мне красавцем! Я даже не замечаю, что он одноглазый...

Правый глаз он потерял еще в детстве. Многих мальчишек из нашего с ним поколения детей войны любопытство тянуло к неразорвавшимся снарядам да гранатам. А они встречались после Великой Отечественной повсюду. Вот и не избежал Василий беды. Но вспоминать о ней не любил и никакого сочувствия к себе не терпел. Более того, искренне веселился, повторяя шутку, брошенную кем-то из «подъёмовцев»: «Выпьет — и ни в одном глазу!»

Но был у Белокрылова и еще один талант. Я бы назвал его талантом быть человеком. О чем речь? После Высших литературных курсов писатель переехал в Воронеж, получив здесь квартиру, и оказался в центре не только литературных дискуссий, но и окололитературных разборок и склок. К сожалению, в иных творческих коллективах без этого не обходится. Выделялась всевозможными скандалами и тогдашняя Воронежская организация Союза писателей СССР. Некоторые писатели ставили какие-то свои «шкурные» интересы выше творческих. Обстановка была накаленная, появились всевозможные группы и группки. Серьезные вопросы решал подчас не обыкновенный здравый смысл, а какая-нибудь новая волна амбиций. Белокрылов с самого начала стал поддерживать ровные отношения со всеми коллегами по перу. Ни в какие «драки» не ввязывался, хотя его и пытались в них втянуть. Такая его позиция вызывала у всех уважение.

1990-е годы оказались драматичными для всех писателей. Для Белокрылова, может быть, более драматичными, чем для других. Потеряв одну семью, он стал терять и вторую. Потерял и квартиру.

Так Василий возвратился в родную Дерезовку. В Воронеже уже практически не появлялся. И в 1996 году его не стало.

Творческое наследие писателя изучено пока еще в недостаточной степени. Как я уже сказал, в разные годы он работал в районных газетах Воронежской области, в том числе в Новой Калитве, Верхнем Мамоне, Калаче. Публиковал в них и стихи, и прозу. Его стихи той поры были, конечно, ученическими, но в прозе уже проглядывался будущий хороший писатель. Особенно привлекательны в этом смысле его охотничьи были и байки, печатавшиеся в верхнемамонской газете, — как под собственным именем, так и под псевдонимом В.Алексеев. Василий был хорошим охотником и умел занятно рассказать о своем увлечении как в беседах с друзьями, так и на газетной полосе.

Разнообразно и глубоко эпистолярное наследие Белокрылова. Многие его письма публиковались журналом «Подъём». Три интересных письма, адресованные коллеге по работе в верхнемамонской районной газете Ивану Федотовичу Вережкину, опубликованы Василием Звягиным в «Донской нови» 20 мая 2008 года. Письма, адресованные другу — журналисту Ивану Абросимскому, появились в его книге «Грани» (Воронеж, 2012). Шесть писем опубликовал и я в своей книге воспоминаний «Штрихи» (Воронеж, 2015). Пять из них были адресованы журналисту и поэту Алексею Багринцеву (1926–1974), дружившему с Василием, а также с Алексеем Прасоловым, посвятившим ему, Багринцеву, свое стихотворение «Я знаю, друг, средь этой лунной ночи...»

Сегодня большую часть архива Василия Белокрылова, в том числе многие его письма, хранит невестка Алексея Багринцева — Татьяна Николаевна Багринцева. Она уже опубликовала на Интернет-сайте «Русское воскресение» свою интересную работу «Эх, лучше, солнце, ты лучами брызни...» (Азбука жизни писателя Василия Белокрылова). Можно не сомневаться, что публикация неизвестных писем Белокрылова покажет, как глубок он был и в этом жанре, какая жестокая внутренняя борьба происходила в его доброй и мятежной душе.

Воронеж

Раиса Козаева,
журналист

«НЕ ГУЛЯЮТ КОНИ БЕЗ УЗДЕЧКИ...»

С ним мы были знакомы со школы, которую окончили в 1957 году. Помню, в восьмом классе среди многих «периферийцев» — жителей близлежащих к Калитве сел — сразу выделился коренастый, крепко сбитый парень с вьющимися волосами — длиннее, чем было положено по тогдашним школьным правилам. По своей близорукости я не сразу заметила, что у него нет правого глаза.

Новички держались кучками: ивановцы, гороховцы, дерезовцы, первомайцы. Мы привычно носились по коридорам, свысока поглядывая на прибывшее пополнение, а Василий степенно и независимо шествовал между классами, напоминая молодого учителя, да и был он на три года старше нас.

А потом было комсомольское собрание. И меня, уже осваивавшую азы настоящей литературы, преподнесенные Иваном Ивановичем Ткаченко, поразила образность его языка. Среди бодрых отчетов о пятерках, четверках, протараторенных казенным языком, зазвучал голос Белокрылова, сравнивавшего наши школьные неудачи со снежным комом, катящимся с горы и вбирающим в себя все новые пласты снега.

Мы были в восьмом или в девятом классе, когда в школе случилась драка. Отстаивая свое достоинство, Василий дрался с самыми сильными ребятами, признанными авторитетами школы. Драка едва не закончилась трагически. Но после этого Белокрылова зауважали в «высшем» школьном обществе. Описание этой драки есть в первой повести Василия Алексеевича, изданной в «Советской России», — «Под солнцем покоя нет».

Окончательно утвердился Василий в школе, когда на одном из вечеров спел под гитару несколько песен. Запомнилось:

Как люблю твои светлые волосы,
Как люблюсь улыбкой твоей,
Ты сама догадайся по голосу
Семиструнной гитары моей.

Кому-то стало известно, что Вася пишет стихи, и его избрали в редколлегия школьной стенгазеты. Здесь мы и познакомились поближе. Кажется, все три года совместной учебы мы занимались газетой. Даже неизбежные праздничные номера старались разнообразить рисунками Бори Таранцова и стихами Вити Будакова. Как-то забылись другие члены редколлегии, наверное, был кто-то еще, зато у нас четверых сохранились на всю жизнь добрые чувства друг к другу.

Самым трудолюбивым, напористым, организованным среди нас оказался Василий. Он точно знал свою цель и упорно шел к ней. Не бегал по институтам, не колебался в выборе профессии, а, кажется, сразу после выпускного бала пошел в редакцию Новокалитвенской газеты «Красное знамя» и начал там работать. Проработал год в двухполоске. А потом пришла в редакцию и я.

Мне объяснили, что штатной единицы пока нет, но меня берут на должность машинистки.



В. Белокрылов в редакции Новокалитвенской районной газеты
(крайний слева во 2-м ряду). 1958 год

— Но я же пишущей машинки близко никогда не видела, — робко пролепетала я, чувствуя, как гаснет моя заветная мечта быть журналистом.

— Соглашайся, — шепнул Вася, — я же работал.

— Но ты был корреспондентом...

— Корреспондентом?.. — услышала я рокочущий, насмешливый бас секретаря редакции Владимира Николаевича Яковлева. — Вася целый год числился ночным сторожем при редакции. И ты будешь помогать обрабатывать письма, корреспонденцию, писать сама, а в свободное время — учиться печатать, пригодится.

И вот мы стали выпускать свою четырехполоску. Транспортom в редакции считался ободранный черный ИЖ-49 без коляски и черный же мерин Васька. Но если за конем тщательно ухаживал конюх Иван Васильевич Колбасин, то мотоцикл стоял в сарае без надзора. Потом появился фыркающий, отчаянно дымивший ГАЗ-67 далеко не первой молодости.

Водителя не полагалось по штату, поэтому шофера взяли на должность корректора. Но этой «антилопой-гну» пользовался в основном редактор. И только в те дни, когда она изволила заводиться.

А нам приходилось обрабатывать письма, добираться в села пешком, собирать материал, писать, дежурить в типографии, по очереди быть корректорами.

В газетные дни (три раза в неделю) раньше двух часов ночи домой не приходили.

Теперь я понимаю, что меня как самую молодую в редакции жалели, отправляли в командировки поближе, а Васе доставались самые трудные участки. Отказов от него я не слышала.

Пройдя через голодное, полусиротское детство, испробовав весь тяжелый послевоенный труд, он рано понял, что не боги горшки обжигают.

Рассчитав, что пешком весь район не обежишь, он вытащил из-под хлама редакционный мотоцикл, не зная техники, как-то настроил его, завел. Ему показа-

ли, как переключать скорость, где тормоз, и он, не державший до этого никогда руль мотоцикла, дал круг и укатил в отдаленное село.

Все с волнением ждали его возвращения: не разбился ли с непривычки. Но все закончилось благополучно.

Таким же удачным был и еще один его шаг. Когда из Калитвы уехал ответственный секретарь редакции В.Н. Яковлев, встал вопрос: кем заменить? Редактор подписал приказ на Василия Алексеевича. Многие недоумевали: не рано ли? Одно дело писать самому, другое — верстка, макеты — нужен профессионализм. И у Васи с первых же дней не было неизбежных на первых порах «ляпсусов» — заголовки не «резались», всегда на положенном месте стояли все материалы.

Вспоминая события полувековой давности, я совершенно не помню в редакции пьянок. Курили отчаянно, сизый дым постоянно застилал подслеповатые оконца. Табачным дымом пропитывалась вся одежда. И когда я возвращалась домой, мама тревожно спрашивала, не стала ли курить и я, потому что от пальто шел неистребимый табачный запах.

А вот выпивали только 5 мая, в День советской печати.

Не выпивали даже в мартовский день, когда, приехав на лошади из самого дальнего села Стеценково, мы узнали радостную новость. У Васи родился сын Саша. Вся редакционная молодежь с радостными возгласами прыгала вокруг Васи, старшие солидно пожимали ему руки, обнимали, поздравляли, а вот «обмывания» не было.

После расформирования района мы с Василием встречались редко. Таких мимолетных, ничего не значащих встреч было, кажется, всего 2–3, и было теплое, к сожалению, не сохранившееся письмо в ответ на мое поздравление с выходом его первой книги.

От тех встреч, дежурных фраз ничего не осталось в памяти. Зато отчетливо запомнился длинный летний день, когда мы заготавливали сено для редакционного коня километрах в пятнадцати от Новой Калитвы, под Ольховаткой-Сапеловкой. А потом ночью на душистом привядшем сене возвращались домой.

Медленно переступал наш старый конь, дремал пожилой конюх, а мы — кассир Нина Будко, наша сотрудница Наташа Пожарова и я — смотрели на звездное небо и слушали Васину любимую песню:

Эх, да не гуляют кони без уздечки,
Ясный месяц встал между берез,
От костра, от тихой речки
Цыган девушку увез...

Тихо поскрипывала телега, качались звезды и бесконечной, как и эта дорога, казалась жизнь. Не знала я тогда, что всего через год не станет района, закроют редакцию, свезут на мясокомбинат коня. Потом умрет конюх. Давая жизнь дочери, скончается в роддоме Наташа Пожарова, потом не станет Нины Будко.

А через 37 лет прозвучит в телефонной трубке тревожный голос Петра Дмитриевича Чалого:

- Ты не знаешь, что случилось с Белокрыловым?
- Как?!
- Сегодня «Коммуна» дает некролог...

Новая Калитва



Василий Жиляев,
член Союза писателей России

НА ДЕРЕЗОВСКОМ ОСТРОВЕ, ПОД ВЕРБОЙ...

Памяти Василия Белокрылова

На дерезовском острове, под вербой,
Раскинув «скатерть» — листья лопуха,
Зажмурившись, мы пробуем «по первой»
И «по второй», но... чтоб не до греха.
Каков «первак»! Под семьдесят, пожалуй?
А хлеб домашний! А чудесный лец,
Чуть жестяной, слегка от соли ржавый...
Вот это — закусь! Это ли не вещь?!
Костер взиграет весело, трескуче.
Взметнется дым сиреновой стеной.
В донской глуби, под илестою кручей,
Вздохнет украдкой трезвый водяной.
Зрачком янтарным «выстрелит» наяда,
Сазаний хвост зазывно теребя.
Но даже если б и воссела рядом,
Уж не растрогать битого, тебя.
От табака ль, от огненной сивухи,
Что вышибает крупную слезу,
Отступят в лес языческие духи,
Замрут, как пни, в болотистом низу.

Мы поведем неспешную беседу
Друг другу в радость в сумрачной глуши.
И никакому вражескому бреду
Не исковеркать искренность души.
Припомнишь ты значительно, весомо,
Как в государстве босоногих лет
На ямищах отлавливали сома
И стерлядей, каких не видел свет!
Поведаешь с пронзительною грустью
О том, как в жизни, в личном не везло.
О том, как над поверженною Русью
Раскрыло пасть невиданное зло...
Ты сокрушался крепко, друг Василий,
Качал в ударе снежной головой.
Громады туч в неведомое плыли.
Шуршали вербы жухлою листвою.
Мы не имели степеней и званий.
Не знали мы ни храма, ни дворца,
Пытаясь вникнуть в сущность мирозданья,
В первоначальный замысел Творца.
Тянуло с луга Вечностью и сырью,
Свинцовой зыбью морщилась река.
И мнилось мне: как страждущий Икар,
Ты падал с неба, опаливши крылья,
Сквозь мрак и боль, сквозь холод, сквозь века...

Новая Калитва



Анастасия Константиновна Донских родилась в селе Приречное Верхнемамонского района Воронежской области. Более 40 лет работала учителем математики в Верхнемамонском лицее. Поэзия — постоянная спутница ее жизни. Публиковалась в местной печати, в поэтических сборниках: «Храни тебя любовь...», «Любви осенний листопад», «Такая разная любовь». Живет в селе Верхний Мамон.

Анастасия Донских

ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ

* * *

Мне приснился отчий дом,
Часто-часто снится лето,
И сирень, калитка эта,
И скамейка под окном.
Мне приснился отчий дом.

Каждый камешек родной:
И тропинка вдаль водила,
Где я босиком ходила
За водою ключевой.
Каждый камешек родной.

Никогда мне не забыть,
Что в душе моей осталось,
Все родное, что досталось,
Без чего нельзя прожить.
Никогда мне не забыть!

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН

Звон колокольный слышен вновь
На матушке-Руси.
Спаси нас, Матерь Божия,
Спаси, спаси, спаси.

Помолимся, покаемся
Во всех грехах своих.
Прости нас, Матерь Божия,
И мертвых, и живых.

А месть и зависть черную
От нас ты отведи.
Спаси нас, Матерь Божия,
Помилуй и прости.

РОМАШКИ

Полевые цветы, неземной красоты,
Я в букет по весне собираю.
Только я, только ты,
И ромашки цветы,
И ромашки цветы, что гадаю.
И летят лепестки, может быть, от тоски,
Меня любишь или нет? Я не знаю.
Где же ты? Где же я?
И судьба где моя,
И ромашки цветы, что гадаю.
Я тебя так ждала, я тобою жила,
Лепестки я с ромашки срывала.
Где тебя мне найти?
Подскажи те пути,
Где ромашки цветы, что гадала?
...Ты во сне мне не белых ромашек дарил,
А ромашек лишь красного цвета.
Те ромашки с вином,
И с зарею сравнил,
Цвет любви — воспаленных рассветов.

КОСТЕР НА СНЕГУ

Осень поспешно уходит,
Где-то гуляет зима,
В чуткой душе, как в природе,
Смена времен — кутерьма!

Листья шептаться не стали,
Тихо лежат на земле.
Только с зимою печали
Пусть не приходят ко мне.

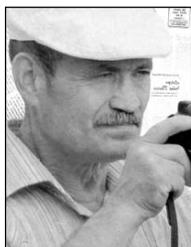
Все, что горело — угасло,
Нет уже больше костра,
Мне почему-то не страшно,
Что наступает зима.

А уголек, что дымится,
Долго носить не смогу.
Может, опять разгорится
Ярким костром на снегу...



ПРОСТЫЕ ИСТОРИИ

Рассказы верхнемамонских авторов



Александр Алексеевич Багринцев (1957–2014). Профессиональный журналист, всю жизнь проработавший в Верхнемамонской районной газете. Автор книги прозы и документалистики «Быть добру!».

Александр Багринцев

ПЕТЬКИНА ЛЮБОВЬ

Петро Хомутов положил глаз на Варюху Оглоблину и задумался всерьез, как бы ее внимание на себя привлечь. Цветок ей что ли какой-нибудь подарить или книгу про любовь, большую и настоящую... И пошла у парня кругом головушка. Мысли в ней закрубились самые разные, но от хаотической кутерьмы не было абсолютно никакой ясности. Сплошная сумятица и темный лес.

Цветы и книжки, рассуждал Петр, дело обычное, сплошь и рядом распространенное. Но чаще их дарят оперным певцам и всяким балеринам, потому как эту категорию наших граждан никакими другими ценностями не удивишь. У них от тряпья заграничного пошива сундуки небось ломаются. Набор кастрюль таким бабам и вовсе ни к чему. Ни одна уважающая себя балерина не станет есть пшениный кулеш на свином сале с луком вприкуску. Они питаются в дорогих ресторанах исключительно фруктами и жар-птичьими гребешками. Потому-то и дарят им цветы. Цветок есть цветок. Стоит он в вазочке, завянет, и выбросит она его, как потрепанный веник. Книга, конечно, дело другое. Она учит людей осмысленно и красиво на свете жить. Но, опять-таки, прочитал ее, повздыхал-поохал от сердечных переживаний, узнал, кто с кем, где и как, а дальше-то что? На полке будет пылиться, как никому не нужная, устаревшая вещь. Нет, цветы и книги — это не то. Варька все-таки девка видная, яркой наружности и душевного характера. К тому же передовая телятница и член комиссии по борьбе с расхитителями колхозной собственности. А потому заслуживает большего внимания. Букет фиалок для такой личности как-то мелкогато. Подарок ей надо сделать ценный: если не на всю жизнь, то хотя бы на продолжительное ее время. Например, чулки капроновые черного

цвета, в каких взбрыкивают эстрадные артистки. А еще лучше — кофту с начесом. Самую натуральную, из чистой шерсти без всяких примесей, цвета спелой малины, с двумя рукавами и длинным воротом. Абсолютно новую, с фабричной этикеткой и ни в одном месте не тронутую молью... Развернет Варюха кофту и обомлеет, а когда цену на этикетке увидит, то сразу поймет, как он, Петр Хомутов — не самый хреновый в колхозе тракторист — высоко ценит ее достоинство.

Не один день маялся Петр от сосущей душу неясности. Его щемили мучительные сомнения, свойственные каждому влюбленному человеку. Кофта с начесом вроде бы то, что надо, тем более ярко малиновая — мечта каждой сельской интеллигентки. А вдруг у нее такая есть? Может, она в сундуке хранится для самого важного в жизни события. Ее могли пересыпать нафталином и беречь как наряд для второго дня Варькиной свадьбы...

Все сомнения мятущейся души разрешились как-то сразу и вдруг. Это случилось в пятницу утром, когда Петр Хомутов по путевке сельпо вез стеклотару на базу райпотребсоюза. Дорога змеилась мимо угольного склада, где бугрились холмы черного антрацита. Тут-то его и накрыла мысль: сторож склада Степан Ильич Ершов — самой доброй души старикан! Они даже состояли в родстве. Бабке Акулине, двоюродной тетке Петькиной матери, он был сводным деверем по первому браку. Выходит, в доску свой человек... На полпути из райцентра Петр свернул со шляха и спрятал трактор за полосой берез. До сумерек оставалось часа полтора. Закурил, с нежностью подумал о Варьке, представил их совместную счастливую жизнь.

И такая блаженная истома окатила сердце, что все вокруг стало милым и родным: и березы, и неба синь, и черный жук, заблудившийся в траве...

Небо густо вывездило. Медный осколок молодого месяца низко плыл, цепляясь за макушки старых осин. В сторожке гускло желтел свет. Петр заглянул трактор и подошел к окну. Степан Ильич, сутулясь, сидел за столом и вел в одиночестве двусторонний доминошный бой. Вооружившись двумя наборами костяшек, он гулко гвоздил ими по столу, вынимая поочередно то из одной, то из другой пятерни. С бутылкой «Пшеничной» и кульком камсы Петр звякнул щеколдой и вошел в сторожку. Старик вздрогнул от неожиданности и выронил костяшки на пол.

— Петь, ты, что ль, мать твою так? — подслеповато щурясь, разглядел гостя Ильич и протянул ему сухую ладонь. — Каким ветром тебя занесло?

— Из Осиновки еду, стеклотару возил.

— А я тут от скуки, мать твою так, сам с собою шлепаю. Садись, забьем одного.

— Да ну его, Степан Ильич, чего без толку по столу грякать. Давай уж лучше по стопке. Весь день на колесах, башка гудит.

Ильича развозило на глазах. Когда бутылка стала порожней, он уже не вязал лыка.

— Кто твой друг, мать твою так? — мычал он одно и то же.

— Ты, Ильич, кто же еще?

— Вот то-то, мать твою так, — слезился старик, тиская крутые плечи парня тощими, как тыквенные плети, руками.

Минут через двадцать Ершов с клетотом храпел на хрустком топчане. По впалым щекам и ястребиному носу сновали назойливые мухи. Петр вышел из сторожки и осмотрелся со света. Сбоку ворот, поодаль крутой угольной горы, чернела горка поменьше. Подошел ближе — одни глыбы и совсем без пыли.

За час Петр накидал телегу до бортов, завел трактор и тронул вперед, от греха подальше. В окнах на улице — ни огонька, лишь горластые петухи изредка вспарывали сонное безмолвие ночной деревни. Петр проехал мимо Варькиных ворот и остановил трактор у забора, за которым стоял кирпичный угольник. Гидравлика сработала безотказно...

Петр отогнал трактор на бригадный двор и темной улицей зашагал к дому. Грудь

распирала неумная радость, от которой и тополя, и домики родной улицы — весь этот с детства знакомый мир под мириадами звезд стал таким необыкновенным и восторженным, будто он увидел его впервые. С этой радостью он долго засыпал, как засыпают самые счастливые люди на земле...

Утром, после бригадного наряда, Петр зацепил к трактору культиватор и перед выездом в поле проверял щупом уровень масла. На душе было так, что, казалось, мог взлететь без крыльев.

— Ах, вот он ты, змей ползучий! — этот голос хлестанул его, как горячая плеть.

От бригадного домика, как нахохлившаяся индюшка, на него надвигалась Мотя Оглоблина, Варькина мать.

— А-а ш-што, т-тетя М-мочь? — застучал он зубами, пытаясь выдавить из себя что-то внятное.

— Я те покажу, кобель собачий, што ды чаво, — орала, как ужаленная, Матрена, — каменьев под двор навалил и — я не я, хамлюга бесстыжий. Если к завтраму хоть одна каменюка останется, в сельсовет поволоку, как козла на веревочке.

Этот день показался Петру дольше високосного года. В поле, не видя борозды, он вел трактор будто в никуда, ничего не соображая, как оглушенный веслом сом. Работал дотемна, чтобы ни с кем не встретиться по дороге домой. До двора — Бог милостив — ни души не встретилось, а у дома на лавочке попыхивал самокруткой отец.

— Ну что, отличник боевой и политической, фигуру Бог дал, а головой обидел? Ты бы в избу на тракторе заехал да там и вывалил. Эх, мать твою так, и в кого ты таким дураком уродился? — зло сплюнул он к забору.

Петр молча проскользнул в калитку и огородами направился к двору Оглоблиных. Шел, крадучись, как матерый волк, вздрагивал от каждого шороха, оставившись, вслушиваясь в голоса на улице. Под Кубенями в дубках базарили бабы, а дальше, на стоговском заколотке, звонко гомонила молодежь... Во дворе Оглоблиных было тихо и темно. Петр присел над черной кучей, чиркнул спичкой, «Порода, мать твою так...» — понял он с такой ясностью, от которой хотелось взвыть...

До оврага — шагов полста. Носил он по три-четыре глыбы, сколько можно было взять, чтобы удержать на сомкнутых в замок руках, зло материл самого себя, швыряя камни на дно яруги. «До стада успеть бы», — подумал он, всматриваясь в медленно убывающую кучу. После десятка ходок мокрая рубаха липла к спине, глаза заливал едкий пот. Прикуривая папиросу после очередного рейса, Петр услышал вдруг тихий смех, от которого екнуло сердце. В проеме калитки стояла она, Варька! Как бы он хотел сейчас провалиться сквозь землю от этого смеха, от всего того, что навалилось на него тяжестью в этот Богом проклятый день! Петр стоял молча, ссутулив плечи. Огонек папиросы предательски дрожал, выдавая его волнение.

— Можно помочь вам, Петр Васильевич? — тихо, сдерживая смех, спросила Варька, подойдя к нему вплотную. От этого голоса, от этого теплого запаха девичьего тела, скрытого легким халатиком, у Петра перехватило дыхание, и сердце гулко заколотилось в висках.

— Уж как-нибудь сам, — ответил он с хриплой дрожью в голосе и, склонившись над кучей, стал укладывать глыбу на глыбу.

Когда его широкая спина скрылась в темноте, Варька взяла два камня и пошла за ним вслед... Носили молча. Он не знал, куда себя деть от стыда и неловкости, а ее распирал смех и что-то новое, незнакомое, от чего звезды закружились над головой...

В окно заглянул серый рассвет. По улице разноголосно мычало стадо. «Волосы у нее пахнут лугом, а губы — самые сладкие на свете...» С этой мыслью и сморил Петра Хомутова крепкий, здоровый сон.

Иван Артемович Кураков родился в 1932 году в селе Гороховка Верхнемамонского района. Инженер-гидролог. Работал во многих регионах России, за границей. Автор книг «Вся жизнь в рассказах», «Невидимые провода».



Иван Кураков

«ВСЕ МЫ ЗДЕСЬ АГРОНОМЫ!»

Случилось это в мае 1963 года на Кубе. Только что благополучно завершился так называемый Карибский кризис. Отношения между СССР и США улучшились. Советские ракетные установки с Кубы были вывезены, но воинские части там еще оставались. Между Кубой и Советским Союзом успешно развивалось сотрудничество в науке, промышленности и сельском хозяйстве. На Острове Свободы появились советские специалисты для оказания технической помощи.

Вот тогда и прибыла на Кубу большая группа гидромелиораторов на теплоходе «Мария Ульянова». Эти специалисты были распределены по всем шести тогдашним провинциям. Я попал в группу, которая должна была работать в самой дальней от Гаваны провинции — Ориенто. Перед нами стояла задача: изучить природные особенности острова, существующее положение дел в сельском и водном хозяйстве, дать рекомендации по более рациональному и интенсивному их использованию.

Когда мы были в Москве и готовились к поездке на Кубу, нам очень много давали всяких рекомендаций, советов и наставлений и в Минводхозе, и Минсельхозе, и, конечно, в Большом доме на Старой площади. Некоторые из этих советов материализовались — это в основном коснулось нашей одежды и обуви. По рекомендации бывалых, то есть тех, кто уже побывал на Кубе, большинство из нас приобрели в московских магазинах бывшие тогда в моде клетчатые рубашки с короткими рукавами, называемые «шотландками», и легкие китайские брюки, которых тогда в магазинах было предостаточно.

По прибытии в город Ольгин, где мы должны были жить и работать, нас разместили в небольших коттеджах, раньше принадлежавших кубинской буржуазии, сбежавшей после революции в США. Жили мы по пять-шесть человек в таком коттедже. Семей тогда с нами еще не было. На работу и с работы нас возили на автомашинах, кормили в загородном ресторане, так что город мы практически и не видели.

В одно из воскресений, когда мы были свободны от работы, я и двое моих товарищей — Игорь Степанов и Евгений Барышев — решили поближе познакомиться с городом. Надели свои рубашки-шотландки, китайские брюки, начистили до блеска туфли и отправились в центр города. Побывали на центральной площади, в сквере и, конечно, заглянули в магазины. В одном из магазинов, когда мы стояли у прилавка и рассматривали кубинские товары, к нам как-то незаметно подошли трое крепких парней — явно славянского происхождения, светловолосые и голубоглазые, с курносыми носами. Одеты

они были так же, как и мы, — в клетчатые рубашки и китайские брюки. Стали нас тихонько отодвигать к концу прилавка, а потом один из них тихо спросил:

— Вы из какой части? Покажите ваши увольнительные!

— Мы мелиораторы! — почти в один голос ответили мы. — А кто вы такие и что вам от нас надо?

— Что это еще за мелиораторы? Все мы здесь агрономы! А ну, пошли к капитану — он быстро разберется с вами. Мелиораторы!

Документов у нас с собой никаких не было, наши объяснения во внимание не принимались. Мы были вынуждены подчиниться. Нас посадили в автомашину ГАЗ-69, стоявшую неподалеку, и повезли к капитану.

Капитан, тоже одетый в клетчатую рубашку и китайские брюки, встретил нас в большом загородном доме настороженно. Сначала пытался выяснить, из какой мы воинской части, но потом стал прислушиваться к нашим объяснениям. Позвонил по телефону своему начальству, а потом в советское консульство в городе Сантьяго-де-Куба. Все выяснил и сказал:

— Да, действительно, вы мелиораторы! Правда, нас о вашем прибытии в город не успели поставить в известность. Кроме нас, других советских граждан здесь еще не было. Странно как-то все получается... А кто вам эту форму выдал?

— Нам эту одежду посоветовали в Москве, как наиболее подходящую для тропиков, — ответили мы.

Капитан долго смеялся, но объяснять нам ничего не стал. Приказал отвезти нас домой.

Позже мы узнали, что когда советских солдат и офицеров массово завозили на Кубу, их всех для конспирации одели в такие же, как и у нас, клетчатые рубашки и китайские брюки. Все они были «работниками сельского хозяйства — агрономами и зоотехниками».



Иван Акимович Пахомов (1926–2004). Уроженец села Гороховка. Участник Великой Отечественной войны. Работал учителем, журналистом. Автор многих сборников стихотворений и прозы.

Иван Пахомов

ВОЛКИ

Быль

Об этом совсем недавно рассказала мне солдатская вдова, пенсионерка колхоза «Авангард» О.Г. Евдокимова.

Шел третий год войны. Около тысячи гороховских мужчин были разбросаны по разным фронтам, а все тяготы в тылу легли в основном на женские плечи. Теперь, после возвращения из эвакуации, гороховцы заново возрождали колхозы. Основной тягловой силой были волаы. На них-то женщины и возили с поля солому на бригадные дворы и вновь созданные небольшие молочно-товарные фермы.

Пшеничные поля находились у хутора Дубового. В такую даль (около 18 километров) обычно выезжали очень рано. На этот раз Ольга Гавриловна еще с вечера договорилась с напарницей М.И. Савенковой прийти пораньше на бригадный двор. Они преследовали две цели — во-первых, вернуться домой до ночи, и, во-вторых, можно было выбрать лучших волов и сани.

Еще многие сельчане досматривали сладкие сны, когда две подруги, выехав с бригадного двора, взяли курс на дальнее поле.

Ночная тьма никак не хотела сдавать свои позиции наступающему утру. Так в потемках и проехали почти полпути. На рассвете подул северный ветер и повалил густой снег. Вскоре дорогу замело.

— Не вернуться ли назад? Ведь теперь из села никто не выедет, — сказала одна из подруг.

— Да тут скирды уже близко, — возразила вторая. Последние километры волы утопали в снегу по самое брюхо. У скирд подруги немного посидели в раздумье: что же делать? Снег чуть убавился, и они решили грузиться. Наложили два воза соломы, и теперь предстояла длительная дорога домой.

— Гей, милые! — раздалась команда, и волы тронулись. Проваливаясь в снегу, они давили на ярмо своими натруженными шеями, и сани медленно скользили, оставляя глубокую колею.

Короток зимний день. Может, и проехали половину пути, как стало заволакивать сумерками даль. А вскоре совсем стемнело. Мороз крепчал. Небо прозрело какими-то сверхдальними точками звезд, которые скорее походили на потухающие угли давно прогоревшего костра.

И вдруг в темноте замелькали ярко-зеленые огоньки. Возникли они где-то там, далеко, и перекатывались в каком-то беспорядке — явно было, что они приближались.

Женщины сразу догадались: волки! В те годы некому их было отстреливать, поэтому и развелось много матерых хищников. Подобное и раньше приходилось видеть, но тогда их, ездовых, было по семь-десять, причем один-два — обязательно мужчины, из тех, кто пришел с фронта по ранению или не мог быть там по возрасту. А сейчас подруги были одни.

Волы не пустились в галоп, как это бывает с лошадьми, но ходу прибавили, и это было заметно. А вскоре волки догнали их. Некоторое время они играли друг с другом на небольшом расстоянии. Женщины кричали на них, ударяли вилами по вилам. Но это не пугало хищников, они не удалялись и не приближались, а прыгали по глубокому снегу буквально в нескольких шагах.

Трудно сказать, чем бы все это закончилось, только подругам несказанно повезло. Выручил женщин И.Н. Дерезуцких, фронтовик, только что вернувшийся с фронта инвалидом второй группы. Когда в правлении узнали, что ранним утром еще до ветра и снега две колхозницы уехали в поле, то, как только стихла буря, к ним на подмогу и был направлен на лошадях Иван Николаевич, конечно, с ружьем.

Почти у самого села, лязгая клыками, волки отстали от возов. Они еще долго сидели на дороге, злобно поглядывая в сторону уехавших. А на рассвете ушли в степь, известив жителей села удаляющимся протяжным воем.

А следующим утром десять саней, запряженных волами, держали путь на то же поле к тем же скирдам. На первых и замыкающих эту движущуюся цепочку санях виднелись шапки-ушанки и слышались зычные мужские голоса попеременно с женскими: «Гей, милые!..»

Михаил Михайлович Редькин родился в 1940 году. Более 30 лет проработал в Верхнемамонской районной газете фотокорреспондентом. Издавна увлекается литературным творчеством.



Михаил Редькин

АЭРОВОЗ ИВАНА ГОЛОВНИНА

После перестройки россияне получили много свобод и прав, а вот денег катастрофически не хватало. Зарплату и пенсии задерживали, цены бешено росли. После очередного подорожания бензина пенсионер из Краснограда Иван Афанасьевич Головнин закрылся в своей слесарной мастерской, под которую была отведена часть летней кухни, и крепко задумался.

Думал, сидя за столом с чертежами и, когда надоедало сидеть, ходил, мучаясь творческой мыслью, от входной двери к сверлильному станку у противоположной стены и обратно. Думал всю ночь. К утру решение вызрело, и проект был готов. Старый, прошедший огонь, воду и медные трубы, прославившийся своей выносливостью и необыкновенной долговечностью мотоцикл ИЖ-49 теперь будет двигаться от воздушного винта (пропеллера), как у самолета, а пропеллер будет вращаться запасаемой аккумулятором электроэнергией. И это еще не все! Главное — с расходом энергии на вращение винта батарея будет заряжаться от установленного на мотоцикле генератора.

Воплощение мечты в жизнь шло быстро. Семидесятипятилетний Иван Афанасьевич Головнин за свою трудовую жизнь был и медником, и электриком, и слесарем по ремонту сложных приборов, и просто слесарем, который пилит, режет, рубит, гнет металл и собирает из деталей разные чудодейственные механизмы.

На багажнике мотоцикла разместилась аккумуляторная батарея большой емкости, как на грузовых автомобилях. Лопастей винта слесарь вырезал из четырехмиллиметрового алюминиевого сплава. Две пары проводов шли от батареи: одна — к электромотору, другая — к заряжающему генератору.

Помогал Ивану Афанасьевичу внук Вовка.

— Что ты там видишь? — спросил он, когда дед снял крышку с бензобака и наклонился над горловиной.

— Ничего не вижу, — ответил дед. — Бензином теперь и не пахнет, чтоб его черти взяли. Как бы дорого с этого дня он ни стоил, нас это не коснется. А бензобак... Дед похлопал ладонью по бензобаку, отчего во время гулка отозвался звук пустоты, и продолжил:

— Я думаю, внук, его теперь можно и снять, как ненужную вещь.

— Нет, ты что! — возразил Вовка. — Если мы бензобак уберем, не к чему будет прислоняться коленями.

— И то верно, — согласился дед. — Хороший из тебя, Вовка, инженер выйдет, прямо-таки почти как дизайнер.

— Дизайнер — это как? — не понял внук.

И Иван Афанасьевич пояснил:

— Дизайнер — это не только все правильно и толково, но еще и красиво. Ну-ка подай мне болтик с резьбой на восемь, шаг нормальный, вон из того ящичка.

— Резьба метрическая или дюймовая? — уточнил внук.

— Метрическая, метрическая. Наш ИЖ рожден в Приуралье. На нем ничего нет дюймового.

— Поскольку теперь это уже не мотоцикл, как назовем нашу машину? — спросил дед у внука, когда все задуманное было сделано.

— Аэровозом, — недолго думая, ответил Вовка.

— Так ведь неправильно будет, по-русски — воздуховоз. Это что-то такое непонятное.

— Ну и что ж? Самолет — тоже не самолет, потому, что не сам летает. В нем летчик сидит. Так что не мы первые, не мы последние.

— Аэровоз так аэровоз, — согласился Иван Афанасьевич...

И вот настал торжественный момент. Дед с внуком перед испытанием своего творения слегка волновались. Еще бы! Такого нигде еще не было. «Как поведет себя аппарат? Хватит ли у воздушного винта тяги, чтоб двигать по дороге тяжелую в общем-то машину, да еще с двумя пассажирами на ней? Велика ли будет скорость движения?» — такие вопросы волновали изобретателей.

Перед тем как выкатить аэровоз на улицу, решено было привести во вращение пропеллер в слесарке, посмотреть, что получится, а то, может, понадобятся какие-нибудь доводки, регулировки. Мало ли какие неожиданности могут выиться?

И вот Иван Афанасьевич простер руку к кнопкам и рычажкам управления. Вовка замер в ожидании. После щелчка тумблера электромотор включился сразу на полную мощность. Раздался оглушительный свист и шипение. С вбитых в стену гвоздиков, с полок, с рабочего стола сильной воздушной струей от четырехлопастного винта сорвало всякую всячину и разбросало в разные стороны. Откуда-то поднялась туча пыли, и потемнело так, что дед с внуком не могли разглядеть друг друга.

Аэровоз снялся с подножки и неизвестно где бы очутился, окажись он на улице. Но испытания проводились в помещении, и машина, упершись передним колесом в стену, остановилась.

Так дед и внук Головнины уяснили, что с электросиловой установкой, увенчанной воздушным винтом (пропеллером) шутки плохи, сил и запаса энергии в батарее много, но, главное, они поняли, что для дальнейших испытаний им нужна дорога с ровным покрытием, чтоб окончательно проверить, на что аэровоз способен. У них же по всей улице асфальт был весь в выбоинах, будто его от заката до рассвета бомбили ночные ведьмы.

— Это не беда. Не горюй, Вовка. Не сегодня-завтра дорожники сделают здесь ямочный ремонт, и тогда... Сначала возле дома прокатимся, а потом и на автостраду выедем, — успокаивал внука Иван Афанасьевич.

— А в Ольховый Лог? А в губернию, а еще лучше — в Москву, дед, поедем на аэровозе?

— Поедем, Вовка. На бесплатном энергоносителе — хоть в Москву, хоть на край света!

— Ура! В Москву поедем, президента увидим! — обрадовался внук и начал фантазировать: «Представляю, едем мы на аэровозе по Москве. Дорога машинами забита, везде пробки. А нам предоставляют право внеочередного проезда. «Это что у вас за чудо-машина?» — спрашивают все. А ты, дед, отвечаешь: «Аэровоз называется. Мы с внуком изобрели, чтоб бензин не покупать». Москвичи, конечно, в восторге.

— Откуда вы такие? — спрашивают.

— Из Краснограда, — отвечаем. — Это такой городок небольшой, где маленькая речушка прямо в центре его протекает. По ночам из речушки вылезают на

прибрежные огороды бобры и грызут тыквы. И вообще у нас много всяких чудес. Приезжайте, сами увидите.

— Обязательно приедем, обязательно, — говорят москвичи...

А пока суть да дело, аэровоз изобретатели выкатили из мастерской и поставили посреди двора, чтоб каждый, кто хотел, мог прийти и осмотреть чудо-машину со всех сторон. Желающих увидеть изобретение было много. «Вот здесь у нас с Вовкой две фары вместо одной, а между ними двустороннее зеркало и ночью видно все не только спереди, но и по сторонам», — растолковывая что к чему, водил вокруг аэровоза любопытных гостей Головнин-дед.

Приехал за сенсационной новостью корреспондент местной газеты, сел на аэровоз, потрогал рычаги, понажимал педали и, глядя на пропеллер, сказал:

— Эх, взлететь бы!

— Ну и куда потом? — спросил Иван Афанасьевич.

Он ожидал, что и журналист, видимо, как и они с Вовкой, возмечтает очутиться задарма в столице.

— А никуда, — ответил корреспондент. — Просто ввысь — и все.

Через полчаса он поспешил с потрясающей сенсацией в редакцию «Красноградских новостей».

— Прямо-таки не знаю, как поступить с твоей сенсацией, — заосторожничал редактор, прочитав статью.

— Как это не знаете? В номер ее немедленно! — заволновался корреспондент, чувствуя, что над его материалом нависла угроза редакторского неодобрения.

— А вдруг эта новость не понравится главному нашему учредителю? Скажет: «Это что ж, в моем муниципалитете от нищеты голь на выдумки пошла? Нет! Не пойдет», — вынес окончательное решение редактор.

— А про что ж писать? — задал вопрос корреспондент.

— Про наши успехи и достижения пиши, а про нищету не надо.

— Я бы написал, да где взять?

— Бери, где хочешь. А ну-ка стой! Ты куда пошел? — поспешил остановить направившегося к выходу корреспондента редактор. — Ты это... Не обижайся. Премия все равно получишь наряду со всеми. Давай сюда твою сенсацию.

Корреспондент протянул материал редактору с надеждой: может, передумал и даст в газету. Но тот тщательно сложил листки вчетверо, разорвал и бросил в корзину — от греха подальше, вдруг вздумается кому-то раздуть сенсацию аж до области, тогда уж точно беды не миновать...

Между тем, поток экскурсантов во двор к Головнинным, к аэровозу, день ото дня уменьшался и постепенно сошел на «нет». Ямочный ремонт асфальтового покрытия на их улице так и не начинали. На ИЖ сорок девятый с пропеллером и два дождя уже выпали: первый проливной, второй обложной, моросящий, не прекращающийся целую неделю.

В один из скучных дождливых дней, когда погода не располагала к занятию чем-нибудь иным, пошел пенсионер Головнин на другую сторону улицы в магазин посмотреть на колбасу, и когда вернулся, внук спросил:

— Что, дед, такой невеселый? Цены опять поднялись?

— Хуже, Вовка. В магазине говорят, не будет на нашей улице ямочного ремонта. Весь асфальт ухлопают на полное покрытие на Восьмомартовской. Там якобы скоро должен проехать какой-то большой начальник. Тополя сбочь дороги уже побелили. Скоро асфальт начнут класть.

— А может, он передумает? — возразил Вовка.

— Кто? — не понял Иван Афанасьевич.

— Начальник этот. Сейчас так решил, потом все обдумает и скажет: «Не хочу

ехать по Восьмомартовской. Повезите меня по какой-нибудь другой улице. Разве так не бывает?

— Может, и бывает, внук, только нам от этого легче не будет. Сначала дорогу сделают, весь асфальт ухлопают, а потом начальник, может, и передумает.

— Да, плохи наши дела, — отозвался Вовка.

— Ты вот что, внук, глянь, кто там к нам пришел? Возле аэровоза нашего что-то крутится, — стоя у окна, сказал Иван Афанасьевич.

Вовка вышел во двор, и вскоре вернулся обратно с гостем.

— Вот хочу купить ваш аэровоз. За ценой не постою. Продадите? — сказал гость.

— Нет, что вы? — сразу отказался Иван Афанасьевич и повернулся к внуку. — Ты как, Вовка?

— Не продадим, конечно. Мы с дедом даже ни разу не прокатились на нем. Ждем ямочного ремонта...

Так и стояли дед с внуком на своем, а гость все набавлял и набавлял цену и, наконец, снял с пояса большой кошелек и вытряхнул из него все содержимое на стол. Получилась приличная куча.

Иван Афанасьевич «перелопатил» купюры своими широкими ладонями.

— Смотри, внук, сколько деньжищ! — восторженно сказал он. — На подержанный «Запорожец» хватит и останется еще.

— Дед, «Запорожец» у многих есть, а аэровоз — только у нас. Нет, не надо продавать, — возразил Вовка.

— На почти новый «Запорожец» хватит, — продолжал толковать дед. — А электросиловую установку мы можем и на автомобиле установить, если бензин не подешевеет. Прямо на крыше... Надо только лопасти пропеллера сделать пошире, да аккумуляторы поставить помощнее.

— А если крылья приделать, «Запорожец» может взлететь, — оживился вдруг Вовка, и дед ответил:

— Обязательно взлетит. Если крылья есть, полетит какая угодно каракатица. Вся суть в крыльях.

По всему было видно, что идея уже захватила и внука.

— Честно признаться, Вовка, на этот счет у меня знаний маловато. Тут надо теоретически поднатореть.

— Поднатореем! А что? В библиотеке книг наберем... Ладно, продаем, дед!

Сделка состоялась. Аэровоз осторожно, чтобы не повредить пропеллер, погрузили в тракторную тележку и увезли.

А потом... Потом случилось такое, чего дед и внук Головнины не ожидали и предвидеть не могли. Торговля автомобилями и мотоциклами в маленьком городе шла слабо. Да что там... Совсем, можно сказать, не было никакой торговли. А время спустя деньги, вырученные за аэровоз, съела инфляция.

И рухнули планы Головнинных насчет «Запорожца» с крыльями. А вот мечта у Вовки стать инженером осталась. Родилась она в дни, когда они с дедом в маленькой слесарной мастерской строили аэровоз на базе старого мотоцикла ИЖ-49, и ничто не смогло истребить эту мечту. Иван Афанасьевич тоже мечтал, чтобы Вовка стал инженером. Он очень любил своего внука.





Алексей Багринцев

СИНЕВА НАД ВЕРБАМИ

ЛЕГЕНДАРНЫЙ БАГРИНЦЕВ

Когда я приехал в середине семидесятых годов прошлого века в Петропавловку, в газетно-творческой среде этого окраинного райцентра на слуху было два имени: Юрий Бобона и Алексей Багринцев. Что касается первого, то тут все понятно: бурная жизнь не слишком дорожащего «анкетной репутацией» поэта, похвалы-авансы известных писателей, трагическая ранняя смерть, только добавившая красок в палитру местного мифотворчества. А вот второй...

Чем же человек этот прославился, почему стал местной легендой?

Благодарный «фольклор» рисовал в воображении отнюдь не былинного богатыря: невысок, сухощав, по-мальчишески порывист. Работал редактором районной газеты. Номенклатура! Но при этом — не по-начальственному смел, остер на язык. Горой стоял за справедливость. Фельетоны свои оттачивал, как бритву, и то «бритье» бессовестным да нерадивым помнилось долго. Мог «отбрить» и в рифму, причем, что называется, невзирая на лица. Один из моих собеседников, хорошо знавший А. Багринцева, процитировал как-то его шутовское «бунтарское» четверостишие, направленное против «главнонадзирающих» за газетой партийных функционеров:

Знаю цену сам себе,
Не люблю тиранов!
Что мне Плотников Ю.Б.,
Сашка Калайтанов?

Конечно, такие «творческие выплески» долго оставались на слуху. Но стихи писал Алексей Багринцев не только шуточные. Правда, «серьезные» стихи явить широкому читателю не пытался, изредка читал их в дружеском кругу, когда был в подпитии. Трезвым он стихов своих будто бы сторонился, стеснялся. Фронтвик, газетный зубр — и вдруг такая застенчивость, чуть ли не девическая — не странно ли? На мой взгляд, ничего странного в этом нет. Будучи признанным мастером в журналистике, Алексей Багринцев, видимо, понимал, что в поэзии столь значительных высот он вряд ли сможет добиться. А быть «одним из многих», в зрелых годах ходить в начинающих он не хотел.

Заинтересовавшись фигурой оставшегося в памяти земляков «мятежного редактора», я нашел его опубликованные стихи. Их было совсем немного. Не скажу, что стихи эти поразили меня своим совершенством. Но от строк, даже не самых совер-

шенных, веяло обаянием неординарности, в них тут и там попадались «зернышки» высокого поэтического смысла. Позже я узнал, что в начале своего кочевья по редакциям воронежских районных газет, в райцентре Новая Калитва, Алексей Багринцев был близко знаком с Алексеем Прасоловым, и будущий классик посвятил ему стихотворение. В том стихотворении были строки, которые вдумчивому читателю способны сказать многое: «Ах, как я рад, что встретился с тобой, / что схожи мы по чувствам и судьбе».

После смерти А. Багринцева — скоропостижной, в сорок восемь лет — его стихи не канули в безвестность. Они публиковались в коллективных сборниках, в 2005 году Станислав Никулин включил стихотворение Багринцева «Он приезжал обычно в мае...» в изданную Центрально-Черноземным книжным издательством представительную антологию стихов о войне «Шел солдат...» В 2013 году журнал «Подъём» опубликовал подборку стихотворений А. Багринцева в рубрике «Живые имена». Что же позволило этим стихам остаться с нами? Они не поражают изысканностью слога и буйством метафор, в них нет того, что называется тщательной профессиональной отделкой. Зато в лучших строках слышится стук взволнованного, искреннего человеческого сердца — и читатель не может на это не откликнуться.

А еще на строках А. Багринцева лежит явственный ответ времени. Вот поэт пишет о памятном свидании с любимой, которая скоро станет его спутницей по жизни на многие годы:

В небе тучи синели,
секла осень крупой.
Мы в колючесть шинели
запахнулись с тобой.

«Колючесть шинели» здесь — не случайный, притянутый за уши образ, а точная поэтическая подробность трудных послевоенных лет, без которой неполной будет не только судьба автора, но и судьба страны.

Свет поэтического мира А. Багринцева — не яркий, но милосердный, сострадающий. Вот глухонемой сосед приносит лирическому герою «книжечку — Есенина стихи» и просит прочесть. Вроде просто — прочесть стихи, но как это сделать — «как их смысл переложить на руки?».

Начал с суки: как бежала вслед
за хозяином и выла, выла.
Как она роняла слезы в снег.
И как скорбно ей и больно было.
Видно, понял все глухонемой —
замычал,
припал лицом к забору...

Здесь как раз тот случай, когда из серой вязи обыденных строк выпрастывается вдруг подлинно поэтический образ — убедительный, волнующий, зримый. Это дорогого стоит. Ведь поэзия, если вдуматься, это бесконечная попытка «переложить на руки» сокровенный голос «немой» человеческой души.



Алексей Багринцев

Алексей Иосифович Багринцев (1926–1974), без сомнения, поэт советский. Об этом говорят не только указанные в скобках годы жизни, но и рукопись, собранная невесткой поэта, Татьяной Багринцевой. Когда я читал эту рукопись, рядом со мной были и «Первый секретарь» («Он первым на маевку выходил / и первым выходил на баррикады»), и «Старик» («В кавалерии Буденного / на врага орлом летел»), и «Чапаевец» («Ему казалось: щелкни выключатель — / и он всплывет, израненный комдив»). Не все это сегодня поймут. Но тем, кто возьмет на себя смелость судить поэта, я задам всего два вопроса.

Вы знаете, как в годину горькую «коров запрягают цугом»?

Вы уходили в «огонь и дым» солдатом — «не молодым, а несовершеннолетним»?

Нет? Тогда отойдите в сторону и слушайте, молча, что говорит нам поэт. Он заслужил это право — быть услышанным.

Александр НЕСТРУГИН

* * *

Коров запрягают цугом:
три пары — вое к вою.
А пахарь идет за плугом
и думу несет свою.

О чем он думает, пахарь,
В тринадцать — пятнадцать лет?
О том, что житье — не сахар?
О мамалыге? Нет...

Хотя мамалыга тоже
не хуже пицци любой.
Я матери врал безбожно,
что кормят нас на убой.

Неделями дома не был,
тянул из последних сил.
Я ел кулеши без хлеба,
а хлеб домой приносил.

И мать головой качала:
— Зачем ты?..
Но я молчал.
И это было начало
житейских больших начал.

Мы шли бороздой
со страхом:
нас снайпер на мушку брал...
высокое звание — пахарь,
не ниже, чем — генерал.

Я с детства запомнил туго
ту, первую, роль свою:
коров запрягают цугом:
три пары — вое к вою.

* * *

А сходит ли детство тонко на нет?
Или обрывается круто?
Мое оборвалось в пятнадцать лет —
всего лишь одна минута.

Минута,
когда за деревней — там,
где дети резвились звонко,
чужой, из далека пришедший танк
подмял под себя ребенка.

Мальчишка остался лежать у рва,
по-мертвому глядя дико.
Но детство не стало волосы рвать,
оно не зашло от крика.

Катился потухшего солнца круг
над танками
по небосводу.
И детство утратило сразу, вдруг
бездумности позолоту.

... Нет, детство мое не сошло на нет
беспечно, легко и просто —
оно запахло зябко в шинель,
пошитую не по росту.

И зыбко шагнуло в огонь и дым
Безоблачным утром летним.
И стало солдатом.
Не молодым,
а несовершеннолетним.

* * *

И опять ты плачешь, серый кúлик,
крик твой — безысходная тоска,
он напоминает посвист пули
в тишине
у самого виска.

Не напоминай ты мне об этом.
Я прошел сквозь черную грозу.

И теперь,
Людским добром согретый,
в сердце
песню звонкую несу.

Но не тем,
кто отливает пули, —
тем, кто пули плугом запластал.
...перестань ты плакать, глупый кúлик, —
я давно уж плакать перестал.

* * *

Жене

Платье — ситец немаркий
по семь гривен за метр,
очень скромный, неяркий,
без особых замет.

Чуть поношен беретик.
Взгляд — смешливый такой.
Я такой тебя встретил
И запомнил такой.

В небе тучи синели,
секла осень крупой.
Мы в колючесть шинели
запахнулись с тобой.

Ты так робко прижалась,
доверяясь вполне.
И не страсти, а жалость
пробудила во мне.

Как горох при дороге,
говорят, сирота.
И соблазном для многих
была та красота.

Тебя прежней я вижу,
и другой тебя нет.
Ты такая мне ближе —
без особых замет.

* * *

Он приезжал обычно в мае
откуда-то издалека.
Шутил, что комнату снимает
просторную
у Лешака.

Он покупал харчи в деревне
и шел к затону босиком.
Он нам казался очень древним
волшебнo-добрoм стариком.

Он жил все лето у затона
в духмяном, тесном шалаше.
И говорил, что даль за Доном
ему, бродяге, по душе.

Но был рассеяннo-задумчив,
когда по строчкам козьих троп
угадывал на белой круче
другим невидимый окоп.

Туда навевывался часто,
бродил по круче меж камней.
...Он, видно, с юностью встречался —
с окопной юностью своей.

Ему, как видно, в девятнадцать
огнем здесь юность обожгло.
И потому
ему расстаться
с землею этой тяжело.

ГЛУХОНЕМОЙ

У меня сосед — глухонемой.
Он не знает,
что такое звуки,
и когда беседует со мной —
то и дело вскидывает руки.

Чтобы рассказать про паровоз,
он гудит,
а локти — словно поршни...
А однажды книжку мне принес
и велел читать как можно больше.

Книжечка — Есенина стихи —
как их смысл переложить на руки?
Но с немым лукавить не моги —
Передай и радости, и муки.

Начал с суки:
как бежала вслед
за хозяином
и выла, выла.

Как она роняла слезы в снег.
И как скорбно ей
и больно было.

Видно, понял все глухонемой —
замычал,
припал лицом к забору.
... Часто мы,
особенно зимой,
с ним ведем немые разговоры.
Но когда по радио — концерт,
и сидим мы с ним за чашкой чая,
я встаю
со скукой на лице
и тайком
динамик выключаю.

Перед ним не чувствуя вины,
я хочу, чтоб он не догадался,
что помимо бездны тишины
есть еще и оперы, и вальсы.

* * *

Ничего не надо —
ни казаться мудрым,
ни вздыхать, ни думать
под навесом крон.
Вот опять пришел я
рано-рано утром
поглядеть на стылый
предосенний Дон.
Поглядеть, как листья
падают — не тонут,
падают бесшумно,
облетая с лоз...
Сколько их пропето
над спокойным Доном,
песен, полных радостей,
горестей и слез!
Ничего не надо.
В этом тихом месте
пусть молчит транзистор,
пусть молчит лоза.
Дон, седой и тихий,
молодую песню
допоеет, доскажет,
что не досказал.
С желтой кручи в заводь
пусть глядят деревья.

Я молчу, я слушаю
дальних предков зов.
В тишине мне чудится:
разинская древность
с песней-гиком катится
на седой Азов.
Ничего не надо,
ничего не требую.
В жизни повидал я
дальние края,
А теперь я вижу —
синева над вербами
безмятежно-чистая,
русская, моя.



Виктор Александрович Шамрай родился в 1948 году. Воронежский историк и краевед, старший преподаватель исторического факультета Воронежского государственного университета. Автор свыше 120 научных работ по истории и историографии Великой Отечественной войны, Воронежа и Воронежской области, в том числе 6 монографий: «Воронежский фронт: история, люди, победы» (2005), «Воронежская область в годы Великой Отечественной войны. Очерки военной, политической и экономической истории» (2011) и др. Живет в Воронеже.

Виктор Шамрай

ОПЕРАЦИЯ «МАЛЫЙ САТУРН»

(К 75-летию освобождения
Воронежской области
от немецко-фашистских захватчиков)

Среднедонская наступательная операция «Малый Сатурн», 75-летие которой мы будем отмечать в этом году, — первое крупное и успешное наступление советских войск на Воронежской земле в ходе Великой Отечественной войны. Однако до последнего времени о ней не было написано ни диссертаций, ни монографий, и она освещалась в основном в рамках контрнаступления под Сталинградом. Между тем по своему первоначальному замыслу операция «Сатурн» могла стать одной из решающих операций всей войны, так как удар на Ростов не только окончательно определял судьбу окруженной 300-тысячной сталинградской группировки противника, но и привел бы к окружению второй крупной немецкой группировки на Северном Кавказе.

Да и в новейшей литературе со ссылкой на мемуары А.М. Василевского утверждается, что Сталин, давая операции название «Сатурн», имел в виду образование второго кольца окружения вокруг сталинградской группировки.

Из-за угрозы деблокады окруженной группировки Паулюса Ставке ВГК пришлось сузить масштабы наступления на Среднем Дону и перенести направление главного удара с юга на юго-восток в тыл деблокирующей группировки противника, назвав видоизмененную операцию «Ма-

лым Сатурном». Таким образом, изменение стратегического замысла и ограничение масштабов Среднедонской операции было вызвано определенным обострением оперативной обстановки в районе Сталинграда к середине декабря 1942 года по сравнению с концом ноября в связи с созданием группы армий «Дон» Манштейна и началом контрудара деблокирующей группировки Гота. Но прорыв обороны 8-й итальянской армии должен был начаться в тех же районах, что планировались при разработке «большого» «Сатурна».

По свидетельству маршала Василевского, главный удар наносился на стыке 1-й гв. армии Юго-Западного фронта Н.Ф. Ватутина и 6-й армии Воронежского фронта Ф.И. Голикова, а встречный удар должна была предпринять 3-я гв. армия. Ближайшей целью был разгром оборонявшихся по рубежу Среднего Дона 8-й итальянской армии и немецко-румынской оперативной группы «Холлидт», общей численностью почти полмиллиона солдат и офицеров. Конечная цель заключалась в выходе в тыл деблокирующей группировки противника. Таким образом, намечалась фронтовая (межфронтная), но отнюдь не локальная (ограниченная) операция.

Бывший начальник Генштаба Красной Армии упоминал о том, что наметить проведение новой операции «Сатурн» Сталин предложил вскоре после завершения окружения главной группировки неприятеля в районе Сталинграда (23 ноября 1942 г.), хотя речь о ней шла в Ставке и ранее. Да и решение сузить ее масштабы до размеров «Малого Сатурна» было изложено в директиве Ставки ВГК за подписью «Васильев» (условная фамилия Сталина) от 13.12.1942 г.

Вероятно, идея проведения крупномасштабной операции «Сатурн» родилась в недрах Ставки и Генштаба, но ее детальная разработка и подготовка (в конце ноября и первой половине декабря) осуществлялись в штабах, участвовавших в Среднедонской операции фронтов и армий (в том числе в районе Верхнего Мамона), т.е. планирование операции было заслугой не только Верховного, но и фронтового командования.

Если выход главной группировки Юго-Западного фронта в рамках «Малого Сатурна» ограничивался районами Тацинской, Морозовского и Тормосина, то задача 6-й армии Воронежского фронта, по свидетельству его бывшего начальника штаба М.И. Казакова, «ограничивалась теперь выходом в район Кантемировка» и обеспечением правого фланга Юго-Западного фронта.

В директиве Ставки по «Малому Сатурну» Сталин указывал, что задача 6-й армии будет состоять не только в помощи 1-й гв. армии в разгроме 8-й итальянской армии и в выходе на реку Богучар (по р. Богучарке проходил ее основной армейский рубеж обороны), но и в создании своими силами заслона против возможного контрудара противника с запада (точнее с северо-запада, со стороны Россоси).

Считается, что операция «Малый Сатурн» была начата 16 декабря 1942 г. Но ей предшествовала пятидневная разведка боем (с 11 по 15 декабря). Соотношение сил также нельзя оценить однозначно. В целом советские войска имели превосходство (значительное, более чем двукратное) в танках, но немного уступали противнику в пехоте и артиллерии. Но главное заключалось в создании большого перевеса в силах и средствах на участках прорыва, что и было успешно достигнуто.

Началу Среднедонской операции предшествовала разведка боем с целью установления начертания переднего края, системы огня и укреплений, а также группировки войск противника. Перед фронтом 6-й армии Воронежского фронта она была проведена в период с 12 по 15 декабря 1942 г. одновременно с захватом и удержанием задонских плацдармов юго-западнее Верхнего Мамона, между Дерезовкой и Новой Калитвой.

Именно при захвате небольшого плацдарма на правом берегу Дона у села Дерезовка (тогда Новокалитвенского, а ныне Верхнемамонского района) совершил великий подвиг молодой сержант 350-й стрелковой дивизии 6-й армии Василий Прока-

тов. Обеспечивая прорыв, он закрыл грудью амбразуру вражеского дзота, предвосхитив аналогичный акт самопожертвования Александра Матросова (в феврале 1943 г.), и также был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

По оценке бывшего начальника штаба Воронежского фронта М.И. Казакова, в результате боевой разведки на правом (западном) берегу Дона юго-западнее Верхнего Мамона в течение 12 декабря 1942 г. частям 6-й армии удалось овладеть несколькими высотами, деревней Самодуровка и частью села Дерезовка. Историки оценивают итоги этого подготовительного мероприятия по-разному. Так, В.Г. Сафонов полагал, что уже к 14 декабря советские войска провели «успешную разведку боем» и были готовы начать общее наступление. Тогда как С.И. Филоненко считает, что вследствие «преждевременно проведенной разведки боем» была утрачена внезапность при начале 16 декабря операции «Малый Сатурн».

В то же время непосредственные результаты силовой разведки к югу от Верхнего Мамона перед началом общего наступления были положительными. В дополнение к удерживаемому с конца лета 1942 г. значительному и важному Осетровскому плацдарму (в районе деревни Осетровка в 5 км к югу от Верхнего Мамона) были захвачены новые небольшие тактические плацдармы к востоку от Новой Калитвы (Дерезовский и др.), разведан передний край обороны противника у южного берега Дона юго-западнее Верхнего Мамона, были установлены основные силы итапо-немецкой группировки перед левым флангом Воронежского фронта, нанесены значительные потери ее передовым частям (сотни убитых и свыше 200 пленных, не считая раненых), разрушен ряд оборонительных укреплений 2-го итальянского корпуса (дзотов и т.п.).

Наличие плацдармов на противоположном (южном) берегу р. Дон облегчало ее форсирование основными силами 6-й армии и сосредоточение передовых частей на донских плацдармах. К рассвету 15 декабря они заняли выгодные исходные позиции для перехода в общее наступление. Благодаря искусному маскированию сил и средств удалось создать большое превосходство над противником на участках прорыва войск первого эшелона 127-й дивизии и 15-го стрелкового корпуса (по пехоте и артиллерии примерно в 3 раза, а по минометам — в 7 раз). Однако тактическая глубина обороны 8-й итальянской армии и минные поля перед главным, Осетровским (в боевых документах его иногда именовали «Мамоновским») плацдармом не были достаточно вскрыты, в результате этого не удалось ввести в прорыв танковые корпуса и прорвать тактическую оборону уже в первый день операции. Наступательная операция «Малый Сатурн» началась утром 16 декабря 1942 г. после сильной полуторачасовой артиллерийской подготовки.

К началу операции ударные группировки войск левого фланга Воронежского фронта и правого крыла Юго-Западного фронта сосредоточились вдоль по р. Дон к югу и западу от Верхнего Мамона, в том числе на задонских плацдармах в районах Осетровки (5 км южнее Верхнего Мамона) и Дерезовки (юго-западнее Верхнего Мамона) в готовности к наступлению. 6-я армия сосредоточила на 10-километровом фронте от Дерезовки до Новой Калитвы 8 артиллерийских полков и обеспечила более чем трехкратный перевес в артиллерии. В результате мощной и длительной артподготовки с участием сотен орудий и десятков реактивных минометов ошеломленный ее мощью противник в начале наступления не смог оказать ему сильного сопротивления.

Из 400 выявленных на переднем крае и в тактической глубине огневых точек обороны 5-й итальянской пехотной дивизии 385 было уничтожено или подавлено.

Уже к полудню передовые позиции итальянцев на фронте от Дерезовки до Новой Калитвы к юго-западу от Верхнего Мамона при поддержке артиллерии, а с 11 часов и части авиации 2-й воздушной армии, были прорваны на глубину 2–3 километра. К исходу первого дня операции 6-й армии части ее ударной группировки овладели рядом командных высот, деревней Дерезовка и восточной окраиной Новой Калитвы и прорвали передний край обороны противника на глубину до 4 км.

Тем не менее, с ходу форсировав Дон и захватив плацдарм на фронте от Новой Калитвы до Дерезовки и нанеся противнику значительные потери, соединения 6-й армии из-за усиления сопротивления противника не смогли так же с ходу прорвать всю глубину обороны 2-го итальянского корпуса и подкрепивших его немецких частей. После расчистки минных полей и перехода в наступление к югу от Верхнего Мамона с 17 декабря трех танковых корпусов Юго-Западного и Воронежского фронтов ударные группировки прорвали на всю глубину обороны 8-й итальянской армии на южном берегу Дона и развернули наступление в направлениях Кантемировка и Богучара.



Отсюда начиналась операция «Малый Сатурн»

В последующие три дня части 17-го тк (а вслед за ними и 15-го ск) прорвались в район Кантемировка на перехват ключевой железной дороги Воронеж-Ростов (ЮВЖД). А 127-я стрелковая дивизия 6-й армии, действуя на вспомогательном направлении, в районе Новой Калитвы (юго-западнее Верхнего Мамона), по существу прикрыла правый фланг войск Юго-Западного фронта (19 декабря 6-я армия с 17-м тк были переданы в его состав) справа от возможного контрудара противника с северо-запада со стороны Россоши.

17-й танковый корпус, войдя в прорыв с утра 17 декабря, обошел Дубовиковку и к исходу дня овладел Писаревкой, выходя на тылы противника.

Тем временем три стрелковые дивизии 15-го стрелкового корпуса 6-й армии, преодолевая сильное сопротивление и отражая неоднократные контратаки в районе Цапково, Оробинский, Дубовиковка (к югу от рубежа Новая Калитва, Дерезовка), развивали прорыв в глубину обороны 8-й итальянской армии. 127-я сд, окружив и разгромив до батальона пехоты юго-восточнее Самодуровки, к исходу дня освободила Цапково, а 350-я и 267-я сд, уничтожив до двух батальонов пехоты в районе Дубовиковки (к югу от Дерезовки), к исходу дня овладели Оробинским и Дубовиковкой (на второй полосе обороны 8-й итальянской армии).

Таким образом, плацдарм на южном берегу Дона к югу и юго-западу от Верхнего Мамона был расширен и углублен (на глубину до 10 км). Тем временем 25-й тк, переданный накануне перехода в наступление из Воронежского в Юго-Западный фронт, освободил село Твердохлебовка (на полпути между Писаревкой и Богучаром).

В итоге напряженных и ожесточенных двухдневных боев в течение 16–17 декабря 1942 г. войска 6-й армии Воронежского фронта прорвали на всю тактическую глубину оборону войск 8-й итальянской армии на фронте Новая Калитва, Дерезовка (на южном берегу Дона к юго-западу от Верхнего Мамона) и разгромили ее соединения. А выход 17-го танкового корпуса 6-й армии в район Писаревки создал выгодные условия для окружения богучарской группировки противника во взаимодействии с 1-й гв. армией Юго-Западного фронта.

Получив задачу на преследование и уничтожение поспешно отступавших разрозненных групп итальянцев, не допуская их отхода на промежуточные и тыловые рубежи, части 6-й армии в течение 18 декабря продолжили развивать наступление на Среднем Дону и к исходу дня вышли на рубеж от Ивановки (7 км южнее Новой Калитвы) до Писаревки (35 км юго-западнее Верхнего Мамона).

17-й танковый корпус после занятия Писаревки повернул дальше на юго-запад в направлении Кантемировка. К вечеру он овладел районным центром Талы (5 км к юго-западу от Писаревки) и продолжал развивать удар на юго-запад, на Кантемировку.

Противник, подтягивая свежие силы, пытался сдержать дальнейшее наступление 6-й армии.

Левее, на участке наступления 1-й гв. армии Юго-Западного фронта, попытка танковых корпусов и стрелковых дивизий с ходу овладеть третьим (и последним) армейским рубежом 8-й итальянской армии на рубеже р. Богучарка не удалась. Но в ночь на 18 декабря 25-й тк во взаимодействии с гвардейцами армии генерала Кузнецова сломил сопротивление противника, форсировал реку и прорвался на юг почти на 10 километров, угрожая тылу всей оборонявшейся здесь итало-немецкой группировки.

В течение дня после отражения ряда контратак прибывших на помощь трех дивизий противника (включая 27-ю немецкую танковую дивизию) войска 1 гв. армии вынудили его оставить этот рубеж, прорвав вражескую оборону на богучарском направлении.

Преследуя отходившие на юг и юго-запад итало-немецкие части, советские танкисты к исходу 18 декабря вышли на тылы 35-го корпуса 8-й итальянской армии, после чего многие части итальянцев обратились в паническое бегство. Таким образом, ударная группировка 1-й гв. армии Юго-Западного фронта, наступая на участке Красно-Ореховое, Журавка, в течение трехдневных боев к исходу 18 декабря прорвала оборону противника и, разгромив части итальянской пехотной дивизии «Равенна» и 298-й немецкой пехотной дивизии, вышла на фронт Поповка, Галиевка (к юго-западу и северо-западу от города Богучар). Фронт прорыва на богучарском направлении был расширен до 60 километров.

В течение 19 декабря войска 6-й армии заняли Новую Калитву и Ивановку, заканчивали ликвидацию противника в районе Талы и вели бой за овладение Кантемировкой. 17-й танковый корпус, заняв Рудаевку (10 км юго-западнее Писаревки), к исходу дня передовыми отрядами ворвался в Кантемировку. С выходом на рубеж Новая Калитва, Кантемировка 6-я армия выполнила свою основную задачу по плану операции «Малый Сатурн» и в дальнейшем действовала в составе Юго-Западного фронта, прикрывая его правый фланг.

К утру 19 декабря части 1-й гв. армии заняли город Богучар. Танковые корпуса вышли на оперативный простор, в тылы итало-немецких войск. Правый фланг 6-й армии южнее и юго-западнее Новой Калитвы в дальнейшем фактически оставался на месте, а на левом фланге продолжались бои за очищение Кантемировского района и наступление западнее Кантемировки в направлении Новомарковки (у границы с Украиной). Юго-восточнее Кантемировки части 1-й гв. армии очищали от противника территорию Писаревского и Радченского районов на крайнем юге Воронежской области.

6-я армия разгромила 3 дивизии противника (2 итальянских и 1 немецкую). По неполным данным (М.И. Казакова), уже на первом этапе операции «Малый Сатурн» при прорыве обороны противника было убито несколько тысяч солдат и офицеров врага, захвачено 2,5 тысячи пленных (в основном итальянцев) и значительные трофеи (до 300 орудий и минометов, сотни пулеметов и т.д.).

С 16 по 24 декабря 1942 г. количество пленных увеличилось до 5 тысяч (из них 15% немцев и 85% итальянцев).

Всего же за две недели операции «Малый Сатурн» войска Воронежского и Юго-Западного фронтов разгромили на Среднем Дону 11 дивизий и 3 бригады противника (основные силы 8-й итальянской армии, остатки 3-й румынской армии и части немецко-румынской оперативной группы «Холлидт») и освободили территорию площадью 31 тысяча кв. км, включая 1246 населенных пунктов, продвинулись на

150-200 км и вышли в тыл группы армий «Дон», вынудив ее отказаться от попыток деблокады окруженной сталинградской группировки Паулюса. Войска ГА «Дон» и ГА «Б» потеряли 120 тысяч солдат и офицеров, включая 60 тысяч пленных, около 2200 орудий и минометов, более 700 самолетов и до 350 танков. 8-я итальянская армия потеряла две трети своего личного состава. Части Воронежского, а затем и Юго-Западного фронтов с занятием Кантемировки перехватили важнейшую железнодорожную магистраль Воронеж–Ростов.

Большая победа «Малого Сатурна» была достигнута ценой героических усилий и немалых потерь советских войск (свыше 95 тысяч человек, из них более 20 тысяч убитыми, свыше 600 орудий и минометов, более 900 танков и до 120 самолетов).

Разгром итальянских и румынских союзников Германии на Среднем Дону нанес серьезный удар по всему фашистскому блоку агрессоров. Противник вынужден был спешно отвести основные силы группы армий «А» с Северного Кавказа и оставить окруженную группировку Паулюса на пленение и уничтожение в «котле» под Сталинградом. Были созданы выгодные условия для развития сталинградского коренного перелома на Воронежском и Ворошиловградском направлениях.

В результате «Сталинграда на Среднем Дону» Воронежский фронт получил возможность организовать немцам и их венгерским и итальянским сателлитам новый «Сталинград на Верхнем Дону» в январе 1943 года. Уже в результате боевой разведки 12–15 декабря Верхнемамонский район был фактически освобожден от частичной оккупации (задонских сел и деревень). А всего в итоге операции «Малый Сатурн» было освобождено свыше 200 населенных пунктов и основная территория 5 южных районов Воронежской области. Тем самым было начато массовое изгнание захватчиков из оккупированной западной части Воронежского края, положено блестящее начало разгрому немецко-фашистских оккупантов на Воронежской земле.

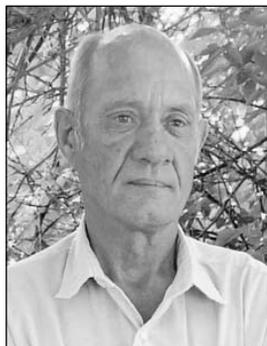
Главными причинами победы на Среднем Дону стали улучшение военного искусства советского командования, перелом в работе и большая помощь фронту тыла, самоотверженность, патриотизм и массовый героизм, рост боевого мастерства советских войск, в том числе воинов Воронежского фронта.

Свою роль в успехе операции сыграли 2-я и 17-я воздушная армии Воронежского и Юго-Западного фронтов, выполнившие свыше 4 тысяч боевых вылетов, большей частью на поддержку наступления наземных войск.

Значительный вклад в обеспечение этой важной победы внесли воронежские труженники тыла, особенно железнодорожники, обеспечившие доставку к линии фронта большого количества войск и военных грузов.

В 1943 году 17-й танковый корпус получил почетное наименование Кантемировский и гвардейское звание (4-й гв. Ктк). В наши дни районный центр Верхний Мамон получил почетное звание «Населенный пункт воинской доблести Воронежской области». На местах боев и плацдармов установлены мемориальные доски и памятники.





Николай Иванович Машкин (1949–2008). Родился в селе Нижний Мамон Верхнемамонского района Воронежской области. Служил в Советской армии, работал в родном селе газосварщиком, ремонтником в механизированной мастерской. С юных лет увлекался поэзией. Публиковался в региональных изданиях. Автор поэтических сборников «Люблю от души», «Обо всем понемногу».

Николай Машкин

НА ПУТИ ВЕЛИКОМ

* * *

Я стою один у обелиска.
Зеленеют в свете дерева.
Надо мною наклонилась низко
Ивушка плакучая, вдова.

Опустила ветвенные руки
И, листвою росною шепча,
В неподдельной человеческой муке
Моего коснулась плеча.

Будто мама где-то в раннем детстве.
А сейчас проснувшись, как во сне,
С этой ивой в родственном соседстве
Грусть свою высказывает мне.

Фонари отбрасывают тени,
Светлым ликом выплыла луна.
Я встаю невольно на колени.
Снизу вверх читаю имена.

Души их мгновением из жизни,
Не закончив радость бытия,
Уходили, чтобы на Отчизне
Жили бы такие вот, как я.

ПИСЬМО ИЗ ДАВНОСТИ

Придет весна,
Полна тепла и света.
Растает снег,
И журавли, крича,

Потянут с юга
Над проселком где-то
Под перезвон
Веселого ручья.

И я вернусь,
Отвоевав как надо,
Берлин падет,
И ты в победу верь.
Наступит мир,
И я в него из ада
Шагну к тебе
В распахнутую дверь.

Все будет так.
Пророчества не редки.
Исход решен,
И все же тут пока
Мои друзья
Из полковой разведки
Уходят в ночь
На поиск языка.

В чужом лесу
У безымянной речки,
Дрожит накатом
Вырытый блиндаж.
Шуршит песок,
Чадит огарок свечки,
Спешит за мыслью
Синий карандаш.

Который час
Уже без передышки
Идет обстрел,
И снова будет кровь.
Играют светом
Огненные вспышки,
Но выше смерти
Мне твоя любовь.

Она со мной
Присутствовала рядом
И не мирилась
С накатившим злом.
В заснеженных степях
Под Сталинградом,
В окопах грела
Верой и теплом.

И поднималась
Первая в атаке,

И падала
Подкошенной травой,
Была в огне,
Была в дыму и мраке,
И оставалась
Все-таки живой.

В моих руках
Истлевшая бумага.
В письме почти
Не разобрать слова.
А на пути
От Волги до Рейхстага
Лежит в земле
Погибшая братва.
Стареет все
В какой-то обезличке,
Пространство лет
Не вернуть назад.
И скоро, скоро
В ихней переключке
Не отзовется
Ни один солдат.
Россия-мать
Всем дорога и свята,
А тем, кто, выжив,
Уцелел в войне,
Она и май,
И Дня Победы дата,
Дороже всех,
Наверное, вдвойне.

КРЕЩЕНИЕ

Равнина белая, куда вокруг ни глянь.
Январь. Зима. Крещение Господне.
Парит водой донская иордань
С намерзшими ступенями у сходней.

Сегодня из деревни крестный ход,
С утра мороз опять, скажу, неслабый.
Скользит накатом непрозрачный лед,
В одной толпе и мужики, и бабы.

Священник с позолоченным крестом,
Торжественны сияющие лица.
И неумело сложенным перстом
Стараюсь, как и все, перекреститься.

Бездонною мне кажется купель,
Под солнцем снег летит в холодной пляске.

Поземкою вихрящая метель
Забралась в глубь распахнутой «аляски».

Руками поднимаю воротник,
Куда-то блеск сошел с меня лощеный.
Уже резон купаться невелик,
Да и с рожденья я давно крещеный.

Сугробятся хатенки у села,
От луга скрыты в частокольном бредне.
Церковные звонят колокола,
Зовут поторопиться всех к обедне.

* * *

Любимая... Не надо лишних слов,
Они тают в памяти, как льдинки.
Без них я показать тебе готов
Прекрасную поэзию глубинки.

Блестят озер живые зеркала.
Уселось солнце на вершины сосен.
Ты слышишь, как звонит в колокола
Щемящей грустью золотая осень?

Прими душою сказочную явь,
Не нужно восклицания и точек.
Ее в себе мгновением оставь,
Без всяких рифм и выдуманных строчек.

Упала синь на серые поля.
Плетет сентябрь из паутины сети.
Мы помолчим, как эти тополя,
Задумавшись в сиреновом рассвете.

Листвы у ног раскинулась вуаль,
Печальный лес окутала прохлада,
Но лета убежавшего не жаль,
Возврата одиночества не надо.

Гляжу в черты любимого лица.
Волос руками трогаю седины.
И так хочу, чтоб наши без конца
Сливались губы нежно воедино.

А в небе пролетают журавли,
Свою нам боль высказывая криком.
Машу рукой им с матушки-земли,
Благословляя на пути великом.



АТАКА НЕ ЗАХЛЕБНУЛАСЬ

(Верхнемамонцы свято чтут подвиг Василия Прокатова)

Прокатов Василий Николаевич (1923–1942), Герой Советского Союза, родился в деревне Кузовлево Харовского района Вологодской области. Комсомолец. Сержант, командир отделения первого батальона 1180-го с.п., 350-й стрелковой дивизии. Во время проведения операции «Малый Сатурн» в декабре 1942 года в бою за село Дерезовка Верхнемамонского района Воронежской области проявил мужество и героизм, закрыв своим телом амбразуру вражеского дзота, за что ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Не воссоздать в деталях те драматические моменты 16 декабря 1942 года, но общая картина в результате краеведческих поисков все-таки проявилась. 1180-й стрелковый полк получил приказ наступать на Дерезовку, представляющую собой сильно укрепленный участок вражеской обороны: крутые склоны правобережья Дона буквально оштетинились дотами и дзотами. Вроде бы насовсем умолкшие в час артиллерийской подготовки, они вдруг ожили, когда первые цепи атакующих выбежали на донской лед.

Наши артиллеристы прямой наводкой из орудий попытались подавить пулеметные гнезда противника, облегчить путь пехоте. Отчасти это помогло — в ряде мест красноармейцам по приставным деревянным лестницам, по веревкам с крючьями-«кошками» удалось взобраться на обледелое меловое крутосклонье, сойтись с врагом в рукопашной схватке.

Фашисты сопротивлялись отчаянно, на то их настраивало командование. Даже не просто настраивало — после прорыва у вражеских орудий увидели прикованных цепями смертников.

В ходе боя особенно важно было овладеть всхолмьем западнее села, откуда хорошо просматривались и простреливались пути-дороги фашистов из тыла к передней линии фронта. Здесь шел очень тяжелый для наших подразделений бой. Продвижение батальона, одним из отделений которого командовал сержант Василий Прокатов, остановил шквальный пулеметный огонь вражеского дзота. Отделение залегло у изножья горы, невозможно было поднять головы.

Атака срывалась. И тогда Василий Прокатов, рискуя жизнью, ползком стал подбираться поближе к дзоту. Попав в мертвую зону обстрела, взобрался по скользкому и отвесному склону. Он выпустил по амбразуре весь боекомплект, но пулемет не замолчал.

Что мог сделать командир отделения? Вернуться к своим, взять патроны и гранаты и вновь вступить в поединок. Но пулемет продолжал бить по боевым товарищам Прокатова.

Атакующие, застывшие на искромсанном пулями донском льду, видели, как сержант метнулся к амбразуре дота, накрыв ее своим телом. И все услышали тишину. И может, еще билось сердце героя, когда это внезапное безмолвие взорвало неудержимое русское «Ура!». Шеренги наших бойцов снова поднялись в атаку, и уже ничто не могло остановить их.

17 декабря 1942 года Дерезовка была освобождена от врага. А 31 марта 1943 года Василию Прокопову Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза.

ГДЕ ГЕРОЙ СОВЕРШИЛ СВОЙ ПОДВИГ

На памятнике Василию Прокопову в селе Дерезовка, который установили на предполагаемом месте его гибели, написано, что он совершил подвиг 16 декабря 1942 года. Однако в разных источниках и документах по этому факту наблюдается разброс дат, начиная от 12 до 16 декабря. Указывая место подвига, одни говорили, что герой закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота на северо-западе, другие — на юго-востоке села Дерезовка. Точно сказать о том, где же это произошло, долго не представлялось возможным. А любой факт нашей истории должен быть подтвержден документами и письменными доказательствами. В остальных случаях это всего лишь предположение. Благодаря стараниям верхнемамонского историка-краеведа Дмитрия Шеншина, были найдены основополагающие документы. Среди них топографическая карта нашей местности 1942 года, где указаны высоты, схемы оборонительных сооружений и копии боевых приказов и донесений, которые опубликованы в книге Дмитрия Федоровича Шеншина «Серебряная подкова». На основании этого с привязкой к местности мы можем предположить, где и когда совершил свой подвиг Василий Прокопов. Он был сержантом первого батальона 1180-го полка 350-й стрелковой дивизии. Анализируя и изучая эти документы, мы приходим к выводу, что первый батальон 12 декабря 1942 года в 6.45 вышел на правый берег реки Дон в районе села Дерезовка. Встреченный сильным пулеметным огнем и гранатами, он был остановлен и отеснен на левый берег Дона. К утру 13.12.1942 г. группе из 50 человек удалось закрепиться на правом берегу Дона, на гребне высоты в направлении на церковь. Согласно документам, первый батальон принимал участие в наступательных боях утром 12 декабря или в ночь с 12 на 13 декабря. А 14.12.1942 г. он находился в захваченных траншеях и оборонялся. В боевом приказе командира 350-й с.д. от 15.12.1942 г. говорится, что 1180-й полк находится в резерве до полного освобождения Дерезовки и остается на гребне правого берега реки Дон. Соответственно, свой подвиг Василий Прокопов совершил предположительно в ночь с 12 на 13 декабря, так как 1180-й полк больше в наступательных боях до полного освобождения Дерезовки участия не принимал.

Из книги Дмитрия Шеншина «Серебряная подкова». Глава «Боевые документы «Малого Сатурна», стр. 319. (Дано в орфографии документа):

«350 СРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ

Документ № 1.

Секретно. Серия «Г».

Начальнику штаба 15 стрелкового корпуса.

Боевое донесение № 13. Штадив-350. 1,5 км севернее озера Боброво. 14.12.42. 16 ч. 00 м.

1. Противник, переходя в контратаки, упорно удерживает Дерезовку и высоту с двумя курганами +08, +05.

2. 1 батальон 1180 сп, усиленный ротой сапер 474 отдельного саперного батальона, двумя батареями 120-мм минометов, при поддержке двух дивизионов артиллерии 917 артполка, двух дивизионов артиллерии дальнего действия, в 6.45 12 декабря 42 г. с

задачей силовой разведки вышел на правый берег реки Дон в районе Дерезовка. Встреченный сильным пулеметным огнем и гранатами, он был остановлен и оттеснен на левый берег Дона. В ночь с 12 на 13 декабря 42 года в действие были введены два батальона 1180 сп.

3 батальон 1180 сп имеет задачу обойти Дерезовку с запада, овладеть безымянной высотой с двумя курганами +08, +05, в дальнейшем обхвате с севера и запада овладеть западной частью Дерезовки.

1 батальон 1180 сп наступает на Дерезовку с задачей ворваться в район церкви. Выйти на большак Дерезовка-Оробинский. Взять высоту 162,3 и закрепиться на ней.

2 батальон 1180 сп содействует успеху 3 батальона 1180 сп.

К утру 13.12.42 г. 3 батальону с большими потерями удалось выйти на опушку леса в 1 км с-в курганов +08, +05.

Группе из 50 человек 1 батальона, несмотря на сильное огневое сопротивление противника, удалось закрепиться на правом берегу Дона на гребне высоты и в направлении на церковь...»

А теперь о месте, где В.Н. Прокатов совершил свой подвиг.

Зная направление наступления первого батальона и схему оборонительных сооружений противника от 8 декабря 1942 года, мы можем сделать предположение, что это ложбина, ограниченная улицей Шолохова и переулком Московский. Ширина этой ложбины приблизительно 500 метров, на левом и правом флангах этой ложбины располагались два вражеских дзота. Вероятнее всего, В.Н. Прокатов закрыл амбразуру одного из этих дзотов. Более точно установить место гибели героя пока не представляется возможным, так как нет соответствующих документов.

«ПРОСТИ МЕНЯ, МАМА»

В 1958 году новокалитвянские школьники вместе со своим учителем истории И.И. Ткаченко поместили в газете «Советская Россия» письмо о поисках неизвестных героев Великой Отечественной. В нем шел обстоятельный рассказ о подвиге Василия Прокатова. Какой же неописуемой была их радость, когда они получили письмо из Вологодской области от Хионии Мамоновны Прокатовой, матери героя, которая сама долгие годы не знала, где сложил голову ее Вася:

«На фронт мой Вася ушел добровольцем в августе сорок первого года, ему тогда в десятый класс идти. Сперва воевал где-то поблизости, на Севере, откуда известил, что его наградили орденом Красного Знамени. Потом был тяжело ранен, семь месяцев пролежал в госпитале в Краснодаре.

А в начале декабря 1942 года пришла от него коротенькая весточка с Дона. И больше мы о нем ничего не знали — ни как погиб Василий, ни где эта Дерезовка, пока не принесли мне газету «Советская Россия» с вашей заметкой...»

С тех пор Харовск и Дерезовку объединила память о Василии Прокатове, а богатейшие материалы, собранные красными следопытами, открыли судьбу вологодского паренька, который, в 19 лет попав на Дон, уже был обстрелянным опытным воином, спортсменом-лыжником, удостоенным боевых наград и представленным к званию сержанта.

Еще учась в средней школе Харовска, Вася завоевал право носить значки Осоавиахима, «Ворошиловского стрелка». Очень смелый, порой даже горячий, он сознательно готовил себя к воинской службе. И когда был призван в армию, писал из Череповецкого пехотного училища отцу, Николаю Васильевичу: «Папа, скоро придется воевать. Пусть мать простит меня, не скучает, а гордится, что ее сын идет защищать Родину...»

А детей у Прокатовых-старших было шестеро, за всех болела душа у матери, но

особенно за него, отчаянного. Он был рыжим и веснушчатым, очень его это смущало, и всякий называвший его «Рыжиком» получал сдачу. Себя никому в обиду не давал, честь для него была превыше всего. Когда в одном из боев на Ленинградском фронте фашисты попытались вынудить отделение Василия отступить, тот, улучив момент, вырвался вперед и забросал огневую точку гранатами.

Прекрасную возможность ознакомиться с жизнью Героя Советского Союза Василия Прокатова, давно уже ставшего «своим», дерезовцам предоставил Всероссийский военно-патриотический центр «Вымпел». Его сотрудники создали глубоко трогаящий душу каждого фильм «Прости меня, мама» (режиссер Елена Пичугина, киностудия «Река Лена»). Они побывали в Москве и Санкт-Петербурге, а также в Новой Калитве, Вологде, Харовске. Фильм распространен на DVD-дисках, и его посмотрели уже не только дерезовцы.



Василий Прокатов. 1942 г.

ДЕРЕЗОВКА — ХАРОВСК

Сближение этих двух географически удаленных населенных пунктов, породненных именем Василия Прокатова, особенно тесным стало за последние годы. Тому в немалой степени поспособствовал опять же военно-патриотический центр «Вымпел».

На Мамаевом кургане героям Сталинградской битвы положены символические надгробные плиты. На одной из них золотом вырублено: «Герой Советского Союза Василий Прокатов». Бои на Среднем Дону, как известно, были составной частью этого победного сражения.

В 2008 году в Верхнемамонском районе работал историко-краеведческий лагерь «Честь имею!» Дружба дерезовцев и харовчан окрепла, они неоднократно бывали друг у друга в гостях — и на День села, и на годовщину освобождения Дерезовки от оккупантов.

Общественная организация «Вымпел-Гарант» поощряет премиями имени Василия Прокатова отличников Дерезовской общеобразовательной школы.

В Дерезовке много сделано для увековечения памяти Прокатова. В его честь в селе названы улица и парк, имя героя носит местная школа. Ежегодно проводятся спортивные соревнования — районный Кубок памяти Героя. Василию Прокатову присвоено (посмертно) звание Почетного жителя села Дерезовка. Каждый год 16 декабря проводится митинг, и односельчане по традиции приходят к памятнику Прокатова, чтобы возложить цветы.

Николай КОЛЯДИН,
сотрудник ППЦ «Вымпел»

ГЕРОЙ ВЕДЕТ ЗА СОБОЙ

Вспоминает И.В. Мещеряков, ветеран труда:

— Дерезовская молодежь в 60-х годах прошлого века была активной и в работе, и в общественной жизни. И самое главное, нас тогда было много, и, казалось, любое дело по плечу. Вот почему, когда мы узнали о подвиге Василия Прокатова, то в моло-

дежной среде тут же зародилась идея увековечить его память. Уголок боевой славы в средней школе и пионерская дружина его имени, улица — это хорошо, но нужно было что-то монументальное, такое, чтобы, как говорится, не вычеркнуть из памяти.

Вот и решили мы заложить в честь героя парк с белоствольными русскими березами и поставить памятник, настоящий, с бюстом, изготовление которого в те годы было большой сложностью.

Тем не менее, все у нас получилось. Мы проводили субботники, собирали средства на оплату работы скульптора.

Открытие бюста Василия Прокатова было торжественным, при огромном стечении народа. И сегодня это место — священное для дерезовцев. Здесь возлагают цветы новобранцы, проводятся различные военно-патриотические акции, отсюда провожают призывников на военную службу. Было в свое время и поле Прокатова, работать на котором доверялось самым достойным хлеборобам.

Подвиг героя до сих пор зажигает сердца молодых. И нас, ветеранов, это поддерживает тоже.

Публикация Эмиля АБРОСИМОВА

*(По материалам председателя совета ветеранов
Дерезовского сельского поселения Владимира Бледных)*



Николай Иванович Черных родился в 1937 году в селе Дерезовка Верхнемамонского района Воронежской области. После окончания сельхозтехникума работал агрономом, управляющим отделения совхоза, старшим агрономом-семеноводом районного управления сельского хозяйства в Краснодарском крае. Публиковался в региональных изданиях. Живет в селе Дерезовка Верхнемамонского района.

Николай Черных

АЛАЯ ЗАРЯ

ОТСЮДА НАЧИНАЛСЯ СТАЛИНГРАД

У ног села седых холмов гряды
И Дона поворот крутой дугою...
Здесь стон земли мне слышится всегда,
Родной земли, израненной войною.

Здесь век двадцатый черной краской дат
Победы начинал писать картину...
Отсюда начинался Сталинград,
Отсюда начинался путь к Берлину.

Ушли в историю сраженья на Дону
И тех бойцов геройские поступки,
Сумевших отстоять свою страну
В невиданной кровавой мясорубке.

Победою закончилась война,
Оплакала страна сынов убитых...
Безвинных жертв святые имена
Давно увековечены на плитах.

Их память поколений сохранит,
Пока на белом свете жизнь поднимется...
Безмолвно смотрит на живых гранит
И праху павших просит поклониться.

Несется новый век на всех парах,
Ошибки прошлого старается исправить...
Не блекнет серебро на орденах
И в душах наших не тускнеет память.

В ПРЕДДВЕРИИ ЗИМЫ

С утра сегодня захотелось
Пройтись по лесу не спеша,
Чтобы спокойно нагляделась
На наготу его душа.

Брожу без дела, в кои веки,
И, настроению под стать,
Деревья по бокам просеки
Неслышно селятся дышать.

В ковре подножном, листопадном
Все краски года на кону...
Округа трепетно и жадно
Глодает грудью тишину.

Тоска и грусть, как на погосте,
Брожу, не убыстряя ход...
Как накрахмаленная простынь,
На лужицах белеет лед.

Промчалось лето. Боже правый!
Когда придет теперь тепло?
Давлю подошвами на травах
Сосулек ломкое стекло.

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

По небесной плоти
Алою зарей
В бреющем полете
Вечность над землей.

Ночь уже раскрыла
Над округой зонт,
Красный шар светила
Сполз за горизонт.

Теплый летний вечер
Медленно потух,
Сел земле на плечи
Неба полукруг.

Вылиняли тени
Парковых берез,
Месяц на коленях
По небу пополз.

Млечный Путь степенно
Лег через зенит...
Из глубин Вселенной
Благодать сквозит.



Игорь Василевский

ПОЛКОВОДЕЦ

(Рассказ о моем отце, маршале Советского Союза
Александре Михайловиче Василевском)

СЫН РАССКАЗЫВАЕТ ОБ ОТЦЕ

Этот материал появился, можно сказать, волею случая. В одну из поездок в Верхний Мамон с депутатом Государственной Думы шести созывов Русланом Георгиевичем Гостевым останавливаемся возле храма:

— К бабушке зайти надо... — Достает из багажника икону: — В строительстве этого храма принимал участие мой дед. Церковь святителя Митрофана Воронежского... Храмовая икона утрачена. По моей просьбе образ святого написал иконописец из Борисоглебска протоиерей Стефан Домусчи...

Узнаю еще об одном любопытном факте: на колокольне церкви во время войны был наблюдательный пункт, велась корректировка огня по противнику. Маршал Василевский с той колокольни оценивал позиции противостоящих сторон...

Действительно, под руководством Александра Михайловича Василевского в годы Великой Отечественной войны на Верхнемамонской земле готовилась и проводилась операция «Малый Сатурн». И в послевоенный период жизнь славного полководца была связана с этим благословенным краем. В 1946, 1950, 1954 годах верхнемамонцы избирали А.М. Василевского своим депутатом в Верховный Совет...

В тот же день мы с Русланом Георгиевичем созвонились с его другом — сыном маршала Василевского. Так у меня состоялось заочное знакомство с Игорем Александровичем, выдающимся архитектором, автором ряда проектов, получивших высокую оценку во многих странах мира.

А в итоге редакция «Подъёма» для номера, который вы держите в руках, получила, что называется, из первых рук, воспоминания сына о легендарном его отце.

Эдуард ЕФРЕМОВ,
журналист

Александр Василевский — легендарный полководец Великой Отечественной войны, а для меня, прежде всего, мой любимый отец. Первые теплые чувства связаны с детскими воспоминаниями о редких воскресных встречах в дни, когда отец не был поглощен работой. Общение с ним всегда сопровождалось долгожданной радостью.

Кто наделил моего отца высокими человеческими качествами, я узнал несколько позже, познакомившись со своим дедом Михаилом, приезжавшим погостить к сыну. Несмотря на свой преклонный возраст, дед остался в моей памяти общительным, добросердечным и веселым человеком, что можно сказать и про отца, хлебосолюство которого постоянно собирало вокруг него родных и близких. В молодости дед обладал хорошим голосом, пел в хоре Костромского собора, затем стал регентом, а позднее — священником в селе Новопокровское. В семье росло восемь детей, и все они не только учились, но и трудились в огороде и поле. Отец вспоминал, что мама, Надежда Ивановна Василевская, часто напутствовала детей: «Помните доброе, им живите. Доброе душу поднимает». Это трудовое детство в большой дружной семье, близость к церкви, ежедневная причастность к ее миру неизгладимо воздействовали на формирование моего отца и на всю его последующую жизнь.

Духовная семинария, где отец продолжил образование, определила для него эталон высокой нравственности, он предполагал в будущем стать педагогом — диплом давал ему такое право. Объявление Германией войны России в 1914 году изменило все его планы. Движимый патриотическим чувством, он заканчивает экстерном семинарию, поступает в Московское Алексеевское пехотное училище и по окончании его добровольцем уходит на фронт.

Я обратил внимание на одно характерное обстоятельство в жизни отца: судьбе было угодно, чтобы Александр Василевский посвятил себя защите Отечества и просветительству. Именно эта миссия — защита Отечества и просветительство — избранная им в юности, до последних дней оставалась делом его жизни. В армии им были пройдены все ступени — от первой начальной до самой высокой, выпавшей на период тяжелейшей войны. В последующие после окончания войны годы судьба вернула его к неосуществленной мечте юности — просветительству. Он собственноручно написал книгу «Дело всей жизни», где скрупулезно изложил, давая подробный разбор сражений, весь ход Второй мировой войны, а также события своей жизни, пережитые им заново. Я никогда не видел отца не поглощенным работой! Он работал всегда, даже когда бывал не совсем здоров. Каждое утро он входил в свой кабинет, садился за стол, на котором стоял портрет мамы, и продолжал прерванную вечером работу. Так ежедневно, по велению сердца он разбирал и фиксировал для истории стратегические партии минувшей войны. Рукопись книги написана его четким, красивым, каллиграфическим почерком, тем самым, каким он писал ежедневно фронтовые донесения в ставку Верховному Главнокомандующему.

Книга «Дело всей жизни» еще при жизни отца стала классикой военной мемуаристики. Изданная во многих странах, она вызвала широкий интерес, поток писем читателей, отклик военных историков. Однако отец и после издания продолжал ее совершенствовать. Третье издание он, увы, не увидел, но книга «Дело всей жизни» вышла с внесенными им необходимыми дополнениями.

Работал отец за вместительным массивным столом, стоящим у широкого окна — эркера. Из окна открывался вид на поляну, — заснеженную зимой, а летом покрытую травой и полевыми цветами. Вдоль стен кабинета размещались книжные шкафы из темного ореха с тщательно подобранными книгами по истории войн, военному искусству, мемуарами полководцев и военачальников с дар-



Маршал Советского Союза А.М. Василевский. Май 1944 г.

ственными надписями. В библиотеке отца находилась также художественная литература, книги по искусству, истории России, книги, посвященные родным местам его детства и юности, — ими он особенно дорожил. Воспоминания часто возвращали его туда, где он когда-то жил с отцом и матерью. После войны его мечта, наконец, сбылась — вместе с семьей он отправился на теплоходе по Волге в край своего детства. Просить разрешение на это путешествие пришлось у главы государства.

Мемуарная работа отца сопровождалась обширной перепиской, одинаково уважительной и внимательной к любому собеседнику: от писателя, крупного военачальника до ученицы, собирающей реликвии войны для школьного музея боевой славы. Александр Михайлович часто проявлял безграничную щедрость и отправлял в сельские музеи личные вещи, связанные с историей войны, в то время как на них претендовали крупнейшие музеи.

Большая ответственность, добросовестность, обязательность, требовательность отличали его всегда и во всем — он не делил проблемы на важные и несущественные.

После войны отец постоянно получал сотни писем, которые шли к нему со всей страны. Он внимательно читал их, и не только отвечал, но и решал проблемы обратившихся к нему людей, благодаря уважению, которым пользовался, и присутствию ему аналитизму мышления, — его ходатайства были так обоснованы, что ему невозможно было отказать. Он помогал найти работу, получить квартиру, достать редкие лекарства и во многом, многом другом...

Иногда в семейном кругу отец зачитывал неопубликованную часть мемуаров, написанных с надеждой, что когда-нибудь они увидят свет. Горько вспоминать, что после смерти отца этих неопубликованных материалов, как и законченной им рукописи книги «Патриотизм советской молодежи в Великой Отечественной войне» в его кабинете не оказалось. Последняя большая работа маршала о патриотиз-

ме была предпослана им молодежи, чье будущее его глубоко тревожило. Существует слабая надежда, что все эти материалы когда-нибудь возникнут из тайных источников.

В военные годы дома никогда не обсуждались служебные вопросы: «стены слушали», да у отца на разговоры и времени не было. Работа в ставке заканчивалась глубокой ночью, а точнее — с рассветом. Несколько часов сна — и утром снова напряженная работа, и так изо дня в день.

Хочется вспомнить эпизод времен начала войны, дающий представление об атмосфере и особенности условий работы. Как-то под утро отцу позвонил начальник Западного фронта генерал Соколовский: «Срочно нужны подкрепления, не удержимся!» Генеральный штаб находился в те дни в эвакуации, генерал-майор Василевский являлся начальником Оперативного управления Генштаба при Ставке. Поскребышев не решился разбудить Сталина, поскольку тот не спал несколько ночей и только что заснул. А положение создалось критической. И тогда отец позвонил Светлане, дочери Сталина: «Нужно безотлагательно согласовать решение. От него зависят судьбы тысяч людей. Очень прошу — разбуди отца!» Через несколько минут Верховный позвонил в Генштаб и вопрос был решен.

Время, когда отец занимал должность начальника Генерального штаба, а затем министра обороны СССР, совпало с моим детством и юностью. Наша семья жила на улице Грановского, в доме 3. Надо сказать, что атмосфера, которая царила в окружении семьи, была весьма необычной. Вездесущие глаза и уши вынудили нас к обыкновению не высказывать мысли вслух. Система вмешивалась, регулировала и даже прекращала общение с друзьями.

Когда мы с отцом бывали где-нибудь вместе, это оставляло во мне яркий след. В феврале 1943 года отец, будучи в Москве, взял меня в Кремль на вручение ему ордена Суворова I степени. Фотография запечатлела на память это событие: Председатель Верховного Совета СССР М.И. Калинин и А.М. Василевский с восьмилетним сыном.

Иногда я с мамой и папой отправлялся в театр. Однажды в конце войны во МХАТе мы смотрели спектакль «Синяя птица». Во время спектакля в ложу, где мы сидели, вошел с сопровождающими И.В. Сталин. Столь волнующая по своей неожиданности встреча затмила спектакль. В антракте Сталин заговорил со мной, интересуясь, где и как я учусь.

В 1943 году я поступил учиться в московскую школу №110. Без преувеличения скажу, что повторно начала учиться со мной моя мама, окончившая в 1917 году Астраханскую гимназию. Она-то и была моей первой учительницей и наставницей. Поскольку отец забирал нас с собой на фронт, я учился в начальных классах в основном не в школе, а в походных фронтовых условиях. Порученец в Москве по заданию отца ежедневно в конце занятий в школе узнавал, что задано и по специальной телефонной связи — ВЧ — передавал уроки на фронт. При таком контроле неукоснительное выполнение всех заданий впоследствии стало привычкой, и летом 1953 года к серебряному диплому мамы прибавился мой золотой аттестат зрелости.

Однажды в середине войны в загородном доме в Волынском, который находился рядом с «ближней» дачей Сталина, отец позвал меня и, когда мы остались наедине, признался, что не знает, что с ним будет завтра. Отец был очень сдержан, но я понял, что он со мной прощался. Угроза, которая висела над ним, исходила не от военных действий на фронте, а от Берии и подвластного ему НКВД.

На протяжении многих лет Василевский работал с чудовищной моральной и физической перегрузкой. Очевидцы из Генерального штаба вспоминают, что бывали моменты, когда маршал в результате бессонных ночей на секунду отключался над картой.

Как он выдерживал это постоянное напряжение, как он вынес то, что суммарно легло на его плечи? Я думаю, ответ в следующем. В свое время он научил меня играть в шахматы. Когда мне однажды удалось его обыграть, он сказал: «Жаль, что ты не можешь сыграть со мной на военных картах». В этом признании заключалось, с одной стороны, сожаление о том, что военный талант и дар нельзя передать сыну, а, с другой — он раскрывался сам. Это была его стихия, увлеченность, призвание, а точнее дар Божий, озарявший решения сложнейших военных операций и задач. Примечательно, что на этой стезе Александр Василевский не потерпел ни одного поражения, не проиграл ни одного сражения!

15 мая 1941 года, всего за 37 дней до начала Великой Отечественной войны, заместителем начальника Оперативного управления Генерального штаба А.М. Василевским был разработан и написан собственноручно документ, получивший название «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками».

Его должны были подписать народный комиссар обороны маршал Советского Союза С.К. Тимошенко и начальник Генерального штаба генерал армии Г.К. Жуков.

Хотя подписи под документом отсутствуют (он в целях секретности был написан в единственном экземпляре), многие историки полагают, что этот документ стал руководством к действию. В конце его сказано, что при «ударе противника» следует «прикрыть сосредоточение, развертывание наших войск и подготовку их к переходу в наступление».

Теперь иные публицисты извращают смысл этого документа, используют его для утверждения, будто бы Советский Союз готовился первым начать войну против фашистской Германии. Тогда как А.М. Василевский подчеркивал, что мы еще не готовы к войне. Подготовка к отражению фашистской агрессии шла предельно ускоренными темпами. Нападение Германии ожидалось не ранее 1942 года.

Внезапное нападение фашистской Германии в середине 1941 года привело к тому, что, несмотря на ряд существенных контрударов Красной Армии, войска отступали по всем направлениям, и к декабрю линия фронта проходила у стен Ленинграда, Москвы и Ростова-на-Дону.

Но вот что значительно: автор «Соображений...» А.М. Василевский 31 июля 1941 года назначается заместителем начальника Генерального штаба и начальником его Главного оперативного управления.

К осени 1941 года гитлеровская Германия сосредоточила максимум сил и средств на Западном направлении с целью захвата Москвы. Ее военное и политическое руководство понимало, что пока Москва остается вдохновляющим и организующим центром борьбы, война будет продолжаться, а в их планах было завершить войну до наступления зимы. На совещании в штабе группы армии «Центр» Гитлер говорил, что Москва должна быть окружена так, чтобы «ни один русский солдат, ни один житель — будь то мужчина, женщина или ребенок — не мог ее покинуть. Всякую попытку подавлять силой».

30 сентября началась великая Московская битва — по нашим войскам, прикрывавшим московское направление, были нанесены сильные удары. Главным рубежом обороны для советских войск стала Можайская линия. Государственный Комитет Обороны направил в район Гжатска и Можайска своих представителей — К.Е. Ворошилова и В.М. Молотова, а в качестве представителя Ставки — А.М. Василевского. Одной из основных задач, возложенных на него, была организация обороны на этом рубеже. «Он поддерживал непрерывную связь с И.В. Сталиным и в одном из разговоров внес предложение объединить Западный и Резервный фронты. И.В. Сталин одобрил рекомендацию. Командующим объединенным Западным фронтом был назначен Г.К. Жуков... Роль А.М. Василевского в Мос-



А. М. Василевский (в центре) на наблюдательном пункте. Осень 1942 г.

ковской битве весьма значительна» (И.Х. Баграмян. «Слово о маршале Василевском»).

Гитлеровцы рвались к Москве. Опасность, нависшая над Москвой, неизмеримо возросла, фронт приблизился к городу. Началась эвакуация. В дни Московской битвы мама и я, как и другие семьи работников Генерального штаба, были эвакуированы в восточные районы страны, в город Чебаркуль Челябинской области.

В Москве остались Государственный Комитет Оборона, Ставка Верховного Главнокомандования и минимально необходимый для оперативного руководства страной и Вооруженными Силами правительственный и военный аппарат. 16 октября эвакуировался в район Арзамаса и Генеральный штаб во главе с маршалом Б.М. Шапошниковым. В Москве была создана оперативная группа из девяти человек, возглавить которую было поручено А.М. Василевскому. Несмотря на возражения Василевского, что такое количество офицеров — 8 человек — не может обеспечить необходимый масштаб работы, И.В. Сталин стоял на своем. Позднее Василевский узнал от Поскребышева, что численность группы определена количеством мест в самолете на случай экстренной эвакуации. Самолеты уже стояли на аэродроме в полной боевой готовности. А.М. Василевский вспоминал, что это было время невероятного напряжения сил. Дни сливались с ночами. Жили одной мыслью: отстоять Москву.

Что же входило в обязанности Оперативной группы?

«Прежде всего, — писал А.М. Василевский в книге «Дело всей жизни», — она должна была всесторонне знать и правильно оценивать события на фронте; постоянно и точно, но без лишней мелочности информировать о них Ставку; в связи с изменениями во фронтовой обстановке своевременно и правильно вырабатывать и докладывать Верховному Главнокомандованию свои предложения; в соответствии с принимаемыми Ставкой оперативно-стратегическими решениями быстро и точно разрабатывать планы и директивы; вести строгий и непрерывный контроль за выполнением всех решений Ставки, а также за боеготовностью и боеспособностью войск, формированием и подготовкой резервов, материально-боевым обеспечением войск».

С 20 октября в Москве и прилегающих к ней районах было введено особое положение. К концу октября едиными усилиями армии и труженников тыла удалось остановить наступление врага, превосходящего нас численностью и вооружением.

28 октября 1941 года А.М. Василевскому было присвоено очередное воинское звание «генерал-лейтенант».

Все это время Оперативная группа Генерального штаба работала с предельным напряжением. «Иногда, — вспоминал А.М. Василевский, — возвратившись около четырех часов утра от Сталина, я, чтобы реализовать принятые в Ставке решения, обязан был дать исполнителям или фронтам необходимые указания. Порою это затягивалось далеко за четыре часа (время окончания работы, определенное Сталиным). Приходилось идти на хитрость. Я оставлял у кремлевского телефона за письменным столом адъютанта, старшего лейтенанта А.И. Гриненко. На звонок Сталина он обязан был докладывать, что я до десяти часов отдыхаю. Как правило, в ответ слышалось: «Хорошо».

Командование значительно усилило войска Западного направления вновь сформированными и хорошо вооруженными армиями.

15-18 ноября враг возобновил наступление, однако в начале декабря вынужден был перейти к обороне, при этом понеся большие потери. Этим завершился наиболее трудный период великой битвы.

Идея контрнаступления под Москвой возникла еще в начале ноября. Однако реализовать ее удалось только когда противник исчерпал свои наступательные возможности, а его ударные группировки оказались растянутыми на широком фронте. Замысел контрнаступления на центральном направлении сводился к тому, чтобы ударами войск Западного фронта во взаимодействии с левым крылом Калининского и правым крылом Юго-Западного фронтов разгромить ударные группировки врага, стремившиеся охватить Москву с севера и юга. Ставка заранее довела до командующих Западным и Юго-Западным фронтами общие задачи, потребовала от них конкретных предложений по их реализации. Западный фронт, которым командовал Г.К. Жуков, должен был сыграть в этом сражении главную роль.

В конце ноября в связи с болезнью Б.М. Шапошникова обязанности начальника Генерального штаба были возложены на А.М. Василевского.

1 декабря 1941 года Сталин и Василевский подписали исторический приказ №005292 о нашем контрнаступлении под Москвой.

№ 396

КОМАНДУЮЩЕМУ КАЛИНИНСКОГО ФРОНТА КОМАНДУЮЩЕМУ ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Частые атаки на разных направлениях, предпринятые войсками Калининского фронта 27-29.11, неэффективны. Ставка Верховного Главнокомандования приказала:

1. Калининскому фронту, сосредоточив в течение ближайших двух-трех дней ударную группировку в составе не менее пяти-шести ед., нанести удар с фронта (иск.) Калинин, (иск.) Судимирка в направлении Микулино-Городище и Тургиново. Задача: выходом на тылы клинковой группировки противника содействовать уничтожению последней войсками Западного фронта.

2. Ставка рекомендует включить в состав ударной группировки наиболее боеспособные дивизии (119, 246, 250, 256 сд, отдельную мотобригаду, 54 кд) и большую часть артиллерии РК и все «РС» и танки.

3. Разграничительная линия между Западным и Калининским фронтами с

24.00 1.12.41 устанавливается: Тургиново, Судимирка, Калязин — все пункты для Западного фронта.

5 сд с частями усиления включается в состав Калининского фронта; кроме того, из состава Северо-Западного фронта передается 262 стр. дивизия.

4. Получение подтвердить.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин

А. Василевский

№ 005292

1 декабря 1941 г.

3 ч. 30 м.

4 декабря А.М. Василевский получил указание отправиться в штаб Калининского фронта, которому предстояло первому начать контрнаступление. Начавшееся 5–6 декабря контрнаступление развернулось во всей своей мощи. Неожиданный удар советских войск произвел ошеломляющее впечатление на противника.

Для решения столь масштабной задачи армии нужны были значительные силы: вооружение, боеприпасы, боевая техника. К моменту перехода наших войск к общему наступлению в танках и авиации Красная Армия уже превосходила врага примерно в полтора раза, по пехоте и артиллерии наши силы были равны.

К началу января 1942 года войска Калининского, Западного и правого крыла Юго-Западного фронтов вышли на рубеж Селижарово, Ржев, Волоколамск, Руза, Мосальск, Белев, Мценск, Новосиль, где их контрнаступление и завершилось. Это была первая в Великую Отечественную крупная наступательная операция стратегического значения, в итоге которой ударные группировки врага под Москвой были отброшены к западу на 100, а в ряде мест и до 250 км. Непосредственная угроза Москве была ликвидирована и контрнаступление под Москвой переросло в общее наступление советских войск на Западном направлении.

Отец очень ждал нашего возвращения. Мы вернулись к нему, как только спало напряжение под Москвой.

В Московской битве «непобедимые» немецкие войска впервые утратили ореол непобедимости не только в нашей стране, но и в оккупированных фашистской Германией странах, что способствовало усилению движения Сопротивления.

Эта битва, завершившаяся первой сокрушительной победой над врагом, осуществлялась в полном соответствии с приведенными выше словами из документа «Соображения...» Василевского: «...прикрыть сосредоточение и развертывание наших войск и подготовку их к переходу в наступление».

Подобная выработанная и проверенная стратегия легла в основу замысла произошедшей через год Сталинградской битвы, а еще полгода спустя — Курской, после которой враг уже только отступал до самого Берлина.

Из книги М.А. Гареева «Полководцы победы и их военное наследие» (Академия военных наук): «Удачный и оригинальный замысел Сталинградской битвы, вошедшей в мировую историю, классической операции и ее блестящее осуществление свидетельствовали о выдающихся полководческих способностях Василевского».

В Курской битве, благодаря выдержке и дальновидности ВГК И.В. Сталина, гибкости и незаурядности стратегического мышления Жукова и Василевского, был выработан совершенно новый взгляд на стратегическую оборону... Это было крупным открытием в военном искусстве, не потерявшим свое значение и в современных условиях».

Александр Михайлович Василевский — генерал-майор к началу Отечествен-

ной войны, через две недели после победы под Сталинградом был удостоен звания маршала. В этом высшее признание Василевского как творца той стратегии, смысл которой он кратко изложил в написанных им 15 мая 1941 года «Соображениях...», и которая была развита и осуществлена в решающих контрнаступательных операциях Великой Отечественной войны.

Творческие озарения в решениях сложнейших и ответственных стратегических задач и последующие успехи на фронтах отцу были дороже любых наград. Они-то и давали неисчерпаемые силы, столь необходимые в экстремальных условиях войны.

Другим источником жизненной энергии была любовь к жене, моей маме, со дня их встречи в 1933 году. Любовь оказалась взаимной, она поглощала их чувства, направляла стремления и, как путеводная звезда, освещала жизнь, проведя через многие посланные им испытания. Моя мама, Екатерина Васильевна Василевская, являлась второй женой отца. Свою жизнь она полностью посвятила ему, следуя за ним, куда бы его ни направляли. Отец стремился не расставаться с мамой даже на фронте, если ему позволяли обстоятельства.

Семейные альбомы хранят фотографии времен войны, сделанные водителем отца Борисом Смирновым: я с мамой у отца в сентябре 1943 года в освобождаемом Донбассе (село Матвеевка, Акимовка под Мелитополем); в апреле 1944 года в освобождаемом Крыму в Сарабузе-Болгарском и Гурзуфе; в августе 1944 года в Прибалтике; в марте — апреле 1945 года в штабе 3-го Белорусского фронта в Восточной Пруссии; в мае 1945 года в освобожденной Риге, а в июле 1945 года на Дальнем Востоке в Малаковке, район Читы, у отца в Штабе Главкома войск Дальнего Востока, а после окончания всей операции — в Харбине.

На одной из фотографий запечатлен подорванный на mine автомобиль «Опель-адмирал», на котором маршал ехал в Севастополь на второй день после его освобождения — 10 мая 1944 года. На другой — чудом оставшийся в живых, с перебинтованной головой отец на военном аэродроме в Москве. Мама и я были свидетелями этой беды.

Преданность моих родителей друг другу оставалась безграничной до последних дней их жизни. Когда мама тяжело заболела, встал вопрос о срочной операции, однако врачи развели руками, не рискуя ее сделать. Отец вопреки всем настоял на ней, а затем сам выхаживал маму и этим спас ей жизнь. В 1977 году у отца случился инфаркт. Мама, как всегда, находилась неотлучно рядом с ним днем и ночью, вначале дома, а потом в больнице, в реанимации. Она помогала ему всем, чем только могла, до конца надеясь на чудо.

Мое решение стать архитектором, одобренное отцом, еще с одной стороны раскрывает его собственную творческую личность. Окончив школу с золотой медалью, я имел право выбрать любой вуз. Отец принял в этом активное участие. Объехав со мной ряд институтов, он поддержал меня, когда я остановился на Московском архитектурном институте, где мы присутствовали вместе с отцом на защите диплома.

Выбор профессии оказался счастливым, и я с благодарностью думаю о причастности к нему отца. Архитектурный институт соединил меня с моей женой Розой Тевосян. Позднее его окончила и наша единственная дочь — Аня Василевская. Ее детство прошло у дедушки и бабушки в их загородном доме в Архангельском. Дедушка обожал внучку, любил ее разыгрывать и радостнее всех смеялся сам.

Отец всегда дорожил домашним очагом и в послевоенные годы с душевной широтой стремился сохранить целостность большой семьи, разбросанной по разным городам России. Он поддерживал теплые отношения со всеми родственниками, а племянников, Валерия и Наркиса Евхаритских, Станислава Василевского, любил не меньше, чем родных сыновей. В нашем доме все соединялись за одним



Правнук Андрей у памятника А.М. Василевскому в Калининграде.
Начало 2000-х годов

большим столом во время продолжительных трапез с рассказами о событиях в их жизни, в которых он принимал живейшее участие. Когда отца в последний раз увозили в больницу, он сказал моей жене: «Знай, что ты и Аня для нас самые близкие люди» (он никогда не разделял себя с Екатериной Васильевной). Отец гордился моим старшим сводным братом Юрием, который успешно продолжил его дело и заслуженно удостоен генеральского звания.

Александр Михайлович был скромным и щепетильным человеком, чем хотел воспользоваться во время своего правления Хрущев. Он потребовал от Василевского общественного подтверждения надуманной версии, которая заключалась в том, что во время Второй мировой войны Верховный Главнокомандующий Иосиф Сталин принимал стратегические решения по глобусу. Молчаливый отказ отца не был прощен, и вскоре последовала мелкая и жестокая месть: отцу указали на недопустимость владения собственной дачей. В результате загородный дом, в котором наша семья жила многие годы, построенный полностью на средства семьи, был безвозмездно передан Министерству обороны. История нашей семьи очень напоминает историю Государства Российского, у которого точно так же и в тот же период изъяли Крым вместе с побережьем Черного моря. В нашем загородном доме отец написал книги «Дело всей жизни» и «Патриотизм советской молодежи в Великой Отечественной войне», а также многочисленные статьи в журналы, которые ему постоянно заказывали, поскольку интерес к его объективной и глубокой оценке минувших событий никогда не угасал.

Разрушительное воздействие власти Хрущева распространялось на всю нашу семью. Отец моей жены, Иван Федорович Тевосян, во время войны возглавлял Наркомат черной металлургии, в задачу которого входило бесперебойно обеспечивать металлом нужды фронта. В 1943 году Тевосяну, одному из первых в стране, было присвоено звание Героя Социалистического Труда — «за исключительные заслуги перед государством в области организации производства качествен-

ного и высококачественного металла для всех видов вооружения, танков, авиации и боеприпасов в трудных условиях военного времени». С маршалом Василевским его связывали не только проблемы оборонной промышленности, но и внутренняя близость, возникшая во время поездки в ноябре 1940 года в Берлин в составе правительственной делегации. В 1956 году Тевосян предложил свой аргументированный план реформ в промышленности, идущий вразрез с намерениями Первого секретаря ЦК, что стоило ему жизни.

Хотя последние 20 лет отец не имел руководящей должности в Министерстве обороны, притяжение его личности оставалось огромным. Продолжал звонить телефон, приезжали коллеги, военные историки, редакторы крупных издательств, известные журналисты... Вокруг него никогда не утихала жизнь. Особенно памятно интервью, над которым работал писатель и тележурналист Василий Песков — их встречи сопровождалась исключительно доверительным общением.

В последние годы к Александру Михайловичу часто приезжал писатель Константин Симонов. Они вели долгие беседы вдвоем — война продолжала оставаться для них главной темой. Позднее у Симонова сложился сценарий документального фильма «Маршал А.М. Василевский», и он настойчиво уговаривал Александра Михайловича дать согласие сниматься. Однако маршал отказался: то, что он считал необходимым рассказать о войне, уже было написано им в книге «Дело всей жизни» и многочисленных статьях, а тщеславием он не страдал.

С военачальниками у маршала складывались теплые рабочие отношения. Иногда они трагически обрывались. Так отец глубоко скорбел, когда был убит генерал армии Иван Черняховский, и ввиду его гибели принял на себя командование 3-м Белорусским фронтом. Добрые отношения сохранялись даже в период, когда маршал оказался в опале и в 1957 году был уволен в отставку, что он, как и другой опальный маршал Георгий Константинович Жуков, тяжело переживал. Отец решительно добивался реабилитации военно-морского министра Николая Герасимовича Кузнецова. Их связывало глубокое взаимное уважение. По оценке отца, Кузнецов являлся одной из ярких фигур в Вооруженных Силах, благодаря таланту военачальника, принципиальности и редкому личному обаянию. После смерти Сталина Василевский выступил на съезде партии с ходатайством о полной реабилитации Кузнецова и о возвращении ему звания адмирала флота.

Из воспоминаний маршала Г.К. Жукова: «Нам не раз приходилось выезжать в район боевых действий и участвовать в разработке и проведении таких крупных операций, как Сталинградская, битва на Курской дуге, наступление на правобережной Украине и освобождение Белоруссии. Все, кому приходилось работать с Александром Михайловичем, отмечают его глубокие знания, четкость и яркость мышления. А.М. Василевский не терпел недоработок и догадок на «авось», а всегда требовал от лиц, готовивших операцию, твердых, точных данных и обоснованных прогнозов. С большим удовлетворением всегда вспоминаю нашу дружную работу по организации и проведению операций.

Александр Михайлович не ошибался в оценке оперативно-стратегической обстановки. Поэтому именно его И.В. Сталин посылал на ответственные участки советско-германского фронта в качестве представителя Ставки. В ходе войны во всей полноте развернулся его талант военачальника крупного масштаба и глубокого военного мыслителя. В тех случаях, когда И.В. Сталин не соглашался с мнением Александра Михайловича, Василевский умел с достоинством и вескими аргументами убедить Верховного, что в данной обстановке иного решения, чем предлагает он, принимать не следует».

Александр Михайлович вспоминал, что дружественные отношения с Жуковым сложились у него с первых дней знакомства, и во время Великой Отечественной войны они почти постоянно находились рядом. «Ни одной крупной операции не

проходило, чтобы мы оба не участвовали в разработке и осуществлении ее стратегического плана. Сталин, если первое время в начале войны посылал нашего брата к черту, много брал на себя, явно переоценивая свои силы и военные знания, потом изменил к нам свое отношение и особенно в 1943–1944 годах».

Привожу полностью надпись, которую маршал Жуков сделал на своей книге «Воспоминания и размышления», посылая ее А.М. Василевскому. Эта книга как дорогая реликвия хранится в нашей семейной библиотеке.

«Дорогой Александр Михайлович!

Знаю я Вас около 40 лет. Все эти годы Вы блестяще справлялись с порученной Вам работой. Особенно близко узнал я Вас в годы Великой Отечественной войны, когда Вы провели ряд крупнейших стратегических операций. Родина наша никогда не забудет Ваших заслуг в борьбе со злейшим врагом человечества — немецким фашизмом и по заслугам считает Вас виднейшим полководцем Советской Армии.

Я с удовольствием вспоминаю Ваши умные решения, когда Вы были начальником Генерального штаба, представителем Ставки Верховного Главнокомандования и Главнокомандующим войсками на Дальнем Востоке, где Вы умело, в короткий срок, разгромили Квантунскую армию.

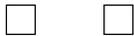
Посылаю Вам свою книгу на добрую память.

Обнимаю по-братски.

16/IV-69 г.

Г. Жуков».

Время — лучший судья человеческим деяниям. На протяжении жизни отец убежденно следовал романтическим революционным идеалам. Истинный русский интеллигент, широко образованный, тактичный и скромный, он прошел Великую Отечественную войну как стратег и полководец Советской Армии и, являясь ярким представителем своего времени, достойно продолжил когорту славных военачальников России.





Николай Сергеевич Колтаков родился в 1958 году в городе Семилуки Воронежской области. Окончил отделение журналистики Воронежского государственного университета. В настоящее время ведущий программ государственной телерадиокомпании «Воронеж». Призер многих международных и общероссийских телеконкурсов и фестивалей. Лауреат премии администрации Воронежской области по журналистике. Автор книги «Века над Доном». Член Союза журналистов России. Живет в городе Семилуки.

Николай Колтаков

НЕ МЕНЯЕТ ДОН-БАТЮШКА СВОИ БЕРЕГА

(Почетный гражданин района,
ветеран-«альфовец» Николай Берлев)

КОГДА СНЫ СБЫВАЮТСЯ

Кто бы что ни говорил, а русские люди умели выбирать места для своих селений: в излучине реки, на склоне холма, в низине, рядом с тучными черноземами, чтобы земля рождала, чтобы достаток был в доме и живность по двору ходила.

Под Верхним Мамоном Дон особенно хорош. В этих местах он красив, могуч и полноводен. Земли пригодные для успешного хозяйства.

После Азовских походов царя Петра здесь обосновались первые переселенцы. Это были отставные служилые люди с семьями.

Как установил местный краевед Дмитрий Федорович Шеншин: «Поселение на реке Мамонке возникло в 1702 году как застава Острогского казачьего полка. Через село по оживленному водному пути пролегал Черкасский почтовый тракт».

Николай Васильевич Берлев родился в этих местах, рос в православной семье, таковым считал себя всегда. В Нижнем Мамоне окончил семилетнюю, а затем и среднюю школу.

Отец его, Василий Семенович, работал в местном лесничестве. Сорок лет деревья сажал. Ни один черенок, что брал в руки, не пропал —

все прижились! Деревца по одному скрупулезно считал, рисуя палочки карандашом в тетрадке, которые потом превратились в сотни гектаров леса.

Мама, Пелагея Васильевна, работала в колхозе. Копала, полола, косила, вязала снопы, скирдовала.

— Отбратчила сорок лет в поле, — говорила баба Поля. — Ни одного отпуска, ни одного выходного. Даже если рожать приспичило. Дала жизнь маленькому человеку — и бегом в поле.

Тринадцатилетним мальчиком Коля уже научился катать валенки. Засыпал с вечера, а в полночь его будили и до рассвета с родителями, не разгибаясь, трудился при свете керосиновой лампы. Односельчане несли шерсть, деньги за работу, хотя небольшие, но хватало, чтобы прокормить большую семью. Как-никак, а у Берлевых четверо деток.

А ночью работали потому, что днем внезапно мог появиться фининспектор. Тогда, поймав на месте, мог сообщить куда следует.

В 14 лет Николаю приснился сон, что служит он в Москве, в самом Кремле, и стоит на посту у Мавзолея. В 19 лет сон сбылся, стал реальностью. Николая Берлева призвали на срочную службу в столицу, в Кремлевский полк. Окончив полковую школу младших командиров, Берлев уже нес службу разводящим на посту № 1 у Мавзолея Ленина и Сталина.

— Спустя десять дней после XXII съезда партии поступает приказ от коменданта Кремля генерал-лейтенанта Веденина: «Выполнить ответственное задание Центрального Комитета партии — перезахоронить тело Иосифа Сталина, — вспоминает Николай Васильевич. — Нас переодели в «хэбэшную» форму, и мы пошли к Кремлевской стене копать могилу Сталину. Потом направились к Мавзолею. Был ноябрь 1961 года. Четверг, как сейчас помню. На часах: 23.15.

С кителя Сталина срезали погоны Генералиссимуса и платиновые пуговицы. Все это было в присутствии комендантов Кремля и Мавзолея, их замов и дежурных офицеров. А под гостевыми трибунами на всякий пожарный — рота автоматчиков. Боялись народных волнений.

Тело Сталина переложили в простой гроб... И тут заходит в Мавзолей Анастас Иванович Микоян. Комендант Кремля показал ему в сторону: «Может, хотите проститься?» Но Микоян только махнул рукой и пошел мимо вождя всех народов. Вот она, партийная дружба...

После службы в армии Николай Васильевич работал слесарем на оборонном заводе, а потом был рекомендован в органы КГБ.

— Мне тогда на полном серьезе казалось: кто же из мужчин не мечтает стать чекистом? — говорит Берлев.

В созданную группу антитеррора «А», позже с легкой руки журналистов получившую название «Альфа», он попал в 1974 году. Отбор проходил жесткий — из 150 тысяч сотрудников центрального аппарата оставили только 28 человек. Среди них оказался и 34-летний оперативник 7-го управления КГБ Николай Васильевич Берлев.

ПЕРВОЕ ДЕЛО. ОБМЕН В ЦЮРИХЕ

Первым, самым запоминающимся делом для Берлева стал обмен Генерального секретаря ЦК компартии Чили Луиса Корвалана на отечественного диссидента Владимира Буковского. Тогда, 11 сентября 1973 года, в южноамериканской стране произошел военный переворот, лидером которого был генерал Августо Пиночет, пришедший к власти. Президент Чили Сальвадор Альенде был убит в перестрелке, а Луис Корвалан арестован. И вот в СССР решили обменять его на Буковского, стараясь приурочить это событие к 19 декабря 1976 года — ко дню рождения Лео-

нида Ильича Брежнева. В этот день Генеральному секретарю ЦК КПСС должно было исполниться 70 лет.

Обеспечение важнейшей для имиджа СССР операции было поручено «альфовцам» Николаю Берлеву и Дмитрию Леденеву. Старшим по команде был назначен майор Роберт Ивон.

Сначала Буковского доставили в тюрьму КГБ Лефортово, затем привезли его мать, сестру и племянника.

— Обмен наметили провести в Цюрихе, прежде всего, из-за нейтральности самой Швейцарии, — вспоминает Николай Васильевич. — Специально экипировали личный самолет председателя КГБ Юрия Андропова и отправились в Цюрих. Обмен проводился тремя послами — советским, американским и швейцарским. Все было примерно так, как показано в фильме «Мертвый сезон»: на взлетной полосе сошлись два автомобиля, в одном из них сидела семья Буковского, в другом — 60-летний Луис Корвалан с женой Лили...

Обратно сотрудники Группы «А» летели в приподнятом настроении. Корвалан по-русски не понимал, говорили по-испански. Единственное, что перевел представитель ЦК, так это слова Лили: «Мои родители всю жизнь мечтали посетить Советский Союз, и я горда тем, что сегодня вместе с мужем лечу в СССР».

Пользуясь возможностью, Берлев взял у «дона Лучо» автограф на том самом журнале «Советский экран», который прихватил в Москве. Корвалан с удивлением разглядывал свое изображение, а потом написал несколько благодарных слов.

— В Минске нас встречали на военном аэродроме, — продолжил рассказ Николай Васильевич. — Приехали два черных ЗИЛа главы республики. Сам Петр Миронович Машеров находился в этот момент в Москве на дне рождения Брежнева. В резиденции чилийцев осмотрел врач, потом был организован ужин. Компанию им составили Рауль Кастро с семьей и начальник информационно-аналитического управления внешней разведки Николай Леонов, который одно время был переводчиком у Фиделя Кастро. В Москву Луис Корвалан с супругой прибыли только 23 декабря. Ну а мы возвратились домой поездом, отбив в тот же день. С собой каждому дали по ящичку водки «Беловежская пуца». Приехали на Белорусский вокзал, где нас встречали руководители 7-го управления. На базе угостились — и по домам.

Остается добавить, что участники обмена получили благодарность от Председателя КГБ СССР Юрия Андропова и премию в размере 160 рублей — деньги, надо сказать, по тем временам немалые.

ШТУРМ ДВОРЦА АМИНА

Позже произошло событие, которое здорово заставило Запад уважать нашу страну, — штурм дворца Амина в Афганистане.

Всему этому предшествовали события, начавшиеся весной 1979 года, когда в Кабул была направлена группа Олега Балашова — сотрудники «Альфы», призванные осуществлять физическую защиту советского посла и членов его семьи, руководителей резидентуры КГБ, а также военных советников в нескольких афганских провинциях.



Николай Васильевич Берлев

— Когда посол Александр Пузанов приезжал в резиденции Тараки и Амина, мы вместе с Балашовым дежурили у дверей, за которыми шли переговоры, — вспоминает Николай Берлев. — За те три месяца, что мы провели в Афганистане, я немного узнал эту очень сложную страну, специфику и ее особенности. Кстати, посол наш был дуайеном — старшим (по количеству лет пребывания в стране) среди дипломатического корпуса в Кабуле, а потому нам с Олегом Балашовым приходилось сопровождать его на различные официальные приемы. Иногда по два, а то и по три раза в день. Очень плотный, насыщенный график.

Однажды мы возвращались после встречи с главой представительства компании «Кока-Кола». По дороге нас заблокировали — собралась большая, агрессивная настроенная толпа. Олег Балашов находился в «Мерседесе», с послом. Я — следом на машине прикрытия, была «Волга».

Провокаторы нас ждали. И когда мы появились, то они стали кидаться на машины, лупили по ним металлическими прутьями. Мы действовали жестко и решительно. Может, кого и задели капотом или крылом, не до сантиментов было. Короче, вырвались. В посольстве, с которым связались, нас уже ждали — ворота были открыты.

Пузанов пригласил нас к себе и разлил по рюмкам «русский бальзам». Как сейчас помню: себе чуть-чуть, нам больше. Выпили за то, что все так благополучно закончилось.

Ближе к вечеру отправились на прием в посольство ФРГ. Между тем, информация о нападении на советского посла уже распространилась по Кабулу. Как всегда, сработал эффект испорченного телефона: Пузанов ранен или убит.

Когда мы с небольшим опозданием подъехали, то нас встретили явно взволнованные дипломаты, ходившие взад-вперед. Увидев Пузанова в добром здравии, они были явно удивлены. Александр Михайлович спокойно поздоровался со всеми — ни один мускул не дрогнул на его лице, о том, что произошло утром, он не обмолвился ни словом.

Во время раута мы находились недалеко от Пузанова. Нас он представил как своих помощников. В какой-то момент к нашему столику подошел итальянский посол:

— Хочу выпить за смелых и умных ребят, — сказал он, пронизательно глядя на нас. — У американцев много шума, а президентов и послов убивают...

Ну а дальше был уже второй заход в Афганистан, декабрь 1979 года, за четыре дня до просветского переворота. В Кабул прилетели 23 альфовца и около 30 бойцов спецназа группы «Зенит». Штурмовать дворец Амина, находившийся на высоте в полтора километра, должны были 50 человек, которым противостояло 180 отборных охранников. До начала штурма специалисты взорвали все узлы связи, чтобы из дворца не могли послать за подкреплением.

— Наша машина первой взлетела по горному серпантину к воротам дворца — многие были подбиты на дальних подступах к нему, — рассказывает Николай Васильевич. — Нас пятеро, вооруженных автоматами АК-74 и гранатометами «Муха», с боем подошли к парадному подъезду. Группа «Зенит» заняла первый этаж дворца, мы — второй.

По верхним этажам били зенитные установки. Ведь как брали дворец? Врываемся в коридор, в комнату бросаем гранаты, ждем взрыва и после утюжим автоматным огнем. Поднимаюсь на второй этаж и вижу уже смертельно раненного Амина. Поворачиваюсь, смотрю — неприятель с десяти метров, почти в упор, стреляет в меня и попадает... в мой автомат.

Я же отделался легким ранением в руку. У наших — в итоге оказалось трое погибших, а ранены практически все. 130 охранников мы перебили, а 50 оставшихся сдались в плен...

Сразу же, как только рассеялся дым, я отвез в медсанбат двух дочерей погибшего лидера.

Приехав после боя в наше посольство, Берлев на правах старожилы связался с институтом Склифосовского, со своим давним другом, хирургом Игорем Коваленко.

— Игорек, вылетай к нам. Много раненых, требуется помощь.

За эти слова, переданные открытым текстом (штурм дворца был закрытой темой, а упоминание о потерях, тем более), майор Берлев едва не попал под трибунал. Но главная задача была выполнена.

Председатель КГБ СССР Юрий Андропов предоставил врачам самолет, и бригада хирургов вылетела в Ташкент, где тут же приступили к спасению тяжелораненых сотрудников спецназа КГБ.

Это позже хирург Коваленко заметил, что не будь «самовольного» звонка Берлева, к трем погибшим при штурме добавилось бы еще несколько раненых бойцов.

Накануне операции в Кабуле «альфовцев» собирали и довели до них инструкцию начальства: «У кого двое детей, могут выйти из строя». Но ни один не вышел, в том числе и Берлев — отец шестнадцатилетней Наташи и шестилетнего Семена.

При вручении наград председатель КГБ Юрий Андропов произнес: «Слабо мы оценили труд наших ребят, — и стал прикалывать ордена на мундиры бойцов.

За штурм дворца Николай Васильевич Берлев получил орден Красного Знамени. Двое бойцов были удостоены звания Героя Советского Союза.

...Из той первой поездки Берлев вынес стойкое ощущение, что страну ждут тяжелые, кровавые события. Да и сами «альфовцы» из группы Балашова хлебнули сполна. Например, в Джелалабаде, где произошел военный мятеж. Лопанов и Мазаев чудом остались в живых, проявив себя наилучшим образом. Не менее, пожалуй, драматические события развивались в Герате — в руках мятежников оказалась афганская пехотная дивизия.

События в Герате можно назвать резней. И там тоже погибли советские граждане. Геннадий Кузнецов и Павел Климов вышли из этой передрыги с честью.

Лично Берлеву, помимо Кабула, довелось еще поработать в Гардесе — это административный центр одноименной провинции, который находится на высоте 1500 метров над уровнем моря. Он заменил там Николая Швачко и работал в паре с Вячеславом Панкиным.

Сотрудники «Альфы» охраняли оперативную группу, в которую входили два офицера из Ярославского УКГБ, сотрудник особого отдела из Горького (ныне — Нижний Новгород) и пограничники. Базировались на окраине города, в домике за забором. Во всех поездках и встречах охраняли наших военных советников, а также, рискуя жизнью, доставляли важные сведения в Кабул — туда и обратно, без вооруженного сопровождения. Дорога — не ближний свет, всякое могло случиться, но Бог миловал.

Кстати, в Гардесе тоже вспыхнул военный мятеж, но его быстро ликвидировали сотрудники афганской контрразведки. Обошлись своими силами. Хотя могло все закончиться трагически.

Через 12 лет, в августе 1991 года, «Альфа» откажется стрелять в безоружную толпу у Белого дома. А в октябре 1993-го не станет расстреливать парламент, что ей, конечно, не простят.

КРЕСТ ПРИМИРЕНИЯ

Всякого, кто первый раз окажется на сельском кладбище, у старого русла Дона (оно окружено статными соснами и тополями, которые высаживал отец Берлева), поразит внушительная чугунная ограда в семьсот с лишним метров и пятиметровым крестом. «Землякам от Николая Васильевича Берлева», — гласит табличка у входа на погост.



Н.В. Берлев (в центре) с земляками

Кладбище в Нижнем Мамоне — четыреста лет. Впрочем, оно всегда было старым, запущенным. Еще в детстве Коля узнал, как здесь в далеком 1920 году во время восстания красные расстреляли массу людей. В переулочек, где живут Берлевы, согнали мужчин. Трупы потом развозили на санях и сбрасывали к воротам.

В годы Великой Отечественной войны в эту землю зарыли еще около тысячи человек, устроив братскую могилу длиной в полтора метра и в сорок шириной.

— Это случилось в сорок втором году, — вспоминает Николай Васильевич. — Бабушка Вера рассказывала, когда я подрос. Но место захоронения людей на Нижне-Мамоновском кладбище никак не обозначили. Ни крестиком. Ни деревцем. Ни цветком...

Когда Берлев, приехавший, чтобы почтить память отца, Василия Семеновича, который тоже здесь лежит, увидел, как на земле, где похоронены люди, пасется скот, не выдержал, сказал в сердцах: «Креста на вас нет...» И ночью ему приснился крест. И еще ограда.

В 1985 году Николай Васильевич Берлев по выслуге лет ушел из органов. Работал то дежурным механиком, то инспектором охраны банка. Затем создал свое частное охранное предприятие.

— Наша столичная охранная фирма «А-Щит» к тому времени встала на ноги, и я понял, что смогу по финансам осилить это дело. Меня и до сна о кресте это кладбище мучило. А тут понял: надо что-то делать.

Раз сто, наверное, Берлев мотался из Москвы в Воронеж, на завод «Сельмаш». Все договаривался, договаривался... И не просто Крест заказал. Навел порядок на кладбище. Ограду красивую в семьсот метров поставил. Одного только бетона ушло сто тонн. Сто кубов грунта разровняли.

— Я хотел, чтобы ограда эта долго стояла. Рабочие трудились на погосте с восьми утра и до десяти вечера.

И все время Берлев был с ними. Ни на шаг не отходил. И Крест поставил. Точь-в-точь, как в том сне. Чугунный крест. Пяти метров высотой и весом в три тонны. Крест для всех: и для тех, кого убили, и для тех, кто убивал.

— Я хотел, чтобы этот Крест всех их примирил, — признавался он. — Все мы в ответе за землю нашу, за дела наших рук, за свое настоящее и будущее, и за прошлое мы тоже в ответе.

Разные люди любили эту землю и ложились в нее, как в одну могилу, убитые друг другом. И только она, одна Россия, в конечном счете, и роднит, и примиряет людей. Наверное, в этом и есть главный образ нашего спасения.

В 1995 году Берлев перезахоронил останки воинов, погибших в Великой Отечественной. Кто-то из этих бойцов у кого-то в огороде был похоронен, кто-то — в лесу. Николай Васильевич организовал достойное торжественное их перезахоронение на кладбище.

Берлев помогает землякам. Оплатил в Москве консультации и хирургические операции пятидесяти семи мамонцам, оказывает помощь сельским больницам деньгами, медицинским оборудованием. Провел водопровод и установил телефоны семьям ветеранов войны и труда. Восстанавливал церковный храм и церковно-приходскую школу в родном селе. Поддерживал раненых в Чечне солдат.

Он издает книги о прошлом малой родины. Помогает семьям погибших сотрудников группы «Альфа» и ветеранам Верхнемамонского района. Учредил премии лучшим ученикам и выпускникам средней школы села Нижний Мамон и детской спортивной школы района. Взял шефство над детским домом Верхнемамонского района — одел детей, купил им учебники, игрушки. Всех детей района застраховал от несчастного случая...

ЭКСПЕДИЦИЯ ЗА ДОН

Земля мамонская — страданица. Здесь, по реке Дон, в сорок втором проходила линия фронта, где гудела, горела земля. Наши солдаты сдерживали натиск врага, стояли насмерть. По сути, на этой земле был предreshен исход Сталинградской битвы.

В дни празднования 65-летия Великой Победы между Москвой и Средним Доном протянулась прочная нить, связавшая ветеранов подразделения «Альфа» и юг Воронежской области. На этой благодатной земле, в Верхнемамонском районе, прошли Вахта памяти и уникальная поисковая экспедиция, увенчавшаяся успехом.

7 мая гости из Москвы выступили на торжественном собрании, посвященном 65-летию Победы. Его участникам было зачитано поздравительное письмо президента ветеранского сообщества Группы «А» КГБ-ФСБ, депутата Московской городской Думы Сергея Гончарова, адресованное жителям Верхнемамонского края.

«Мы знаем, — говорилось в нем, — что здесь, на Среднем Дону, летом 1942 года были остановлены полчища врага. И отсюда в декабре 1942-го началось победоносное наступление на Сталинград, вошедшее в историю как знаменитая операция «Малый Сатурн».

Ваша земля, обильно политая кровью наших отцов и дедов, является частью памяти и нашего спецподразделения. Уроженец Нижнего Мамона Николай Васильевич Берлев — ветеран первого состава группы «А» 7-го управления КГБ СССР. Вместе со своими товарищами он снискал неувядаемую славу 27 декабря 1979 года во время беспримерного по дерзости штурма Тадж-Бека — хорошо укрепленного дворца кровавого афганского диктатора Хафизуллы Амина.

И здесь же, на придонской земле, весной 2007 года поисковый отряд нашел останки командира 267-й стрелковой дивизии полковника Андрея Кузьмича Кудряшова, геройски погибшего во время операции «Малый Сатурн», — род-

ного деда нашего «альфовского» историка и журналиста Павла Анатольевича Евдокимова. Удивительным образом история переплетается в людях и судьбах!»

Перед торжественным собранием в лицее Верхнего Мамона был проведен урок мужества. Павел Евдокимов передал в дар учебному заведению пробитую осколком военную карту Генерального штаба РККА. Она имеет карандашную отметку: «гибель Бати» и крестик — указание на место смертельного осколочного ранения комдива Кудряшова.

А уже 8 мая под руководством заслуженного учителя России, директора лицея Василия Ивановича Дудкина была осуществлена экспедиция на поля соседнего Богучарского района. Здесь в декабре 1942 года советские войска, форсировав Дон и взломав эшелонированную оборону гитлеровских, итальянских, мадьярских и румынских частей, развивали победоносное наступление на Сталинград, начатое с рубежей Верхнемамонского района.

В районе села Дубовиково участниками экспедиции было найдено место гибели полковника Андрея Кузьмича Кудряшова, руководившего 17 декабря 1942 года ожесточенным боем, и зафиксирована высота, откуда по нему прямой наводкой выстрелило немецкое орудие. Ориентиром послужила та самая отметка на карте, сделанная ординарцем комдива, и точное знание Василием Дудкиным своей малой родины — села Дубовиково и его окрестностей.

Большое впечатление у участников экспедиции вызвал вид растущего тут дерева — оно имеет форму креста...

Как заметил Николай Берлев, на этом месте обязательно должен быть установлен памятный знак — камень.

Сам же Николай Васильевич занимается восстановлением Михайловской церкви в Нижнем Мамоне, выстроенной в 1907 году. Одними из первых, кто венчался в ней, были его дедушка и бабушка — Семен Никанорович и Евдокия Васильевна Берлевы.

До 1935 года церковь оставалась действующей. Затем ее закрыли. Священника вместе с семьей сослали на Колыму. Во время войны в ней содержали пленных итальянцев, а потом в храме размещались склады зерна местного сельпо.

В начале 1960-х годов с Михайловского храма свалили великолепный храмовый купол. И только колоколя, как Адмиралтейская игла в Петрограде, возвышалась над селом. На ней чудом сохранился больших размеров ажурный чугунный крест. Уцелели стены здания. Часть храма возрождена, и там идет служба, но впереди большой фронт работы для жертвователей, благотворителей и вообще неравнодушных людей.

Помощь Берлеву в этом оказывает Фонд социально-экономической реабилитации сотрудников и ветеранов спецслужб и правоохранительных органов «Альфа-Центр» и его президент Сергей Онищенко.

А недавно, в ноябре 2016 года, Николай Васильевич снова отправился в Нижний Мамон — предстояло решать неотложные дела в приходе.

И был крестный ход. Вместе с прославленным земляком шли глава района Николай Быков, фронтовик, бывший авиационный техник Константин Иванович Колесников — гордость Верхнемамонского края, энергичная, деятельная Галина Неповинных, староста, и другие земляки.

И все эти годы Николай Васильевич разрывается между столицей и Доном, стараясь при первой же возможности побывать на своей малой родине. И не просто побывать, а оказать посильную помощь. Как он сам любит говорить: «Человек может поменять родные места, а вот Дон-батюшка не меняет свои берега».

Вклад Берлева в добрые дела отмечен званием «Почетный гражданин Верхнемамонского района».

Он уверен: «Храму в Нижнем Мамоне быть, и ничто уже не помешает его возрождению. Полное восстановление Михайловской церкви ветеран группы «Альфа» считает делом своей жизни.

За несколько дней до своей блаженной кончины Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II наградил Николая Берлева орденом Святого Благоверного князя Дмитрия Донского и передал ему в дар Библию — «в благословение на доброе здравие и благополезную деятельность».

— Я в Бога всегда верил, — на это ответил Николай Васильевич. — Перед штурмом дворца Амина я и все мои товарищи, как признались позже, просили: «Господи, спаси и помоги!..»





Камила Муратова родилась в 1995 году. По профессии фармацевт. Стихи начала писать в школьном возрасте. Публиковалась в региональных изданиях, коллективных сборниках, журнале «Подъём». Участница Воронежского областного совещания молодых литераторов 2013 года. Живет в селе Верхний Мамон.

Камила Муратова

ОБЛАКО ПОХОЖЕ НА ЯГНЕНКА...

* * *

У тишины мелодия своя,
Не каждый ту мелодию услышит,
Но чувствую ее звучанье я,
Когда приторможу тихонько лыжи.

Смотрю на снег, летящий с вышины:
Плывут снежинки в вальсе, как живые.
И им, как мне, наверное, слышны
Ритмичные напевы ветровые.

Кружась, замрут, потом почти в галоп
Веселой дружной стайкой пометутся
И упадут с разбега на сугроб,
И в плясовом порыве вновь взметнутся.

И я стою, почти что не дыша,
Впитав все то, что вижу или слышу.
Трепещет благодарная душа
За этот мир, что мне дарован свыше.
За жизнь мою, где часто горек мед,
За все, что было, что еще случится...

Снежинок упоительный полет
На душу тихой музыкой ложится.

* * *

Вьюга, вьюга! Закружила
Ты меня в холодном вальсе.
Ох, ты зиму насмешила,
Отморозив все мне пальцы!

Вой, кричи! Кидай снежинки!
Тают на щеках, как слезы,
Эти белые пушинки,
Ледяные мои грезы.
Вьюга, вьюга! Замерзаю
Я в твоих объятьях белых!
Но весной я вновь оттаю,
Оживу душой и телом...

* * *

В синем небе облако белеет
И в лучах рассвета золотится.
И глазам, конечно же, милее
То, что наяву, что мне не снится.
Облако похоже на ягненка,
Взятого на небо для опеки,
Или же на белого котенка,
Спящего в тепле, зажмурив веки.
Я в восторге дивном замираю,
И в душе рождаются молитвы:
Боже правый! Всех я призываю
На Земле большой закончить битвы!
Чтобы там, на небе, был ягненок,
В облаке дневном белее снега,
Чтобы в доме нашем спал котенок
Под покровом мирным, в сладкой неге.

* * *

Если б знать, в чем виновата,
Если б знать...
Было б легче все обиды мне прощать.
Непрощенные обиды —
Это грех,
У людей прошу прощения
У всех...

* * *

Ах, осень! Чудо из чудес!
Весь в золотой накидке лес.
Вот стая птиц спешит на юг,
Летят, прощальный сделав круг.
За все благодарю природу:
За солнца луч, за непогоду,
За дождь, за град, за облака.
За то, что буйствует река,
За каждый листик и цветок,
За выпитый воды глоток.



Дмитрий Федорович Шеншин родился в 1941 году в селе Круглое Белгородской области. Более 45 лет отдал педагогическому труду. Заслуженный учитель Российской Федерации. Лауреат федерального конкурса «Лучшие учителя России» (2006). Автор многих книг по научному краеведению, в том числе Энциклопедии, Книги Вечной Памяти Верхнемамонского района Воронежской области, «Серебряная подкова» и др. Живет в Верхнем Мамоне.

Дмитрий Шеншин

ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЕЛ МАМОН?

Записки краеведа

*...Молча Русь, отпор кругом готова,
Подняла щиты свои багряны...*

«Слово о полку Игореве»

ЗАСЕЛЕНИЕ СРЕДНЕГО ПРИДОНЬЯ

Присоединением к Москве в 1521 г. Рязанского княжества, куда входил Воронежский край, завершилось объединение русских земель в единое государство. Золотая Орда распалась, но на ее месте возникли другие государства. Наибольшую опасность для южных окраин России представляли крымские и ногайские татары. Они вторгались в пределы русских земель, грабили и сжигали поселения, угоняли скот, вводили в рабство людей. С целью защиты от набегов татар в XVI в. по южным рубежам было решено возвести города-крепости. В 1585 г. были построены: на крымской стороне Дона — Ливны, на ногайской — Воронеж. Несколько позже на крымской стороне было поставлено еще шесть городов-крепостей: Елец (1592), Белгород (1596), Курск (1596), Оскол (1596), Царев-Борисов (1599), Валуйки (1599).

В середине XVII в. на путях набегов татар была построена так называемая Белгородская черта — укрепленная оборонительная линия длиной около 800 км с городами-крепостями, рвами и земляными валами, лесными засека-

ми, деревянными заборами. На воронежской земле появилось шесть городов: *Костенск (1642)*, *Ольшанск (1644)*, *Орлов (1646)*, *Коротояк (1647)*, *Урьев (1648)*, *Острогожск (1652)*. В 1679–1680 гг. была построена Изюмская оборонительная линия, которая проходила по территории современных Харьковской и Белгородской областей и у реки Тихой Сосны соединялась с Белгородской чертой.

Указом от 18 декабря 1708 г. Россия была разделена на губернии; с 1719 г. губернии разделены на провинции, а последние — на дистрикты (уезды). Первоначально Воронежский край входил в Азовскую губернию, в 1715 г. ее центр переместился в Воронеж, а в 1725 г. она стала называться Воронежской. Однако это не значит, что Среднее Придонье было полностью заселено. Еще с начала XVI в. русские люди, раздвигая свои границы к юго-востоку, в сущности, возвращались к старым русским пепелищам.

БЕЛОЗАТОНСКИЙ УХОЖЕЙ

Первоначальной формой колонизации южных окраин России были юрты. Слово «юрт» обозначало обширную территорию с неопределенными границами, но составляющую одно хозяйство без распашки земли. С 1614 г. московские правители жаловали юрты разным лицам взамен четвертной наживы или сдавали в аренду на оброк с «наудачи».

Юрты, или *ухожей*, занимали огромные пространства по Дону и его притокам, куда их владельцы, жители окраин, ездили на промысел и оставались там весною и летнюю части года. Отсюда возникло название юртов — *ухожей*, или *исходы*, т.е. места, куда ходили на промысел.

Ухожей являлись аванпостами русской колонизации в степях. Сюда приходили предприимчивые добытчики с тем, чтобы брать в бортях воск и мед, ловить в тонях рыбу и бить в лесах дикого пушного зверя. «Входники»-промысловики, выбирая богатые территории, намечали только места будущих оседлых поселений. Эти промысловики были в то же время воинами, потому что хозяйство в отдаленных степях, за чертою русских поселений, было под постоянной угрозой набега татар.

В Воронежском крае в начале XVII в. таких арендных владений было 17, в их числе *Белозатонский ухожей*, располагавшийся в пределах нынешнего Верхне-мамонского района. Размеры ухожеев не имели определенной границы и определялись поймой реки. Арендаторы занимались промыслом пушнины, рыбной ловлей, бортничеством.

В «Дозорной книге» 1615 г., составленной писцом Киреевским, указано: «*Вотчина Белозатонский ухожей — за стрельцом за Феткою за Федотовым, сыном Сазоновым, а откупу с тое вотчины платить двенадцать рублей с полтиной*». От Федора Сазонова Белозатонский ухожей перешел в арендное владение игумену Алексеевского монастыря Павлу с откупом двадцать рублей двадцать алтын две деньги. Несмотря на высокую плату, Белозатонский ухожей был предметом многолетней борьбы за право его владением между частными лицами и Алексеевским монастырем. Тяжбу, как правило, решал сам царь.

Здесь нужно подчеркнуть, что возникновение ухожеев на Среднем Дону не является основанием для определения времени образования тех или иных поселений. Начало оседлому заселению Среднего Придонья, в особенности правобережья Дона, положили азовские походы Петра Первого (1695, 1696) и закрепления России в Приазовье, после чего набеги татар на Воронежский край практически прекратились.

В первой трети XVIII века южные территории Воронежской губернии еще не получили четкого территориально-административного оформления, поселений

было мало, между ними находились большие незаселенные пространства. Первая перепись населения (1719–1722) включала эти территории в состав Острогожского уезда (правобережная сторона Дона, в т.ч. Богучар) и Павловского (левобережье Дона).

ПОСЕЛЕНИЕ НА РЕКЕ МАМОНКЕ

Исторические документы относят появление оседлого поселения в устье реки Мамонки к 1702 году. Это была застава Острогожского черкасского полка. В обязанность служивых людей входило наблюдение за степью на правой стороне Дона и в случае появления татар доносить об этом в города-крепости. Несколько десятилетий однодворцы несли здесь сторожевую службу и занимались хозяйством, в основном земледелием на четвертной земле. Во второй половине XVIII века поселение выросло и разделилось на три самостоятельные крестьянские общины — Верхний Мамон, Нижний Мамон и Осетровка. Это было связано с Генеральным межеванием земли по Манифесту от 19 сентября 1765 года. Межевание предусматривало определение границ между губерниями, уездами, волостями, также окончательно разграничивало землепользование крестьянских общин. В Павловском уезде межевание в основном завершилось к 1779 году. В этот период и произошло разделение поселения на реке Мамонке на три общины. Однако сохранились спорные территории, обострилось нежелание крестьян включать их общинные земли в другие волости и уезды. До нас дошли документы того времени, которые являются аргументами считать 1702 год временем основания Мамона.

При межевании земли между Павловским и Богучарским уездами в августе 1782 года активное сопротивление оказали осетровские крестьяне, которых поддерживали верхнемамонцы. Суть спора заключалась в том, что землемеры передавали Осетровку из Верхнемамонской волости Павловского уезда в Богучарский, разрывая тем самым сложившиеся хозяйственные отношения с Мамоном (пользование лугом и лесом в пойме Дона). В воскресенье, 28 августа, землемеры собрали рабочих и намеревались сделать межевую просеку в лесу. Но это мероприятие было остановлено выборным представителем села Верхнего Мамона Иваном Спицыным «с толпою человек до ста и более». Работы были остановлены на несколько дней. 30 августа верхнемамонцы «великою толпою человек более 300 на лодках переплыли Дон и вооружились дубинами, припрятанными в кустах. С азартом и великим криком они ответствовали, что к меже подойти не дадут». Дело это завершилось потасовкой, а затем извинениями мужиков. Межа была установлена.

Но на этом дело не закончилось. Осетровские мужики в том же 1782 году пишут жалобу в Воронежское наместничество, в которой они просят оставить Осетровку в Верхнемамонской волости. Они пишут: «...*деревня Осетровый Яр заселена из разных наместничеств и округ множественное число людей, чему уже миновало восемьдесят лет... в одно с осетровцами время за рекою Доном села Верхнего Мамона однодворцы, как в земле, так и в сенных покосах, лесах и прочих угодьях имеют общее с осетровцами владение. Населена она назад тому восемьдесят лет в одно время, как и мамонские однодворцы поселились*». Анализ документа и сравнение даты 1782 год за вычетом 80 лет образует 1702 год — время основания села Мамон. Эта дата (1702) признана воронежскими краеведами и обозначена в Воронежской энциклопедии.

В ревизских сказках первой переписи в поселении на реке Мамоне в 1709–1722 гг. обозначено однодворцев 299, приписано к однодворцам 23, оставлено не в окладе 31. Всего 354 человека мужского пола. Это были переселенцы, пришедшие на Дон в разное время и из различных мест: с Толучеевского железного завода Василий Нестеров и Ермол Уколов; из Костенского уезда Осип Тимофеев, Гри-

горий Фаустов, Иван Аврамов, Парфен Бобровский, Федор Морозов, Антон Фаустов, Антон Севастьянов, Василий Глотов, Герасим Яковлев, Степан Кананыхин; из Воронежского уезда Григорий Иевлев, Назар Грибанов; из Битюцкого уезда с. Шестакова Василий Пополитов; из г. Землянска Аксен Картавец, Василий Михайлов, Федор Иевлев, Данила Корчагин; с. Кудояров Харитон Авчинников, Казьма Седой, Иван Акимов, Иван Елфимов, Петр Кобызов, Фетис Зеленин, Акинфей Саладовников; из Усманского уезда с. Ступина Степан Болдырев и др. У каждого из них было семейство из детей, внуков, зятьев, родных и двоюродных братьев.

В 1732 г. П. Лупандин и И. Шишков составили карту лесов в бассейнах Дона, Битюга и Хопра. На ней отмечены с. *Пузево и Козловка*, на Дону д. *Гороховец* (Гороховка) и поселок *Мамодиновий*. В документах второй ревизии (1745–1748) лексема «Мамон» значится во множественном числе — *села Мамоны*, но нет разделения на *Верхний и Нижний*. Здесь было положено в оклад 358 душ однодворцев мужского пола...

КТО ПОСЕЛИЛСЯ НА ЖИТЬЕ?

В заселении края участвовали люди из различных социальных групп. Еще в XVI веке на Нижний и Средний Дон, пренебрегая опасностью, бежали крестьяне и холопы. Постепенно здесь сложилось верхнедонское казачество. В 1695 году воевода Острогожского полка доносил в Москву, что полковые, городовые всяких чинов служилые люди, их дети и свойственники, крепостные люди и крестьяне не хотят служить и платить подати, не хотят быть у строения морских судов и у лесной работы, на плотах бегут в донские казачьи городки. В 1699 году только из Воронежского уезда бежало 330 дворов. Историк С.М. Соловьев писал, что казачество было передовой дружиной колонизации южных степей. Еще в начале XVI века они получили название Донских и стали страшны ногаям, крымцам, азовцам. Однако нужно иметь в виду, что казачество было характерно для донского правобережья, от Богучара и далее вниз по Дону. По традициям казачества, за нарушение устава провинившихся казаков выселяли «за Мамон», то есть за Дон, где были иные общественные отношения.

В 40-е гг. XVII в. началось массовое бегство малороссиян с правобережья Днепра, занятого поляками, начавшими гонение на православную веру. Переселенцы получили название «*черкасы*», так как первые из них вышли из Черкасского повета Украины.

Русские правители старались принять черкас и, учитывая их военное устройство жизни, использовать для защиты южных окраин страны. Черкасами были заселены слободы, ставшие впоследствии пограничными городами (*Ендовище, Гвоздовка, Острогожск, Данков, Землянск, Урыв, Коротояк, Ольшанск* и другие)...

В конце XVII — начале XVIII веков сложилась социальная группа так называемых *однодворцев*. Это были потомки мелких служилых людей — дети боярские без земли и холопов, стрельцы, пушкари, городовые казаки — охранявших южные окраины России от набегов крымских и ногайских татар. По мере ослабления опасности со стороны татар однодворцы были распущены с правом освоения незанятых земель. Однодворцы основали большинство сел и деревень на Среднем Дону. По указу от 22 января 1719 г. однодворцы были включены в состав податного населения и пополнили сословие государственных крестьян. В конце XVIII в. в Воронежской губернии было 243 тыс. однодворцев обоего пола, что составляло 30 % податного населения края.

Население юга Воронежской губернии увеличивалось путем насильственного переселения городских обывателей, торговых людей, казенных крестьян из цент-

ральных губерний России. Так, в 1711 г. в Павловск прибыли переселенцы из Сызрани, Пензы, Симбирска, Казани. В 1698 г. Петр Первый переселил дворцовых крестьян на реку Битюг, при этом было сожжено 1515 дворов первопоселенцев, самовольно занявших земли.

В XVIII в. началось невиданное в истории расхищение черноземных земель юга Воронежской губернии под видом «наградного пожалования» дворянам, которое сопровождалось разбойным захватом земли.

В Павловском уезде в середине века получили земли вместе с жившими здесь однодворцами князь Н. Трубецкой, граф Р.И. Воронцов, генерал М.И. Сафонов. В 70-е гг. наследникам Трубецкого принадлежали 25 тыс. десятин земли и леса и 4422 закрепощенных крестьянина. Отставной генерал М.И. Сафонов объявил своей собственностью все земли в излучине реки Дон и Осереда. Граф Р.И. Воронцов в устье реки Осереда купил у однодворцев и помещиков около 7 тыс. десятин земли и леса.

На территории современных Верхнемамонского и Павловского районов были обширные владения Б.Г. Суханова-Подколзина. В них входили черноземы поселений Ольховатка, Большая Казинка, Николаевка, Желдаковка, Шкурлат, Гаврило.

В Алексеевской вотчине граф П.Б. Шереметов владел 128 тыс. десятин земли и 21 тыс. крестьян. К концу XVIII века в Воронежской губернии 426 дворян владели 145 тыс. закрепощенных крестьян мужского пола.

Значительными имениями в Острогожском уезде владели дворяне Тевяшовы. В слободах Россошь, Ольховатка, Михайловка находилось 300 тыс. десятин земли и 4247 закрепощенных крестьян.

Колонизация Среднего Придонья в основном завершилась к середине XVIII века. К этому времени бывшие города-крепости, утратив оборонное значение, превратились в села. Некоторые из них, получив экономическое развитие, сохранили статус города — Белгород, Воронеж, Острогожск, Ливны, Курск, Оскол, Елец и другие. Степная южная часть Воронежской губернии стала интенсивно осваиваться хлебопашцами и промышленниками.

ПОЧЕМУ МАМОН?

В Верхнем Мамоне долгое время бытовала легенда. Ее суть заключается в том, что топоним «Мамон» произошел от фамилии фаворита Екатерины II А.М. Дмитриева-Мамонова, сопровождавшего императрицу в ее путешествии в Крым по Черкасскому тракту. Приглянулись царедворцу наши земли, вот и подарила их императрица своему любовнику.

Это легенда. А вот факты.

Екатерина II никогда не была в нашем крае. Ее Таврический вояж состоялся в январе-июле 1787 года. Он проходил через Киев и Херсон, а на обратном пути — через Черкасск, Бахмут, Белгород, Тулу, Москву. К этому времени поселение с наименованием «Мамон» уже существовало 85 лет.

Топоним «*Мамонец*», как название реки, впадающей в Дон, впервые упоминается в 1627 году в «Книге Большому Чертежу» неизвестного автора. «*А ниже Середы верст с 40, с крымской стороны, пала в Дон река Калитва Чорная. А ниже Калитвы верст с 20 пала в Дон речка Мамонец*». Как видим, топоним «Мамонец» уже был в печати за 160 лет до путешествия Екатерины.

Значение слова «Мамон» объяснил В.И. Даль — богатство, земные сокровища. Это слово упоминается в Библии, в Остромировом евангелии. В XVII веке Белозатонским ухажеем владели монахи Алексеевского монастыря, хорошо знавшие Библию. Возможно, они оценили природные богатства нашего края и дали это имя

речке, в устье которой возникло поселение с распашкой земли и оседлым образом жизни.

Этимологию топонима поселения «Мамон» объяснил ученый-путешественник С. Гмелин. В 1868 году он побывал в нашем крае и оставил в своем дневнике запись:

«...в четвертом часу по полудни отправился я отсюда и через три часа прибыл в село Маммоново. Оно надлежит до Великой России и река Маммон, от которой ему дано название, протекает подле него. Сия река начинается в семи верстах от села в степи, и пройдя четырнадцать верст, впадает в Дон».

А что же Дмитриев-Мамонов? Имеет ли он отношение к нашему краю? Да, имеет.

Действительно, Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов был фаворитом Екатерины II и в 1787 году сопровождал ее в путешествии на юг. Свое положение при дворе он сам неожиданно поколебал — влюбился в фрейлину Дарью Щербатову и изменил императрице. Узнав об этом, Екатерина поступила весьма оригинально. 20 июня 1789 года статс-секретарь Храповицкий записал в своем дневнике: «...перед вечерним выходом сама Ее величество изволила обручить графа А.М. Мамонова с княжной Щербатовой; они, стоя на коленях, просили прощения и прощены». Жениху пожаловано 2250 душ крестьян и 100000 рублей. Им было приказано на другой день после свадьбы выехать из Петербурга в Москву. В числе пожалованных земель и был хутор Гнилушанский с четырьмя тысячами десятин земли. По традиции того времени поселение было переименовано в Мамоновку, по имени барина.

Вряд ли Александр Матвеевич бывал в Мамоновке. В 1803 году он скончался в Москве на 45-м году жизни. В 1852 году крестьяне Мамоновки решили выкупиться у наследницы графа. По условиям сделки крестьяне были обязаны выплатить Московскому опекунскому совету в течение 37 лет 57 тысяч рублей с процентами. Срок платежа заканчивался в 1878 году. Поскольку в 1861 году крепостное право было отменено, крестьяне слободы Мамоновки прекратили выплаты по обязательствам выкупа. Только имя Дмитриева-Мамонова до сих пор сохраняется в названии поселения.

(Из книги Д.Ф. Шеншина «Серебряная подкова»)





Валерий Дмитриевич Березуцкий родился в 1953 году в селе Рождественская Хава Новоусманского района Воронежской области. Окончил исторический факультет Воронежского государственного университета. В настоящее время — доцент кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета. Кандидат исторических наук. Лауреат премии «Родная речь» журнала «Подъём» (2016). Живет в Воронеже.

Валерий Березуцкий

ГЛИНЯНЫЕ ГРУЗИКИ У ОЗЕРА КРУГЛОЕ

(Археологические тайны Придонья)

*Под циркуль вокруг — земная крепь.
На версты — не примериться!
Во все концы — донская степь,
Ковыль волнами стелется...*

А.Т. Синюк

Верхнемамонская земля — одна из малоизученных в археологическом отношении территорий Воронежского края. Казалось бы, широкий Дон с его притоками, богатыми сочной травой луговыми поймами, типчаково-ковыльным разнотравьем степных водоразделов — вот уж где обжиться и охотникам, и рыболовам, и земледельцам, и скотоводам! В чем же причина такого положения дел?

Надо сказать, что подобная «участь» досталась не только верхнемамонской земле, но и поворинской, панинской, терновской, новоусманской... Причины разные, и все они как бы «оправдывают» исторически недостаточный интерес к археологическим объектам этого края со стороны исследователей и местных энтузиастов, кто бы инициировал и «подталкивал» этот процесс в позапрошлом и прошлом столетиях. Такие люди, к примеру, волею судеб оказались втянутыми в исследования Острогожского края. Так, предводитель уездного Коротоякского дворянства Л.М. Савелов еще в конце XIX — начале XX веков живо интересовался археоло-

гией, искал, наносил на карту найденные им археологические памятники¹, выступал с докладом на Российском археологическом съезде. Российские археологи А.А. Спицын, Н.Е. Макаренко еще в дореволюционное время бывали в этом крае, проводили раскопки, публиковали итоги исследований, втягивая в круг научных интересов местную общественность, ученых. В наше время успешно стираются «белые пятна» на археологической карте Таловского района. Благодаря усилиям местных энтузиастов, заинтересовавших органы власти, ежегодно работает школьный полевой археологический лагерь «Возвращение к истокам», проводятся раскопки, в которые вовлечены и школьники, и учителя. Не на словах, а на деле идет планомерная работа по исследованию древней истории края, пропаганде научных знаний, активизации познавательной деятельности учащихся.

В итоге в отдельных территориях области наблюдается следующая картина: пока где-нибудь не обрушится берег реки и не покажутся кости диких животных, пока при хозяйственных работах не найдется что-то необычное, до тех пор нет и местной археологии.

Это вовсе не значит, что в крае мало или отсутствуют вовсе археологические памятники. Конечно, они есть, и их немало. И самых разных эпох. В том числе и на мамонтовой земле. Мамонты когда-то здесь точно водились, и охотники на них обитали (Дон!). Было здесь место и для древних рыбаков каменного века, использовавших костяные и каменные орудия для добычи рыбы. И грозные колесницы кочевников бронзового века с воинами-лучниками проносились степными кораблями по бескрайним ковыльным волнам. И неисчислимые табуны лошадей, отары овец вытаптывали здесь донскую степь во времена Золотой Орды... Вот только археологических страниц большой книги прошлого времени мало, а что известно, так то лишь небольшая толика...

Но, читатель, не все так безнадежно! Масштабы археологических исследований расширяются каждый год. Наступит время, когда древняя история Верхнемамонской земли раскроется перед нами во всей своей широте и красе, будто Дон, неожиданно представший перед путником на широком извилистом повороте... (Рис. 1)

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ И... САМЫЕ ДРЕВНИЕ

На сегодня самыми древними свидетельствами жизни человека на Верхнемамонской земле можно считать каменные орудия, найденные при хозяйственных работах на одном из подворий села Гороховка и попавшие в руки археологу В.В. Степкину, который проводил археологическую разведку в Павловском и Верхнемамонском районах в 90-е годы прошлого века. Это *ножевидная пластина*, *скребок*, а также *наконечник стрелы*. Судя по технике обработки камня, форме изделий, относятся они к эпохе неолита — нового каменного века, который датируется для донской территории VI–V тыс. до н.э. Это было время появления глиняной посуды, ткачества, скотоводства и земледелия, новых способов обработки камня. Все найденные орудия сделаны из кремня.

Краткая справка. *Кремень* (не путать с кремнием, химическим элементом таблицы Менделеева) — минеральное образование из кремнезема. Кремень обладает твердостью, прочностью и одновременно легко раскалывается. С заготовки куска кремня одним ударом можно было сколоть длинную пластину в виде ножа («ножевидная пластина» по терминологии археологов), заготовку для будущего скребка, которым обрабатывали шкуры живот-

¹ Под археологическими памятниками понимаются материальные остатки мест древних поселений, погребений (курганы, бескурганые могильники), культовые сооружения («каменные бабы», мавзолеи и др.).



Рис. 1

ных, или заготовку для будущей стрелы. Вторичная обработка изделия называется «ретушированием», когда другим камнем или роговой заготовкой откалывали с будущего изделия мелкие чешуйки, придавая ему необходимую форму и острые края.

Скептикам, которые с недоверием или пренебрежением относятся к кремневым орудиям, скажем об их прочности: один кубический сантиметр гранита выдерживает нагрузку от 600 до 2600 кг, песчаника — от 300 до 700 кг, кварцита — от 1200 до 2400 кг, а кремнь — до 8000 кг! Орудия из него почти не уступают по прочности стальным! Не удивительно, что изделия из кремня окончательно были вытеснены из обихода древних народов только с развитием металлургического производства. Но еще долго, и в эпоху медно-каменного века — энеолита (IV — первая половина III тыс. до н.э.), и в эпоху бронзы (вторая половина III–II тыс. до н.э.) каменные орудия из кремня использовались в военном и производственном деле. А почему не использовать, если стрела с кремневым наконечником, выпущенная из индейского лука, пробивала кольчугу завоевателя-испанца во времена Колумба на глубину двух колец! А нынешние экспериментаторы брошенными копьями с кремневыми наконечниками пробивали насквозь деревянную доску толщиной 1 см и три слоя оленьей кожи, набитой на нее! (Рис. 2)

Найденные изделия свидетельствуют о том, что здесь, у с. Гороховка, возможно, находилось поселение древних людей эпохи неолита. Археологи из Воронежского педуниверситета пытались найти на месте находок другие свидетельства жизни обитателей здешних мест неолитической эпохи, но... не нашли. Пока не нашли... Древняя история не так просто дается ее исследователям, и загадка горохововской стоянки остается. Пока остается...

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ

Широкие научные исследования в Верхнемамонском крае были проведены в 80-е годы прошлого столетия, когда начинается история интенсивных археологических разведок в Воронежской области². Тогда в эпоху СССР была разработана программа выявления и постановки на учет археологических объектов — курганов, поселений и других памятников. Итогом этой большой работы должен был стать «Свод памятников истории и культуры СССР». Благородная идея не осуществилась из-за банальной и хорошо знакомой нам и сегодня причины — не хватило денег. Тем не менее, на карту многих районов области были нанесены археологические памятники разных эпох, в том числе и карту Верхнемамонского района — 44 археологических объекта. Посмотрим, какую информацию они нам дают. При этом заметим, что найденный археологический памятник, будь то курган или место, где жили люди в прошлом, сами по себе еще мало что говорят. До раскопок о погребенных в курганах ничего не известно, и находки на месте поселения — лишь капля в море той информации, которая хранится в толще земли. А число раскопанных археологами объектов в Верхнемамонском крае можно пересчитать по пальцам одной руки.

Большинство найденных археологических памятников — места поселений древних людей эпохи бронзового века (вторая половина III–II тыс. до н.э). Следы их пребывания отмечены у сел Верхний и Нижний Мамон, Гороховка, Осетровка, Приречное, Ольховатка, у Бельского кордона, хуторов Лукьянчиков и Донской.

Поселение эпохи бронзы у озера Круглое. В 1986 году у с. Ольховатка отряд экспедиции Воронежского пединститута (в настоящее время — педуниверситет) под руководством археолога В.И. Погорелова исследовал участок большого по занимаемой площади поселения эпохи бронзы, обнаруженного в 1984 году в период проведения разведок на территории района. Значительная насыщенность культурного слоя фрагментами глиняных сосудов, костями домашних животных свидетельствовали о долговременном проживании людей у старичного озера Круглое. Причем, раскопки показали, что жили здесь люди в разные периоды бронзового века и принадлежали они разным народам. Кто же обитал здесь?

К сожалению, названия многих племен и народов древности не дошли до нас ни в письменной, ни в устной форме. Археологические же находки сами по себе об их имени не говорят, но по ним можно установить хозяйственные занятия, религиозные взгляды людей прошлого. А в итоге можно найти отличия и в хозяйстве, и верованиях, которые будут показывать, что мы имеем дело именно с разными племенами и народами, пришедшими сюда из разных мест и принесшими разные традиции и обычаи.

Археологи, не имея информации о названиях древних народов, в своей работе применяют понятие «археологическая культура», под которой понимается совокупность материальных признаков (посуда, украшения, погребальный обряд и т.д.), в которых отражена жизнь человеческого коллектива, существовавшего на определенной территории и в определенное время. Археологические культуры называются по именам их первооткрывателей, современных населенных мест, где

² Под научными археологическими исследованиями понимаются специальные археологические методы поиска, фиксации и интерпретации археологических памятников. Если в руки археологов не попали материальные свидетельства прошлого (предметы вооружения, украшения, глиняная, металлическая посуда и т.д.), но об этих находках имеются сведения местных жителей, то такие данные принимаются учеными во внимание для дальнейших поисков, но научными они не являются. Часто рассказы о зарытых «кладах», «золотых каретах», «сокровищах» и т.д. являются результатом народного творчества, но не отражением реальности.

их признаки нашли впервые. Вот и у озера Круглое раскопки привели к открытию трех археологических культур бронзового века, за которыми и скрываются разные племена и народы, обитавшие здесь в разное время.

После себя обитатели поселений оставляли битую посуду, остатки строений, потерянные или поломанные предметы. Много ли можно узнать по этим остаткам? Что останется от заброшенной деревни, хутора, которые были покинуты жителями? Все, что не нужно им в новой жизни на новом месте, попросту говоря, «мусорные кучи прошлой жизни». По мнению некоторых авторитетных ученых, это не более чем 15 процентов той информации, которая когда-то была. Вот и задача не из легких для археолога — по этим маловыразительным остаткам былой жизни находить историческую информацию.

Катакомбная культура. Нижний слой поселения у с. Круглое, в котором находились археологические находки, самый древний. Это как в слоеном пироге: то, что внизу — более «древнее», чем то, что находится выше. Именно этот нижний и самый первый слой на поселении показал: здесь первоначально обитали племена катакомбной археологической культуры бронзового века.

Краткая справка. *Катакомбная культура* — развитая культура подвижных скотоводов первой половины II тыс. до н.э., занимавшая обширные степные и лесостепные пространства от Волги на востоке до Днепра на западе. Впервые выделена одним из основателей российской археологии В.А. Городцовым в самом начале XX века. Названа так по конструкции погребального сооружения: к овальной или прямоугольной квадратной яме (шахте) сбоку, в одной из стенок делался подбой-пещерка (камера). В нее через ступеньки шел вход, который часто заслоняли бревнами, камнем. Над катакомбой создавали курганную насыпь. Памятники представлены неукрепленными поселениями, бескурганными и подкурганскими погребениями. Происхождение племен, стоявших за этой культурой, связывается с южным направлением миграции — Средиземноморьем, хотя многое в этом вопросе является предметом дискуссии среди ученых. Исследователи относят катакомбные племена к носителям индо-иранских языков, а некоторые — с ариями, мигрировавшими в Индию и создавшими там, на местной основе новое культурное образование. (Рис. 3)

Находки катакомбной культуры сравнительно немногочисленны и не отличаются разнообразием (битая посуда, изделия из кремня, кости мелкого и крупного рогатого скота), что неудивительно, ведь это были подвижные скотоводы, долго не стоявшие на одном месте. Археологи выделили в культуре катакомбных племен несколько периодов. Судя по фрагментам глиняных сосудов с поселения, катакомбники здесь жили в поздний период своей истории, примерно в XVII–XVI веках до н.э. Именно для позднего периода характерны определенные орнаменты на сосудах, в частности, так называемый «паркетный орнамент» в виде продолговатых оттисков плоского штампа под углом друг к другу.

Срубная культура. Второй слой на поселении оставили племена так называемой срубной культуры.

Краткая справка. *Срубная культура* — развитая культура скотоводов второй половины II тыс. до н.э., занимавшей обширные степные и лесостепные пространства от Урала на востоке до Днепра на западе. Впервые выделена В.А. Городцовым в начале XX века. Названа так по конструкции погребального сооружения — срубов, устроенных в прямоугольных или квадратных ямах. Происхождение культуры до конца неясно, многие же считают ее родиной Нижнее Поволжье. Памятники представлены неукрепленными поселениями, бескурганскими и подкурганскими погребениями. Срубные племена имели развитое комплексное скотоводство, построенное на различных способах содержания скота — стойловое, отгонное, кочевое. По некоторым данным, срубники занимались и земледелием, распахивая мягкие пойменные луга. Высокого уровня достигло бронзолитейное дело. В Аннинском районе у с. Мосоловка археологи исследовали ремесленный поселок срубников, где было обнаружено более 2000 литейных форм и их обломков, в которых отливали топоры, ножи, украшения, косари (короткие бронзовые косы-серпы).



Рис. 2

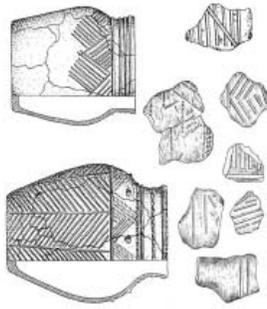


Рис. 3

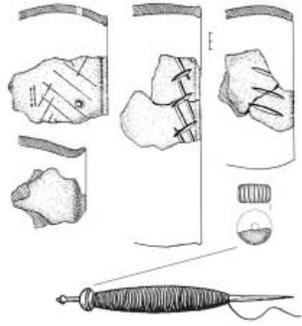


Рис. 4



Рис. 4а



Рис. 4б

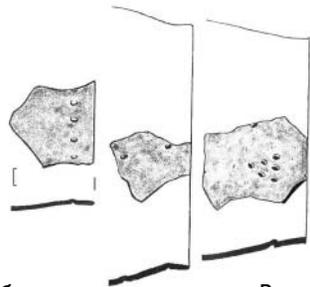


Рис. 5



Рис. 6



Рис. 7

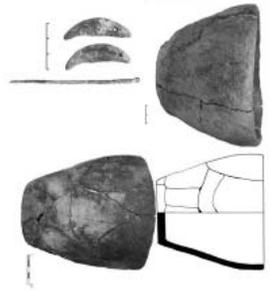


Рис. 8



Рис. 9

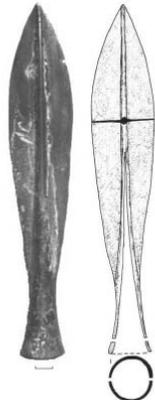


Рис. 10

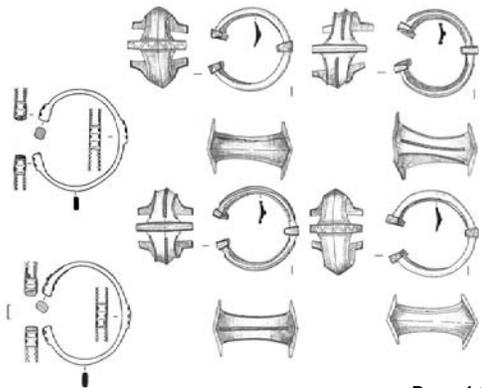


Рис. 11

В XII веке до н.э. произошли резкие климатические изменения — падение температуры с одновременным сокращением количества осадков («холодная степь»). Комплексное хозяйство пришло в упадок, начинается сокращение численности населения и в конечном итоге остатки срубных племен были поглощены волной кочевников с востока, которых древние греки знают под именем киммерийцев.

Племена срубной культуры представляют собой, по мнению многих исследователей, иранскую группу индоевропейской языковой семьи. (Рис. 4)

В отличие от катакомбных племен срубные племена жили более оседло, строили долговременные жилища, имели погребя, сараи, где находился на стойловом содержании скот. Оседлому образу жизни способствовал благоприятный климат, дававший возможность заниматься различными видами хозяйственной деятельности. В результате следов жизни срубных племен осталось больше, чем катакомбных: фрагменты глиняных горшков, обломки сломанных костяных шильев, кремневые скребки, кости домашних и диких животных. Обнаружить жилища и другие строения можно только широкими раскопками. Пока же на поселении у озера Круглое найдены остатки хозяйственной постройки со столбовыми ямками (свидетельство наличия крыши) типа небольшого хранилища для припасов или содержания группы животных.

Древняя прялка. Среди находок на поселении у озера Круглое — обломки глиняных грузиков — принадлежностей веретен. Ни одно из них не сохранилось целым. Грузики имели круглую приплюснутую форму, а один из них — орнамент в виде поперечных резных полосок. Как пользовались в древности веретеном, и для чего был нужен глиняный грузик?

Сегодня и принцип-то работы ножной прялки наших бабушек и прабабушек мало кто знает и понимает, а уж более древние способы изготовления нити и работы пряжи — тайна за семью печатями. Люди тысячелетиями пользовались ручным веретеном, изготавливая нити для ручного ткацкого станка, и находки глиняных грузиков на поселении у озера Круглое дают повод раскрыть эту «тайну».

Главным сырьем для изготовления нити со времени появления скотоводства была шерсть. Она обладает качествами, которые древние люди быстро поняли: волокна шерсти, хотя в несколько раз тоньше человеческого волоса, но очень прочные. Есть у шерсти и еще одно свойство — способность скручиваться в нити. На этом и основан древний и самый распространенный способ переработки шерсти — прядение. (Рис. 4а)

С древних времен мало что изменилось в прядении. Шерсть предварительно моют в теплой воде, просушивают, затем вручную разбирают слипшиеся волокна и удаляют мусор. Гребнем с длинными и редкими зубьями шерсть расчесывают. Интересно, что у срубников в погребениях и на поселениях археологи находят костяные зубья разборного гребня: зубья вставлялись в отверстия плоской деревянной основы, после чего начинался процесс расчесывания шерсти.

Когда волокна лягут в одном направлении, получается то, что в русском языке называется *кудель*. Ее помещают на *прялку* — вертикальную деревянную доску с доской горизонтальной, куда садилась пряжа. Теперь — *веретено*. С древнейших времен веретено мало изменилось. Его основу составляет деревянный стержень, на который с одной стороны прикрепляется глиняный, каменный или металлический груз обычно плоской круглой формы с отверстием посередине. Этот грузик нужен для придания веретену крутящего момента, который необходим при прядении. Держа веретено тремя пальцами правой руки и равномерно вращая его по часовой стрелке, тремя пальцами левой руки из кудели вытягиваются небольшие порции шерсти и скручиваются в нить. Когда нить достигает такой длины, что правая рука перестает доставать веретено, прядение останавливается, и пряжа наматывает нить на поверхность веретена. Ненамотавшийся конец ее захлесты-

вается петлей на веретено. После этого опять начинается операция вытяжки новой группы волокон, их скручивание. (Рис. 4б)

Таким образом, процесс веретенного прядения состоит из трех основных моментов: вытягивания волокон, их скручивания и намотки готовой нити на веретено. Дополнительным моментом при ручном прядении обычно было смачивание время от времени нити слюной, являющейся для волокон клейким веществом, сообщающим нити гладкость и блеск.

Бондарихинская культура. В верхнем слое поселения у озера Круглое найдены совсем не похожие на катакомбные или срубные фрагменты горшков. Керамика сосудов тонкостенная, в отличие, к примеру, от толстостенной срубной керамики, по внешней поверхности этих сосудов нанесен однотипный орнамент в виде овальных «каплевидных» вдавлений. Это характерная посуда племен бондарихинской культуры.

Краткая справка. *Бондарихинская культура* — археологическая культура финального бронзового и самого начала раннего железного веков (примерно XI–IX веков до н.э.). Занимаемая территория — от левобережья Днепра до бассейна Дона и Средней Оки. Названа по урочищу Бондариха у г. Изюма на р. Северский Донец. Памятники представлены неукрепленными и укрепленными поселениями (городищами), бескурганными погребениями. Основу хозяйства составляло разведение крупного и мелкого рогатого скота, свиней, которое дополнялось земледелием и охотой. Население выращивало просо, ячмень, пшеницу, рожь, горох. Исчезает культура с наступлением железного века, видимо, поглощенная новыми культурами уже раннего железного века. Население культуры одни исследователи связывают с финно-уграми (предки современных финнов, эстонцев, мордвы, венгров) или балтами (предки современных литовцев, латышей). (Рис. 5)

Племена бондарихинской культуры в Воронежском крае оставили незначительные следы пребывания. Чаще всего это фрагменты битой посуды, кости животных (как на поселении у озера Круглое), которые свидетельствуют о недолгом проживании бондарихинцев в крае. Крайняя редкость художественных изделий из металла, по которым можно определить время их изготовления (на памятниках в Воронежском крае их нет вовсе) затрудняет решение вопроса о том, когда начинается и заканчивается время существования культуры в нашем крае.

КУРГАНЫ В СТЕПИ

Катакомбным и срубным племенам принадлежит большинство курганов, разбросанных по высоким водоразделам и еще сохранивших свой величественный вид, несмотря на более чем столетнюю их распашку. В Верхнемамонском районе обнаружено около полусотни курганов у сел Лозовое, Верхний Мамон, Ольховатка и др. В основном это незначительные по высоте (до 1 м) насыпи полушаровой формы. Встречаются и курганы высотой от 2-х до 3 м. Самый высокий курган высотой до 5,5 м находится на северо-восточной окраине с. Верхний Мамон на левом берегу Дона. Рядом с ним — курган высотой 3,5 м.

Краткая справка. *Курган* — слово из тюркского языка, на котором говорили печенеги, половцы, кочевники Золотой Орды. Буквально переводится как «древний могильный холм», «небольшой холм», а также «крепость», «межевой знак». Вероятно, от тюркского «кур» — поставить, расположить.

Курганы цепочкой тянутся по берегам Дона, его притоков, высятся на владениях ветра — водоразделах... Они издаലെка манят путника своим непонятым могуществом, неведомой и скрытой силой... На некоторых еще сохранился первозданный ковыль, и шумит он на ветру, как будто песню поет... Вот только язык непонятен: слушать — слушай, а о чем — тайна...

Создатели курганов — древние скотоводы бронзового века и последующих времен. Курганы сооружали вплоть до XV в., когда язычество в степи было окончательно вытеснено исламом и последние наследники курганной традиции отказались от старой веры.

О курганах немало сложено легенд. Как названия многих наших рек народная молва связывает с утонувшими «девами», «принцессами», так и курганы выросли легендами: «Два брата», «Царский курган», «Деев курган», «Сторожевой курган». Чаще всего местное население связывает их либо с «татарами» (обычно до татар доходит историческая память народная), либо они «насыпались для наблюдения за татарами» и уж, конечно, почему-то, «насыпались шапками». Легенды легендами, а что за идеи заложены в этой земляной махине, подобной пирамиде, только степной? Посмотрим на современные достижения науки в этом вопросе, которая далеко ушла от прежних упрощенных представлений о кургане, как просто месте погребения людей.

Основной идеей, лежащей в основе создания кургана, является образ Мировой Горы как первоначальной основы Космоса (по греч. «космос» — «порядок»), который творится из окружающего Хаоса (по греч. «хаос» — пустота, неорганизованность пространства). Создание кургана — начало творения, цель которого — преодоление опасных последствий, явлений, событий, нарушающих этот порядок. При проведении ритуальных церемоний, связанных с погребениями, курган приобретал особую религиозную значимость и продолжал какое-то время действовать как святилище. Осуществление через какое-то время впускного погребения и досыпка кургана как бы снова напоминали участникам церемоний первотворение в образе Мировой Горы. Необходимость сохранения стабильности мироздания, предотвращения вторжения Хаоса порождала масштабные мероприятия с участием всего коллектива (племени, племен).

В кургане, как теперь установлено, отражены примерно те же идеи, что и в других монументальных погребальных сооружениях — стремление выделить представителей знати. Чем выше курган, тем ближе к богам душа умершего. От рядовых могил погребения в кургане отличаются большими размерами, огромными трудозатратами на их сооружение, человеческими и животными жертвоприношениями.

Курганы у с. Лозовое. В 2016 году начал осуществляться план проведения окружной дороги вокруг с. Лосево Павловского района. В зону строительства попало более десяти курганов в пределах Павловского и Верхнемамонского районов. Их исследования проводили археологи из Института археологии РАН, воронежские археологи — ООО «Терра», сотрудники экспедиции Воронежского педагогического университета. В результате два кургана были исследованы и у с. Лозовое в Верхнемамонском районе. (Рис. 6)

Курганам «доставалось» и «достаётся» от многих поколений. То их грабили (и грабят!) в надежде раз и навсегда обогатиться несметными сокровищами, то сносили бульдозерами, потому что они «мешали пахать», то какое-нибудь строение разместят на вершине, разрушив попутно несколько погребений...

Чаще всего разрушение нашей истории, в том числе и материальной в виде древних курганов, поселений происходит по исторической или общей культурной неграмотности. Это один из серьезных недостатков нашего общего образования с момента его появления как такового и является недостатком до сих пор. Проявляется этот недостаток в отсутствии *понимания истории как отражения созидательной деятельности наших предков, выраженной в археологических памятниках, и, как следствие, необходимости их сохранять!*

И как тут не вспомнить замечательную балладу А.Т. Синюка, посвященную кургану, «размышляющему в думах тяжелых»:

Вокруг меня — покой и воля.
Но мне грозит удел иной:
Все ниже я на ровном поле,
Все выше небо надо мной...
Не убивайте память вашу:
Лишь в ней найдете вы ответ,
Как сделать будущее краше
Без лишних горестей и бед!
Вот так, примерно, сна лишенный,
Курган тот к разуму взывал.
Но планом сева обреченный,
Он, как и братья, смертью пал...

«Смертью пал» один из курганов у с. Лозовое: раскопки показали, что он оказался полностью разрушенным кирпичным строением, осуществленным в советское время. Вырытая при этом яма полностью уничтожила основное и единственное погребение, которое находилось в центре. От него ничего не осталось, и установить, кто и когда здесь был погребен, оказалось невозможным. (Рис. 7)

Второй курган не был поврежден, и его раскопки привели к открытию девяти погребений. Все они принадлежали раннему периоду развития срубной культуры (примерно XV–XIV вв. до н.э.). У большинства могильных ям были найдены остатки деревянных перекрытий. Дерево сильно, конечно, истлело, но его яркий красный цвет давал возможность археологам установить размеры могильных ям, ориентировку еще до их обнаружения и раскопок. Скелеты сохранились плохо из-за рыхлости грунта, но антропологи проведут исследования и по останкам скелетов установят пол, возраст, физические особенности строения скелетов. Умершие находились в могиле по традициям срубной культуры — скорченно на левом боку головой на север или северо-восток.

Вытянутое положение умершего и сегодня, и в древности понималось и понимается как победа жизни над смертью. Умерший (или его душа), по представлениям древних, должен был встать, чаще всего лицом к восходящему солнцу — источнику жизни. Интересные сведения на этот счет имеются в древнейшем письменном источнике ариев — Ригведе (Веда гимнов), появившегося в середине II тыс. до н.э. и записанного две тысячи лет назад в Индии, куда мигрировали арии. В одном из гимнов жрец обращается к богине новогодней зари Ушас (Ушас у ариев — воскресительница мертвых):

Когда занимается заря, заставляющая живого встать прямо,
Какого мертвого она разбудит?
Вставайте, пришел к нам дух жизни.

В другом гимне:

Кто несет высокую благодать, вызывает к жизни?
Успокаивает вновь?
Кто повелитель обоего: *идущего и стоящего*,
Это бог Савитар пусть дает нам защиту...

Но что означает скорченное положение умершего? В историю ушло представление о том, что таким образом соплеменники придавали покойнику положение спящего, не понимая, мол, причин смерти. Не умер, а уснул. Такое понимание, не исключено, было на ранней ступени развития человечества, но не в бронзовом веке, где существовали сложные представления о сущности жизни и смерти. И письменные источники, и данные этнографии однозначно свидетельствуют, что в по-

ложении погребенного в могиле заложена идея переправы души умершего в мир иной и идея нового воскрешения. При этом умерший в таком положении мог олицетворяться с положением новорожденного или молящегося человека. Но главная идея оставалась прежней — воскрешение. Для длительного и опасного путешествия (душу стерегут демоны, желающие ее отвести от верного пути) нужны одному обереги, другому дары богам, третьему оружие. В сосудах находилась и еда для путешествия, и дары богам... Хотя срубников хоронили головой на север или северо-восток, лицом покойники обращены к солнцу — источнику жизни и возрождения. (Рис. 8)

Основные предметы погребального инвентаря в Лозовском кургане — глиняные сосуды. Одни сохранились полностью из-за лучшего обжига, другие оказались разрушенными временем. Надо сказать, что для погребальных церемоний многие народы древности, в том числе и племена срубной культуры, изготавливали именно «похоронную посуду», которая предназначалась для погребения, но не для использования в обыденной жизни. Поэтому она изготавливалась, хотя и тщательно, с богатым орнаментом, качественно не обжигалась, поскольку не это было главное. Как тут не вспомнить современные похороны и одноразовую одежду и обувь подготовленного к погребению человека!

Среди находок есть и обереги — клыки лисицы с просверленными отверстиями, бронзовые подвески, которые крепились на шнурке или волосах у виска, откуда получили название «височные подвески», а также редкая для срубной культуры находка — бронзовая игла с ушком. (Рис. 9)

Бронзовый наконечник копья. У с. Дерезовка находится не менее шести поселений, на которых при проведении археологической разведки была обнаружена керамика срубной культуры. И не случайно, что именно здесь несколько лет назад был найден бронзовый наконечник копья. Почему не случайно?

Копье относится к метательному, колюще-режущему древковому оружию, преимущественно длинной заостренной палке, бросаемой с близкого расстояния в зверя или врага. Это было понято еще охотниками на мамонта. Впоследствии появляются каменные, а затем и металлические наконечники копий. Это грозное оружие и в начале XX века использовалось в военных действиях, в частности, казаками. Кому же принадлежало бронзовое копье из Дерезовки? (Рис. 10)

Археологи в своих исследованиях пользуются разработками, которые дают возможность установить культурную принадлежность предмета, время его распространения. Подобные копья, изящные, качественно отлитые в глиняных или каменных литейных формах принадлежат изделиям, созданным племенами сабастиновской культуры.

Краткая справка. *Сабастиновская культура* — археологическая культура позднего бронзового века (примерно XVI–XII века до н.э.) в Северном Причерноморье. Названа по с. Сабастиновка. Сабастиновская культура выделяется высоким уровнем металлообработки в литейных мастерских. Из оловянистой бронзы изготавливались предметы вооружения, орудия труда и украшения. Сабастиновцы — скотоводы и земледельцы. Есть мнение, что за сабастиновской культурой стоят предки фракийцев. Племена сабастиновской и срубной культур, хотя и формировались на разных основах, сосуществовали и между ними имелись связи.

Интересным представляется в связи с находкой копья обнаружить на поселениях у с. Дерезовка керамику сабастиновской культуры. О подобных находках пока неизвестно в Подонье. Впрочем, более вероятным представляется видеть в копье отражение торговых связей между сабастиновцами и срубниками в позднем бронзовом веке.

ЖУРАВСКИЙ КЛАД И РАННИЕ СЛАВЯНЕ

Сколько тайн нашей истории сокрыто в земле... Сколько веков и тысячелетий оставили свой след в ней... Время от времени под плугом на пашне, в береговом обвале нет-нет, да и появляются они — свидетели давно минувших времен. Или раскопки археологов обнаружат их. И тогда на свет появляются новые предположения и исторические реконструкции, новые идеи, которые зачастую переворачивают наши привычные взгляды о прошлом...

Выдающимся событием в донской археологии последнего времени стало выделение археологических памятников III–V веков, которые ранее или не были известны, или были ошибочно отнесены к уже знакомым археологическим культурам. III–V века — это римское время, последние века великого Рима, откуда и название этих памятников — «памятники римского времени». В них отражен сложный период миграций, взаимодействия разных культур, в них присутствуют и признаки наших прямых предков — славян. Правда, сам-то термин «славяне» появится только в VI в., а это пока наши предки без имени, которые у археологов названы «праславяне» (предшественники славян). Это открытие стало новым словом в археологии Подонья: ведь недавно, всего лишь двадцать лет назад, история славян на Дону начиналась со второй половины VIII–X веков, а раньше ни о каких славянах не было известно.

Культура донских славян хорошо изучена. Много достигнуто в решении вопросов происхождения: это вятичи, спустившиеся с Оки, а также группы славян с территории Днепра и его притоков, среди которых, возможно, были северяне и поляне. Известно, что славянское население покинуло наш край в начале X века под угрозой нашествия кочевников-печенегов. Казалось, что дальнейшие исследования археологов возможны только в направлении углубленного изучения различных сторон жизни донских славян.

А что же ранее донских славян, до VIII века? Была ли донская территория безлюдна и пустынна? До последнего времени так и считалось, потому что не были известны археологические находки, предшествующие культуре донских славян. В свое время историк и археолог М.И. Артамонов посчитал сообщение византийского историка Прокопия Кесарийского о многочисленных племенах антов, которых относили к славянам и, судя по тексту, обитавших где-то в верховьях Дона, ошибочным. По причине отсутствия там каких-либо археологических свидетельств славянского пребывания этого времени (Прокопий жил в конце V до 60-х гг. VI века). Но Прокопий Кесарийский оказался прав!

В 80–90-е годы прошлого столетия сначала на Верхнем Дону (эта территория выше впадения р. Воронеж в Дон до границы с лесом) и на Хопре были обнаружены археологические памятники, которые датировались по находкам II–V веками, временем великого переселения народов. В эпоху великого переселения снялись с насиженных мест германцы, предки славян (праславяне), тюрки, иранцы (аланы), финно-угорские племена, балты. По неясным еще причинам начался глобальный процесс миграций, столкновений, объединений, охвативший всю Европу. Толчком к массовым передвижениям послужило нашествие гуннов с востока в 70-е гг. IV в. Дни Римской империи были сочтены не только по внутренним причинам, но и в том числе из-за непрекращающихся вторжений варваров в ее пределы.

Находки на Верхнем Дону и на Хопре не были однозначными, их нельзя было отнести только к славянам, будь то украшения или глиняная посуда, но в них присутствовали и славянские черты! Начинается интенсивное изучение с помощью раскопок поселений и городищ. Выясняется их связь с культурами среднего течения Днепра II–VII веков н.э., где обитали славяне и их предки. Ситуация не только в корне изменилась, но и продолжает меняться!

Средний же Дон (территория от впадения р. Воронеж в Дон и до границы степи и лесостепи в южных районах области) до поры до времени хранил молчание: тайна скрывалась в донской земле и не хотела обнаруживать себя... Но становилось ясным: археологические памятники, подобные верхнедонским, здесь есть. Только их надо найти. И донская земля преподнесла первый сюрприз.

В обрыве Дона неподалеку от хутора Лукьянчиков в 2011 году был найден клад бронзовых предметов, сразу привлечший к себе внимание археологов. В научной литературе он получил название «Журавский клад» по с. Журавка, что находится неподалеку в Богучарском районе. В перегнивших остатках кожи находились бронзовые браслеты. Они необычны: четыре массивных, со стреловидными расширениями на окончаниях, с тонкими насечками по краям; другие два плоские и со змеевидными головами по краям. Кому принадлежали эти необычные для донской территории находки? К какому времени они относятся и зачем оказались в земле на берегу Дона? Найденные браслеты — характерные находки, относящиеся к так называемым «выемчатым эмалям».

Краткая справка. *Выемчатые эмали* — 1 — древняя ювелирная техника нанесения цветных эмалей (стекловидной массы) на металл путем создания в нем выемок резцом, литьем и другими способами; 2 — в археологии — группа металлических украшений, созданных техникой выемчатых эмалей.

Выемчатые эмали — древний вид эмалей, история которых уходит во II тысячелетие до н.э. Они были известны египтянам, ассирийцам, финикийцам, впоследствии кельтам и другим народам. Выемчатые эмали — характерная и яркая черта культур народов эпохи Римской империи. Браслеты, подвески и другие украшения в технике выемчатой эмали имели широкое распространение в Европе во II–V веках н.э.

Эмаль представляет собой слой легкоплавкого стекляннного сплава различных цветов. Наносится в порошкообразном состоянии на поверхность изделия и сплавляется непосредственно на нем при нагревании самого изделия. Основой большинства эмалей является окись кремния. Цвета создаются добавлением в стекловидную массу окиси меди, свинца и других металлов. (Рис. 11)

Журавские браслеты не имеют эмалей. Но подобные находки по традиции относят к выемчатым эмалям. Ведь, созданные однажды, они со временем изменялись, что-то приобретая, что-то теряя. Так, выяснилось, что в середине III в. н.э. многие изделия «потеряли» эмали и вместо них украшения создавались на тех же предметах мелкими насечками по краям, по центру. Именно такую характеристику имеют журавские браслеты.

Кому принадлежали эти браслеты? Не такой простой вопрос и не так легко выяснить их создателя и носителя... Ведь зачастую многие украшения были в ходу в одно и то же время у разных народов, благодаря моде. А мода, как известно, интернациональна. Между тем, как установлено археологами и этнографами, украшения с древних времен являлись и показателем этнической принадлежности их владельцев. По ним безошибочно определяли, кто «свой», а кто «чужой». Украшения вместе с лепной посудой, основами домостроительства являлись в прошлом верными указателями этнической принадлежности — славянин ты, германец, варяг или араб. Весь вопрос в том, как отделить «интернациональное», свойственное многим народам (этносам), и типично этническое, свойственное только одному или, по крайней мере, нескольким этносам.

Выемчатые эмали обратили на себя внимание отечественных и зарубежных ученых более 100 лет назад. Поначалу возникла теория о принадлежности выемчатых эмалей готам — германскому союзу племен. С приходом в первых веках н.э. готов на юг Восточной Европы исследователи связывали расцвет племен Поднепровья, а Киев, по их мнению, стал столицей готской державы. Готы были сметены ордами гуннов в конце IV века, вместе с ними исчезают и выемчатые эмали.

Однако сегодня «готская теория» не выдержала испытания временем и ее вспоминают лишь как «эпизод в поиске истины».

Впоследствии появилась версия о прибалтийской родине выемчатых эмалей, и их стали связывать с балтами. В I — начале II тысячелетия н.э. балты жили в верховьях Днепра, на юго-западе Прибалтики, на Оке. Исследования показали, что в Прибалтике эти украшения появились раньше, чем в Поднепровье: в Прибалтике во II–III веках н.э., в Поднепровье же и других территориях Восточной Европы лишь в IV–V веках н.э. Истоки же выемчатых эмалей, как было установлено, уходят корнями в римские провинции Западной Европы (Подунавье, Рейн и другие). Исчезают выемчатые эмали после исчезновения моды на них в V веке н.э.

В середине XX века археологи включают выемчатые эмали к «ранним славянам». Были пересмотрены даты кладов с выемчатыми эмальями в сторону их удешевления — со II века н.э. Истоки же украшений остались в новой версии прежними — это римские провинции, откуда они попали в Поднепровье. Здесь на основе импортных изделий начинается собственное производство украшений. Отсюда, а не наоборот, выемчатые эмали проникают в Прибалтику, где и распространяются со второй половины II — первой половины III века н.э. Дополнительным доказательством днепровского происхождения эмалей стало количество находок в Поднепровье — более 200 предметов! Такого количества более нигде не известно.

Журавский клад, который датируется серединой III века н.э. (по характеру орнаментации и отсутствию эмалей) принадлежит представителям *киевской культуры*, которую связывают со славянами. По каким причинам славяне, входившие в киевскую культуру, оказались на Дону с кладом бронзовых украшений? Какие причины привели к этому?

Однозначного ответа на этот вопрос нет. Одни исследователи связывают миграции с политическими событиями. В середине III века н.э. германский союз племен готов занимает земли, занятые другим населением, в том числе и населением киевской культуры. Начинается цепная реакция — перемещения племен, которые охватили обширные пространства от нижнего течения Днепра до Верхней Волги. Есть мнения о неблагоприятных климатических изменениях и начале миграций в поисках новых земель, более приспособленных для хозяйствования. В результате все пришло в движение. Не исключено, а скорее всего так и было: политические события и климатические изменения совпали. Что сыграло более важную роль в этих миграциях, еще предстоит выяснить.

НЕМНОГО О КЛИМАТЕ И МИГРАЦИЯХ

Вот уж дела, подумает внимательный читатель, прочитав эти очерки: одни миграции да миграции. А где же наше, местное?

Если перевести этот вопрос в русло научного разговора, то окажется: донская лесостепь действительно в разные исторические эпохи представляла собой «проходной коридор» для самых разных народов с разным уровнем и направлением экономического развития. А вся причина этого в климате, который постоянно в истории менялся (и меняется) по законам, по большей части от человека не зависящим. Изменения идут по синусоиде от одних климатических крайностей к другим, от засух и жары до проливных дождей и холодных зим. Ученые-климатологи пытаются выяснить амплитуды и направления этих колебаний, чтобы предвидеть будущие изменения. Много сделано в этом направлении, но многое остается неясным.

Почему лесостепь так меняется? Меняется климат и меняются все ландшафтные зоны, но лесостепь в силу своего пограничного положения между лесом и сте-

пью меняется более всего, то становясь более степью, то зарастая лесом. В результате здесь находили себе нужные условия жизни кочевники с периоды засух, и охотники, рыболовы, земледельцы в периоды увлажнения и наступления леса. А потому у нас в Подонье можно найти и поселения лесных охотников, и курганы степных кочевников. В благоприятные периоды климата к нам в широтном направлении устремлялись различные племена в поисках новых угодий для хозяйствования, как это было с донскими славянами, а еще ранее с праславянами. Такая она, лесостепь... Такое оно, наше Подонье...

ПОДПИСИ К РИСУНКАМ

1. Карта археологических памятников Верхнемамонского района.
2. Каменные предметы: ножевидная пластина, наконечник стрелы и скребок из Горюховки и реконструкции их крепления и использования.
3. Фрагменты глиняных лепных сосудов катакомбной культуры с поселения у озера Круглое и реконструкции целых глиняных сосудов с похожей орнаментацией.
4. Фрагменты глиняных лепных сосудов срубной культуры, глиняный грузик с поселения у озера Круглое.
- 4а. Знатная женщина за прядением. Барельеф. Вавилонское царство. II тыс. до н.э.
- 4б. Пряжа за прядением. Современное фото.
5. Фрагменты глиняных лепных сосудов бондарихинской культуры с поселения у озера Круглое.
6. Курган у с. Лозовое. Работают археологи.
7. Парное погребение срубной культуры в кургане у с. Лозовое.
8. Глиняные сосуды, клыки-амулеты, бронзовая игла из погребений кургана у с. Лозовое.
9. Бронзовые подвески из погребения кургана у с. Лозовое и реконструкция их расположения.
10. Бронзовое копьё из Дерезовки.
11. Бронзовые браслеты Журавского клада.





Иван Акимович Пахомов (1926–2004). Родился в селе Гороховка Верхнемамонского района Воронежской области. Участник Великой Отечественной войны. Окончил Воронежский государственный университет, Московский народный университет искусств. Работал учителем, директором школы, журналистом в Верхнемамонской и Богучарской районных газетах. Автор многих поэтических сборников и книги «Донские напевы» с рассказами и краеведческими заметками.

Иван Пахомов

ОТПУСТИ...

* * *

Отпусти ты меня, отпусти —
С журавлями на юг или дальше.
Так ли жил иль не так, ты прости.
Только, кажется, жил-то без фальши.

Все бывало: садился на мель —
И буксир вызывал на подмогу.
И багрянила замять-метель —
Серебрила виски понемногу.

И дырявилась лодка в пути,
И волна через борт заливала...
Отпусти к журавлям, отпусти,
Я там буду у них запевай.

Не забуду я край милый мой
И, кружась в высоте поднебесной,
Я пошлю тебе, ангел земной,
Расхорошую милую песню.

Ты в кассету ее запусти,
Постарайся без шума, без фальши.
А меня к журавлям отпусти,
Я на юг с ними, может, и дальше.
Отпусти...

НАГРАДЫ

Он дедовы нашел награды
И приколот себе, как смог.
А тут и дверь открылась в хату —
Сам дед явился на порог.

Внук поджидал такого часа
И дедушке откозырял:
— Товарищ старшина запаса,
Простите, что медали взял.

Дед молча постоял немножко,
Сказал: «Ну, ладно. Вот дела...»
И как юла на тонкой ножке,
Внук завертелся у стола.

То он в «атаку» шел с отрядом,
То полз к «врагу» за «языком»...
Звенели в комнате награды,
А внук командовал «полком».

...Старик смотрел на все на это
И вспоминал о той войне.
И почему-то раны деда
Вдруг так заныли на спине.

Как будто мысль о лихолетье
Покой растеребила их.
Дед тихо молвил: «Дети, дети,
Не знать бы вам наград таких».

ОКА ОСЕННЯЯ

Багринцеву А.И.

Мне вспомнилась Ока осенняя,
Ее холодный тихий плес,
Речушка у деревни Сенево
В багряном зареве берез.

Мы возвращались из поездки
По тем, Толстого Льва, местам,
Березовые перелески
Поклоны посылали нам.

А сизоватый можжевельник,
Казалось, головой качал.
Голубоватый, стройный ельник
Навеял нужную печаль.

По тем местам, в войну исхоженным,
Где столько, столько лет назад
Мы шли с тобой, Багринцев Лешенька,
В руках сжимаемая автомат.

А нам годочков было мало,
Так мало, Господи, прости!
Но мы исправно воевали,
Хоть у истории спроси!

Подростки в горькую годину
Не оставались в стороне...
...Из турпохода шла машина.
Мы — вспоминали о войне.

ПОД ВИШНЕЙ

Сидит старик под вишней старой,
И думка на сердце легла:
Прожил и пережил немало,
А жизнь — прошла и не прошла.

Над ним листвой играет вишня,
А он один сидит себе
И рад, что жил не третьим лишним
На грешной матушке-земле.

Растил хлеба во поле чистом,
Имел жену, детей — и дом...
И воином-кавалеристом
Советы защищал потом...

Потом — сражался в партизанах,
Сыны — под Ельней, под Москвой.
Остались — на мемориалах
Да в вечной памяти людской.

А тут и мать к ним поспешила
В покой те — небытия...
Все это было, хоть уплыло,
Но ничего забыть нельзя!

Сидит старик, а мысли где-то,
Сидит один. И нет войны.
И ничего ему на свете
Не надо, кроме тишины.



Виталий Иванович Жихарев родился в 1948 году в селе Артюшкино Аннинского района Воронежской области. Окончил факультет журналистики Воронежского государственного университета. Более 40 лет работал в печати, в том числе редактором газет «Молодой коммунар», «Коммуна». Автор десяти историко-документальных книг. Заместитель председателя правления Воронежской организации Союза писателей России. Лауреат премии Правительства РФ в области печатных СМИ, премии «Родная речь» журнала «Подъём». Живет в Воронеже.

Виталий Жихарев

ЗА ДВА ШАГА ДО ВСЕЛЕННОЙ

(Александр Матинченко
готовился к полету в космос)

Уроженец Верхнего Мамона Александр Матинченко участвовал в испытаниях космической техники и сам готовился к полету на околоземную орбиту.

ЗАМЫСЕЛ ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСТРУКТОРА

Сергей Павлович Королев оставил после себя «Рабочие заметки по тяжелому межпланетному кораблю и тяжелой орбитальной станции». Датированы записи 1962 годом. Уже тогда Генеральный конструктор советских ракетно-космических систем выдвигал идею создания вокруг Земли целой флотилии габаритных спутников, широких по своему функционалу и способных «жить» на орбите очень длительное время. Для обслуживания таких объектов — ремонта, регулировки, перезарядки фотокиноаппаратуры и приборов, дозаправки — потребовалась бы целая служба там же, в космосе.

По замыслу Королева, базироваться эта служба должна на большой обитаемой станции со сменным экипажем по вахтовому методу. На членах экипажа можно было бы изучать длительное воздействие невесомости, ставить масштабные медико-биологические эксперименты, пробовать на практике механические средства создания временного и постоянного искусственного тяготения, испытывать технику для более длительных полетов.

«Таким образом, основной задачей тяжелых орбитальных станций Королев считал подготовку к будущим межпланетным экспедициям и обслуживание искусственных спутников Земли, — пишет историк космонавтики С.Н. Славин. — Однако Генеральный конструктор прекрасно понимал, в каком мире он живет, поэтому предусмотрел и возможность военного применения таких станций».

Еще до полета Юрия Гагарина, 23 июня 1960 года, Королев направил министру обороны письмо с описанием именно военной станции. Рассчитывая привлечь внимание военного ведомства, он описал вкратце конструкцию объекта массой 25–30 тонн и его боевые задачи: разведка территории потенциального противника, выявление мест дислокации военно-морских баз, аэродромов, пусковых ракетных установок, войск, а также возможность применения оружия для уничтожения кораблей, баллистических ракет и других целей. Плюс к тому станция открывала широкие перспективы для астрономических, метеорологических, географических наблюдений и биологических экспериментов.

Идея военных заинтересовала. Королев получил предписание подготовить эскизный проект долговременной орбитальной станции оборонного назначения. Менее чем через год проект был готов. Станция предполагалась с экипажем из трех человек, массой 150 тонн, длиной 52 метра и 4,2 метра в диаметре. Энергетика — солнечные батареи и компактный ядерный реактор. Поднимать такую машину на орбиту тогда было нечем. Рассчитывали на три старта проектировавшейся гигантской ракеты Н-1. Монтаж на орбите наметили на 1965 год.

В начале осени 1962-го в Пицунде глава советского правительства, первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев встречался с главными конструкторами космической отрасли. Там приняли решение для аппетита умерить, а амбиции увеличить: массу станции сократить вдвое, но зато оснастить ее ядерным оружием.

Еще через три года, когда макет был готов, последовала новая вводная — выводить на орбиту надо многоцелевую космическую базу-станцию, этакий порт с несколькими стыковочными узлами для швартовки спутников-разведчиков. Дело в том, что аппараты с такой специализацией из-за низких орбит имели срок службы весьма короткий, от двух до шести месяцев. А на базе станции они могли сдавать свои материалы и проходить сервисное обслуживание. Ресурс таким образом увеличивался многократно.

База-станция должна была иметь длину 100 метров, диаметр основных блоков 6 метров, массу до 250 тонн и экипаж до 10 человек. Как утверждает С.Н. Славин, «станции собирались оснастить разными видами противоракетного и противокосмического оружия, в том числе и лучевого».

Однако и к тому времени ракета-носитель Н-1 не была готова.

Ситуацией, вызванной техническими проблемами, и отсутствием конкуренции со стороны Королева — Сергей Павлович умер, и его сменил Василий Павлович Мишин — воспользовался Владимир Николаевич Челомей, руководитель ОКБ авиационного машиностроения в подмосковном городе Реутово. Он предложил универсальную пилотируемую станцию «Алмаз» со сроком службы два года, пригодную как для народнохозяйственных целей, так и для военных. «Алмаз» можно было доставить на орбиту за один пуск челомеевской же ракеты, получившей впоследствии известность, как «Протон», с двигателями С.А. Косберга воронежского КБ «Химвтоматика».

Предложение Челомея получило одобрение. На соответствующих предприятиях ракетно-космической отрасли приступили к строительству как самой станции, так и большегрузного транспортного корабля для ее снабжения со спускаемым аппаратом оригинальной конструкции.

А в сентябре 1966 года в Центре подготовки космонавтов выделили группу,

которую стали специализировать для будущей работы на орбитальном комплексе «Алмаз». Сперва в ее состав входили пятеро. Назовем их в алфавитном порядке: уже летавший в космос Павел Беляев (командир группы), Лев Воробьев, Лев Демин, Василий Лазарев и Александр Матинченко — герой нашего рассказа.

РОДОМ ИЗ ВЕРХНЕГО МАМОНА

Александр Николаевич Матинченко родился 4 сентября 1927 года в селе Верхний Мамон тогдашнего Павловского района Воронежской области. Отец будущего кандидата в покорители Вселенной, Николай Федорович, служил военным летчиком.

— Матинченки — не местные, ростовские, — рассказывала двоюродная сестра Александра, Наталья Максимовна Семенова. — Семья Сашиного деда, Федора Трофимовича, по воспоминаниям родных, приехала в наш Верхний Мамон в двадцатые годы прошлого века. Дед Федор был рукодельным мужиком, завел у нас в селе кузницу. К своему ремеслу стремился приучить и сына Николая. Николай был женат на нашей, мамонской, но она вскоре заболела и умерла, совсем молодой. Детей завести не успели. Через некоторое время Николай посватался к моей тете по матери — Анастасии Семеновне Яншиной. В 1927 году у моей мамы, Анны Семеновны Гридиной, родилась я, и крестным отцом назвали Николая Федоровича. В том же году у самих Матинченко родился первенец Саша, так что мы с ним ровесники. Как дальше складывалась их жизнь, точно не знаю. И дед с бабкой, и молодые уехали в Ростов. А хатенка их на том краю села и сейчас еще цела. Крестный стал боевым летчиком, у него родились еще дети — сын Миша и дочка Нина. Теперь вот, — с грустью добавляет Наталья Максимовна, — и Миши нет в живых, и Саша умер. И Нину недавно похоронили, она в Харькове по медицинской части работала, профессором в институте...

По воспоминаниям Натальи Максимовны, в начале сороковых годов Николай Федорович служил в Прибалтике, жил с семьей в Вильнюсе. Военные люди остро чувствовали, что не сегодня, так завтра Германия нападет на Советский Союз. Матинченко-старший заранее перевез семью в Верхний Мамон. Здесь Анастасия Семеновна с детьми жила, снимая квартиру, до лета сорок второго. Тут немцы подошли к Дону, начались бомбежки.

Николай Федорович снова позаботился о семье. Пользуясь своими возможностями и полномочиями, он прилетел в Верхний Мамон на небольшом «кукурузнике», приземлился на поле, за оврагом, где был кирпичный завод. Отец выполнил три рейса — сначала перевез дочку Нину, вторым рейсом — ребят, Александра и Михаила, потом забрал жену. А зимой 1943-го, когда оккупантов из Придонья прогнали, Анастасия Семеновна приезжала погостить в Верхний Мамон.

— Тетя Настя меня увезла к себе в Монино Московской области — так захотел крестный, — продолжала рассказ Наталья Максимовна. — Двоюродный брат Саша уже где-то учился на казарменном положении, дома бывал нечасто. Но я хорошо помню, как забиралась с ним на парашютную вышку, чтобы смотреть салюты, которые давали в Москве по случаю наших побед. Анастасия Семеновна была общественницей, в военном городке руководила женсоветом, всегда вся при делах. Козу, помню, держали, и мы ее доили.

ДОРОГА В ЗВЕЗДНОЕ НЕБО

Из официальной биографии Александра Матинченко явствует, что школьные годы он провел в местах службы отца-летчика. Николай Федорович участвовал в Великой Отечественной войне. Занимался тыловым обеспечением авиадивизии, потом авиакорпуса дальнего действия. Награжден несколькими орденами. В пред-

ставлении к ордену Александра Невского отмечается, что он при высоком качестве обеспечил 22 тысячи боевых самолето-вылетов на бомбардировку объектов в глубоком тылу противника и доставку десантов, а описание его заслуг в наградном листе занимает целых четыре страницы. В отставку ушел полковником с должности заместителя командующего Воздушной армии дальней авиации. Умер в 1971 году.

Александр, а потом и его младший брат Михаил пошли по стопам родителя — тоже стали авиаторами. У Михаила жизнь оборвалась рано. В 1957 году во время учений разбился, попав в грозное облако, тяжелый стратегический турбореактивный бомбардировщик-ракетоносец Ту-16. Члену погибшего экипажа, второму пилоту Михаилу Матинченко было всего 28 лет.

Из-за возраста Александр в Великой Отечественной войне поучаствовать не сумел, но успел к февралю сорок пятого окончить в Куйбышеве эвакуированное туда Ленинградское военно-морское подготовительное училище. По окончании училища три года служил «при отце» — радистом в управлении 73-й отдельной вспомогательной авиационной дивизии Дальней авиации ВВС, дислоцировавшейся в поселке Остафьево Московской области. Потом снова учился, на сей раз летать. Он поступил в Балашовское военное авиационное училище летчиков-бомбардировщиков дальней авиации, учебу в котором завершил в 1950-м. Фамилия Александра Матинченко по сию пору есть в списке наиболее уважаемых выпускников этого учебного заведения.

Летный стаж у героя нашего повествования начался в 89-м транспортном авиационном полку 73-й авиационной дивизии. Здесь он к 1954 году прошел путь от рядового летчика до командира корабля.

В следующем году у Александра Матинченко была интересная служебная командировка на полигон Владимировка, расположенный в Астраханской области. Полигон был местом испытания авиационной техники и проведения войсковых учений с применением авиации. Здесь же в условиях, близких к боевым, испытывались первые советские зенитно-ракетные комплексы.

В задачу летчика Матинченко входило поднять на заданную высоту потрепаный американский двухмоторный самолет «Дуглас» С-47, полученный в годы войны по ленд-лизу. Затем летчик включал автопилот и, доложив на наблюдательный пункт, выбрасывался с парашютом. После этого запускалась ракета. Всего с помощью Матинченко зенитчики уничтожили на испытаниях три таких самолета-мишени.

Если кто помнит, в 1956-м осенью в Венгерской Народной Республике произошли события, совокупность которых одни историки называют революцией, другие — контрреволюционным путчем. Недовольных властями оппозиция вывела на улицы, начался захват оружия, а с помощью оружия — административных зданий. Выступления против режима сопровождалась массовыми, причем зверскими, убийствами венгерских коммунистов, работников органов государственной безопасности и внутренних дел.

Дислоцировавшиеся в этой стране советские войска получили приказ помочь венгерским правительственным силам «в восстановлении порядка и создании ус-



Александр Николаевич Матинченко

Александр Матинченко три года служил «при отце» — радистом в управлении 73-й отдельной вспомогательной авиационной дивизии Дальней авиации ВВС, дислоцировавшейся в поселке Остафьево Московской области. Потом снова учился, на сей раз летать. Он поступил в Балашовское военное авиационное училище летчиков-бомбардировщиков дальней авиации, учебу в котором завершил в 1950-м. Фамилия Александра Матинченко по сию пору есть в списке наиболее уважаемых выпускников этого учебного заведения.

Летный стаж у героя нашего повествования начался в 89-м транспортном авиационном полку 73-й авиационной дивизии. Здесь он к 1954 году прошел путь от рядового летчика до командира корабля.

В следующем году у Александра Матинченко была интересная служебная командировка на полигон Владимировка, расположенный в Астраханской области. Полигон был местом испытания авиационной техники и проведения войсковых учений с применением авиации. Здесь же в условиях, близких к боевым, испытывались первые советские зенитно-ракетные комплексы.

В задачу летчика Матинченко входило поднять на заданную высоту потрепаный американский двухмоторный самолет «Дуглас» С-47, полученный в годы войны по ленд-лизу. Затем летчик включал автопилот и, доложив на наблюдательный пункт, выбрасывался с парашютом. После этого запускалась ракета. Всего с помощью Матинченко зенитчики уничтожили на испытаниях три таких самолета-мишени.

Если кто помнит, в 1956-м осенью в Венгерской Народной Республике произошли события, совокупность которых одни историки называют революцией, другие — контрреволюционным путчем. Недовольных властями оппозиция вывела на улицы, начался захват оружия, а с помощью оружия — административных зданий. Выступления против режима сопровождалась массовыми, причем зверскими, убийствами венгерских коммунистов, работников органов государственной безопасности и внутренних дел.

Дислоцировавшиеся в этой стране советские войска получили приказ помочь венгерским правительственным силам «в восстановлении порядка и создании ус-

ловий для мирного созидательного труда». Соединения и части Особого корпуса прибыли в Будапешт и вступили в бои с повстанцами. Через некоторое время из СССР, в основном с территории Украины, прибыли дополнительно несколько дивизий и отдельных частей.

К венгерским событиям Александр Матинченко имеет вот какое отношение. Он доставлял по воздуху необходимые для советской группы войск грузы. В период с 3 по 28 ноября сумел совершить на военном транспортном самолете Ли-2 двадцать пять — в среднем по одному в сутки! — непростых рейсов в Венгрию. Путь был неблизким — из Подмоскovie с дозаправкой на территории Украины до аэродрома близ Будапешта. И опасным. Мятежники захватили несколько зенитных артиллерийских установок малого калибра и на подлете к Будапешту сумели сбить один из наших транспортников. Матинченко Бог миловал. За выполнение этого ответственного задания он был отмечен медалью «За боевые заслуги».

Александр Матинченко с юности мечтал получить достойное образование. Такая интересная деталь: после окончания летного училища, которое и без того давало среднее и общее, и специальное образование, он, лейтенант, пошел учиться в вечернюю школу и окончил десятый и одиннадцатый классы. Много занимался самообразованием. Впоследствии это помогло ему поступить на инженерный факультет Военно-воздушной инженерной академии им. Н.Е. Жуковского и по окончании этого престижного учебного заведения получить квалификацию «инженер-механик». Диплом с такой квалификацией позволял работать в сфере производства, обслуживания и ремонта военной авиатехники, на предприятиях авиационной промышленности, в том числе гражданских, а также и в научно-исследовательских организациях оборонного ведомства соответствующего профиля.

Дипломированный военный инженер Матинченко в дальнейшем успешно применил свои опыт и знания в должности помощника ведущего инженера-испытателя научно-исследовательского института Военно-Воздушных Сил, что в городке Чкаловске под Москвой. Местечко это было вблизи Звездного городка — родового гнезда, если можно так сказать, российских космонавтов.

В 1962 году Александра «вычислили» как человека, способного по здоровью и уму к полетам в космос.

В ОТРЯДЕ КОСМОНАВТОВ

После медицинского обследования в Центральном военном авиационном госпитале Матинченко получил допуск врачебно-летной комиссии. На тот момент кандидат имел налет 2 342 часа, освоил различные типы самолетов, в том числе Як-18, УТБ-2, Ли-2, Ил-14 и американский С-47, и совершил десятки прыжков с парашютом.

8 января 1963 года на заседании мандатной комиссии Александра Николаевича Матинченко рекомендовали к зачислению в отряд космонавтов. Новый набор состоял из шестнадцати человек. В отличие от набора первого, гагаринского, все они имели высшее образование. И не все были летчиками истребительной авиации. Так, военные инженеры Эдуард Буйновский, Владислав Гуляев, Виталий Жолобов и Петр Колодин пришли из Ракетных войск стратегического назначения, из Военно-Воздушных Сил — Юрий Артюхин, Лев Демин и Эдуард Кugno. Собственно летчиками были Лев Воробьев, Алексей Губарев, Георгий Добровольский, Анатолий Куклин, Анатолий Филипченко и Владимир Шаталов, штурманом — Анатолий Воронов. На особом положении в отряде оказались герой-фронтвик Георгий Береговой и наш Александр Матинченко: первый имел боевой опыт и опыт лётно-испытательной работы, а второй — удачно сочетал в себе качества пилота и специалиста в области авиационной техники.

Приказ о зачислении Александра Матинченко в ЦПК в качестве слушателя-космонавта 10 января 1963 года подписал маршал К.А. Вершинин, Главнокомандующий Военно-Воздушными Силами страны.

Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза Анатолий Васильевич Филиппченко поделился такими воспоминаниями:

— Я хорошо помню Сашу. Такой крепкий, рассудительный парень и очень грамотный. Единственный в нашем наборе, кто был одновременно и летчиком, и инженером. Начальство долго определялось, на чем его специализировать... С ним, земляком-воронежцем, мы с 1963 по начало 1965 года — это два года и два месяца — проходили общую космическую подготовку. А во время подготовки по два раза участвовали в управлении пилотируемыми полетами в качестве операторов связи на наземных измерительных пунктах. Зачислялись на учебу в ЦПК и выпускались одними и теми же приказами маршала Вершинина. Даже выпускные экзамены сдавали в один и тот же день — 13 января 1965 года. После этих экзаменов получили квалификацию «космонавт ВВС». А 23 января 1965 года нас назначили космонавтами 2-го отряда, где предстояло заниматься военными программами. Еще через год началась специализация: меня определили на программу «Спираль», Сашу — на орбитальную станцию «Алмаз».

Когда слушатели второго набора начинали проходить общекосмическую подготовку, корабли «Восток», поднявшие до заоблачных высей славу Советского Союза, сняли с производства. Всего, если кому интересно, было запущено 24 «Востока», из них 6 пилотируемых. Последним был полет Валентины Терешковой в июле 1963 года. На смену аппаратам этой марки пришли «Восходы», на которых неутомный Королев планировал отработать полеты сразу нескольких членов экипажа и выход космонавта в открытый космос, а затем и переход из одного космического аппарата в другой в процессе полета. Вот эту технику осваивал наш земляк Александр Матинченко с товарищами по набору, готовился на ней подниматься на орбиту.

Дважды летавший на орбиту, космонавт из гражданских Юрий Батурин, политик, ученый-юрист и журналист, как-то в кулуарах очередного Фестиваля российской прессы, проходившего в сочинском Дагомысе, рассказывал, как сам готовился к полетам. По его словам, Центр подготовки космонавтов можно назвать Академией космических наук. Здесь по очень интенсивной программе изучаются космическая техника, будущего покорителя Вселенной насыщают знаниями и навыками по медицине, астрономии, технике связи, специальным дисциплинам.

— Что значит — подготовить космонавта? — спросили мы у Юрия Михайловича.

— Первое, что представляют себе люди, — космонавты крутятся на центрифугах, прыгают с парашютом, наращивают мышцы в спортзале, учатся выживать в самых суровых условиях и так далее. Это правда, подготовить организм космонавта к воздействию факторов космического полета очень важно. Но, кроме того, его требуется научить выполнению штатных операций по управлению космическим кораблем и орбитальным комплексом, а также эксплуатации их бортовых систем (заметим, что их очень много). Сверх этого космонавта следует научить проведению испытаний космической техники и научных исследований в полете. И более того, космонавта надо научить справляться с нештатными ситуациями в космосе. Слушателям первых наборов было нелегко в первую очередь физически, их тренировали, как говорится, с запасом, на пределе сил. А теперь полегче. Старт и спуск космического аппарата проходят при меньших перегрузках, совершеннее система спасения, комфортнее стало на борту космического корабля. Кстати, первые и самые сильные впечатления получаешь, когда присутствуешь при пуске ракеты на Байконуре...

Космодром Александр Матинченко впервые увидел 28 сентября 1964 года. Тогда готовили к старту первый, технологический — без экипажа — «Восход». Прилетел он вместе с Береговым, Шаталовым, Деминым, Артюхиным, Колодиным, Добровольским, Жолобовым, Буйновским, Филипченко и другими товарищами по второму набору. Каманин поставил задачу: мол, прибыли не просто поглазеть на пуск, а на практическое занятие. Цель — изучить старт, средства связи и управления, ознакомиться с ходом подготовки ракеты-носителя и космического корабля к полету, присутствовать при пуске.

Из-за технических неполадок старт несколько раз откладывался. Напряжение нарастало. Ведь следом, с разницей в неделю, должен стартовать второй «Восход», причем сразу с тремя космонавтами, отчего ой как занервничают американцы... Молодежь еще не знала, кто полетит, но догадывалась, что в очередь на полет вклинится по настоянию Королева гражданские, инженер и медик, при командире из бывалых. Так оно и вышло. 4 октября прилетели Гагарин, Николаев, Комаров, Волынов, Феоктистов, Егоров, Катыс, Лазарев и Сорокин. Кому выпадет звездная карта? Именитых Гагарина и Николаева не пустят — велик, очень велик риск — летят без скафандров, системы спасения на старте нет. Значит, бывалые, Комаров или Волынов. Королевский протеже Феоктистов — точно полетит. И, скорее всего, врач Егоров.

Технологический «Восход» стартовал 6 октября. В 10.00 ракета плавно оторвалась от стартового стола и, мощно набирая скорость, стремительно ушла в облака. Этот полет прошел успешно на всех этапах. После шестнадцати витков вокруг Земли его посадили в степи между Кустанаем и Петропавловском. В сообщении ТАСС этот «Восход» был назван «Космосом-47».

А под своим именем и под номером 1 этот космический корабль с экипажем в составе Владимира Комарова, Константина Феоктистова и Бориса Егорова вышел на орбиту 12 октября и через сутки благополучно приземлился. «Восходовская» программа также имела короткий срок. На подходе был «Союз», и второй «Восход», слетав с Павлом Беляевым и Алексеем Леоновым в марте 1965 года для отработки выхода человека в открытый космос, чем удивил мир, оказался последним в этой программе.

Еще во время прохождения учебы «на космонавта» Александр Матинченко прекрасно зарекомендовал себя. Новые знания он схватывал, что называется, на лету, активно участвовал в общественной жизни отряда, и его в знак доверия избрали парторгом.

Между первым, гагаринским, и вторым наборами в отряд космонавтов в марте 1962 года был набор женский. Претенденток на славу первой «Чайки» было пятеро. Это инженер Ирина Соловьева, математик-программист Валентина Пономарева, ткачиха Валентина Терешкова, учительница Жанна Еркина и секретарь-стенографистка Татьяна Кузнецова, научившиеся летать на самолетах и прыгать с парашютом в аэроклубах ДОСААФ. Из этой пятерки слетала только Терешкова. В сентябре 1964-го вся женская группа поступила учиться в Военно-воздушную академию. Понятное дело, что девушки, при всем их старании, не все и не сразу усваивали на занятиях. Они часто обращались за помощью к отзывчивому и доброжелательному инженер-майору Матинченко и всегда получали необходимую консультацию.

Направленный в отряд военных программ, Александр Николаевич не сразу занялся темой «Алмаза». 1 сентября 1965 года Каманин записал в своем дневнике, что в ожидании полетов на новых космических кораблях типа «Союз» «приступаем к подготовке Гагарина, Николаева, Быковского, Комарова, Колодина, Артюхина и Матинченко». Обратим внимание, что последние трое — из второго набора и в этом маленьком коллективе они подкрепляли своими инженерными знаниями практический опыт уже слетавшей в космос гагаринской четверки.

Через месяц космическое начальство составило шесть экипажей, которым первыми предстояло обкатывать «Союзы» от старта до посадки. Вот их составы: 1) Гагарин — Воронов, 2) Николаев — Горбатко, 3) Быковский — Матинченко, 4) Комаров — Колодин, 5) Заикин — Хрунов, 6) Попович — Артюхин. «Для первых двух кораблей целесообразно использовать экипажи Быковского и Комарова», — подчеркивает Каманин в дневниковой записи от 12 марта.

Все ближе и ближе был звездный час...

Но в шестьдесят пятом «Союз», изначально проектировавшийся для облета Луны, и его орбитальная версия, известная под технологическим шифром 7К-ОК, еще не были готовы, заниматься практическим освоением корабля не имелось возможности ввиду отсутствия в ЦПК тренажера.

Срочные испытания «Союза» начались в 1966 году. Это было вызвано «битвой» за Луну. Американцы нас тогда стали опережать по лунной программе. Первые три беспилотных пуска кораблей 7К-ОК оказались полностью либо частично неудачными, обнаружались серьезные ошибки в конструкции корабля. Однако четвертый пуск — 23 апреля 1967 года — был предпринят пилотируемым. Он оказался трагическим. Полетел в одиночку, можно сказать, вне очереди, Комаров. И погиб. Полеты «Союзов» возобновились в 1968-м, но очередь пары Быковский-Матинченко так и не дошла. Как уже говорилось выше, Александра Николаевича со 2 сентября 1966 года перевели в «алмазные» космонавты.

ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО НА ОРБИТЕ

Обстоятельства сложились так, что земляк Александра Матинченко, Анатолий Филипченко, сумел дважды слетать ввысь — в 1969 и 1974 годах — на космических кораблях серии «Союз». Что касается программы «Спираль», участником которой он был, то ее свернули в 1973 году. Под этим кодовым названием понималась система космического назначения, состоящая из орбитального самолета, который по технологии «воздушный старт» должен был выводиться в космос гиперзвуковым самолетом-разгонщиком, а затем ракетной ступенью на орбиту; приземляться же орбитальный самолет должен был на аэродром самостоятельно. «Спираль» планировалась как ответ на программу создания Соединенными Штатами Америки перехватчика-разведчика-бомбардировщика X-20 «Dyna Soar».

Программа же «Алмаз» ни на чьи вызовы не отвечала. Она была действительно уникальной и пионерной для своего времени. Ничего подобного у американцев не было даже в отдаленной перспективе.

Станция проектировалась не столько для сервисного обслуживания в космосе автоматических спутников-разведчиков, сколько для ведения разведки собственными средствами. Например, в мощнейший телескоп с двухметровым объективом можно было разглядеть и сфотографировать бортовые номера самолетов на палубах американских авианосцев. Если спутники-автоматы большую часть запаса фотопленки расходовали впустую, то космонавты на борту станции могли сначала выбрать тот или иной объект, разглядеть его внимательно в оптическом или инфракрасном диапазоне, а потом уже запечатлеть. Экономия — колоссальная! Отснятую пленку можно было проявить-закрепить тотчас и также оперативно передать нужный для военной разведки кадр на Землю по телевизионному каналу связи. Предусматривалась также отправка отснятой пленки на землю с помощью специальной капсулы, отстреливаемой из шлюзового отсека. Телескоп дополнял радиолокатор бокового обзора — с его помощью можно было вести наблюдения за объектами на земной поверхности через облака, при любых метеорологических условиях.

Наши космические конструкторы были в курсе того, что в США велись разра-



Орбитальная станция «Алмаз»

ботки аппаратов, способных перехватывать, либо вовсе уничтожать спутники вероятного противника. Не исключался и вариант похищения. Он основывался на возможностях американских шаттлов — были открыты сведения о габаритах их грузовых отсеков и массе возвращаемой полезной нагрузки, близких к габаритам и массе «Алмазов».

Для борьбы с возможными вражескими истребителями, перехватчиками и похитителями «Алмаз» оснащался 23-миллиметровой автоматической пушкой конструкции Нудельмана-Рихтера, адаптированной для стрельбы в вакууме. Пушка неподвижно закреплялась на корпусе, а наводилась на цель через визир разворотом всей станции. В дальнейшем предполагалось заменить пушку двумя малогабаритными ракетами класса «космос — космос».

Александр Матинченко и его товарищам по спецгруппе предстояло освоить в совершенстве все то оборудование, которым предполагали начинить орбитальную станцию «Алмаз». Они должны были стать настоящими универсалами, военными специалистами самого широкого профиля, а если сказать прямо, космическими разведчиками.

Программа «Алмаз» велась тайно, у нее даже псевдоним был — «Салют». Под общим названием «Салют» на орбиту выводились советские станции по гражданской программе «Долговременная орбитальная станция» (ДОС). «Алмазы» трижды поднимались: под именами «Салют-2», «Салют-3» и «Салют-5». И лишь узкий круг людей знал, что там на самом деле кружится вокруг Земли. Именно из-за чрезвычайной засекреченности нет никакой возможности в деталях рассказать о конкретном участии космонавта-испытателя Александра Матинченко в этой программе. Известно лишь, что работа «алмазных» была сложной, напряженной, очень ответственной.

Автору этих заметок несказанно повезло видеть «Алмаз» в натуре, правда, в музее. Музей этот находится в Подмоскowie, при предприятии, где некогда творил выдающийся конструктор Владимир Николаевич Челомей. И не просто я видел это чудо, но и, поднявшись по лесенке, заглянул внутрь станции. Хотел было сфотографироваться там на фоне всевозможных приборов, но не получилось по

известным причинам. Попробую рассказать словами, что изучал, осваивал и в наземных испытаниях чего участвовал космонавт Матинченко.

Собственно станция без пристыкованного транспортного корабля челомеевской же конструкции (этот объект отличается от привычного нам «Союза») и солнечных батарей состоит из двух цилиндров: большого и малого диаметров. Большой диаметр — это чуть больше четырех метров и столько же метров в длину. Здесь располагается пост управления станцией с оптическим визиром, перископ кругового обзора, какие-то медицинские приборы, туалетное приспособление, похожее на унитаз, в кабинке со шторкой. Много приборов специального назначения, то есть, разведывательного. Один телескоп оптический чего стоит! Он занимает место от пола до потолка. Из зоны большого диаметра переходишь в зону диаметра малого — примерно три метра и в длину метра четыре. Здесь, несмотря на меньший по сравнению с большой зоной объем, кажется просторней. Есть кровать стационарная, вроде кушетки, ее используют как диван; есть кровать откидная. За стационарной кроватью сразу стол. Над столом — духовочка для разогрева пищи, краны с горячей и холодной водой, по бортам шкафы с оборудованием для опытов и экспериментов. Есть пылесос, радиоприемник, магнитофон. Отсюда можно наблюдать за Землей или Вселенной в обычные обзорные иллюминаторы.

Конечно, тесновато, но в этих спартанских условиях два не особо плечистых мужика вполне могут пребывать пару месяцев. Даже как-то по-своему уютно. Пушки нигде не видно — ни снаружи, ни внутри.

Транспортный корабль в музее к станции не пристыкован, его спускаемая капсула конусообразной формы стоит рядом. На ее фоне мне разрешили сфотографироваться. Замечу, что по сравнению с «Союзом» челомеевский ТКС смотрится габаритнее и красивее.

В составе отряда «алмазных» космонавтов Матинченко прослужил почти три года. Объем работы здесь был большим, и отряд несколько раз пополнялся новыми людьми. Со временем «алмазная» группа стала наиболее многочисленной в Центре подготовки космонавтов за весь период его существования, что является свидетельством того, какое огромное значение придавалось этой сверхсекретной военной программе.

Время часто не бывает другом человека, а ожидания не всегда оправдываются. Один из опытейших советских космонавтов-испытателей Александр Николаевич Матинченко, которого новички Звездного почтительно называли дядей Сашей, 19 января 1972 года приказом Главкома ВВС К.А. Вершинина был отчислен из отряда космонавтов по возрасту.

Писатель Михаил Ребров, близкий к ЦПК, писал о таких, как Александр Матинченко: «Я знал этих ребят, вместе с ними летал на невесомость, астроориентацию, парашютные прыжки. С иными и сегодня доводится часто встречаться. О прошлом не вспоминаем: оно ушло. Навсегда. Но в памяти и сердце осталось. Вместе со щемящей грустью и тоской, которые пробуждаются каждый раз, когда Звездный провожает или встречает очередные экипажи. Судьба как бы обошла их стороной, лишив наград и почестей... Многие годы отдал каждый из них мечте о космическом полете, прошел сквозь горнило строгого отбора — медицинского и мандатного, пожертвовал карьерой ради этой мечты, но так и не смог ее осуществить... Они уходили с прежней работы, уже будучи высокими профессионалами своего дела, имея авторитет и немалые заслуги, и кто знает, быть может, на «старых местах» их жизнь и судьба сложились бы более удачливо».

— Не повезло земляку моему Александру в том плане, что при всех положительных моментах, в силу разных причин он так и не дождался полета в космос, — считает Анатолий Васильевич Филипченко. — То одно, то другое, то пятое, то десятое... Шло время, и вот наступил критический возраст. Сорок пять лет. Его и

отчислили по этому основанию. Еще, помнится, кто-то из медперсонала говорил, будто в почках песочек появился... После отряда он работал рядом, в Чкаловском НИИ. И жить оставался в Звездном. Мы виделись с ним, разговаривали, всякий раз вспоминали былое...

В личном деле космонавта А.Н. Матинченко записано: «С февраля 1972 по май 1973 года служил начальником редакционно-издательского отдела ЦНИИ-30 в поселке Чкаловский Московской области». Это заведение по направлениям своей деятельности связано с космосом, точнее, с космической наукой. Так что он еще некоторое время оставался как бы при деле. Хотя, конечно, не раз и не два заглядывался на ночное небо, с которым не сумел (или не дали) близко породниться. И оставалось-то ведь всего каких-нибудь два шага до Вселенной...

Ушел он с военной службы в отставку подполковником, но на гражданке не сидел сложа руки, — работал то научным сотрудником в институте стандартизации, то инспектором по качеству в Минавиапроме, то ведущим экспертом в госпредприятии «Авиапромсервис». Последним интересным и ответственным местом работы было 11-е главное управление Министерства авиационной промышленности СССР. В должности инспектора-уполномоченного Матинченко занимался расследованием летных происшествий, выезжал на места катастроф.

ОБ ОТЦЕ РАССКАЗЫВАЮТ ДОЧЕРИ

Космическую свою «одиссею» Александр Николаевич начинал семейным человеком. В Звездный приехал с женой Галиной и дочерью Анастасией. В год окончания ОПК родилась Елена.

— Несмотря на то, что папа имел все свои образования военные, он был человеком необыкновенно творческим, — рассказывает Анастасия Александровна. — Он отлично рисовал, в молодости писал стихи и дарил их маме, хорошо пел. Он читал книги об истории нашей страны, любил поэзию Есенина, вырезал по дереву. Умение занять себя не раз помогало ему в жизни. Когда проходил испытания, будучи в отряде космонавтов, при которых необходимо было длительно находиться в одиночестве, — его это ничуть не смущало, у него всегда находились занятия, которые его увлекали. Его дар художника здорово помогал мне в школе. Все классные стенные газеты рисовал отец, особенно красиво получались новогодние выпуски. После экзаменов, когда я окончила школу, отец на нашей машине повез нас в поход: трех девчонок и трех мальчишек. Как мы поместились в «Волге» — непонятно, ехали битком. Отец помог поставить палатки, кашеварил — он великолепно готовил. Вечером мы громко пели песни под гитару. Взрослый человек, он как-то очень естественно общался с нами, семнадцатилетними. Нам с ним было очень комфортно и весело. Обратное мы приехали все искусанные комарами, но счастливые и довольные.

Когда училась в старших классах, несколько раз ездила с папой на охоту. Скажу, что в отряде космонавтов охотником был чуть ли не каждый, включая самого Юрия Алексеевича Гагарина. На лося и кабана меня, конечно, не брали, а на утку я ходила вместе со всеми и, используя манок, крикала из кустов. Ездили автобусом, в дороге пели песни. Любимая у всех была «Звезда рыбака». Как-то случилась целая история: в одну из охотничьих вылазок меня не взяли на самую охоту и оставили на охотничьей базе, предложив пособирать грибы. Я столько грибов в своей жизни не видела: они стояли рядами в колее старой заброшенной дороги, окружали меня со всех сторон. Место было не очень людное, но недалеко от базы. Каково же было общее удивление, когда приехавшие охотники увидели прорву грибов, собранных мною. Отец со своим другом Василием Лазаревым решили приехать сюда уже конкретно за грибами в следующие выходные, взяв меня. Очень всем понравились мои

рассказы про грибные плантации. До этого всю неделю шли сильные дожди и мы на нашей машине на обратном пути застряли в лесу. Да так увязли, что выбраться сами не смогли. Мы с дядей Васей пошли искать какое-нибудь жильё, где люди могли бы нам помочь, а отец остался в машине. Мы нашли-таки людей, хотя плутали довольно долго, нас вытащили трактором. Только домой вернулись не в воскресенье, как планировали, а к концу дня в понедельник. В Центре подготовки космонавтов были чрезвычайно обеспокоены: пропали два будущих космонавта. А нам позвонить было неоткуда. Что касается грибов, то они испортились — задохнулись в машине.

— Да, отец очень любил лес, — продолжает рассказ сестры Елена Александровна. — Как только сходил снег, мы втроем — он, Стася и я ходили за грибами. Появлялись первые сморчки и лесная травка-кислица. Папа знал много мест, где весенние грибы росли особенно обильно, и мы их обходили ежегодно. Набирали полные корзинки этих странных, похожих на булжники грибов, и радостно несли домой, надышавшись свежим весенним воздухом. Заодно отец собирал интересные ветки деревьев, из которых мастерил разные поделки. Он видел в изгибах дерева, в коряге то, что не видели мы — русалку, сказочного зверя и многое другое. Чуть подправит ножом — и вот вам настоящее произведение искусства... И еще было у него одно увлечение. Вооружившись логарифмической линейкой, делал расчеты, на основании которых пытался спроектировать, а потом построить махолет — уж очень занимала его идея летательного аппарата, подобного птице. Надо отметить, что к этому занятию он относился с чрезвычайной серьезностью. Тщательно составлял чертежи, обращался в патентную службу. В гараже начинал собирать макет крылатой машины.

— А что это за история была, — спрашиваю, — про «угон» вашей машины?

— О, это незабываемо! Юрий Гагарин слыл большим шутником. Отец тоже, между прочим, обладал здоровым чувством юмора, был веселым, жизнерадостным человеком. Однажды родители поднапряглись и купили «Волгу» цвета белой ночи. Гаража у нас тогда не было, и машину ставили на улице под окном кухни. Смотрят и любят, — вспоминает Анастасия Александровна. — И вот однажды «Волги» на месте не оказалось... Конечно, он чуть погодя догадался, что это не более чем розыгрыш. Взял у соседей маленькую собачонку и, держа ее на поводке, стал искать следы исчезнувшей машины. Потом оказалось, что шутку по-дружески устроил Гагарин. Он собрал компанию, вместе откатали нашу машину к нему в гараж и закрыли. А потом Юрий Алексеевич позвонил в службу тыла и попросил послать снегоуборщик замести следы «угона», взяв слово с тылового начальника не выдавать его. Розыгрыш удался, смеху было много.

— Валентина Владимировна Терешкова созналась мне недавно, что и сама была участницей «кражи», и по сию пору смеется, вспоминая об этом забавном событии, — уверяет Елена Александровна. — А ведь сколько лет прошло, наверное, полвека...



С дочерью Анастасией (справа) и Еленой

Остается добавить, что покойная супруга Александра Николаевича, Галина Борисовна, работала в Звездном городке заместителем директора Дома космонавтов. Дочери их пребывают в трудах: Анастасия Александровна Гришина — начальник отдела кадров группы московских компаний, занимающихся научными разработками; Елена Александровна Полунина в городском округе Звездный городок является представителем уполномоченного по правам человека в Московской области. «Думаем, что отец был бы рад за нас, мы любим свою работу и, надемся, вполне на своем месте», — считают эти замечательные женщины.

У сестер по одному сыну. Сына старшей назвали в честь деда Александром. Сына младшей — Михаилом, в память о дедовом брате, погибшем в авиакатастрофе. Будь жив, космонавт Матинченко радовался бы двум правнучкам Александровнам.

ПРОВОЖАЛИ, РАСПРОЩАЛИСЬ ПО-СЕРДЕЧНОМУ

И в завершение рассказа об Александре Матинченко хочется привести еще отрывочек из давних воспоминаний о нем его двоюродной сестры Натальи Максимовны Семеновой, любезно записанными по просьбе автора этих заметок верхне-мамонским журналистом Эмилем Абросимовым:

— В отпуск, когда ехал на юга, Александр с семейством, а то еще и с кем-нибудь из друзей отправлялся, как правило, на своих колесах. А это значит, что путь к Черному морю, в Крым или на Кавказ, пролегал через Верхний Мамон. Обязательно к нам заезжали. Накупаются, порыбачат — и снова в дорогу. Донскую рыбу для дорогих гостей жарили, уху варили. Саша ел и приговаривал: ничего, мол, вкуснее рыбки из Дона не едал. Как-то заехал вместе с космонавтом Быковским. Начальником районной милиции у нас тогда работал его однофамилец, и Валерий пошутил: может, и мои корни тоже мамонские? Быковский к тому времени уже слетал в космос, но просил приезд особо не афишировать, все ж таки отпуск...

Гостевала Наталья Максимовна и у двоюродного брата. У него, по ее словам, была четырехкомнатная квартира. Про тех, кто уже слетал на орбиту, Александр рассказывал много и охотно, а вот про себя, про свои занятия говорил скупое. Чувствовалось, что за ним стоят секреты.

— Мы на свадьбе старшенькой, Стаси, гуляли. Сначала в Звездном, потом в каком-то московском ресторане веселились, Саша и в компании, и сам много пел. Особенно то этак, как ее, «Вы слышали, как поют дрозды?»...

В одно лето прикатил Саша с семьей в Верхний Мамон на новенькой белой «Волге». Видела — ему в радость быть за рулем такой красавицы. Я работала в лесхозе, день в день три километра туда и обратно. Так он меня каждое утро на делянки возил, подбирая по пути всех моих товаров.

В другой раз получаю пайку сена у Кривого озера (выдавали его лесхозовским), слышу — зовут. А это Саша меня разыскал — и с обидой: «Почему не разбудила? Я вместо тебя мог бы поехать и получить, а ты бы отдохнула». Смеюсь — кто же станет поднимать гостя в такую рань!

Как-то сидели, детство вспоминали, отцов-матерей. Крестного вспомнили, каким отважным был, и Бог его всю войну берег! А мой родной отец в первые же месяцы на фронт ушел — и пропал.

— Не говори так — «пропал», — рассердился Саша, — погиб он!

Погоревала я: знать бы, где могилка его, все легче на душе было бы!.. Ну, и опять жизнь свое взяла.

Саша между тем через архивы Министерства обороны наводил справки. И нашел-таки: Гридин Максим Михайлович погиб в 1941-м под Можайском, защищая Москву.

Помнится и еще один наш приезд в Звездный. Зашли в квартиру, а Галя, жена его, — одна.

— А где же Саша? — спрашиваем.

— На охоте. Скоро появится.

Дело было под Новый год. Космонавты к праздничному столу решили дичь добыть. В общем, ждем. А муж мой Алексей говорит: да тут, в городке, есть еще наши родственники — Ляховы, Володя и Зина. Может, сходить пока их проведать?

— Я Зину знаю, — удивилась Галя, — вместе в Доме космонавтов работаем, они по соседству живут.

Пошли к Ляховым, поднялись на площадку, звоним. Дверь Володя открывает, растерялся: «Галина Борисовна, вы?» Потом Алексея увидел — и в объятия: «Дядя Леша!» Володина мама, Наталья Илларионовна, — сестра моему Алексею двоюродная. Если бы перед войной не уехала на Донбасс, родился бы в Мамоне еще один космонавт. Хотя Ляхов и так считает Мамон второй родиной. В детстве его сюда не раз привозили, а как-то все лето пробыл на каникулах. Владимир Ляхов, кто не знает, три раза летал в космос!

Саша же в Верхнем Мамоне последний раз был за несколько лет до кончины своей. Сам, без семьи. На пенсии он располнел, но, как всегда, неунывающий, с шутками-прибаутками. Собирается на рыбалку, какой-то мелочи не находит — и слышу:

Перед образом Крылова
Стоит рыжая корова,
С бородавкой на носу —
Всю поела колбасу...

Такая вот у него забавная присказка была.

Провожали, распрощались по-сердечному. Больше я Сашу не видела, и на похороны не ездила — мои дочка Нина и сын Саша были. Хоронили, сказали, с большими почестями. С духовым оркестром и залпами из оружия. Все-таки космонавт.

* * *

Нелетавший космонавт Александр Николаевич Матинченко скоропостижно скончался 18 июня 1999 года. Похоронен вблизи Звездного городка — на кладбище деревни Леониха, что в Щелковском районе Московской области. На этом погосте нашли приют уже многие космонавты.

Кстати, только половина из второго, 1963 года, набора в отряд слетала на орбиту. На момент сдачи этого очерка в печать из шестнадцати в живых оставались четверо: Анатолий Филипченко, Владимир Шаталов, Виталий Жолобов и Эдуард Буйновский. Остальные умерли от разных болезней, а Георгий Добровольский погиб еще в 1971 году из-за разгерметизации спускаемого аппарата корабля «Союз-11».

На кладбище в деревне Леониха вместе с нашим земляком обрели вечный покой как его летавшие на земную орбиту друзья Юрий Артюхин и Василий Лазарев, так и не летавшие коллеги Анатолий Воронов и Владислав Гуляев.

Говорят, что последней задумкой Александра Матинченко была композиция из дерева и фольги под названием «Лети, сынок!» Видно, мысли о небе и звездах не оставляли его до самого последнего дня...



Владимир Евгеньевич Новохатский родился в 1951 году в селе Новоселовка Воронежской области. Окончил Воронежский государственный университет. Более 40 лет работал в печати: в районной прессе, редактором газеты «Молодой коммунар», собкором «Парламентской газеты». Автор книги «Было у матери три сына». Лауреат премии администрации Воронежской области по журналистике в номинации «Мастер», премии «Родная речь», награжден знаками «Золотое перо», «Благодарность от Земли Воронежской». Живет в Воронеже.

Владимир Новохатский

ЖИЗНЬ ОБОЖГЛА... НО НЕ СЛОМИЛА

(Высота человеческих поступков)

Говорят, отправляясь в дорогу, первую половину пути человек думает о том, что оставил, а вторую — что ждет его впереди. Похоже, так оно и есть. Столько лет прошло после того слякотного утра 30 декабря 1990 года, но Алексей Волкотрубов помнит, как уезжал из дома. Как автобус отошел от крохотной Верхнемамонской автостанции, и он, молоденький летчик-лейтенант, действительно думал о том, что было. Подводил черту своему отпуску. И получалось — это не сделал, то не успел. Но ехать было необходимо. Утром 1 января ему надлежало быть в Таганроге, в летной части. Перед отъездом он больше успокаивал себя, чем мать: «Время пролетит быстро, мама. Мы скоро увидимся...»

Они встретились, едва расставшись. В Ростовском военном госпитале Любовь Николаевна Волкотрубова сына едва узнала. Та дорога, в которую она накануне провожала Сашу, ровно на своей середине разрубила надвое не только воспоминания, но и всю его жизнь. Тогдашняя пресса, еще щадившая нервы читателей, коротко сообщила, что на территории Чертковского района Ростовской области произошла крупная автокатастрофа. В результате сгорел автобус «Икарус-311», следовавший в Ростов-на-Дону из города Павловска Воронежской области. Погибли люди...

Пассажиров в автобусе было тогда, что называется, под завязку. В предновогодние дни кто-то торопился домой, кто-то ехал в гости. Ну а водители спешили подзаработать. Само собой, были заняты все 47 сидячих мест. Битком стояли люди и в проходе — еще около 30 человек. Александр сидел впереди в правом от водителя ряду. Поначалу его увлекли воспоминания, затем разговор с соседкой. А потом дорога и вовсе убаюкала. Очнулся он от резкого вскрика водителя-сменщика: «Что он делает?! Врежемся!»

На скользкой трассе «жигуленок» пошел на обгон автобуса. Навстречу из дорожного тумана неожиданно вынырнул «ЗИЛ». Профессиональный инстинкт летчика сработал у Волкотрубова мгновенно. Закрыв голову руками, он вжался в спинку переднего кресла. И в это время, пытаясь избежать столкновения с легковушкой, грузовик протаранил «Икарус». Все, может быть, обошлось бы не столь трагически. Но, к несчастью, «ЗИЛ» был нагружен 200-килограммовыми металлическими бочками с раствором. Одна из них, будто снаряд, пробив лобовое стекло, влетела в салон. Вспыхнул пожар.

— Мне этот кошмар никогда не забыть, — говорит Александр. — Я очнулся, когда огонь бушевал сзади. В голове вертелось только одно: «Лишь бы снова не потерять сознание». Не погибать же зазря. Подхватил соседку и через разбитое лобовое стекло выбрался наружу. У автобуса уже собирались люди. Я закричал, что, мол, надо окна бить в автобусе, чтобы выхватить оттуда кого можно. А мне ответили: «Лучше отойди подальше. Сейчас все взорвется». Но что-то меня толкнуло туда обратно. Наверное, просто невозможно было видеть, как гибнут люди, с которыми ты только что был вместе, общался. В общем, полез я опять в пекло. Дышать нечем. Едкий дым. Языки пламени. Невыносимый запах горелого мяса. Нечеловеческие крики. На ощупь нашел девчонок-близняшек. Вытащил наружу. Потом еще нескольких человек. А вот мальчик-подросток, который сидел от меня наискосок, куда-то исчез. Так и сгорел...

Позже установили, что из 70 с лишним пассажиров только 15 удалось выбраться из пылающего автобуса. Но и из тех счастливых врачи спасли всего семерых. А тогда всех пострадавших срочно доставили в ближайшую сельскую больницу. Поразительно, но Волкотрубов в эти минуты передвигался самостоятельно. В больнице даже к зеркалу подошел и, увидев себя, подумал: «Надо бы умыться — все лицо от сажи черное». Сильно болели только руки. Он решил, что все в порядке... И потерял сознание. Ожоги высшей степени были отмечены у него на 33 процентах кожи. На лице не было живого места. Вместо рук — обуглившиеся почти до костей фаланги.

Очнулся Александр в Ростове-на-Дону. Госпиталь, реанимационное отделение. Заплаканное лицо матери.

— Как же ты, сынок, себя не уберег?

— Все нормально, мама, я живой.

— Врачи говорят, что надо ампутировать руки.

— Мне нельзя без рук. Маресьев летал без ног. А как я полечу без рук? Нет, моя профессия — летчик.

— Сейчас твоя профессия — выжить, — вмешался в их диалог врач.

«Значит, худшее еще впереди», — подумал тогда Волкотрубов...

Сорок три дня в реанимации. И все время у его постели дежурили две сиделки — боль и мать. Руки, к счастью, удалось сохранить. Полтора месяца на спине, когда нельзя повернуть даже головы, чтобы приветствовать друзей. Они приходили в госпиталь едва ли не ежедневно, чтобы сдать для него кровь. А он каждый день ждал ту, единственную, которую узнал бы, даже не повернув головы.



Александр Волкотрубов. 1990 г.

Однажды жена пришла. Спокойно и как-то буднично сказала, что быть вместе им теперь невозможно. «Ты ведь меня понимаешь, Саша?» — спросила она. «Конечно, понимаю», — согласился он.

Когда жена ушла, он попросил у матери зеркало. На него в упор смотрело незнакомое лицо, которое не способно было выразить даже какие-либо эмоции. Лишь на изуродованной щеке блеснула слеза. Но так совсем не годилось. Он был летчиком, и небо уже научило его многому. Прежде всего — не выть, если попадаешь в капкан. Даже на земле. Поэтому эта слабость так и осталась минутной. Он понял, что когда человек меняет кожу, он нередко меняет и жизнь.

Почти 200 дней на больничной койке от прежнего бравого лейтенанта Александра Волкотрубова оставили тень. Он похудел на 20 килограммов. Но физические страдания разжигала не менее жгучая тревога. Чем чаще он смотрел на клочок неба в больничном окне, тем острее осознавал, как далеко уходит его высота, на которую он поднимался за облака совсем недавно.

Что ждет впереди? Начиналась другая половина его дороги — совсем иная жизнь.

После поправки он приехал в часть. Встреча была прекрасной. Друзья-сослуживцы говорили общепринятые комплименты: дескать, небо ждет его и пора ставить самолет на крыло. Из жалости избегали правды. Но человеку, испытывшему высоту, жалость не нужна. А правду он знал давным-давно: товарищи уходили в небо, а он оставался на земле. Теперь навсегда. Ему предложили службу на аэродроме. Александр отказался. Тоскливо жить без неба. Но еще мучительнее жить рядом с тем, о чем мечтаешь. В 1993 году Волкотрубов подал в отставку. Его наградили орденом «За личное мужество». Выплатили страховку. Проводили из армии в запас. Он вернулся домой, в Верхний Мамон.

По-разному люди переживают удары судьбы. Можно жизнь заполнить пустотой, горе залить водкой — кого на что хватает. Александра поначалу тоже зациклило. Он решил стать таким, каким был раньше. Внешне. Ради этого готов был терпеть все: любые хлопоты, любую боль. Несколько лет ездил в Санкт-Петербург. Ежегодно в медицинской академии ему делали по две-три пластические операции. При упорстве Волкотрубова, может, и свершилось бы хирургическое чудо. Но он вдруг ощутил, что это ему ни к чему. Потому что он стал другим.

Эта жизнь на земле, казавшаяся с высоты неба мелкой суетой, открыла вдруг неожиданные истины простых радостей, удач и огорчений. Он решил учиться и поступил на заочный юрфак Воронежского госуниверситета. Хватался за любую работу, и она доставляла ему наслаждение. В страду Волкотрубов искал для крестьян горючку. С ГСМ тогда было совсем туго. Но ему удалось исхитриться. Комбайны в поле не стояли. На полевом стане ему отломали кусок каравая из новин: «Это твой хлеб, Саша». Он никогда не знал еды вкуснее, чем эта.

Занимался как-то продажей детских игрушек. Однажды заявили к нему пацаны: «Дядь Саш, привези водяные пистолеты...» И вспомнилась ему пыльная улица его детства. Старьевщик со своей кибиткой, у которого они всей счастливой ватагой выменяли пистолет и ленту бумажных пистонов из серы... Все повто-

ряется! И нескончаем этот круг жизни. А испытания тебя выбирают не только для того, чтобы ты проверил себя, но и чтобы попытался понять жизнь.

Между делом и любовь к нему пришла. С давним приятелем Мишей Пилипенко открыли они автомастерскую. Да так вклинились в работу, что порой обедать забывали. Таня — Мишкина сестра — их за это поругивала да подкармливала пирогами.

— Так и прикормила, — шутит Александр.

Сыграли они свадьбу. Потому что друг без друга жизни уже не представляли. Впрочем, и сейчас не представляют того, как друг без друга жили раньше. Александр — человек в районе уважаемый, занимается предпринимательством — тут свои трудности, но все преодолимо, когда тылы надежные. Таня работает в районной администрации. Предлагали ей как-то повышение — должность в Воронеже. Отказалась: «Я и дня без Саши не могу».

Построили свой дом. Место присмотрели привольное, откуда видна излучина Дона. Над тихой рекою там повис высокий мост. Через него скользнула к дальним холмам дорога, столь круто повернувшая когда-то Сашину судьбу. Но он устоял на этой земле. А горизонты крепко держат над ним огромное небо. Бывает, Александр засмотрится на серебряный крестик самолета в синеве. И вздрогнет душа. То ли от хлопка сверхзвукового барьера, то ли от того, что Танина рука невесомо легла на плечо. Или же от того, что так быстро подрастают их с Татьяной дочки... А может, вдруг откроется душе ясная пронзительная мысль: на свете есть только одна высота, которую человек пытается покорить всю свою жизнь. Это — сама жизнь.





Галина Яковлевна Сысоева родилась в городе Богучаре Воронежской области. Окончила дирижерско-хоровое отделение Воронежского музыкального училища, Воронежский государственный институт искусств (1978, класс профессора О.А. Шепеля). Профессор кафедры этномузыкологии Воронежской государственной академии искусств. Автор более 50 исследовательских работ. Художественный руководитель фольклорного ансамбля «Воля». Заслуженный деятель искусств РФ, член Союза композиторов России с 2003 года. Живет в Воронеже.

Галина Сысоева

«НЕ БУШУЙ ТЫ, БУЕН ВЕТЕР...»

(Традиционная культура
Верхнемамонского района)

Как стремительно летит время и заметно меняет привычную жизнь воронежской провинции! Еще 25 лет назад в Верхнемамонском районе были живы люди, которые могли рассказать достаточно подробно о традиционных обрядах, исполнить старинные песни, показать бабушкины костюмы. Сегодня эта коллективная народная память о прошлом невосполнимо ослабла, а кое-где так истончилась, что нужно приложить невероятные усилия, чтобы отыскать хоть какие-то воспоминания о местных обычаях... Однако по материалам моих фольклорных экспедиций в 80–90-годы XX века со студентами Воронежского государственного института искусств можно в общих чертах воспроизвести те традиционные ценности, которые составляли основу народной культуры. Все материалы хранятся в Кабинете народной музыки Воронежского государственного института искусств (КНМ ВГИИ). Традиции Верхнемамонского района уникальны тем, что на этой территории встретились и перемешались несколько этнокультурных слоев: южнорусский, казачий и украинский.

Основу этих традиций составляют русские села, расположенные в бассейне среднего течения реки Дон. Центром традиции стало село Верхний Мамон (первоначально — Мамон), ос-

нованное в 1702 году в устье левого донского притока — реки Мамонки, а чуть позже выходцами из Мамона ниже по течению Дона было основано еще одно село, которое стало называться Нижний Мамон в отличие от старого — Верхнего Мамона. Примерно в то же время — то есть в начале XVIII века — вокруг Мамона возникли села Гороховка, Осетровка, Русская Журавка, Ольховатка, Лозовое. Так что в этих селах традиция консолидировалась вокруг села Мамон и в целом ее можно называть мамонской. Первопоселенцами были однодворцы и служилые люди Острогжского полка, переселенцы из других мест Воронежской губернии (например, из села Хлевного, ныне Липецкой области). Также в колонизации края участвовали и дальние переселенцы, например, из города Данков Рязанской губернии, о чем свидетельствует местная топонимика: часть села Верхний Мамон до сих пор называется Данковкой в память о родине поселенцев. Несколько обособленно представляются традиции села Дерезовка, поскольку оно и основано было значительно позже — около 1840 года¹.

Украинский компонент в традиционной культуре Верхнемамонского района выявляется в селе Мамоновка. Здесь бытуют говор, обычаи, песни, характерные для выходцев из Украины — хохлов, как их здесь называют. Судя по экспедиционным материалам, много хохлов проживает и в селе Ольховатка. Кроме того, украинское влияние объясняется достаточно долгим пребыванием верхнемамонских сел в составе то Богучарского, то Россошанского уездов, заселенных преимущественно выходцами из Украины.

Несмотря на то, что некоторые села формировались как сторожевые заставы (Верхний Мамон, Нижний Мамон, Гороховка, Осетровка), они достаточно быстро утратили военно-стратегическое назначение, а элементы казачьей культуры, особенно заметной в песенном фольклоре, носят заимствованный характер: они были восприняты от казачьих городков и станиц, расположенных ниже по Дону.

Традиционный костюм, сохранившийся до настоящего времени, в целом, обнаруживает общие черты. Наибольшим богатством и разнообразием, как и по всей России, отличается женский праздничный костюм, который по классификационным признакам относится к поневному комплексу. Однако уже к середине XX века понева как женская поясная одежда полностью ушла из быта и была вытеснена широкой и длинной однотонной юбкой из трех полотнищ — из штофа (*штохвенной* — по местному определению), атласа, кашемира, а для будничной носки — из ситца с кубовой набойкой. Воспоминания о поневах были записаны в селах Гороховка, Верхний Мамон, Дерезовка, но самой одежды уже не удалось даже сфотографировать.

Рубахи до 30-х годов XX века шили из конопляного холста (для этих целей во многих личных хозяйствах выращивали коноплю). Женские растения конопли зацветали в начале лета, их выдергивали и обрабатывали (мяли, отделяли кострику от нитей, чесали, пряли, ткали), именно они годились для рубашечного холста. Остальные растения (мужские особи) убирала осенью, холст из них получался более грубый и неровный, использовался для хозяйственных нужд. Зимой пряли и ткали, а весной, примерно перед Троицей, холсты белили: окунали в воду и сушили на солнце. Холст выгорал — становился белее. *«Раньше сами ткали, сами пряли, сами вышивали... Летам нисешь на речку, в воду абмачаишь... У нас были вяльки — мы ими калатили. А када пакалотишь — расстилаишь на траву... Ана (холстина) прям белая становицца...»*². Позже, когда уже перестали сеять коноплю, рубахи шили из белого миткаля.

Традиционный крой рубахи — с прямыми поликами, а отличительная особенность мамонских рубах — очень широкие рукава. Вышивали крестом красными и черными нитями, узоры располагались и по поликам, и по всему рукаву, орнаменты — цветочные, а их композиция напоминает украинские вышивки: цветоч-



Женщины в традиционных костюмах. с. Верхний Мамон, 1991 год

ные гирлянды сменяются отдельными букетиками ближе к запястью. В некоторых селах, например, в Нижнем Мамоне, Гороховке вышивали цветными нитями красные или бордовые ситцевые или сатиновые рубахи. В то же время при кажущейся схожести украинских и русских рубах есть одно главное различие: в украинских вышивках все гирлянды разные, а в русских рубахах узор и гирлянды располагались симметрично, а центром симметрии выступал шов, соединяющий полика и рукава.

Женщины обязательно подвязывали *завеску* — короткий фартук (от талии), с вышивкой и кружевами, как на концах праздничных рушников. Кстати, рушники тоже подвязывали вместо фартуков, например, это делали девушки в Нижнем Мамоне, когда шли на *девишник* к своей подружке.

Еще одной обязательной деталью костюма были *кухвайки* — удлиненные жилеты со складками сзади, сатиновые, на подкладке, черного цвета, украшенные машинной строчкой, дорогими красными или цветными лентами. И в этом тоже наблюдается влияние украинского костюма с обязательной жилеткой — *корсеткой*. В селе Русская Журавка такой жилет называли *казачек*.

Головные уборы — *кокошники* — были не в каждой семье, иногда бедные семьи одалживали кокошники для свадьбы, чтобы *оправить* невесту как положено по обряду. «Сначала невеста сидела, платок гарнитуравый павязан. Шелк — гарнитур. Вот павязывали невесту, как жаних за ней приедя. А жаних приедя — и вязут у церкву у в этом платку, а из церкви привозят, платок сымають и надевають какошник... Какошник — сярбром усе блестять, и дымка — хвата тилерь называицца... Тепер ее сабируть, а тогда проста была на самую земь, белага цвета и как мушачки — точечки, бальшого узора не было. А на концах кружева — магазинные»³. Кокошники носили молодухи на годовые праздники до появления первого ребенка.

Кокошник представлял собой высокую шапочку на твердой основе из позумента, а сзади подвязывали *позатыльник*, чтобы полностью закрыть волосы. Подобные *кокошники* бытовали в соседних уездах — Павловском, Острогожском, но отличались по высоте и декору (в Павловском — повыше и суженный кверху, а в

Острогужском, напротив, пониже). В менее праздничные дни и по воскресеньям женщины надевали *шлык*, по форме напоминающий *кокошник*, но шлык был на мягкой основе, из бархата, позументом украшали только надлобную часть. Поверх *кокошника* или *шлыка* могли надевать также и дорогие шелковые платки и шали (*гарнитуровые*).

В холодное время года носили *суконные поддевки* (осеннюю верхнюю одежду в форме приталенной удлиненной куртки), *коротйньки* — (осеннюю домотканую одежду из овечьей шерсти в форме короткой куртки, до талии), *шубы* из овчины, *шубы сундучные* (то есть крытые сверху сукном). Летом носили лапти, осенью — сапоги, зимой — валенки и бурки (из стеганой ваты или войлока, покрытые сукном) с галошами.

Мужской комплект состоял из вышитой рубахи навыпуск (чем мужчина старше, тем рубаха длиннее), подпоясанной кушаком или поясом из гаруса (плетеного шнура с бисером). Ни традиционной мужской рубахи, ни штанов не удалось даже сфотографировать.

Женский костюм за его сравнительную простоту и доступность (шили-то из покупных тканей!) достаточно активно воспроизводился во второй половине XX века. Народные костюмы кое-где надевали на второй день свадьбы, в них выступали фольклорные ансамбли, например, ансамбль «Данкори» из села Верхний Мамон.

Важным маркером традиционной культуры являются местные обряды и праздники⁴.

Календарные обряды и обычаи были привязаны к церковным святам и носили церковные названия, хотя по содержанию они были связаны больше не с христианской традицией и церковными легендами, а с земледелием. Крестьянин совершал обряды, воздействуя на природу словом, действием, звуком в желаемую для него сторону.

Уже на зимних святках (от Рождества (7 января) до Крещения (19 января) совершались обряды и гадания, направленные на благополучие нового урожая, на приплод скота и птицы, на здоровье и благополучие всех членов сельской общины. Обходы дворов с поздравлениями, гадания, ритуальная еда, освящение святой водой жилища и скота — все это можно рассматривать именно как превентивные обряды, как элементы продуцирующей магии.

В Рождественский Сочельник, как и по всей России, во всех селах колядовали — группы поздравителей обходили дворы с короткими песенками-благопожеланиями, за что должны были получить вознаграждение. Этот обычай сохранился и до сегодняшних дней, хотя тексты колядок в основном сокращены и сводятся до выпрашивания подаяния. Колядовали в основном дети и молодежь, напев строился на двух звуках — почти речитативом.

Калядин, калядин, я у батюшки один,
На гарбу — мяшочек, дайтя пиражочек.
Пиражочка нету — дайтя канхвету,
Канхветы нету — дайтя манету⁵.

Колядовщиков заставляли садиться на порог и квохтать, чтоб в этом доме куры садились выводить цыплят. «Садитесь на порог», — говорили хозяева, а поздравители в ответ: «А вы дайте сала и пирог!»

Взрослые обходили дворы уже рождественским утром с пением тропаря «Рождество Твое, Христе Боже наш», а после него могли рассказать и рождественский стишок, наподобие этого:

Устану утрам рана, на восток гляну —
Там звезда вассияла, трем царям путь указала.
Три царя прихадили — у Девы Марии сына прасили.

— Дева Мария, аддай нам сваю сына,
Мы с тваим сынам будем век векавать.
Зароди, Боже, жита, пшаницы, горох, чачавицы,
На каждом месте капен па двести.
Здрассте, хазяин с хазяйкаю, с празничкам⁶!

В украинских семьях было принято под Рождество посылать в дома родственников детей с рождественской кашей-кутьей, сваренной из цельных зерен пшеницы, ячменя, риса и заправленной медом и изюмом. В русских селах мамонской традиции к концу XX века кутью в качестве обрядового блюда уже не готовили.

Под Старый Новый год 13 января дворы вновь обходили группы поздравителей, в основном это была ряженая молодежь — в вывороченных тулупах, с подвязанной бородой из конских хвостов, приклеенными усами, иногда в масках, либо с раскрашенным сажей и свеклой лицом. Ряженые заходили в дом с мешком для подарков, поздравляли, желали благополучия. В селе Нижний Мамон припевали: «*Поля ты, поля, сам Господь ходя, Дева Мария житю сея*»⁷.

Удивительно, что специальных песен — *авсней* — в мамонских селах не было зафиксировано, не встретилось даже упоминания о них. Кое-где пели или проговаривали заимствованные от украинцев *щедровки*, например, в селе Гороховка, но пели их уже по-русски: «*Щедрики-ведрики, дайте вареники!*».

Ряженые как представители «того света» бесчинствовали — *чередили*: снимали ворота с петель, угоняли телеги и т.п. Об этом обычае сообщали в селах Верхний Мамон, Русская Журавка, Осетровка.

Утром на Старый Новый год было принято ходить *посевать*. С порога поздравители сыпали в святой угол на иконы пшеницу, ячмень, овес, приговаривая, «Сею-вею, посеваю, вас с праздником поздравляю. Здравствуйте вам, подарите нам!»

В селах Верхнемамонского района к концу XX века уже не существовало строгого закрепления за определенным временем обрядовых действий и приговоров, что свидетельствует об угасании традиции. Так, например, *посевать* могли и под Рождество, и на Рождество, и под Старый Новый год, и новогодним утром, и даже в любой день святок. Кроме того, здесь уже не сохранялось в памяти предписание, что *посевать* могли только мужчины или мальчики: *посевали* все, кто хотел.

Накануне Крещения — 18 января (этот вечер называли *свечки*) ходили на водосвятие, совершаемое по церковным канонам на речках, родниках в проруби, вырубленной в форме креста, а самые смелые купались (особенно молодежь, которая рядилась на святках). Святой водой умывались, окропляли дом, подворье, хлев, скот. На воротах, дверях, на матице рисовали мелом крестики с мотивацией: чтоб цыплята водились. В Осетровке «*заранее готовился сноп пшаницы, апускали яво в воду, брызгали всю скатину, зерна аддавали курам...*»⁸.

Соблюдался обычай поминать предков — *греть ноги родителям*. Для этого обычно рано утром на Крещение еще до церковной службы во дворах разжигали костры, жгли старую солому (села Гороховка, Осетровка). «*Вставали рана утрам, до шести утра — обогреть родителей, но только каторых нет в живых. Во дваре жегли кастер из саломы, пока та гарить, читали малитву «Отче наш»*»⁹.

Еще на Крещение особенным грехом считалось отказать нищему. В этот день в с. Русская Журавка старались раздать нуждающимся как можно больше еды и одежды. В селе Гороховка подчеркивали: «*Ни аднаго старца ни упустють, штоп муки не всыпать, хлебушка не дать*»¹⁰.

В течение всех святок гадали: девушки — на замужество, старики — на урожай и на погоду. Молодежь собиралась на *вечеришки* в каком-либо доме, нанятом чаще всего у вдовы, где пели песни, играли, гадали. Традиционные гадания с пе-

тухом о будущем супруге выглядели так: перед птицей ставили воду, зерно, зеркало, и если петух первым делом подходил к зеркалу, значит, будущий муж будет щеголеватый, если попьет воды — муж будет пьяница, а клюнет зерно — будет домовитым и рачительным хозяином. Девушки гадали и на улице: спрашивали под окнами или у прохожих, как будут звать жениха, бросали валенки через забор (куда покажет носок — туда и замуж идти), с завязанными глазами отсчитывали двенадцатый кол в заборе и пытались угадать по нему, какой будет муж (высокий, прямой, кривой, толстый). На ночь под подушку складывали из спичек колодец (кто придет во сне за водой) или клали замок (кто придет за ключами). Считалось, что сны на святках всегда пророческие.

В селе Осетровка делали из снега *майнаки*: падали в снег так, чтоб образовался след во весь рост. Утром приходили смотреть: если след поврежденный, муж будет драчливым. Нередко парни, заметив, что девушки собрались гадать по *майнкам*, нарочно портили след.

«*Прашли Святки — жаль расстацца, приде Масляна — катацца...*» — пели частушку в с. Осетровка¹¹. После святок начинался мясоед — период свадеб, который продолжался до самой Масленичной недели (то есть восьмой недели до Пасхи). Если Пасха была ранняя, то и мясоед короткий.

На Масленицу свадеб уже не играли, а неженатых парней корили за то, что не выбрали невест. Также на Масленичной неделе уже не ткали, а только вышивали, а с пятницы вообще бросали любую работу. Эта неделя посвящалась всеобщим увеселениям, праздничным гуляниям. Главными занятиями были катания с гор и хождения друг к другу в гости.

Дети и молодежь катались с гор на *ледянках* (в форме огромной тарелки, вылепленной из навоза, смешанного с соломой и политой водой), приспособлявали для этих целей и кошелки, их также обмазывали навозом и заливали на морозе водой. На лошадях-тройках с бубенцами — в разукрашенных телегах, тарантасах катались все, от мала до велика, причем в самых лучших одеждах. Зажиточные крестьяне выделяли для этих целей своих лошадей.

В Нижнем Мамоне мужчины делали *катыльца*: брали ось или колесо, укрепляли на шесте, чтоб оно вращалось, а к колесу привязывали санки, которые при вращении колеса летели по кругу. Мужчины устраивали игры на льду с деревянным шаром, а женщины наблюдали, пели песни.

Как правило, на Масленицу должны были устраивать и кулачные бои, что символизировало борьбу двух сезонов: зимы и лета. Однако в Верхнемамонском районе упоминания о кулачных боях были записаны только в селах Ольховатка и Дерезовка. Возможно, это связано с тем, что советская власть кулачки запрещала, и в своей молодости информанты уже не могли их видеть.

Блины начинали печь с понедельника — сначала на опаре, кислые, а с пятницы пекли еще и блинчики, и пряники, и печенье-*орешки*. В последний день оставшиеся блины выносили на улицу, раздавали, вешали на деревья. А в некоторых семьях, напротив, засушивали и *берягли до цвятюв* (с. Гороховка).

Последнее воскресенье Масленичной недели — Прощеное воскресенье. В этот день просили друг у друга прощения за причиненные обиды, в том числе и невольные, особенно дети — у родителей, зять — у тещи, сноха — у свекра и свекрови. Родители их в ответ благословляли и целовали в макушку.

В прощенный день сжигали чучело, символизирующее зиму, его делали из соломы в форме женской фигуры, на голову насыпали перья (х. Донской). Вероятно, этот обычай появился поздно и связан с персонификацией Масленицы, так как в качестве старинного обычая информантами не упоминается.

Великий пост, длящийся семь недель, — это время не только телесного и духовного очищения, но также приготовления к весенним полевым работам. Обы-

чай и приметы этого периода связаны с ожиданием весны, благоприятной погоды, успешной работы в поле.

На Сороки (22 марта) пекли специальное печенье в форме птиц и давали детям — закликают и встречают весну. Они выбегали на улицу, подбрасывали вверх печенье, имитируя прилет птиц, кувыркались в соломе и приговаривали: «Кулики-жаваронушки, лягитя у адонушки, пашаничку клявать, куколь выбирать»¹². Обрядовое печенье пекли также во всех остальных селах, причем не только на Сороки, но и на четвертой неделе поста — на Средокрестие (в форме крестов), и на Благовещенье (в форме просвирок). В печенье в форме крестов или просвирок запекали монетку, кому достанется с монеткой — тот должен будет начать сев (пусть даже ребенок, но он первым бросит во время сева горсть зерна).

Благовещенье (7 апреля) и Вербное воскресенье (за неделю до Пасхи) — считались праздничными днями, запретными для работы, говорили: «На Благовещенье птица гнезда не вьет, девка косы не плетет». Это были дни послабления поста (можно было есть рыбу), а также разрешенными днями для игр и хороводов. Дети играли в игры, имитирующие прилет птиц и охоту животных: «В коршуна», «Гуси и волки».

На Вербное воскресенье обязательно освящали веточки вербы в храме. Вербу заготавливали обычно за неделю до освящения, чтобы почки набухли (особенно, если Пасха была ранняя). Освященным веточкам вербы приписывались магические свойства, их приносили на могилы умерших (в знак молитвы за них), кидали в погреб (от всякой нечисти), хлестали ими детей (для здоровья), приговаривая: «Вербохлест, бей до слез», прятали за иконы, чтобы потом выгонять ими скот первый раз на выпас. Было принято хранить освященные веточки целый год — до следующего Вербного воскресенья. Затем старые прошлогодние веточки запаривали и отдавали скоту.

Пасха в православной традиции празднуется в первое воскресенье после первого весеннего полнолуния (то есть отсчитывается одновременно и по лунному, и по солнечному календарю), поэтому празднование Пасхи происходит каждый год в разные дни. Несмотря на запреты советских властей, в крестьянской среде Пасха была и остается главным праздником. Правда, кое-что в ее праздновании изменилось. Главным атрибутом Пасхи были куличи и крашеные яйца. Яйцо как символ жизни, ее начало и ее итог — проходит через всю весеннюю обрядность. Яйцами обменивались (христосовались), оставляли на могилах умерших на кладбище, играли (катали) в лотках, освященные яйца добавляли в корм скоту.

На третий день Пасхи начинали водить хороводы — *танки*. И в этом — особенность мамонской традиции. Обычно в других регионах танки начинали водить только с Красной горки. Танки здесь — это обрядовое шествие, в котором участвовали женщины и девушки. Они, держась под руки, ходили по селу с песней, в которой «припевали» друг другу холостых парней и незамужних девушек:

По лугам вода разливалась,
Ой, да люли, люли, разливалась.
По берегам трава расстилалась,
Ой, да люли, люли, расстилалась.
По лесам пташки разлетались,
Как одна пташка в лесе сталася,
С тоски-волюшки, без приволюшки,
Ой, да люли, люли, без приволюшки...
Красная девушка-то Паранюшка
Звала, звала брата большего:
Ты, пайдем играть к нам на улицу,
На широкую, на зеленую.

В нас на улице сын хорошенький,
Сын хорошенький-то — Иванушка,
А пригоженький-то — Акимушка,
А кто лучше его-то — Егорушка.
За Иванушку-то — Марьюшку,
За Акимушку-то — Агафьюшку,
За Егорушку-то — Авдотьюшку¹³.

Брачные мотивы и мотивы величания девушек характерны в целом для южно-русских хороводных песен.

Шествие с танками по селу символизировало наступление переходного времени от одного сезона к другому, в данном случае — переход от ранней весны к так называемой «зеленой весне». Таким образом, пройдя все село, женщины как бы переводили всю общину через определенный рубеж.

В селе Осетровка *танки* также водили и на Красную горку (следующее воскресенье после Пасхи), и на праздник жен-мироносиц (следующее воскресенье после Красной горки) с такой песней:

На улице, улице, на улице широкой,
Ой, ляли, ой, ляли, ой, ляли, ляли, ляли.
На мураве, на мураве, на мураве зеленой,
Ой, ляли, ой, ляли, ой, ляли, ляли, ляли»¹⁴.

На Радоницу следовало посещать кладбища и праздновать Пасху для умерших предков. Поскольку этот день всегда приходится на вторник, то работающие люди не могли в этот день ходить на кладбище. Обычно могилы умерших посещали в Пасхальное воскресенье (как и в настоящее время). А вот что предписывала традиция (по материалу из с. Осетровка). «*Ходили поминать родителей у церкву. Пякли пирожки или блинцы, накрывали их белым рушником... Када батюшка абедню атслужить, начинают раздавать усем... У церкви пакупали свечку и становили на кануну у перваю очередь. Если хочешь, чтобы Бог давал здоровья, счастья, пакупаешь большую свечку и падавай за престол Божий матери у ялтарь... По святой неделе ходишь у церковь на всеношную, усе пакойники у церкви стоя, только ты их и я их не вижу, до двянадцати часов стая, а тады уходя...*»¹⁵

Всю святую неделю катали крашеные яйца на специальных лотках (кто больше побьет своим яйцом другие, тот и победил).

На Красную горку играли свадьбы.

О почитании Егория (праздник Георгия Победоносца отмечается 6 мая), о ритуальном первом выгоне скота в Егорьев день информации собрать не удалось. Но то, что этот святой лечит всякую скотинку-животинку и даже кости человека, народ помнит. В селе Гороховка был записан заговор от боли в суставах: «*Отче наш, святой Ягорий, ехал на белам кане па залатому масту. Конь спаткнулся, сустав на сустав наткнулся, жила на жилу нашла, кровь на кровь нашла. Святая спасительная малитва рабы Божей [имя больной] — ражденной, крещеной, малитвенной, причащенной. Читать 9 раз. Помалоть семечка падсолнуха, прикладавать на бальное место и крястить*»¹⁶.

Праздник Вознесения (40-й день после Пасхи) не отмечен никакими обрядами. В этот день, если долго не было дождя, ходили в поле *со святостью* (хоругвями), а батюшка служил молебн.

Любимый народный праздник — Троица. Троицу праздновали три дня (воскресенье, понедельник и вторник), но главным в народе считали первый день (49-й день после Пасхи). Троице предшествовали приготовления: жилища и дворы украшали ветками клена или березы, а пол в доме устилали свежескошенной травой. В *родительскую* субботу перед Троицей обязательно поминали умерших родственников.

На Троицу с утра все шли на праздничную службу в храм (тоже украшенный зеленью: ветками деревьев, травой, цветами), девушки стояли на службе в венках из травы. Венки плели в основном из пырея, добавляли полевые цветы, которые успевали распуститься к Троице. Главную троицкую траву — *зёрю* или *любистку* из-за острого запаха в венки не вплетали (ее держали в руках).

После обеда во всех селах устраивали массовые народные гуляния на лугах у реки. Во многих селах (кроме Дерезовки) девушки *кумились*. Этот обряд по-сестримства символизировал превращение девочек в девушек и устанавливал их тайный молодежный союз. Для этого группами девушки в венках уединялись в лесу или в саду, где плели отдельный венок, побольше, вешали его на ветку, подходили к венку парами (трижды) и через венок целовались (поцеловаться и означало покумиться). О кумлении пары договаривались заранее. Как правило, кумились только с одной девушкой. С этого момента подруги называли друг дружку «кумой», этот союз почитали всю жизнь, а сам обряд расценивали как клятву в дружбе и взаимопомощи. Подарками не обменивались и не раскумливались. В кумлении участвовали девушки, начиная с 12–13 лет и до замужества.

Обряд совершали под песню «Веселая беседушка».

Да веселая беседушка, где батюшка пьет.
Он пьет — не пьет, родимый мой, за мной, младой шлет.
А я, млада-младешенька, замешкалася,
За гусями, за утями, да за журушкою...
Да как журушка по бережку похаживая,
На тот бережок поглядывая.
На том берегу, бережочику — да четыре двора.
Во тех дворах, во двориках — четыре кумы.
Вы, кумушки, голубушки, сестрицы мои.
Вы кумитесь, любитесь, любите меня.
Пойдете вы во зелен сад — возьмите меня.
Сорвете вы по цветику — сорвите и мне.
Совьете вы по венчику — совейте и мне.
Пустите венки поверх воды — пустите и мой.
У всех венки поверх воды, а мой — потонул,
У всех мужья с войны пришли, а мой — не пришел¹⁷.

Песня обладает ярко выраженной бифункциональностью, поскольку использовалась и в троицком, и в свадебном обрядах (исполнялась на свадебном пиру с неполным текстом до слов: «На том бережку четыре двора»).

После кумления шли к Дону, петь могли в это время любые песни, например, хороводную «Пошли девки в лес по ягоды гулять», и у Дона обязательно — протяжную песню «Батюшка наш Дон». Венки бросали в воду — *пускали* по реке. Считалось плохой приметой, если венок потонул или его прибило к берегу, поэтому иногда с венками заплывали на стремнину и *пускали* по воде уже там.

В соседних селах собраны дополнительные сведения об обряде. Например, в с. Осетровка кумились не через венок, а через рушник, концы которого связывали. Здесь же было принято наряжать девушку-сироту рушниками, ей надевали на голову решето, венок, под руки вели к Дону купаться с песней «Троица ты, Троица широкая, мурава, мурава ты зеленая», затем также с песней шли назад в лес. Похожие сведения были зафиксированы в других селах Верхнемамонского района — Ольховатке и Гороховке.

Обязательным элементом обряда была совместная трапеза покумившихся девушек, на которой главной обрядовой едой была яичница. Яйца и сковородку приносили из дома, а яичницу жарили на костре. Но нередко обрядовую трапезу делали в каком-нибудь доме, яичницу готовила и выносила мать.



Демонстрация обряда кумления в с. Верхний Мамон. 1995 год

Покумившиеся девушки сохраняли дружбу на всю жизнь. Считалось большим грехом обидеть куму, отказать ей в просьбе.

Последний раз обряд *кумления* осознанно (именно как обряд) совершали еще до Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. В послевоенное время песня исполнялась как неприуроченная, и особенно актуальны были заключительные слова текста: «У всех мужья с войны пришли, а мой — не пришел».

Также на Троицу водили танки, обычно все село выходило на гуляние. «*Хадил к Дону, пляли вьанки, брасали в воду... украшали березу... гуляли и ребята, и девчата, наряжались... ламился луг ат людей...*»¹⁸

В отличие от северных районов Воронежской области в мамонской традиции не зафиксированы обычаи, связанные с проводами русалки на петровские заговинны (в следующее после Троицы воскресенье). В публикации экспедиционных материалов ВГУ есть упоминание, что в х. Донской на русальной неделе наряжали девушку с длинными волосами и водили ее по деревне¹⁹. Возможно, здесь когда-то и существовал обряд *проводов русалки*.

Народное празднование Ивана Купала и Петрова дня в мамонских селах не отмечены, зато у соседей в украинских районах — Богучарском, Россошанском, Калачеевском эти праздники отмечают обрядами, что является характерным отличием украинцев. Видимо, от них в селе Русская Журавка был заимствован обычай обливать друг друга водой. Старались правдой и неправдой выманить хозяев из дома и облить водой, но никто при этом не обижался²⁰.

К сожалению, летние и осенние народные праздники и обычаи уже не сохранились.

Таким образом, система календарных обрядов (точнее их фрагментов) сконцентрирована вокруг святочного, масленичного, пасхального и троического периодов как наиболее важных в жизни крестьян-земледельцев и представлена магическими действиями преимущественно продуцирующего характера. Там, где необходимость в воздействии на природу исчезает, уходят из жизни и сами обряды.

Достаточно много удалось собрать сведений о традиционном свадебном обряде. В 1999 году был опубликован сборник «Свадебные песни Верхнемамонского района» с публикацией 56 свадебных песен с нотами в расшифровке Г.Я. Сысоевой и описанием самого обряда²¹.

Традиционная мамонская свадьба относится к южнорусскому типу («свадьба-веселье» в отличие от северорусского типа «свадьба-похороны») и сохраняет все основные моменты свадебной игры, отличаясь лишь некоторыми локальными проявлениями. Весь восстановленный сценарий характеризует состояние свадебного обряда примерно на 30-е годы XX века. Именно в то голодное неустроенное время, к тому же отягощенное социальными переменами на селе — сплошной коллективизацией, но по возможности следуя традиции, наши информаторы играли собственные свадьбы. Уже в тот период многие традиционные моменты свадебного действия подверглись трансформации, нововведениям, о чем рассказчики постоянно подчеркивали: «...а вот в старину, бывало...» или «еще моя бабушка говорила...»

По крестьянским представлениям, свадьба — важнейшее событие не только в жизни двух породнившихся семей, но и всей общины, поскольку без ее санкции брак считался как бы недействительным. Поэтому свадьбу вынуждены были справлять даже бедные семьи. Именно общинные представления и взгляды на брак формировали и удерживали в строгом соответствии традиции многодневный многоэтапный свадебный спектакль, в котором каждый участник хорошо знал и исполнял доставшуюся ему роль.

Основная функция не только русского, но и любого традиционного свадебного обряда — утверждение обществом новых социальных ролей, которые принимают на себя вступающие в брак и признание ими определенных обязательств перед обществом и друг перед другом.

Свадьба относится к обрядам перехода, а обрядовые действия составляют три комплекса, соответствующие трем периодам или фазам. Первая — фаза приготовления и отделения жениха и невесты от группы холостой молодежи, затем невесты — от своего рода. Первый этап свадьбы включает в себя сватовство, пропой и девишник. Вторая фаза — пороговая или лиминальная, очень опасное и ответственное время для жениха и невесты, когда собственно совершается их переход в другую жизнь через временную смерть в качестве юноши и девушки. Этот период соответствует первому дню свадьбы. Третья фаза — присоединение жениха и невесты в качестве полноценных членов к общине, а невесты — присоединение к роду жениха, это новое рождение-воплощение молодых как взрослых и самостоятельных личностей. Заключительные обряды, утверждающие новую семью в глазах общины, более растянуты во времени и кое-где длятся до года, хотя интенсивность их падает к концу срока.

Предпочтительным возрастом для вступления в брак считали 17–19 лет для девушки и не моложе 20 — для парня. При этом младшую дочь нельзя было выдавать раньше старшей, а также женить младшего сына перед старшим. Невесту выбирали родители жениха, нередко без его ведома и согласия, поскольку главную роль при этом играли хозяйственно-экономические соображения. Личный выбор молодых только в XX веке стал непременным условием брака. Искали спутника в жизни только в своем селе, особенно осуждались браки межэтнические, например, между *москалями* и *хохлами* (такими прозвищами называют здесь друг друга русское и украинское население).

Родители жениха старались сначала тайком посмотреть на невесту. «*Вот там-та девка хорошая... придуть сматреть невестку в соседним доме испадтишка, штоба ни узнали радитяли нявесты... у ней коса — во... А ноги — уж кизяк стопчит, дак ни развалицца...*»²²

Как и повсюду, официальному *сватовству* предшествовало *предварительное* сватовство, в семью невесты посылали кого-либо из близких предупредить, что собираются к ним свататься. Только после этого засылают *сватов*. Обычно ходили свататься 3–4 человека, в основном мужчины — ближайшие родственники:

отец жениха, крестный, старший женатый брат или дядя, реже — мать, тетка. Бывали случаи, когда для этих целей специально приглашали человека со стороны. «У мене дядя радной был специалист высватывать, и вот к няму абазатильна абраццались...»²³

Войдя в дом, сваты не переходили матицу, подчеркивая тем самым статус «чужих» людей, что свидетельствовало о цели их прихода. Разговор заводили в индифферентной форме:

— *Здравствуйте.*

— *Здрасте, добрые люди.*

— *Да вот шли, шли да заблудились мы. Мы ищем телачку прадажную. У вас ее нету?*

— *Ой, да есть, но она малоденькая, очень малоденькая.*

— *Ничего, мы ее подкормим, она падрастет... Что же, есть телочка на прадажу?*

— *Да как сказать... Да мы и не думали ее прадавать.*

— *Ну, не думали — подумайте.*

— *Нет, мы сегодня ничего не скажем, а вот придете вы завтра, тада и даговоримси»²⁴.*

Сваты начинали уговаривать и хвастаться — первым делом выкладывали на стол шапку жениха, которую могли и одолжить у соседей для этих целей. Выхвалялись хозяйством: «Гаварят, у нас дзве лошади... Ну а маладыи-та жирибятя падрасли — эта уже чатыри»²⁵. Обе стороны боялись обмана: во время венчания могли переменить невесту на засидевшуюся в девках старшую дочь, или жених мог быть совсем не таким, как его описывали на сватовстве. «А винец адели на голуву — и нукуда ни денишся...»

Родители невесты, соблюдая обычай и достоинство, как правило, согласие давали не сразу, даже если семья жениха была хорошо знакома, а брак был очень выгодным, и назначали день, когда можно прийти за ответом. Но зато отказ был незамедлительным и твердым. Боясь оскорбить отказом, говорили, что невеста *годами не вышла*, что не готово приданое, что отдадут только после старшей и т.п. На заключительное сватовство или как его еще называют — *договор* (Верхний Мамон), *сговор* (Нижний Мамон), сваты приходили со своей выпивкой и закуской — все заворачивали в вышитую скатерть. «Пришли пагаварить, винца папить, да с вами парадница... Пасидим, пабалакаим, за стол сядем. Приносим харчи...»²⁶ Получив согласие родителей невесты, все молились Богу, затем отец жениха доставал принесенный с собой хлеб и всем давал по кусочку с солью. Тут же звали невесту «*на погляд*», она кланялась и должна была дать согласие на брак. Выпивали по рюмке — не больше. Если со свадьбой торопились, то тут же и договаривались о сроках *пропоя* и свадьбы. И хотя песни на сватовстве не пели, в этом случае могли заиграть те, которые обычно исполнялись на *сводах* и *пропое*:

Беленький мой ляночик, ды навей витярочик,

Ой, ляли, ой, ляли, павей ветярочик.

Маладая Мариюшка па садочкю гуляла,

Ой, ляли, ой, ляли, па садочкю гуляла...»²⁷

Играли также и обычные застольные: «*Сабрали ложки-тарелки, дайтя па чарки гарелки, слаткава меду па стакану...*» (с. Нижний Мамон).

Если свадьба устраивалась по полному чину, то *договор* назначали на отдельный день — примерно через неделю после заключительного сватовства. На этом сходе ближайших родственников с обеих сторон решались организационно-хозяйственные вопросы: оговаривали количество приданого, назначали день *пропоя* и свадьбы, договаривались о том, сколько дней будет продолжаться свадьба, коли-

чество гостей и прочее. Как правило, в крестьянских семьях за дочерью не давали в приданое землю, скот, деньги. И только если девушка слыла некрасивой, глухой, бесцестной или была единственной дочерью в зажиточной семье, жених мог рассчитывать на богатство своей невесты.

Приданое определялось не недостатком, а традицией: невеста должна была иметь сундук с постелью, одежду праздничную и для повседневного ношения, утирки и праздничные рушники для убранства дома, подарки для своих будущих родственников. Но главное — невеста собственноручно готовила свадебную одежду для жениха — рубаху, порты, пояс, носки, кисет. Каждая мать учила дочерей с детства ткать, шить, вышивать — готовить самим себе *приданое*. Девушке на *выда- ные* родители справляли шубу и сапоги. Если этих вещей еще не приобрели, старались взвалить такие большие расходы на семью будущего мужа. «Ани говорят: да ана у нас ишишо маладая, у нас шуба пиряшитая, то исть ис старья... у нас сапаги — вытюшки есть, а крюкавых нет... крюкавыи — ни атрязныи, цельныи. А жаниховы радитяли: эта нам труднавата будя — и шубу, и сапаги... Невестины: ну, глядитя, мы приданая даем на три года...»²⁸

Вот перечень того, что должна была иметь невеста в своем сундуке. Шуба *дуб- леная* или шуба с *костыликами* (вставками на боках), шуба *перешитая* (крытая сукном); *поддевка* суконная, *поддевочка*, *корсет* из домашней тканой шерсти, *корсетик*; юбки — *штохвенная* (из штофа — плотного шелка), поплиновая, шерстяная со *звездочками* (с вышитыми узорными фигурами), шерстяная однотонная; рубахи — вышитая, *кумашная* (из красного сатина), кисейная, холстинная; *куфайки* или *фуфайки* (жилеты) — атласная, плисовая, суконная, *манчестеро- вая* (из тонкого сукна); платки — *гарнитуровый*, *хранцузский*, ситцевые; шали; обувь — валенки новые белые и черные, *подшитые* (для работы во дворе), сапоги — *вытяжки*, *крюковые* (то есть цельные со сборками), *черевики*, вязаные носки. Кроме того — постель: *дерюжки* (вместо одеяла) — валяные и тканые, простыни 3–4, подушки, холсты (количество доходило до 100), утирки, *смотровые* (вышитые) рушники, *настольники* (скатерти).

Просватанная девушка больше не вплетала ленту в косу, а покрывала голову платком. Она освобождалась от всех домашних дел, шила, вышивала, раздавала работу подругам домой, чтобы успеть приготовить к свадьбе все необходимое.

Следующий обязательный момент предсвадебного действия — это осмотр родителями невесты подворья жениха, которое здесь называют *смотреть кочергу*. В буквальном смысле, войдя в дом, гости в первую очередь брали в руки *кочергу* (рогач) и заглядывали в печь, даже если она не топилась. Это знак особого доверия гостям, раз они допускались к святой святынь — семейному очагу, почитаемому с языческих времен как своеобразный домашний алтарь. Родственникам невесты показывали хозяйство и дом, где предстояло жить молодым. Особое внимание обращали на развешенные в доме старшей снохой праздничные или *смотро- вые* рушники — ведь молодая невестка должна была накануне свадьбы завесить их своими! Затем хозяева обязательно приглашали всех к столу. Но и после этого свадьба могла расстроиться, хотя старались не допускать такого поворота — позора перед всей общиной. Лишь только после *пропоя* решение о свадьбе уже не имело обратной силы.

Пропой устраивали в доме невесты, куда на большое и шумное застолье съезжались для более близкого знакомства родственники с обеих сторон — человек 20–30. Это обязательный эпизод свадебного обряда, сохранившийся и до наших дней. Но в отличие от современных обычаев в старину не приглашались на *пропой* ни жених с невестой, ни их подруги и друзья.

В начале XX века, когда патриархальные устои стали разрушаться, повсеместно на юге России распространился обычай досвадебного официального знаком-

ства жениха и невесты — так называемые *своды* или *сводушки*. В мамонской свадьбе *своды* чаще всего соединялись с *пропом*, реже — с *договором*. На сводах вступающие в брак получали коллективное благословение. Молодых вызывали к гостям, ставили рядом, поочередно спрашивали согласия на брак, благословляли, подносили им квас, но за стол не усаживали, поскольку их еще не считали полноценными членами общины и относились так же, как к детям. Стол накрывали сообща — женихова родня приносила и холодец, и кур, и пирожки. Уже на сводах невеста и жених должны были назвать в присутствии всех гостей своих новых родителей *матушка, бабушка*.

С пропоя начинали звучать свадебные песни — в первую очередь те, которые рассказывали о символическом знакомстве жениха и невесты как событии, predetermined самой судьбой. Символом жизни-судьбы в фольклорной картине мира песенных текстов выступает сад: *Уж вы, садья, маи садья-винаградья* (с. Осетровка); *«Уж вы, садики, садики, вы, садья маи зиленаи, вы, калодязи глубокаи»* (с. Дерезовка).

Как и повсюду на юге России, в текстах свадебных песен жених и невеста впервые встречаются у колодца, который является поэтическим символом-предвестником замужества. Не случайно во время святочных гаданий девушки под подушкой выкладывали из спичек колодец и загадывали, чтоб во сне увидеть своего суженого — того, кто придет за водой. *Пропойными песнями* как бы припевали молодым друг к другу:

Ой, Марьюшка воду нося — карамысельца гнуцца,
Э-ой лели, лели, карамыселица гнуцца.
Иванушка в акно смотря — у яво слезы льюща.
Э-ой лели, лели, у яво слезы льюща.

(с. В. Мамон)

На *пропое* назначали день свадьбы. Обычно играли свадьбы осенью, после завершения полевых работ, начиная с Покрова дня и до начала Филиппова (Рождественского) поста, или зимой от Крещения до Масленичной недели — то есть в осенний или зимний мясоед. Иногда — на Красную горку, и никогда — в пост, на Масленицу и летом.

Нельзя было назначать свадьбу на субботу: *«Васкрисення с панидельничкам, вторник — с сирядою, четверх — с пятницей, а субботушка — сиротушка, вдовушка-день, на ние ни женяцца, толька сны сбывающа...»*²⁹

Накануне свадебного дня обязательно устраивали в доме невесты *девишник*, а в доме жениха — *вечерину*. По сути *девишник* и все утро свадебного дня до отъезда невесты с родного подворья — это ритуал похорон девичества. Обрядовая сущность прощания обнаруживается более всего в специальных так называемых прощальных песнях подруг невесты, в плачах и причитаниях самой невесты и ее матери. Веселые песни считались абсолютно неуместными, даже если невеста выходила замуж по любви в желанную семью. Невеста прощалась не только со своей девичьей волей, подругами, но и родным домом. Чем большее свое горе она высказывала, тем большее почтение к родительскому дому это символизировало. Подружкам положено было приходить на *девишник* со своими блинцами — традиционной поминальной едой, поскольку невеста хоронила девичество, расставалась со своей волей навсегда. *«Пад свадьбу у нивести — девки, падруги, какия раньша памагали вышивать... делали дявишник и принасили сваи блинцы»*³⁰.

Старшая дружка (любимая подружка невесты) собирала всех подруг и приводила в дом невесты. Обязательно приглашали незамужних девушек — близких родственниц жениха. Девушки обязательно подвязывали вместо *завесок* (фартуков) вышитые рушники как знак далекой долгой дороги, разлучающей их со сво-

ей подругой и шли с обрядовой песней посередине улицы рука об руку, подчеркивая ритуальный характер шествия:

Вы куры, куры, ранни кочеты,
У ладо ладо, у ладонь мое...
(села В. Мамон, Н. Мамон, Осетровка)

До сих пор местные жители помнят, что припев «*ладо, ладо*» поется только невинным девушкам. Потерявшим целомудрие свадьбу играли по неполному чину, нельзя было исполнять некоторые песни, в том числе и эту. Пение сопровождалось редкими ударами по лезвию зажатой в руках косы деревянной палочкой, и этот звон символизировал набат, собирающий всех в минуты приближающейся беды. Это называлось — *ходить с косой* (села В. Мамон, Н. Мамон).

У невесты девушки забирали узел с венчальной одеждой жениха и отправлялись к нему в дом *продавать рубаху*. У порога они вызывали его величальной песней:

Иванушка — гаспадин, гаспадин,
Ой, ляли, алилей, гаспадин.
На крылечка выхадил, выхадил,
Усех девак пахвалил, пахвалил...
(села В. Мамон, Н. Мамон, Осетровка)

Выходили родители с хлебом-солью, а также жених, но торги вести не имел права — все переговоры и действия на свадьбе от имени жениха вел *дружка*, а от имени невесты — ее подруги и крестная мать. Бессловесность главных персонажей объясняется их неопределенным статусом: они находятся как бы между мирами — умирают в своей прежней жизни и ожидают нового рождения в другом качестве.

Выкуп за рубаху девки оставляли себе. Хозяева с песней «*Ой, что у нас во садике шумела*» обязательно их приглашали в дом, угощали, после чего они вновь отправлялись — иногда с парнями — к невесте, где, сидя за столом, играли прощальные песни:

Сборы, сборы Натальины,
Да собрала падружак к батюшки в дом,
Да пасажала всех их за стол,
Да сама села выша усех,
Кланила галовушку выша усех,
Думала думушку больша усех,
Да как мне, маладой, к венчанью итить,
Да залатой винец палучить...
(села В. Мамон, Н. Мамон)

Невеста, одетая очень просто, иногда — *в горючем* (то есть в простом, невышитом, белом), обязана была *голосить* (причитать на специальный напев), но если не умела, то плакальщицу не приглашали, как в некоторых других местностях.

На ночь укладывались все здесь же, на полу, но невеста спала отдельно. По местному мамонскому обычаю, полагалось подругам невесты и золовкам драться в темноте, причем обязательно делали фаллический символ жениха (*напишают картошки в чулок*), на что информаторы особо обращают внимание: «*Затем стелят постель, все лажацца... Заловки и падрушки нивесты дярутся... Дярутся шутя, хатя и астаюцца синяки... Нивеста спит атдельна... Жаных — астаецца и не астаецца: девки паложат картошку в чулок и начинают бить, в каго пападуть*³¹. Считалось, что так девки быстрее выйдут замуж. С другой стороны — это, вероятно, символизировало борьбу за волю: невестину отстаивали подружки

(*штов ни абижали нашу падрушку*), а будущего мужа — золовки (*мы ей покажем, научим*).

Утром свадебного дня подружки будили невесту песнями:

Да зиму-лета сасенушка да зилена,
Ой, зилена, ой, зилена.
Да у субботу да русу косу гладила,
Ой, гладила, да гладила.
А в васкреснай день к венчанью шла — плакала,
Ой, плакала, да плакала...

(села В. Мамон, Н. Мамон, Осетровка)

Невесту одевали в темную вышитую юбку, белую кисейную рубашу, завеску, гарнитуровый платок. Любимые подружки маслили и чесали волосы. При расчесывании косы невесте подружки обязательно заводили «Реку»: девушке с живыми родителями играли «Реку медовую», а для сироты существовал другой вариант, отличающийся напевом и текстом. Причитание невесты-сироты при этом отличается очень устойчивыми текстовыми формулами, что не характерно для юга России, поскольку плакальщицы слагают текст почти всегда спонтанно.

Прощаясь с родителями, невеста, поддерживаемая подругами, падала перед ними на колени на расстеленную мехом вверх шубу, и причитала:

Бласлави мене, родная матушка,
Бласлави ты, родный батюшка,
На Божий сут пайти,
Божий винец принять...
(с. Дерезовка)

Ой да благаслави меня, мой батюшка,
Ой да благослави маю жисть,
Ой да вы праститя меня за все маи грехи,
Можит быть, я вас кагда-нибудь абидила,
Можит, кагда я вам груба сказала...

(с. В. Мамон)

Затем невеста целовала икону, которой мать трижды крестила дочь, и хлеб у отца на руках. Родители тоже целовали, желали дочери счастья и заключали: «*Бог блаславляя, и мы блаславляим*». Если матери не было, за нее стояла *крестная*. На невесту набрасывали венчалное покрывало-*дымку* и сажали за стол. Начался заключительный этап прощания — *сидение за столом*, в других селах Воронежской области чаще называемое — *посад*. Символика этого ритуального сидения традиционно связывается с самым трагическим моментом свадьбы — как бы временной смертью девушки-невесты. Эпизод внешне совершенно статичен — ничего как будто бы не происходит. Драматургия действия переносится в сферу музыки и поэзии: напевы-формулы, символизирующие невесту и ее окружение, сменяются напевами общины жениха. Кажется, что подружки «учат» невесту другому языку — языку рода жениха. Ярким примером песен с различной семантикой музыкального кода могут служить песни «*Ой, да перепелка наша, перепелушка*» (музыкальный знак невесты и ее подруг) и «*Былка — чернобылка*» (напев общины жениха).

Ожидая женихов поезд, играли песни «*Да брошу ключи поперек стола*», «*Из ворот-ворот желтый цвет, что ж, тебе, Иванушка, долга нет*», «*Вьюн на воде увивается*».

Наконец, приезжает от жениха свадебный поезд. Все информаторы сообщали, что по старинным традициям, которых они уже не застали, жених и невеста приезжали венчаться в церковь порознь и до венца не встречались. В начале XX века

жених уже сам приезжал за невестой. «*Да наехали полон двор бояр*» — с этой песней встречают *поезжан*. Начинается торг за место рядом с невестой, которое должен занять жених. «*Нявесту сажают за стол, падруг... и брат сел... каталку дают... ну, каталки — раньши лапшу раскатывали — каталки называюцца... лентай первязали и Павлику дали. Заходят — жених приажжая за нявестой... А вон прям бяре яво за руку... Я сястру ня аддам за так. Выкупитя у мене ее. А ани шутють: ты поляня, какая абарона? А жениха ж нада сажать избоку... Ну, начали таргавацца: да вот чатыря угла — чатыря рубля, а пятая матица — назад ни пятицца... штоб пятерка была. Эт тады дела бальшоя была...*»³².

Выходили из дома под песню «*Солнышко за лес закатилося*». Перед тем как невесте сесть в тарантас, она крестилась на восток и кланялась на все четыре стороны. А теща должна была перед отъездом подарить зятю платочек. Значимость этого момента подчеркивалась и песней «*Теща зятя доря*». Такой обычай встречается только здесь, в Верхнемамонском районе. Вероятно, значение этого подарка символизировало передачу ответственности за судьбу девушки-невесты от родителей к будущему мужу: все слезы дочери отныне на его совести. «*Паперет аня яму перехрестя хрест-нахрест и платочкям утре... пацалуя, яму губы утре и аддаст яму платочак — зятю... А патом тада «няряпелку» играють*»³³. Возможно, что платочек — это поминальный дар, ведь на юге области на поминках об умершем всем родственникам и друзьям раздают платочки: женщинам ситцевые головные, мужчинам — носовые. Таким образом, теща как бы наказывает зятю: навсегда запомни, мол, какой была моя дочь до свадьбы.

По народным представлениям, невеста должна была трижды утвердиться в качестве жены: перед Богом во время венчания, перед людьми во время повивания и перед мужем во время первой брачной ночи. Уже в 1930-е годы государство активно влияло на традиционный ход свадьбы, осуждая и запрещая церковное венчание и предлагая взамен простую регистрацию в сельсовете. Но среди сельчан брак без венчания считался неполноценным, старались обвенчаться тайно или в другом селе. После венчания жених и невеста садились в один тарантас и со всеми *поезжанами* ехали кататься. «*Ани сидят на падводе, перед ними крестная мать и атец... и его, и ее. Маладых впред ни пускали... В первой падводе кто-та другой, но ни маладыи, чтобы ни скалдавали...*»³⁴ Катание по селу — не просто развлечение, оно имело ритуальный характер, поскольку являлось своеобразной демонстрацией сельской общине новой рождающейся семьи. Катались тоже с песнями:

Тепла вода у калодезю стаяла,
Ой, ляли, алилей-ляли, стояла...
(села В. Мамон, Н. Мамон)

Наиболее важный момент свадебного действия — обряд повивания (одевания женского головного убора) — совершали в доме невесты, куда приезжали сразу после венчания и катания по селу. Посмотреть, как невесту переделывают в *молодуху* приходили все, кто может, не только участники свадьбы — *поезжане*, но и соседи — *приходжане*. Местное название обряда — *молодых оправляют*. Повивали *свашки* — крестные матери с обеих сторон. Сначала их песней выпроваживали из красного угла (под иконами): «*Сашунька-гаголушка, двиньси в кут на лавочки*». Молодых сажали за стол у *вышки* (под иконы), натягивали перед ними полотенце или покрывало *от сглаза* и просили благословения *повить молодых* — у родителей, *дружки* и *поддружки*, всех *честных поезжан*, на что полагалось отвечать: «Бог благословляет, и мы благословляем».

Повсеместно в Воронежской, Белгородской области во время повивания исполнялась песня «*Затрубили трубушки рано по заре, заплакала Марьюшка по сво-*

ей косе». В мамонской традиции эта песня сохранилась плохо, удалось записать лишь отдельные текстовые фрагменты от 85–90-летних информаторов. Обычно здесь на повивании играли ту же песню, что и при расчесывании косы у невесты перед отъездом к венцу:

Да хадила козушка па расе,
О, ладо, ладо, по расе.
Да плакала Марьюшка па касе,
О, ладо, ладо, па касе...

(села В. Мамон, Н. Мамон, Осетровка, Дерезовка)

Невесте, которая до свадьбы носила одну косу, расчесывали волосы и заплетали две косы — символ того, что теперь над ней две воли — своя и мужа. Отныне она не имела права показывать волосы никому, кроме своего супруга. Оказаться простоволосой, непокрытой перед людьми или даже перед членами семьи, например, свекром, считалось величайшим стыдом и позором. В праздники замужняя женщина надевала *кокошник с позатыльником*, в будни покрывала голову платком. «*Нивеста не даецца, особенно када на нее адиваюць какошник. Спецыяльна поддевала пальцем, чтоб слетал какошник*»³⁵.

Невеста уже не причитала, а только плакала — *ухала*. «*Эта нявесту аправляюць, ана кричыць — ухая... Да ише вазьме — какошник скіня...*»³⁶

Жениху также расчесывали волосы и смазывали их маслом. Молодых не открывали для всеобщего показа, пока *свашек* не одарят деньгами или вином, после чего новобрачных посыпали на счастье сухими шишечками хмеля, пшеном, зерном, деньгами и играли особые припевки:

Да не так снарядили,
Да не так снарядили, как девки хадили.
Мы так снарядили,
Мы так снарядили, как бабы хадили...

(села В. Мамон, Н. Мамон, Осетровка, Дерезовка, Русская Журавка)

На свадебный *венчальный* пир все отправлялись в дом жениха. Молодых увозили с песней «*Катилася колясочка с заморья*».

У ворот женихова двора неприглашенные на свадьбу соседи-*прихождяне* натягивали на пути молодых веревку и требовали выкуп за дорогу вином или деньгами. Песней вызывали на крыльцо родителей жениха:

Ой, матка-саколка,
Ой, матка-саколка, глянь-ка у вакошка.
Твой сын-сокал едя,
Твой сын-сокал едя, вязе саколушку...

(села В. Мамон, Н. Мамон, Осетровка, Дерезовка)

Первыми встречались крестные матери с обеих сторон, они обменивались караваями. Три раза поднимали каравай над головами, и чей каравай будет выше — тот и будет в доме главным. Перед молодыми разметали веником дорогу, на крыльце стелили новый холст, как знак чистой дороги, и вывороченную мехом вверх шубу, как знак богатства. Так же, как и в доме невесты, мать жениха стояла с иконой, отец — с хлебом-солью. Невеста кланялась в ноги, целовала икону, молодые должны были обязательно попробовать *хлеба с солицей*. Войдя в дом, украшенный вышитыми невестой рушниками и развешенными только что, молодых усаживали ненадолго в святой угол под иконы, разламывали у них над головой *каравай*, кусочек которого должен был каждый унести с собой. Обрядовые действия с хлебом, особенно в свадьбе всегда связывались с идеей благополучия, достатка, с идеей наделения долей. Молодых начинали величать:

У Николая за столом два цветочка расцвляли.
Первый цвет — калиновый, другой цвет — малиновый,
Первый цвет-то — Марьюшка, другой цвет — Иванушка...
(села В. Мамон, Н. Мамон)

Молодым не полагалось сидеть вместе с гостями за столом — их кормили отдельно, в другой комнате. Их уводили сразу, как только *обыграют* песнями. Так же не полагалось и девушкам сидеть со всеми за столом — их кормили еще до приезда молодых. Они стояли вдоль стен, смотрели, пели песни — зарабатывали копейки.

Если гостей было много, то сначала кормили невестинных родных, потом сажали жениховых. К столу подавали сначала квас, затем дружка разрезал пирог с капустой и картошкой и раздавал каждому по куску. Он же делил и жаркое — целого поросенка, целого гуся или утку. Готовили *узвар* — компот из вареных сушеных фруктов.

Каждого гостя положено было обыграть. После величания молодых первого обыгрывали дружку: «*Ох, не бушуй, ой, не бушуй ты, буен ветер*». Затем всех гостей попарно такими песнями как «*У нас по погребу боченочек катается*», «*Ходит голубь по столу*», «*Виноград по горам растет*» (В. Мамон). Неженатому брату играли «*Березничек листоватый*» (Н. Мамон), вдовцу — «*Ой, что ж ты, гусак, на море один*» (Дерезовка) и другие. Песенницы выпрашивали вознаграждение, для чего каждому подносили квас и пели припевки:

Валентина Ивановна, абернись к нам лицом,
Вот тебе чарочка с винцом...
Падари, Валентинушка, падари, Иванавна,
Ни рублем — палтиною, залатою гривною...

(села В. Мамон, Н. Мамон)

На *дары* молодые вновь выходили к гостям. Сначала всем присутствующим показывали содержимое сундука с приданым. Затем невеста дарила свекрови и свекру по вышитой рубахе, остальным родственникам жениха подарки попроще — холсты, утирки, платки. Невеста обносила всех гостей квасом. Молодых заставляли целоваться: говорили, видели, мол, как голуби целуются, а вы нам не покажете? Если гостю показалось, будто в стакане с вином плавают волокно, это также означало, что молодые должны поцеловаться. Спрашивали жениха: «*А ты не знаешь, Ванюшка, как косарь косит? — Он це обымаит. А как вязалка вязит, Марьюшка? — Ана его абымаит*»³⁷.

Знаком к окончанию застолья служила *каша*: ее подавали последней, потому она называлась *разгонщица*.

Постель молодым устраивали сват и сваха в *пуньке* (неотапливаемой пристройке к сараю или хлеву). Видимо, в этом проявляется не только желание оставить молодых наедине, но и магическая вера в то, что плодovitость и выносливость домашнего скота передается и молодым. «*Пастель абкатывали... ат ние свашка, ат ниво — сват... ложились, а вы смотрите, как нада*»³⁸. Провожал молодых к постели дружка со словами: «*На первую ночку — сына или дочку*». Невеста должна была обязательно сама снять с мужа обувь в знак покорности — этому накануне учили ее пожилые женщины.

Утром молодых будили сваты песней:

На море калинушка стояла,
А Марьюшка по бережку гуляла,
Ой, лели-лели, калинушку ламала...

(с. В. Мамон)

В старину освидетельствование молодой было обязательным. «*Вот калинушку ламали — эта инасказательна... что ани там ламали и пачаму калинушка красная. Вынасили рубашку ее. Мы этава ни захватили... Уж за сталом сидели, утрам, гульба прадалжалась — кресная вынасила рубаху, и если там ни единава пятна, то пазор этой невесте на всю жизнь. Но муж ее ни брасаит...*»³⁹ Тут же били горшки в знак утраченной невестой невинности. Обычай освидетельствования молодой вообще у русских встречается довольно редко, в основном под влиянием традиционной украинской свадьбы. В мамонскую традицию он попал, видимо, из соседнего Богучарского района, где живут украинские переведенцы-хлебопашцы. Калина как символ девичьей чести встречается и в песнях, и в действиях. Например, во многих селах со смешанным русско-украинским населением калиной украшали свадебный стол, каравай, на второй день ягоды калины обрывали и бросали в бутылку с водкой.

Обязательным было и испытание молодой. Она убирала черепки от горшков, подметала избу, ее несколько раз посылали за водой, причем воду она должна была принести из разных колодцев. Испытывали на честность — разбрасывали деньги по полу и ждали, вернет ли их молодая *сноха* или оставит себе.

На второй день *молодайка* убиралась в праздничный *снаряд*: вышитую рубаху, *штоховую* юбку, плисовую *куфайку*, *кокошник*. Родные невесты и гости шли по улице *с беседой* в дом жениха *искать пропажу*. Все участники рядились в цыган, солдат, докторов, вывороченные шубы, мазали лицо сажей, мукой. Шли с песнями, гармонью, пели непристойные частушки.

Сколько бы ни длилась свадьба, заключительный обед всегда был в доме, где живут молодые. «*Извеку последний абед был у жаниха, а шшас набарот*»⁴⁰.

Всю неделю после свадьбы, как и повсюду в южнорусских селах, участники свадьбы могли гулять попеременно в нескольких домах: ближайшие родственники *брали в гости*.

Анализируя полевые записи, следует обратить внимание на вариативность свадебных обрядовых действий. Речь идет о нестрогой регламентированности свадебных картин в общем сценарии свадьбы, а не о присущей любому фольклорному явлению импровизационности как способу воплощения типического. Так, например, не имеют четко закрепленного места в свадебной игре *своды*, не разделяются этапы *сватовства*, исчезает *договор*. Вероятно, ход традиционной свадьбы всегда корректировался в зависимости от жизненной ситуации и конкретных обстоятельств, складывающихся в желающих породниться семьях.

Некоторые информаторы путаются, противоречат сами себе, не считают существенным перестановку в последовательности действий, спорят друг с другом о приуроченности свадебных песен к определенным моментам. Это объясняется неизбежными различиями в исполнительских версиях свадебного спектакля для каждой «улицы», отчасти забывчивостью носителей традиции, но прежде всего — разрушенностью самого обряда, тенденцией к его упрощению и сокращению. За всем этим стоит стремительное ослабление магической функции обрядовых действий, а в целом — усиление игрового начала, преобладание эстетических критериев в выборе ритуально-игровых моментов действия в качестве стабильных элементов обряда.

Среди городской молодежи в крупных областных городах в настоящее время широко исповедуется необязательность свадьбы и даже брака. В сельской местности это невозможно. Свобода добрачных отношений молодых, разумеется, внесла коррективы в ход свадьбы. Но до сих пор обязательными эпизодами свадебной игры в селах Верхнемамонского района остаются сватовство, пропой, девишник, прощание невесты с родительским домом, катание молодых, свадебный пир у жениха, гуляние ряженных на второй день свадьбы, ответное свадебное застолье у

невесты на второй или третий день. Правда, необходимость и целесообразность некоторых свадебных обычаев сегодня воспринимаются по-другому: как дань традиции, как яркое, запоминающееся для всех зрелище. Торжественная регистрация молодых пар проводится в районном Дворце культуры, местный фольклорный ансамбль во время церемонии исполняет местные свадебные песни.

И все же магия свадебного действа сохранилась и в современной свадьбе — в представлениях сельчан: чем многолюднее свадьба, чем больше в ней традиционных моментов, тем сильнее будет ответственность новобрачных за крепость рождающегося семейного союза.

Песенный фольклор к настоящему времени стремительно исчезает вместе с носителями традиции, родившимися до 40-х годов XX века. Экспедициями Воронежского государственного института искусств в 1986–2003 годах было записано 334 традиционные песни в восьми селах: Верхнем Мамоне, Гороховке, Дерезовке, Лозовом, Нижнем Мамоне, Ольховатке, Осетровке, Русской Журавке.

В 1985 году фольклорная комиссия при Союзе композиторов РСФСР выпустила небольшим тиражом нотный сборник «50 русских народных песен сел Верхний Мамон и Россошь Воронежской области»⁴¹, куда вошли 33 нотные расшивки Е. Кустовского песен села Верхний Мамон, записанных в 1970-х годах известным собирателем П.А. Макиенко вместе со своими учениками — учащимися Воронежского музыкального училища.

Сравнивая эту публикацию с более поздними записям, с сожалением отметим, что наибольшие потери «понесла» протяжная песня: в активном репертуаре бытовых ансамблей от былого богатства и разнообразия осталось чуть больше 10. Их место уверенно заняла поздняя лирика с ее мещанскими романсами и бытовыми балладами. Календарный фольклор, занимавший здесь всегда периферийное место в системе жанров, практически не сохранился. Плясовые песни как бы «выбрасывались из памяти» в силу особенностей пожилого возраста исполнителей как неподобающе несерьезные и уже информаторами неохотно вспоминающиеся. Зато свадебные песни у носителей фольклора вызвали ностальгическую тоску по красоте, мудрости, целесообразности свадебного обряда и сопровождающих его песнях. Их в Верхнем Мамоне удалось записать достаточно много — 44, а вместе с другими селами — 95.

Думаю, что в настоящее время традиционных песен уже в таком количестве не собрать.

Из того, что было записано, можно отметить настоящие шедевры южнорусского фольклора. Это, во-первых, протяжная песня «Батюшка наш Дон». Ее напев широко распространен в казачьей традиции, однако в селе Верхний Мамон она распета по-особенному протяжно, по-русски. Эту песню в настоящее время поют многие фольклорные ансамбли, она стала визитной карточкой песенного фольклора Воронежской области.

Батюшка наш Дон, Дон Иванович,
Дон Иванович, е-я,
Доночек наш Ива... наш Иванович.
Про тебя ли, батюшка наш Дон, идет слава до-о-о-брая,
Слава добрая, е-я,
Идет ана, слава до... слава добрая.
На тваих ли крутых бирагах жувуть люди во-о-о-льные,
Люди вольные, е-я,
Живуть ани, люди во... люди вольные.

Особой яркой образностью отличается широко распространенная по всей России песня «Горы Воробьевские» о гибели молодца на чужбине. На одиноком кусте сидит орел и получает наказ от умирающего русского воина послать весточку на

родину. Каждый по-разному переживает известие о смерти: мать плачет, как река льется, сестра — как ручей течет, а жена — как утренняя роса блестит, выглянет солнце — высохнет.

Свой неповторимый мамонский распев имеют распространенные в Воронежской области песни «Ишла бабочка долиною», «Можно ль, можно ль в доме разгуляться», «Растет, цветет черемушка — тонка, высока».

Из песен свадебного репертуара самой популярной и хорошо сохранившейся во всех селах Верхнемамонского района является величальная молодым — «Нагнулася к нам яблонька на двор». Многие свадебные напевы неотделимы от обряда, поскольку выполняют ритуальную функцию. По структуре и содержанию эти песни являются типичными для южнорусской традиции и особенную близость обнаруживают с песнями воронежско-белгородского пограничья (междуречье правых притоков Дона — Тихой Сосны и Потудани).

Хороводные и плясовые песни, такие как «У нас по Дону, по Доночку», «Доношка-любушка» не имеют устойчивой хореографии, пляска под эти песни — спонтанная. Слова «пересек», обозначающего пляску в западных районах Воронежской области, местные жители даже не слышали. Исключение составляет орнаментальный хоровод «Ты заря моя, зорюшка», который в наши дни уже не сохранился, но о нем есть рукописные воспоминания собирателя П.А. Макиенко, видевшего хоровод в 60-е годы XX века. Была в Верхнем Мамоне распространена и хороводная игра с выбором пары — «Скоро еду во Китай-город гулять».

Казачье влияние на традицию проявляется в заимствовании некоторых песен, характерных именно для казачьей культуры: «Ты, казачек мой честной» (с. Верхний Мамон), «Груша ты, кудрявая» (с. Дерезовка), «Проснется день красы моей» (с. Дерезовка), «За Уралом, за рекой гулял казак молодой» (с. Нижний Мамон), «Вдоль по линии Кавказской» (с. Нижний Мамон).

Конечно, в каждом селе есть песни, заимствованные от украинских переселенцев, они очень любимы в народе за их мелодичность и простоту гармонического языка.

Сегодня многое из того (если не все) уже ушло из сельского быта. Однако возможности для возрождения и костюма, и песенной традиции, и красивейшего старинного свадебного обряда есть. Сохранились записи прекрасного ансамбля «Данкори» села Верхний Мамон, записи носителей традиционной культуры из многих сел. Осталось только дожидаться энтузиастов, которые захотят вернуть в быт былую славу и красоту традиционной народной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Воронежская энциклопедия / Гл. ред. М.Д. Карпачёв — Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2008. — В 2-х тт.

² Сообщила Линь А.Т., 1920 г.р., из с. Ольховатка. Архив КНМ ВГИИ, № 1257/1.

³ Сообщила Ильшакова М.С., 1919 г.р., из с. Осетровка. КНМ ВГИИ, № 662/2.

⁴ Экспедиционные материалы ВГИИ и ВГУ по календарным обрядам Верхнемамонского района частично опубликованы в книге: Календарные обряды и обрядовая поэзия Воронежской области /сост. Пухова Т.Ф., Христова Г.П. Воронеж: ВГУ, 2005.

⁵ Сообщила Крегова Н.М., 1929 г.р., из с. Нижний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 192/23.

⁶ Сообщила Волобуева А.В., 1923 г.р., из с. Лозовое. Архив КНМ ВГИИ, з 1034/9.

⁷ Сообщила Курдюкова Р.С., 1932 г.р., из с. Нижний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 192/24.

⁸ Сообщила Неврева Е.А., 1917 г.р., из с. Осетровка. Архив КНМ ВГИИ, № 661/16.

⁹ Сообщила Филатова М.С., 1930 г.р., из с. Гороховка. Архив КНМ ВГИИ, №857/19.

¹⁰ Сообщила Головина Е.В., 1909 г.р., из с. Гороховка. Архив КНМ ВГИИ, № 856/8.

¹¹ Сообщила Неврева Е.А., 1917 г.р., из с. Осетровка. Архив КНМ ВГИИ, № 661/14.

¹² Сообщила Неврева Е.А., 1917 г.р., из с. Осетровка. Архив КНМ ВГИИ, № 661/3.

- ¹³ Записана от ансамбля с. Верхний Мамон. Личный архив Г.Я. Сысоевой.
- ¹⁴ Сообщила Неврева Е.А., 1917 г.р., из с. Осетровка. Архив КНМ ВГИИ, № 661/4.
- ¹⁵ Сообщила Неврева Е.А., 1917 г.р., из с. Осетровка. Архив КНМ ВГИИ, № 661/18.
- ¹⁶ Сообщила Бочарникова М.Х., 1927 г.р., из с. Гороховка. Архив КНМ ВГИИ, № 861/25.
- ¹⁷ Записана от ансамбля с. Верхний Мамон в 1986 году. Личный архив Г.Я. Сысоевой.
- ¹⁸ Сообщила Бочарникова М.Х., 1927 г.р., из с. Гороховка. Архив КНМ ВГИИ, № 860/12.
- ¹⁹ Календарные обряды и обрядовая поэзия Воронежской области /сост. Пухова Т.Ф., Христова Г.П. Воронеж: ВГУ, 2005, с. 104.
- ²⁰ Там же, с. 116.
- ²¹ Свадебные песни Верхнемамонского района Воронежской области / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Т.Ф. Пухова, Г.Я. Сысоева. — Воронеж: Центрально-Чернозёмное книжное издательство, 1999. — 125 с.: нот.
- ²² Сообщила Казакова П.И., 1917 г.р., из с. Верхний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 351/1.
- ²³ Сообщила Колесников П.П., 1902 г.р., из с. Нижний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 154/8.
- ²⁴ Сообщила Казакова П.И., 1917 г.р., из с. Верхний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 351/1.
- ²⁵ Сообщила Колесников П.П., 1902 г.р., из с. Нижний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 154/8.
- ²⁶ Сообщила Нестерова М.С. из с. Верхний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 139/8.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Сообщила Казакова П.И., 1917 г.р., из с. Верхний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 351/2.
- ²⁹ Сообщила Казакова П.И., 1917 г.р., из с. Верхний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 138/2.
- ³⁰ Сообщила Колесников П.П., 1902 г.р., из с. Нижний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 154/11.
- ³¹ Сообщила Казакова П.И., 1917 г.р., из с. Верхний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 138/4.
- ³² Сообщила Нестерова М.С. из с. Верхний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 139/13.
- ³³ Сообщила Капёнкина С.М., 1909 г.р., из с. В. Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 073/12.
- ³⁴ Сообщила Казакова П.И., 1917 г.р., из с. Верхний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 351/13.
- ³⁵ Сообщила Казакова П.И., 1917 г.р., из с. Верхний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 351/15.
- ³⁶ Сообщила Капёнкина С.М., 1909 г.р., из с. В. Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 195/29.
- ³⁷ Сообщила Казакова П.И., 1917 г.р., из с. Верхний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 351/24.
- ³⁸ Сообщила Казакова П.И., 1917 г.р., из с. Верхний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 351/28.
- ³⁹ Сообщила Казакова П.И., 1917 г.р., из с. Верхний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 351/30.
- ⁴⁰ Сообщила Нестерова М.С. из с. Верхний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 139/16.
- ⁴¹ 50 русских народных песен сел Верхний Мамон и Россось Воронежской области / ред. Е. Гиппиус и А. Медведев. — М. 1985.





Эмиль Алексеевич Абросимов родился в 1939 году в селе Оськино Хохольского района Воронежской области. Окончил отделение журналистики Воронежского государственного университета. 53 года работал в районной печати, в том числе более 40 лет в редакции Верхнемамонской районной газеты — обозревателем, зам. редактора, редактором. Лауреат многих региональных творческих конкурсов, награжден знаком «Отличник печати». Живет в Верхнем Мамоне.

Эмиль Абросимов

ЧАЙНИК ПУШКИНА

(Легенда от директора музея крестьянского быта Николая Кутепова)

И поныне, когда на Нижний Мамон опускаются сумерки, в местах, где пролегла царская дорога — Большой Черкасский тракт — творятся всякие странности. То, нарушая привычную тишину, в самую полночь вдруг загадочно зашуршат у обочины травы, то неизвестно откуда налетит ветер и, кажется, принесет глухой топот приближающегося экипажа, тихое позвякивание колокольчика, сонную ямщицкую песню без слов... Совсем оторопь берет, когда сквозь низкие облака пробьется луна, и в ее рассеянном сиянии встанет впереди полосатый верстовой столб. Встанет — и пропадет, снова появится — и опять исчезнет. В предрассветном же мареве вовсе открываются видения одно другого занятнее — то всадник во всем белом бесшумно пронесется мимо, то счастливый женский смех разольется и умолкнет за кустами, то раздадутся непонятные грозные окрики... Не успеешь прийти в себя, как из тумана выплывают тени построек: каретные сараи, конюшни, колодец с журавлем и желобом для водопоя, кузница с мерцающим огнем. Верь не верь глазам своим, а что-то подсказывает — никак почтовая станция... Но стряхнешь наваждение и видишь, что подходишь всего лишь к заброшенной колхозной ферме.

Примечательно, что по каждому такому случаю есть живые очевидцы, которые трижды божатся, что именно так, а не иначе, все и было. О них, о чудесах на тракте, может часами ведать и бессменный директор Нижнемамонского музея крестьянского быта Николай Тихонович Кутепов. Как он при этом преобразается! Лихо смахивается с головы кепка, и короткая

стрижка серебрится ковыльной сединой, а глаза вспыхивают голубой искрой. Плечи расправляются, будто он в солдатском строю. В такие моменты лучше не перебивать Кутепова вопросами, а тем более высказывать сомнения — очень уж он красноречив и убедителен. Да и в самом-то деле, сколько разных тайн, сколько загадок хранит уже навечно затерянный в прошлом Большой Черкасский тракт! И одна из самых трогательных тайн-загадок — Александр Сергеевич Пушкин.

— Так проезжал ли Пушкин Нижний Мамон? Да, и еще раз да! — усиливает голос Кутепов и, взяв указку, ведет меня к карте, начертанной два века назад. — Не мог не проезжать. Причем дважды. Весной и осенью 1829 года. Вот она, единственная возможность добраться из Москвы на юг России — Большой Черкасский тракт, и вот она — Нижнемамонская почтовая станция, дальше большака уходит за село до хутора Ковылянского.

Коллежский секретарь Александр Пушкин в ту пору, как известно, попал в немилость властей. Не по службе, а за стихи. И он, горячая голова, презрев гонения, самовольно махнул на Кавказ, в действующую армию, осаждавшую Арзрум, можно сказать, под пули горцев. Последний губернский город Воронеж проехал спешно, без остановки: опасался ареста. «Наконец, — напишет он впоследствии, — увидел я воронежские степи...»

На третий день после Воронежа, очевидно, он подвезжает к Нижнему Мамону, обозревая наши воистину волшебные места. Справа — степь да степь кругом, слева — за Мамонкой, речкой, бушуют луга. Совсем рядом, то здесь, то там из-за зарослей тальника и осин заманчиво поблескивает Дон. Но встреча с ним у поэта будет уже на обратном пути...

Блеща средь полей широких,
Вот он льется! Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далеких
Я привез тебе поклон.

Тут я, да простит меня читатель, прерву Кутепова. Потешные все-таки эти люди, краеведы. Вот и Николая Тихоновича почти полвека знаю и не перестаю удивляться его неуемности. Когда он в молодые годы ходил со своей женой Любашей по сельским дворам, собирая, на беглый взгляд, самый на-

стоящий хлам, многие считали это забавой. Мол, пройдет со временем. Не прошло.

Сельская библиотека, где работали Кутеповы, наполнялась и наполнялась старинными вещами, во всех закутках громоздились находки. Их тематические выставки невольно притягивали внимание посетителей: все просто и знакомо, а ведь интересно! И уже сами односельчане по собственной воле стали подключаться к поиску всего, что имело отношение к прошлому веку. И вот однажды почтальон с перехваченным дыханием поспешила на второй этаж Дома культуры, где была библиотека.

— Чайник Пушкина нашелся! — выдала она с порога.

В народе давно ходила такая молва, что поэт, проезжая село, общался с нижнемамонским пастухом и одарил его чайником.

— У кого? — не поверил ушам своим Кутепов.

— Да у бабки Насти Ефимьевой. В кои веки полезла на чердак старой хаты и под балкой.

Кутепов сразу на велосипед и покатил к обладательнице чайника самого Пушкина...

— Так вот внимай и не перебивай, — рассказывает Николай Тихонович. — После Егорина дня это случилось. Дед Ефимьев с внуком пас коров в яру, который у нас Обвальней зовется. Не успеет снег сойти, а там всякие злаки вымахивают, как на дрожжах. К обеде стадо разговелось после зимнего поста, угомонилось и легло. Дед скомандовал внуку глядеть за ним, а сам поднялся на большак. В спину солнце греет, парко. Дед, опершись бородой на посох, стал подремывать. А очнулся и видит: несется по тракту в пыльном облаке тройка. Лошадиная упряжь, карета — все, как новенькое, золотом блестит. Бубенцы перезваниваются, будто в церкви. «Никак сам царь-батюшка», — смекнул дед, и испуг пронизал его с головы до пят. Раньше-то проезд царя глазеть черни не позволялось. Как ни пытался дед сдвинуться с места, убежать не получилось — окаменели ноги. Ничего не оставалось, как пасть на колени, и, осенив себя крестом, удариться челом оземь, да так, что котомка с плеча свалилась, и замер в недобром предчувствии. Слышит — тройка бег замедлила, а вскоре и вовсе стала. Уже кто-то в плечо его толкает, голос раздается:

— Чего тебе надобно, старче?

Дед с повинной:

— Смилуйся, государь! Ни слухом ни духом не ведал, что Высочество ваше проезжать будет.

— Не царь я, — слышится в ответ. — Встань, к лицу ли тебе, бороде, перед всяким проезжающим ниц падать.

Поднялся дед с колен, взглянул на путника — ликом он смуглый, волос чернявый, изпод панского котелка кучери выбиваются, взгляд лукавый, но не злобливый, руки ловкие тростью поигрывают.

— Не суди строго, барин, — кается дед. — Кто же ты будешь, ежели не царь?

— Не царь я, — повторяет путник. — Я поэт. Пушкин.

И дед ему на радостях:

— Не побрезгуй, добрый барин, моим угощением.

Достаёт из котомки жбанчик, травяной у нас зовется, в ней при любой жаре что налито — прохладно. Выдергивает дед пробку из отбеленного полотна, и по краю горловинки запенился хлебный квас — сам просится, чтобы отведали. Отхлебнул его Пушкин и раз, и два в удовольствие. Пошел к карете, ямщику поднес. Дед осмелел, стал допытываться, далече ли барин путь держит.

— На Кавказ, к боевым товарищам, — отвечал Пушкин.

И дед хитрован слезу смахивает и к нему с поклоном:

— Я сам из служивых. Вели, барин, нашему обществу лошадь мне выделить, пала моя.

— Не могу, — развел руками Пушкин. — Не при власти я.

Огорчился дед, но виду не подал, только Пушкина не проведешь. Приоткрыл он дорожный сундук, вынул оттуда посудину, раньше дедом не виданную:

— Возьми, старче, этот чайник в подарок от меня и не обижайся.

Поклонился дед Пушкину: ступай себе с Богом. Тот сел в карету и был таков. А подарок господский в руках дедовых остался. От необъяснимого сердечного волнения поднял Ефимьев стадо и потурил коров в село, ко дворам. Гордо семенил за стадом и всем, кого ни встречал, показывал крутобокий синий чайник с эмблемкой на доньшке, с горлышком — будто тонкой длинной шейкой, как у птички, и ручкой железным коромысликом. На площади дед отдал чай-

ник внуку и велел нести его высоко над головой. Не умолкая, он повторял: «Самим Пушкиным чайник дарен».

...В конце встречи Николай Тихонович разливал по чашкам отвар целебных трав под стихи поэта:

Смеркалось. На столе блистая,
Шипел вечерний самовар,
Китайский чайник нагревая,
Под ним клубился легкий пар.
Разлитый Таниной рукою,
По чашкам темною струею
Уже душистый чай бежал...

— Ну, ладно, обойдемся без мальчика, который сливки подавал.

— Рукой-то не Татьяниной, — попытался уточнить я, — а Ольгиной.

— Да ладно тебе, знаю, что Ольга, но Татьяна Пушкину ближе.

— А что она делала?

— Э-э-э, задумавшись, моя душа прелестным пальчиком писала на отуманенном стекле заветный вензель О да Е.

— Все ясно. А чайник-то Пушкин, в самом деле, пастуху подарил?

— Что я тебе скажу: есть такая легенда, и пускай она будет. Суть-то не в чайнике, а в том, что Пушкин у нас в селе бывал. Это факт. Общался с нашими людьми, любопытствовал, не обижают ли бары. Донским воздухом, наконец, дышал. А мы, нижнемамонцы, им, Пушкиным, дышим. Сказительница Александра Костина изложила свою версию встречи поэта с пастухом. Раиса Турбина написала частушки, которые полюбили сельской художественной самодеятельности. Николай Машкин, издавший два сборника собственных стихов, признавался, что в детстве засыпал под сказки Пушкина, которые, заметь, по памяти читала ему бабка Катерина. Да и сам участок исчезнувшего тракта от Обвальней до хутора Ковылянского теперь не царской дорогой, а Пушкинским шляхом называется.

И пусть иронизируют самые научные пушкиноведы, но легенда о чайнике так прижилась в здешних краях, что разрушить ее им не по силам. Сама народная молва захотела, чтобы было хоть мало-мальски какое, но вещественное доказательство пребывания Александра Сергеевича на нижнемамонской земле. А места, где хотя бы тень Пушкина мелькнула, говорят, святы.

Департамент культуры Воронежской области

**Государственное бюджетное учреждение культуры Воронежской области
«Журнал «Подъём»**

Директор-главный редактор Щёлоков И.А.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчетливо читаемый.

Корректор Кобелева Л.В.
Компьютерная верстка Вовчаренко И.К.

Адрес редакции: 394036, г.Воронеж, пр.Революции, 3а.
Телефоны: директор-главный редактор — 253-14-50, заместитель директора-главного редактора, ответственный секретарь, отдел поэзии — 253-11-28, отдел прозы, производственный отдел, корректор — 253-11-34, бухгалтерия — 253-13-77, отдел верстки — 253-14-09.
Факс: 253-11-34.
Электронная почта: podiem@mail.ru
Сетевая версия журнала «Подъём»: <http://www.podiemvrn.ru>
Электронный архив журнала с №1, 2001 г. по №6, 2008 г.: <http://www.pereplet.ru/podiem>
Журнал «Подъём» зарегистрирован в Минпечати РФ.
Свидетельство № 331 от 03.10.1990 г.
ISSN 0130-8165.

*Рассылку журнала осуществляет цех экспедирования печати
Воронежского главпочтамта: 394068, г.Воронеж, ул.Лизюкова, 2, ЦЭП.*

*Во всех случаях полиграфического брака в журнале обращаться
в ООО «МЦЭС «ЭКОПРОМИНФО».*

Подписано в печать 04.04.17. Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,5.
Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «МЦЭС «ЭКОПРОМИНФО»:
394071, Воронеж, ул. 20 лет Октября, 73а.